

Д Ж О Н А Т А Н

К О О У

11

НОМЕР

11

18+

ph

Джонатан Коу

Номер 11

© Елена Полецкая, перевод, 2016

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016

© «Фантом Пресс», издание, 2016

* * *

Памяти Дэвида Ноббса [\[1\]](#) , указавшего мне
путь

— Это наследственное, понимаете?
Безумные, как шляпники, помешанные, чокнутые
— все до единого. Потому что, видите ли, Майкл,
наступает такой момент... — Он подался вперед
и ткнул шприцем в его сторону. — ...наступает
такой момент, когда алчность и безумие уже
практически неразличимы. Можно сказать, что
это одно и то же. И приходит еще один момент,
когда готовность мириться с алчностью,
сосуществовать с нею и даже способствовать ей
тоже превращается в безумие. [\[2\]](#)

Джонатан Коу. «Какое надувательство!»
(1994)

Черная башня

*Другая половина нашей планеты окутана
тенью и мраком.*

*Тони Блэр, речь в конгрессе США 17 июля
2003 г.*

1

Башня, черная, круглая и блестящая, вздымалась в небо, в шиферного оттенка небо позднего октября. Топая по пустоши в ту сторону, где за тучами пряталось солнце, Рэйчел с братом видели башню в обрамлении двух деревянных скелетов — ясеней, утративших листву. Под деревьями обнаружилась скамейка, откуда Беверли был как на ладони: крест-накрест пересекающиеся цепочки домов, а над ними — серовато-кремовые, в тон, шпили монументального кафедрального собора.

Николас плюхнулся на скамейку. Но не Рэйчел, в ту пору шестилетняя, восемью годами младше брата, — ей не терпелось подбежать к черной громадине, приблизиться к ней вплотную. Оставив брата отдыхать, она пошлепала по изрытой коровьими копытами грязи к подножию башни, а подойдя, прижала руки к блестящей черной кладке. Не отрывая ладоней от стены, Рэйчел задрала голову, поражаясь огромности башни, ее идеальной округлости, и ей чудилось, что башня опрокидывается назад, в хмурое низкое небо, в котором с протяжными криками нарезала круги стая грачей.

— Что здесь раньше было? — спросила она брата, когда тот подошел к ней.

Николас пожал плечами:

— Кто его знает. Может, мельница.

— Давай заберемся внутрь.

— Все входы заложены кирпичом.

Башню опоясывала деревянная скамья, Николас сел, и Рэйчел устроилась рядом, вглядываясь в его бледно-голубые непроницаемые глаза, и, несмотря на всю их холодность, она думала, как же ей повезло, как посчастливилось, что у нее такой брат, красивый и умный. Она надеялась, что со временем и ее волосы приобретут такой же светлый оттенок, губы — ту же идеальную форму, а кожа — бархатистую гладкость. Рэйчел прижалась к его плечу, но не слишком тесно. Быть надоедливой сестренкой-плаксой ей не хотелось, а еще она не хотела, чтобы Николас с чрезмерной ясностью осознал: в этом чужом и незнакомом городе без брата ей было бы совсем неважно.

— Что, замерзла? — Николас глянул на нее сверху вниз.

— Немножко. — Рэйчел чуть-чуть отодвинулась. — Интересно, у них там тепло?

— Конечно. Зачем ехать в отпуск туда, где холодно.

— Жалко, нас не взяли. — Рэйчел вздохнула.

— Не взяли — значит, не взяли. И хватит об этом.

Оба помолчали, и каждый в который раз тщился понять, по какой такой загадочной причине родители уехали без них, да еще в каникулы. Холод давал о себе знать, и Николас вскочил:

— Подъем. Иначе церкви нам не видать, скоро стемнеет.

— Не церкви, а собора, — поправила Рэйчел.

— Что собор, что старая большая церковь, разницы никакой.

Он быстро зашагал по тропе, ведущей к главной дороге; Рэйчел приходилось бежать, чтобы не отстать, но вскоре они сбавили темп, завидев двух человек, двигавшихся навстречу. Один в инвалидной коляске, точнее, одна — на вид старая-престарая, закутанная в шерстяные одеяла, оберегающие от предвечернего морозца. Лица ее они не видели: голова устало клонилась на грудь, шелковый платок сползал на глаза. Приглядевшись, дети поняли, что старуха крепко спит. Коляску по ухабистой тропе толкал молодой парень в кожаных байкерских штанах и куртке, толкал одной рукой, левую, нагруженную чем-то, он держал на отлете. Что он нес, издалека было не разобрать, но по мере приближения этих двоих «поноска» мало-помалу принимала очертания — и дети вытаращили глаза, — очертания птицы. Догадка внезапно и эффектно подтвердилась, когда «поноска» расправила впечатляющего размаха крылья и медленно ими захлопала — черный силуэт на фоне серого неба, скорее гибридный мифический зверь, нежели настоящая птица; во всяком случае, Рэйчел прежде ничего подобного не видывала.

Николас стоял не шевелясь, Рэйчел крепко стиснула его руку и с облегчением ощутила слабое ответное пожатие, его голая ладонь холодила ее ладошку даже сквозь толстые колючие варежки. Они растерянно смотрели, как парень в мотоциклетной коже ставит на тормоз кресло и что-то говорит птице, в ответ та послушно перелетает с его руки на подлокотник кресла. Высвободив таким образом обе руки, парень сперва позаботился о своей подопечной — поправил одеяла и понадежнее укутал старушку. А потом занялся птицей.

Рэйчел робко подалась вперед, пытаясь увлечь за собой брата.

— Ты куда? — одернул ее Николас.

— Нам ведь надо идти дальше, правда?

— Надо. Но, по-моему, лучше переждать.

Парень достал длинную бечеву с грузилом и медленными, размашистыми движениями принялся раскручивать ее над головой. Главная дорога была пуста, и стояла такая тишина, что дети отчетливо

слышали мерное, с оттяжкой, *всжжж* бечевы, рассекающей воздух. Они даже слышали хлопанье крыльев пустельги (теперь они не сомневались, это пустельга), когда птица взлетала, с убийственной меткостью нацеливаясь на мясо, привязанное к концу веревки, но, однако, всякий раз промахивалась, потому что парень уводил добычу у нее из-под носа, демонстрируя чудеса ловкости и быстроту реакции. Упустив мясо, птица падала вниз, почти до самой земли, и, перевернувшись, снова резко набирала высоту, а исчерпав длину своей параболы, зависала в небе на краткий миг и опять с нечеловеческой скоростью и неумолимостью снаряда падала вниз к заветному угощению — лишь затем, чтобы кусок снова в самый последний миг просвистел мимо ее хищного клюва.

После того как этот забавный ритуал повторился несколько раз, Николас с Рэйчел начали потихоньку продвигаться вперед. Парень не двигался с места, размахивая приманкой над головой, и дети благоразумно сошли с тропы, чтобы не попасть под траекторию бечевы. Но сокольничему этого показалось мало. Ни на секунду не отрывая глаз от птицы, он крикнул громко, угрожающе:

— В сторону, черт вас дерит! В сторону!

Но не свирепость окрика изумила детей, а голос — высокий, пронзительный и безусловно женский. И теперь, когда они находились всего в нескольких ярдах от натянутой как струна фигуры, облаченной в кожу, они поняли свою ошибку. Это была женщина — лет тридцати пяти, наверное; впрочем, оба часто промахивались, определяя возраст взрослого человека. Белые впалые щеки в пятнах румянца, волосы острижены до решительного и бескомпромиссного армейского «ежика», уши и нос усыпаны серебряными колечками и гвоздиками, вся шея расписана жутковатой сине-зеленой татуировкой, неведомо что обозначающей. Более страшной женщины Рэйчел никогда не встречала. Даже Николас, похоже, был озадачен. И, словно мало пугающей наружности, голос женщины звенел от возмущения наглостью каких-то детишек, что осмелились вторгнуться на территорию, принадлежащую исключительно ей и птице.

— Вон отсюда! Проваливайте! — орала она. — И подальше! Или вы совсем идиоты?!

Николас сжал руку сестры и круто повернул влево, прочь от опасной зоны. Они так торопились, что рванули едва ли не бегом. Лишь ярдов через двадцать дети остановились и оглянулись. Этот миг живой картиной навсегда отпечатается в памяти Рэйчел: Бешеная Птичья Женщина (так она будет ее называть) с яростной энергией и сосредоточенностью раскручивает приманку над головой; птица с несусветной скоростью и

напором бросается вниз на добычу и опять взмывает вверх, раздосадованная, но не смирившаяся с поражением; за их спиной черная башня, высокая, неприступная, клонящаяся к горизонту; перед ними — старуха в инвалидном кресле, очнувшись, она жадно наблюдает за птицей, ее ярко покрашенные губы растянуты в восторженной улыбке, и она подначивает пустельгу: «Давай, Табита! Не дрейфь! Хватай мясо! Табита, цап его!»

* * *

Собор Рэйчел совсем не понравился. Когда они вошли через северные ворота, направляясь к главному входу, башенные часы пробили четверть пятого, город уже погружался в сумерки. Тонкие ошметки тумана, что весь день плавали по улицам и закоулкам, обволакивали уличные фонари, окружая их мутноватым желтым сиянием. А потом свет потемнел до иссиня-черного и тьма сделалась столь плотной, что стены собора, к которым нехотя приближалась Рэйчел, были едва различимы — лишь слабое их подобие, намек на высоченную и грозную твердыню. Если на Вествудском лугу, у подножия Черной башни, Рэйчел лишь зябла, то теперь холод пробирал насквозь, безжалостный, неумолимый, и Рэйчел чудилось, будто ее кости обращаются в ледышки. Она дрожала, и сколько ни застегивала свой пуховик, сколь глубоко ни засовывала руки в карманы, набитые фантиками, согреться не удавалось. От холода и недоброго предчувствия Рэйчел едва тащилась, пока и вовсе не замерла на месте, буквально в двух ярдах от входа в собор.

— Что опять? — сердито спросил Николас.

— Нам обязательно туда входить?

— Почему нет? Если уж мы сюда приперлись.

Но Рэйчел медлила. Она не понимала, что с ней творится, но нежелание входить в собор все росло, постепенно мутируя в страх. Николас снова взял ее за руку, но сейчас в этом жесте не было ничего успокаивающего — он тащил ее к дверям.

Секунда, и они переступили порог собора, погруженного во тьму. Точнее, они оказались в маленьком темном притворе и не успели продвинуться дальше, как случилось нечто странное. Они думали, что в этом тесном пространстве они одни, но внезапно и совершенно бесшумно перед ними выросла фигура — вероятно, человек выступил из какого-то темного угла. Его появление было столь неожиданным, а шаги по каменным плитам столь беззвучными, что Рэйчел не сдержалась и вскрикнула.

— Прошу прощения, — сказал человек и наклонился к девочке: — Я тебя напугал?

Мужчина был невысок и внешне довольно необычен: белые, как у альбиноса, волосы, кожа светлая до прозрачности, бровей нет — по крайней мере, Рэйчел их не увидела. Одет он был в бежевый дождевик поверх светло-серого костюма, на шее очень широкий коричневый галстук по моде двадцатипятилетней давности, такие носили в 1970-е.

— Чем могу помочь? — Его дружелюбный тон скорее пугал, чем вызывал доверие. Человек слегка пришепетывал, и Рэйчел подумалось, что он шипит по-змеиному.

— Мы просто хотели осмотреть собор, — ответил Николас.

— В собор уже не пускают. Его закрывают в четыре часа.

Теплая волна облегчения окатила Рэйчел. Им не придется заходить внутрь. Сейчас они повернутся и пойдут домой, к бабушке и дедушке, в относительную безопасность их дома. И ночью Рэйчел не приснится кошмар.

— А-а... — разочарованно протянул Николас. — Ну ладно.

Мужчина потоптался в нерешительности.

— Что ж, давайте, — вдруг улыбнулся он и лукаво подмигнул, — побродите там несколько минут. Двери ведь еще не заперты.

— Правда? Это так любезно с вашей стороны.

— Без проблем, сынок. Если кто спросит, скажите, Тедди разрешил.

— Тедди?

— Тедди Хендерсон. Помощник старосты. Меня здесь все знают. — Дети не двигались с места, не будучи уверены в полномочиях нового знакомца. — Ну же, чего вы ждете?

— Отлично. Спасибо!

В один миг Николас исчез за массивной дверью, оставив Рэйчел перед выбором: последовать за ним или дожидаться его в притворе вместе с глумливо улыбающимся мистером Хендерсоном. Да о чем тут раздумывать? Даже не глянув на страшноватого помощника старосты, Рэйчел глубоко вдохнула и направилась следом за братом.

Снаружи собора было тихо, и в притворе тоже, но стоило ступить в обширное внутреннее пространство, как Рэйчел обволокла тишина абсолютно иного порядка. Всепоглощающая величественная тишина. Затаив дыхание, Рэйчел прислушивалась к ней, впитывала, проникалась ею. Затем шагнула вперед к центральному проходу, и, сколь бы легко и осторожно она ни двигалась, шаги ее звучали неуместно под этими молчаливыми сводами. Она огляделась в поисках Николаса — брата нигде

не было. Холод и темнота наседали со всех сторон. Тусклые электрические лампочки отбрасывали слабый свет на мощные стены, а впереди, у самого амвона, в большом подсвечнике мерцала горстка свечей. Но ничто не могло рассеять ощущение беспросветного мрака и неземной тишины. Куда подевался Николас? Рэйчел торопливо двинулась по проходу, беспокойно вертя головой. Он не мог далеко уйти, и, конечно же, она вот-вот его найдет. Девочка была уже у хоров, когда внезапно раздался звук, от которого у нее мурашки побежали по коже, — скрип, протяжный, вибрирующий и жутко громкий. Будто дверь закрылась. Рэйчел развернулась. Что это за дверь? Входная? Неужто мистер Хендерсон запер собор и ушел домой? Неужто один из ее самых тяжких, самых животных страхов — оказаться запертой в четырех стенах, в темноте, на целую ночь, в незнакомом и пустынном помещении — обретает плоть и кровь? Да что же это? Ей хотелось броситься назад, к двери, но ноги приросли к полу. Нерешительность парализовала ее. Слезы брызнули из глаз, и Рэйчел съежилась, охваченная ледяным ужасом.

За спиной послышался шорох, потом приглушенное бормотание. Она резко обернулась, и в тени под хорами ей почудились двое о чем-то беседующих людей. В порыве отчаянной храбрости Рэйчел выкрикнула: «Кто там?» Голоса тотчас смолкли, и один человек вышел из тени. Это был Николас. С огромным трудом Рэйчел подавила радостный вопль. Она кинулась к брату, обняла его. Он положил ей руку на плечо, но его жест отдавал рассеянностью, словно мыслями Николас был где-то далеко. На сестру он не смотрел и, казалось, не замечал, как она льнет к нему. Он высвободился из ее объятий, просто оттолкнув ее, и глянул туда, где только что с кем-то разговаривал; Николас хмурился, как если бы ему сообщили нечто, что его встревожило.

— Где ты был? — спросила Рэйчел с ласковым укором. А когда он не ответил, добавила: — И кто там стоял? С кем ты только что говорил?

— С одной из здешних смотрительниц. — Николас по-прежнему глядел в дальний угол собора. Потом тряхнул головой и тоном одновременно бодрым и нервным сказал: — Идем. Думаю, нам пора. Зря мы сюда явились.

Он устремился к главному входу, Рэйчел бежала за ним вприпрыжку, стараясь не отставать.

— Ник, погоди! Я за тобой не успеваю. Ну пожалуйста!

Дверь в притвор оставалась открытой, но вход в собор, он же выход во внешний мир, был уже заперт.

— Закрыто! — подергав ручку, объявил Николас, хотя это и так было

ясно.

— Знаю. Я слышала, как он запирает дверь. Тот человек со странными волосами.

— За мной, — бросил Николас.

Он быстро зашагал обратно, к хорам, и Рэйчел заторопилась следом.

— Куда мы идем? Как мы отсюда выберемся?

— Есть другой выход. Дверца в конце коридора. Та женщина так сказала.

Оглушенная страхом Рэйчел все же уловила нотку паники в голосе брата и окончательно пала духом. Если Николас испугался, значит, дела их по-настоящему плохи.

— Давай найдем ее, — дрожащим голосом предложила Рэйчел. — Она покажет нам, куда идти.

— Я не знаю, где ее искать.

Свечки уже задули, а теперь и вырубил все лампочки резким щелчком, что многократно усиленным эхом прокатился по стенам собора. Детей накрыла тьма. Лишь на северной стороне нефа еле мерцал единственный огонек.

— Нам туда, — сказал Николас. — Наверное.

Рэйчел попыталась схватить его за руку, но он уже шагнул к нефу. На этот раз ей пришлось бежать со всех ног, чтобы догнать брата. В считанные секунды они достигли маленького арочного прохода, ведущего в узкий коридор с низким потолком, в конце которого имелась дверь, помеченная табличкой «Запасной выход».

— Ффу-у-у... вот она, — выдохнул Николас. — Все нормально.

Рэйчел ступала вслед за ним по тесному коридору, но, прежде чем открыть дверцу, брат прислонился к стене, чтобы отдышаться. Он был явно взволнован.

— Что с тобой? — спросила его сестра. Николас молчал, и, повинувшись смутной догадке, Рэйчел уточнила вопрос: — Та женщина тебе что-то еще рассказала, да? Что?

Николас глянул на нее и, понизив голос до заговорщицкого шепота, начал:

— Она спросила, что я здесь делаю, и я ответил, что мистер Хендерсон нас впустил, и она сказала, что мы можем осмотреть собор, она не против. Но прибавила типа «что-то я не пойму». А потом...

Он умолк. Окаменевшая Рэйчел не сумела бы и рта раскрыть, но ее неподвижный взгляд, устремленный на брата, требовал, чтобы он закончил.

Николас медленно, с натугой сглотнул и продолжил шепотом уже не таким свистящим, но оттого не менее таинственным:

— А потом она говорит: «Это не мог быть Тедди. *Мистер Хендерсон уже лет десять как умер*».

Он глядел на сестру, ожидая ее реакции. Рэйчел смотрела на него без всякого выражения, до нее пока не дошел во всей его полноте смысл услышанного. Мысли от ужаса спутались. Но постепенно способность соображать вернулась.

— Значит... Это значит, что он... — Глаза ее расширились, и она зажала рот ладошкой.

Николас важно кивнул и, не говоря более ни слова, дернул дверную ручку, распахнул дверь и выскочил наружу, в холодный октябрьский вечер. Рэйчел ринулась за ним, они понеслись по дорожке к северным воротам в ограде собора и дальше, в город — к домам, магазинам и нормальной жизни. Николас легко обогнал сестру, и только когда, запыхавшись, остановился у кондитерской, Рэйчел удалось поравняться с ним. Этот спринтерский забег был физическим проявлением страха, смятения и опустошенности, и она тут же забыла об этой гонке. Глядя, как Николас тяжело дышит, согнувшись пополам, она снова захотела обнять брата, прижаться к нему, но что-то ее удержало. Подозрение закрадывалось в душу девочки. Рэйчел пригляделась к брату повнимательнее. Она уже снова могла рационально мыслить, сердце, минуту назад едва не вырывавшееся из груди, билось размереннее. И тут ее осенило. Плечи брата столь судорожно вздымались не от испуга, не от быстрого бега — от смеха. Николас *смеялся* — беззвучно, взхлеб, не в силах сдержаться. Однако она еще не догадалась, чем вызван этот смех. Его реакция на то, что они совсем недавно пережили, была совершенно необъяснимой.

— Ты чего? — спросила она. — Что тебя так рассмешило?

Николас выпрямился. От смеха у него текли слезы, говорил он с трудом.

— Твое... твоё лицо, — выдавил он, брызнув слюной. — Твое лицо, когда я плел эту байку.

— Какую байку?

— О господи, надо же, это было бесподобно. — Смех понемногу отпускал его, и он заметил наконец, что сестра тарачит на него глаза в полном недоумении. — Ну, о том малом, что впустил нас в церковь.

— То есть о призраке?

Николас опять расхохотался:

— Да нет же, *дуреха*. Никакой он не призрак. Я все это выдумал.

— Но та женщина, она ведь говорила...

— Ничего она не говорила, только подсказала, как оттуда выйти.

— Но разве?..

И в этот миг она поняла — не только то, что произошло, но и всю жестокость розыгрыша. Мальчику, которому она доверяла, единственному человеку, у которого надеялась найти утешение, хотелось лишь помучить ее. Из всех сегодняшних ужасов этот был наихудшим.

Она не раскричалась, не разревелась, не обругала его. Но впала в оцепенение и произнесла лишь, едва шевеля губами:

— Ты гадкий, ненавижу тебя.

Повернулась и зашагала прочь, без малейшего представления, куда идет. И по сей день Рэйчел не может объяснить, как она сумела найти дорогу к дому бабушки и дедушки.

2

Парадокс вот в чем: ради сохранения моего психического здоровья я должна признать, что, вероятно, схожу с ума.

Есть ли у меня альтернатива? О да: поверить, что увиденное однажды ночью реально. А если я разрешу себе в это поверить, то наверняка тронусь умом от ужаса. Словом, я в западне. Зажата между тем или иным выбором, между двумя дорогами, и по какой из этих дорог ни пойдешь, уткнешься в безумие.

Проблема в тишине. В безмолвии и пустынности. Это и довело меня до ручки в прямом (я же взялась за перо) и переносном смысле. Я и представить не могла, что в столь огромном городе есть дом, погруженный в такое безмолвие. Правда, уже не первый месяц я вынуждена мириться с шумом, что производят рабочие на участке, долбя землю и копая, копая. Впрочем, работы подходят к концу, и по вечерам, по завершении рабочего дня, на дом опускается тишина. Тогда-то и разыгрывается мое воображение (это *действительно* лишь мое воображение, нельзя отступить от этой мысли), и в темноте и тишине я начинаю слышать всякое: звуки, но совсем иные. Скрип, шорохи. Шевеления в брюхе земли. Что же касается виденного мною той ночью, это длилось считанные секунды — когда в глубине сада мелькнули черные тени, а потом очень ясно и четко я увидела некое *существо*, не то человека, не то зверя... Но такое же не могло случиться на самом деле. Это было видение, скорее всего навеянное каким-то воспоминанием, вернувшимся, чтобы терзать меня. Вот почему я

решила порыться в своей памяти, посмотреть, не извлеку ли я из нее что-нибудь полезное, и тогда, может быть, пойму, что за послание она хочет мне передать.

Имеется еще одна причина, и довольно банальная, по которой я «пачкаю» эти страницы: мне скучно, и эта скука — конечно, скука, и ничто иное! — доводит меня до безумия, провоцируя идиотские галлюцинации. Нужно чем-то занять себя, реальным делом (естественно, я полагала, что буду занята с утра до вечера, работая в этой семье, но мои обязанности здесь довольно странные, не совсем те, на какие я рассчитывала). И я придумала: буду писать. Последний раз я всерьез занималась сочинительством на первом курсе в Оксфорде, хотя Лора незадолго до отъезда говорила, что я должна продолжать писать, и что ей нравятся мои сочинения, и что она считает меня талантливой. В устах Лоры это много значило. Необыкновенно много, если не всё.

Лора добавила также, что для писателя очень важна дисциплина. Начинать нужно с начала и описывать все по порядку. Думаю, она исходила из того же принципа, когда рассказывала мне о своем муже и Хрустальном саде. Я же пока только и делаю, что перескакиваю с одного на другое.

Ладно, пора заканчивать с бессвязной болтовней и приниматься за рассказ о втором визите к дедушке и бабушке летом 2003 года. На сей раз я приехала в Беверли не с братом, но с Элисон, моей любимой подругой Элисон, которую я вновь обрела после многих лет отчуждения, наступившего по абсолютно загадочным для меня причинам, и теперь наша бесценная дружба возрождается. Это наша история, исключительно наша, о том, как мы сблизились и подружились, пока неведомые — если не сказать кретинские — силы не вмешались и не развели нас. А кроме того, речь здесь пойдет о...

Нет, стоп, нельзя выкладывать все и сразу. Давайте-ка вернемся к самому началу.

3

Тело доктора Дэвида Келли, инспектора ООН по вооружению, было обнаружено в 8.30 утра в пятницу 18 июля 2003 года. Полиция Оксфордшира нашла его примерно в миле от деревни Лонгворт, на холме Хэрроудаун, в лесу, куда добраться можно только пешком и где доктор Келли иногда прогуливался после обеда, о чем знали многие. Власти поспешили вынести вердикт: смерть в результате самоубийства.

Смерть эта привлекла огромное внимание. Желая поддержать американское вторжение в Ирак, Тони Блэр старался убедить британцев в том, что режим Саддама Хусейна представляет серьезную угрозу безопасности Британии. В досье, подготовленном правительством, кроме всего прочего, утверждалось, что Саддам Хусейн располагает оружием массового поражения, которое можно нацелить на Великобританию за каких-нибудь сорок пять минут. После беседы с доктором Келли журналист Би-би-си выразил сомнения в истинности этого утверждения, отметив, что досье излишне «драматизировано» с целью оправдать британское участие в войне. Все знали, кто такой доктор Келли — ведущий британский эксперт по вооружению, и после этого интервью он мигом сделался фигурой противоречивой и политически неудобной.

Не знаю даже, почему я так часто вспоминаю о смерти Дэвида Келли. Наверное, потому, что в мои тогдашние десять лет на меня впервые произвела впечатление новость государственного масштаба. А еще, возможно, потому, что это известие породило в моем воображении жуткую картину: одиночество смерти, покойник, найденный спустя много-много часов в глухом лесу, куда мало кто заходил. Либо меня подстегнула реакция бабушки и дедушки: они не сомневались, что это необычная смерть, что она чревата последствиями и от нее, как от камня, брошенного в воду, рябь беспокойства и недоверия распространится по всей стране. Британия уже не будет прежней: в ней поселятся тревога и подозрительность.

О докторе Келли я узнала из вечернего выпуска новостей, почти сразу после того, как мы с Элисон приехали в Беверли. Дедушка привез нас на машине из Лидса, где мы, едва не плача, будто предчувствуя беду, попрощались с нашими матерями: они улетали в отпуск вечерним рейсом. В доме бабушки и дедушки мы с Элисон первым делом поднялись в комнату, обжитую мною в прежние посещения; иногда я спала там одна,

иногда с братом. Сумки мы распаковали минуты за две, и Элисон вышла в сад. Немного погодя спустилась и я, чтобы последовать за ней, но по пути заглянула в гостиную к дедушке с бабушкой — в этот момент новость меня и настигла. Старики вперились в экран телевизора — прежде, застав взрослых в такой позе, я тихонько уходила прочь, но на этот раз что-то вынудило меня прислушаться. Я шагнула в гостиную, села на диван рядом с бабушкой, она словно не заметила моего появления. Телерепортер говорил исполненным значительности голосом на фоне сделанных с вертолета снимков густо-зеленого леса английской глубинки. Атмосфера, что в комнате, что в телевизоре, была непривычной, раньше я в такую не попадала (или не чувствовала ее), — накаленной, выжидательной, сгустившейся от шока и дурных предчувствий. Молча я сидела и смотрела, толком не понимая, что происходит, но одно по крайней мере усвоила: погиб человек, профессор из Оксфордшира, каким-то образом связанный с Ираком и оружием, и его смерть всех очень огорчила и взволновала.

Когда репортер закончил, дедушка обернулся к бабушке:

— Ну что, так-то вот, да? Теперь у него руки в крови.

Бабушка не ответила. Поднялась с дивана — медленно, с усилием — и поплелась на кухню. Я направилась за ней.

— Что это значит? — спросила я.

Бабушка шарила в шкафчике.

— Ты о чем, голубушка?

— О том, что дедушка сказал. Что он имел в виду?

Ба цокнула языком, не прерывая поисков:

— Ой, да не слушай ты его. Ему бы только поумничать.

Ответ меня не слишком удовлетворил, но не успела я попросить бабушку выразиться поопределеннее, как на кухню ворвался дедушка с попреками:

— И почему ты не сказала, что накрываешь к чаю? Мы же договорились, что чаем займусь я. Иначе эти девчонки тебя вымотают.

Ба развернулась к нему всем телом:

— Сколько тебе повторять? Я не устала.

— Все равно, — упорствовал дедушка, — тебе нужно побольше отдыхать. Дай я накрою на стол.

Оставив их препираться, я вышла в сад и позвала Элисон, а потом мы сидели вчетвером за кухонным столом, поедая поджаренный хлеб с сардинами и помидорами. Дедушка был не в духе и больше помалкивал. А я все думала о новостях, о мертвом докторе, которого нашли сидящим под деревом где-то в Оксфордшире. И о словах дедушки насчет неведомого

мне человека с руками в крови. Все это было очень таинственно и тревожно. Так что беседу за столом поддерживали только бабушка и Элисон. Ба спросила, что она собирается делать, пока гостит здесь, и Элисон ответила, мол, да что угодно и вообще каких-то особых планов у нее нет.

— Надеюсь, тебе не покажется, что у нас здесь слишком тихо, — сказала бабушка. — Ты ведь не в большом городе, сама понимаешь.

Под «большим городом» она подразумевала Лидс — по ее представлениям, переполненный людьми, грохочущий мегаполис, хотя район, где жили мы с Элисон, был совсем не таким.

Чуть позже, когда мы выбежали в сад, Элисон спросила:

— А что *ты* собираешься делать здесь целую неделю? Без обид, но твои бабушка с дедушкой, они как бы слегка... старые.

— Не знаю, — пожалала я плечами. — Придумаем что-нибудь. Тут рядом вересковая пустошь, и лес, и деревья разные. (У Эллис этот набор восторга не вызвал.) — Ну-у-у... библиотека здесь тоже есть.

— Библиотека? Здорово. Всю неделю читать книги.

— Они и диски с кино наверняка выдают.

Я рассердилась. В конце концов, мы сделали Элисон одолжение, пригласив ее сюда. Она даже не входила в число моих лучших школьных подруг.

— А что в этом сарае? — поинтересовалась она. — Пойдем глянем.

Мы порылись в дедушкином сарайчике с односкатной крышей. Добыча была скудной: крикетная бита и парочка очень старых теннисных мячиков. Вытаскивая из-под груды хлама в дальнем углу нечто, похожее на скакалку, я взвизнула и выскочила на лужайку.

— Что?! — бросилась ко мне Элисон.

— Там полно пауков. Терпеть их не могу.

— Правда? А что такого ужасного в пауках?

— Ты не слыхала об арахнофобии? — огрызнулась я.

Вряд ли Элисон было знакомо это слово. От прямого ответа она уклонилась, заметив:

— Ты ничем не лучше моей мамы. Стоит ей завидеть паука, как она прямо на стенку лезет, особенно если паук большой. Однажды она даже в обморок упала. Честное слово.

Элисон определенно считала такое поведение позорным, я же ее маме сочувствовала всей душой. Не желая развивать эту тему, я огляделась по сторонам:

— Как по-твоему, мы сумеем забраться вон на то дерево?

Дерево росло в глубине сада, и, пока мы шагали к нему, я вдруг осознала, что хотя с фасада дом бабушки с дедушкой импозантностью и не отличался, сад за ним был огромен. Лужайка в два яруса, каждый с легким наклоном, поэтому дерево стояло как бы на пригорке, почти на уровне первого этажа дома.

Не знаю, зачем я предложила вскарабкаться на дерево. Дома я любила брать в библиотеке старые детские книжки про то, как детишки обеспеченных родителей отрывались в деревне: устраивали пикники, сооружали шалаши и хватали злодеев из местных, когда те замышляли недоброе. Деревья в этой вселенной существовали исключительно для того, чтобы по ним лазать. Так почему бы и нам с Элисон тоже не забраться на дерево? Это была слива (о чем я позднее узнала от бабушки) с толстыми, крепкими на вид ветками, едва не касавшимися земли, но двух сугубо городских девочек вроде меня и Элисон, проживавших в домах разве что с клумбой во дворе, перспектива подняться наверх все равно немного пугала.

Первой решилась Элисон и на удивление быстро и ловко одолела примерно три четверти высоты ствола. Расхрабившись, я полезла за ней.

— Прикольно, — сказала она, когда, усевшись на ветке, мы принялись обозревать окрестности.

С дерева открывался отличный вид на соседние участки, да и на всю округу. Куда ни глянь, везде ухоженные сады, похожие на наш: подстриженные лужайки, пруды с лилиями, садовая мебель — верные признаки неброской уютной жизни без приключений. По ту сторону ограды за белым пластиковым столиком сидела семейная пара примерно того же возраста, что бабушка с дедушкой, перед ними стояли бокалы с белым вином и пластиковая же миска, наполненная чипсами. Они увидели нас, и Элисон весело помахала, крикнув:

— Эй, привет!

Мужчина лишь скользнул по нам взглядом, а женщина приподняла руку в несколько настороженном ответном приветствии.

Не помню, как долго мы там сидели, нам понравилось на дереве. Теплым мягким июльским вечером мы могли бы просидеть на ветке и дотемна. В какой-то момент Элисон посмотрела на часы.

— Наши мамы вот-вот взлетят, — сообщила она.

— Девочки, как насчет пирога? — это ба вышла из задней двери.

Я спускалась первой, медленно, боязливо. Элисон же рискнула спрыгнуть с высоты около пяти футов и тяжело приземлилась на подогнувшуюся левую ногу.

— Уй, блядь! Черт подери!

Я вытаращилась на нее и покраснела. Никогда и ни за что не осмелилась бы я произнести столь грязное ругательство, даже если бы рядом не было взрослых. Но размышления о пристойности речи пришлось оставить на потом. Элисон корчилась от боли. Она даже подняться не смогла.

— Я позову бабушку.

Вернулась я и с бабушкой, и с дедушкой. Втроем мы помогли Элисон встать, и она захромала к дому, опираясь на наши плечи.

— Джинсы долой, — приказала ба, когда Элисон, ойкая, опустилась на кухонный табурет. — Давай-ка посмотрим, что у тебя с ногой.

Дедушка топтался вокруг нас, но бабушка глазами велела ему: «Уйди!» Намека он не понял, и она расшифровала:

— Ладно, Джим... исчезни.

Когда Элисон начала стягивать с себя джинсы, до дедушки наконец дошло.

— Я, пожалуй... подышу воздухом, — пробормотал он.

Бабушка тщательно осмотрела ногу Элисон, но ничего серьезного не обнаружила.

— Синяка нет, — подытожила она. — И царапин не видать. Правда, немножко припухло. — Ба легонько надавила пальцем на бугорок над коленкой Элисон.

Элисон опять ойкнула.

— Это уже давно. Так, ерунда какая-то.

Бабушка намазала припухлость кремом, после чего Элисон решила, что природы с нее хватит, и уселась перед телевизором. А я опять побрела в сад, где дедушка разговаривал через ограду с соседом, с тем самым, чья жена помахала нам.

— Здравствуй, — обратился ко мне сосед, улыбаясь во весь рот; лицо у него было красным, волосы белыми. — Тебя ведь Рэйчел зовут?

— Да.

— Помню, как ты приезжала сюда раньше. Но с тех пор ты изрядно подросла.

— Спасибо, — ответила я, полагая, что он хотел сделать мне комплимент.

— И на этот раз ты привезла с собой черненькую подружку, как я вижу.

Этим он смутил меня окончательно. Мне бы в голову не пришло назвать Элисон «черной», и более того, я никогда не слышала, чтобы в школе кто-нибудь обращал внимание на цвет ее кожи. Я опять промямлила

«спасибо» — что прозвучало довольно глупо — и спросила себя, почему этот странный человек так сладко мне улыбается.

4

Смерть — это истинный финал, бесповоротный. Знаю, суждение не оригинальное, я лишь хочу сказать, что тогда, в Беверли, я впервые это по-настоящему поняла. И да, наверняка по этой причине я не могу забыть смерть доктора Дэвида Келли. Впервые в мое сознание проникла реальность смерти. Если уж на то пошло, для меня это была первая смерть в нашей семье.

Прежде о войне в Ираке я почти ничего не знала, но с того момента я ощутила в себе перемену, словно переступила некую черту. Хороший человек умер, и его не вернуть обратно. А у нашего премьер-министра (вскоре я сообразила, кого имел в виду дедушка) руки в крови.

— Что бы о ней ни говорили, — сказал мне дедушка, — миссис Тэтчер никогда бы не допустила подобного безобразия. Она была великой женщиной.

— Он опять ее поминал? — спросила ба, когда мы с ней мыли посуду. — Пора бы ему сменить пластинку.

Она постоянно поругивала дедушку то за одно, то за другое, и, однако, я чувствовала, что эти старики куда более преданы друг другу, чем были мой отец и мать, пока они жили вместе. (К тому времени мама с папой расстались. Полагаю, те каникулы, что они провели вдвоем — отослав нас с братом в Беверли, — были последней отчаянной попыткой спасти брак. Стоит ли говорить, что попытка провалилась и с тех пор каждый идет своим путем.) Меня поразило, что дедушка старался не упускать бабушку из виду и сердился, когда она занималась чем-либо, требующим усилий, пусть и самых незначительных.

— Бабушка что, больна? — спросила я его на второй день после приезда в Беверли.

— С чего ты взяла? — буркнул он, не отрываясь от кроссворда в «Телеграф».

— Ну, ты ничего не позволяешь ей делать. Мама со мной так же нянчилась, когда у меня была ветрянка в прошлом году.

Дед поднял голову:

— Просто с месяц назад ее... слегка повело. И доктор велел глаз с нее не спускать, вот и все.

Типичная для моего дедушки манера высказываться, как я теперь понимаю. «Слегка повело» в действительности было эпилептическим припадком, и бабушке в больнице (спустя четыре недели) сделали томографию мозга. Теперь они дожидались результатов и оба слегка нервничали. Наиболее вероятным объяснением припадка была опухоль мозга, и они знали, что от злокачественной глиомы умирают в течение нескольких месяцев.

Конечно, тогда я ничего не понимала. Не знала, что тень смерти во всей ее ужасной бесповоротности нависла над ними столь внезапно, без предупреждения. Но по крайней мере кое-что я подметила: ни одни из знакомых мне взрослых не были так близки друг с другом, как бабушка с дедушкой, и эта близость проявлялась не только в постоянной потребности быть рядом, видеть друг друга каждую секунду, но и в непрерывных — за неимением более удачного словосочетания — придирках, исполненных любви. Едва ли не каждое слово, обращенное к другому, затрагивало какой-нибудь нерв, провоцируя ответный всплеск раздражения, но это лишь свидетельствовало о почти невыносимой тревоге, в которой они жили, о любовном чувстве, вспыхнувшем с новой силой по причине угрожающих обстоятельств.

Верно, тогда я ничего не понимала, но внешние признаки переживаний, что одолевали стариков, от меня не укрылись. И в первые дни нашего пребывания в Беверли я всерьез обижалась на Элисон за ее совершенно бесчувственное, как мне казалось, отношение к тому, что происходит вокруг. Увидев, как бабушка с дедушкой сидят в саду ранним вечером, прихлебывая чай из кружек, а их руки, свисающие между стульев, сцеплены в легком пожатии, Элисон фыркнула:

— Нет, ты только глянь на этих двоих. Надеюсь, мы такими никогда не станем. — И она не упустила случая заметить, какие же они старые развалины.

У нас было мало общего, я это быстро поняла. Дружили наши матери, но не мы с Элисон. В школе мы редко сталкивались, и повода задеть друг друга не возникало, но когда мы оказались в одном доме и даже в одной спальне, наши отношения начали портиться с каждым часом. Кроме того, она досаждала мне привычкой выпрашивать, чем я в данный момент увлечена, чтобы затем присвоить это себе, но в каком-то оципанном виде. Типичный пример тому — смерть Дэвида Келли.

— Что ты делаешь? — спросила Элисон субботним утром, застав меня в гостиной после завтрака, когда я пыталась разобраться в статье из дедушкиной «Дейли телеграф».

— Читаю газету, — ответила я, хотя это было и так очевидно.

— С каких это пор тебя интересуют новости?

— Ты в курсе, что уже несколько месяцев идет война?

— А то, — дернула она плечом. — Но войны всегда идут. Моя мама говорит, что воевать глупо, а люди — дураки.

— Только на этот раз у нас не было выбора, потому что Ирак обзавелся ядерным оружием, нацеленным на нас, и им хватит сорока пяти минут, чтобы нас разбомбить.

— Да ладно тебе. Кто это сказал?

— Тони Блэр.

В глазах Элисон мелькнуло нечто, отдаленно похожее на любопытство. Она ткнула пальцем в газетную передовицу:

— А это кто тогда?

Я рассказала ей о Дэвиде Келли — все, что знала и сумела сформулировать, — добавив кое-что об обстоятельствах его смерти. Посередине моего довольно косноязычного повествования интерес Элисон опять угас, но она догадалась, что случай с доктором Келли меня беспокоит, и захотела разделить мое волнение и таким способом либо завоевать мое расположение, либо присвоить эту историю, объявить ее своей. Ухватилась она за одну-единственную деталь: тело доктора Келли обнаружили прислоненным к дереву на безлюдном участке лесистого холма.

— Вау, страшно-то как, — сказала Элисон, упуская, на мой взгляд, самое главное. — Представь, отправляешься утречком на прогулку, берешь с собой собаку или без собаки, и вдруг на тебе... чуть ли не спотыкаешься о труп.

— Никто точно не знает, почему он так поступил. Дедушка говорит, что виноват в этом Тони Блэр, но он терпеть не может Тони Блэра...

Элисон не слушала. Ей хотелось обсуждать только одну картинку — похоже, она прокручивала ее в голове, словно сцену из ужастика.

— Херово, — сказала она. — У меня бы, наверное, крыша поехала. Найти мертвеца посреди чащи, а вокруг ни души.

Я уставилась на нее, чувствуя, как меня распирает от ненависти: она опять употребляет эти мерзкие слова — находясь *в доме* моих бабушки и дедушки. Одернуть бы ее, отчитать, и я злилась на себя, потому что слова застревали в горле. Я была трусихой. Пугливой паинькой.

У Элисон имелось устройство, казавшееся мне в ту пору буквально волшебным. Называлось оно «айпод» и, хотя было лишь немного больше спичечного коробка, обладало способностью хранить тысячи и тысячи мелодий, так что его можно было повсюду носить с собой и слушать музыку — когда и где пожелаешь. Айпод был чудесно белоснежный, а в самом центре у него имелось колесико, которое щелкало, когда его покручиваешь кончиком пальца.

Несмотря на всю необъятную емкость айпода, Элисон, к моему неудовольствию, слушала только один альбом. Снова и снова, а когда сама не слушала, заставляла слушать меня.

— У твоей мамы хороший голос, — говорила я, вытаскивая из ушей немного липкие наушники и возвращая приборчик Элисон.

Честно сказать, песня, что Элисон включала для меня бог знает в который раз, мне не слишком нравилась. В те дни я, вопреки своей подростковости, увлекалась классической музыкой и моим любимым диском была запись «Реквиема» Форе.

— Она пела эту песню в «Топе»^[3], — каждый раз напоминала Элисон.

— Да, ты говорила.

— И она вообще известная певица.

— Знаю. Ты меня просветила. Только (я давно собиралась ей это сказать, но не могла придумать, как бы выразиться потактичнее) ...ведь это случилось уже давно, лет пять-шесть назад, да?

— Ну и что? — надулась Элисон и спрятала айпод в специальный мешочек. — Она и сейчас поет. Делает демоверсии и все такое. Никогда не поздно вернуться в игру.

Был поздний вечер, и мы сидели у подножия Черной башни, прижав спины к гладкой кирпичной кладке. Мы уже достаточно осмелели, чтобы бродить по окрестностям и возвращаться домой в глубоких сумерках. Чаще всего мы направлялись в сторону Вествуда, где успели освоиться, хотя нам, детям асфальта, было нелегко привыкнуть к мысли, что по этому громадному полю и лесу можно бродить совершенно свободно, руководствуясь лишь личными прихотями. Мы приходили сюда в надежде снова увидеть Бешеную Птичью Женщину, о которой я рассказала Элисон, не скупясь на подробности, ее облик ни на йоту не стерся из моей памяти, несмотря на то, что с нашей встречи, весьма непродолжительной, минуло четыре года. По словам бабушки, она по-прежнему жила в Беверли, в большом доме, доставшемся ей после смерти той самой старухи в кресле-каталке. Ее настоящее имя было мисс Бартон.

— Вроде бы ее здесь не очень любят, — сообщила я Элисон. —

Говорят, что дом не должен был перейти к ней. Бабушка считает, что с этим что-то неладно.

— Неладно? В каком смысле?

— Не знаю.

— А вдруг... вдруг она убила старуху? Чтобы заграбастать дом.

Как это похоже на Элисон, подумала я. Глупо и с перебором.

— Не мели ерунды, — сказала я, и Элисон умолкла. Встревожившись, не обидела ли я ее, и не желая обрывать разговор, я добавила: — Да и птицы у нее больше нет.

— Значит, она сюда и не придет, — откликнулась Элисон и поднялась со скамьи: — Хватит расслаиваться. Пошли.

— Хорошо. — Я хотела посмотреть телевизор вечером, одну из моих любимых комедийных передач. — Кстати, уже почти девять.

— И одиннадцать на Корфу, — заметила Элисон. У нее не получалось быстро шагать, так что я вынуждена была подстраиваться под нее. — Время ложиться спать. Интересно, какой-нибудь из наших мам привалила удача?

— Удача? — не поняла я. — Но ведь они поехали туда не ради азартных игр или еще каких состязаний, а просто отдохнуть.

Элисон рассмеялась противным высокомерным смехом:

— Не прикидывайся, Рэйч. Даже *ты* не можешь быть настолько наивной. — И, поскольку вид у меня был все еще озадаченный, она продолжила: — Как по-твоему, зачем они рванули туда?

— Не знаю... Отпуск всем необходим время от времени.

— Они обе одиночки. И уже давно. Не врубаешься? Они за мужчинами туда двинули.

Это заявление ужаснуло и взбесило меня.

— Прекрати говорить гадости!

— А что я такого сказала?

— Заткнись, Элисон! Достала твоя болтовня.

— Ты живешь как во сне. Так нельзя!

— А ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

Лишь бы не разреветься, думала я.

— Еще как имею. И ничего такого в этом не вижу. Если твоя мама укатила на недельку за границу и перепихнулась там со смазливый греческим официантом, кому от этого плохо?

На несколько секунд мы застыли в угрюмом молчании. А потом я влепила ей пощечину, наотмашь. Она вскрикнула от боли, закрыла лицо ладонями, тогда я толкнула ее, и она упала. Затем я разрыдалась и

ринулась в сторону нашего дома. Оглянулась я только один раз: Элисон так и сидела на пожелтевшей, поджаренной солнцем траве, поглаживая щеку и глядя мне вслед.

* * *

Комедийную передачу я так и не посмотрела, потому что, когда вернулась домой, дедушка смотрел политическую программу по другому каналу. То, что ему показывали, его очень злило, и чем больше он злился, тем сильнее его притягивало к экрану. В программе обсуждали незаконную транспортировку людей и подневольный труд в сегодняшней Британии. Ни о том, ни о другом феномене я прежде не слыхивала и, когда ведущий заговорил о рабочих-мигрантах, существующих на положении «рабов», не знала, что и думать. До сих пор при слове «раб» в моем воображении возникали древнеримские галеры, закованные в цепи рабы на веслах и полуголые мускулистые надсмотрщики, что ударами хлыста подгоняют гребцов. Однако сюжет этой программы вырисовывался не менее суровым: рассказы строительных и сельскохозяйственных рабочих, все как на подбор — о том, как их заставляют вкалывать от зари до зари и ютиться по двадцать человек в одной комнате в загаженных квартирках, подействовали на меня удручающе.

— Позорище! — бубнил дедушка, но не успела я вслух согласиться с ним, как стало ясно, что он имеет в виду нечто прямо противоположное. — Недели не проходит, чтобы Би-би-си не скармливала нам эту левацкую дурь. Если латышам и литовцам не нравится работать в Британии, пусть ищут работу у себя дома. Ты в курсе, что в Селби открылся магазин, где торгуют только польской едой?

Полагаю, вопрос был адресован бабушке, но она уже вышла из гостиной. Впрочем, аудитория деду и не требовалась, я тихонько выскользнула вон и поднялась в спальню. Элисон еще не вернулась, и я бы забеспокоилась, но неутрахающая обида лишила меня чуткости.

Должно быть, я сразу уснула. Когда я почувствовала, что меня трясут за плечо, между шторами и стеной просачивался синеватый сумрак. Я с трудом разлепила глаза. И конечно, надо мной стояла Элисон.

— Что? Что ты делаешь? Я спала.

— Да, но это важно.

Нехотя я села в кровати. Потрясла головой, просыпаясь, и тут заметила, что Элисон бьет мелкая дрожь.

— Что с тобой?

— Я видела его, Рэйч, — ответила она придушенным голосом. — Там, в

лесу, только что.

— Видела кого?

— Тело. Мертвое тело. — Наши глаза встретились. Я молчала. — Вот только что, — повторила она, будто это уточнение добавляло ее выдумке правдоподобия.

Я снова легла и отвернулась к стенке:

— Элисон, ты жалкая врунья.

— Но я *видела*, Рэйчел... ей-богу.

Я развернулась и гневно уставилась на нее:

— Мертвое тело, да? В лесу. Точь-в-точь как тот человек из газеты, да? Он тоже сидел, прислонившись к дереву?

— *Да*. — И в голосе ее прозвучали такое смятение и упорство, что у меня мелькнула мысль, а не говорит ли она правду.

— Я тебе не верю, — тем не менее сказала я. — Ни на грош.

— Это было дико страшно. Его голова как бы... запрокинулась назад, и, когда я подошла, он будто смотрел на меня. Глаза открыты. Кожа желтая... и такая дряблая, вся в морщинах. Он был такой *тощий*...

Я опять села и пристально посмотрела на Элисон. Из-за своей доверчивости я часто становилась жертвой дурацких розыгрышей.

— Что у тебя в руке? — спросила я, заметив, что Элисон сжимает в кулаке игральную карту.

— Подобрала в лесу. Там их полно, разбросаны вокруг.

Я вытянула карту из ее ладони. На рубашке узор из желтых и черных ромбов. Перевернув карту, я увидела паука. Причудливый и страшноватый рисунок: паук стоял на двух лапах, прочие подняты, словно он свирепо грозил кому-то, готовясь затеять драку. На глянцево-черном фоне его бледно-зеленое брюхо сверкало с тошнотворной яркостью, раздутое тело покрывали колючие волоски, а ниже — деталь, от которой мне стало совсем плохо, — болталось нечто вроде мешочка из паучьей плоти, наполненного бог знает чем. Рисунок выглядел любительским, мультяшным, но одновременно и весьма реалистичным, даже чересчур.

Меня передернуло, я отдала карту Элисон, и тогда она порывисто обняла меня, уткнулась головой в шею и крепко прижалась ко мне. Ее все еще колотило, и в тот момент я поняла, что выбора у меня нет и я просто обязана поверить всему, что она наговорила.

— Вот это дерево, — сказала Элисон. — То самое.

— Ты уверена?

Утром, необычайно теплым и солнечным, мы топтались на лесной опушке в низине у восточной оконечности Вествуда. Солнечный свет над нами струился сквозь густую листву, и крона дерева, словно тент, охлаждала лучи, попутно окрашивая их в зеленоватый лаймовый оттенок. Воздух был свеж и тих, лишь изредка отрывисто запоем птица или прошумит в отдалении автомобиль. В таком месте пикники бы устраивать или лежать под деревом с книжкой. Мы же искали труп.

— Ничего нет, — констатировала я. В чем мы убедились, глядя на траву у ствола дерева. Но кому повредит, если об очевидном скажут вслух?

— Исчез, — согласилась со мной Элисон.

И что нам теперь было делать? Я прочла уйму приключенческих книг и все рассказы про Шерлока Холмса и знала, что в подобных обстоятельствах нужно действовать по определенным правилам. Я опустила на колени и принялась изучать землю.

— Что ты делаешь? — спросила Элисон.

— Ищу улики.

Элисон присела рядом на корточки:

— Какие улики?

— Не знаю. — Следы чьих-либо ног? Отпечатки пальцев? Но это показалось мне слишком несовременным. И тогда я вспомнила о передаче, что недавно показывали по телевизору. — ДНК, — важно произнесла я. — На месте преступления всегда находят ДНК.

— Ладно.

И мы вдвоем начали тщательно исследовать травинки, отделяя их одну от другой.

— А как выглядит ДНК? — поинтересовалась Элисон.

— Она такая... липкая. — Я понятия не имела, о чем говорю. — Липкая и прозрачная.

— Ничего похожего я здесь не вижу.

Терпения Элисон хватило ненадолго. Она встала и с рассеянным любопытством огляделась. Укоризненно покачав головой, я продолжила обследование. Возможно, я найду что-то стоящее: оторванную пуговицу или лоскут ткани. Или же только попусту трачу время, а Элисон посмеивается надо мной втихаря: ехидный розыгрыш пока удастся ей на славу, так она мстит мне за пощечину, что я отвесила ей прошлым вечером, о которой она пока ни разу не вспомнила, а я до сих пор не извинилась.

Вскоре она и вовсе скрылась за деревьями. Я не заметила, куда она

направилась, ощутила лишь, что тишина в лесу уплотнилась. Даже птицы примолкли, а на шоссе, пролежавшем всего в сотне-другой ярдов от опушки, движение будто замерло. Поэтому, когда я услышала треск то ли сломанной ветки, то ли хвороста под ногами, в моих ушах этот звук прозвучал точно выстрел. Я резко выпрямилась и судорожно глянула влево, вправо... Никого.

— Элисон! — позвала я.

Нет ответа.

Не вставая с колен, я прислушивалась минуты две. Тишина неколебимая, всеохватная. Ну конечно, это птица перелетела с ветки на ветку, или кролик проскочил (мы их и раньше видели в лесу или на поле), либо Элисон затеяла дурацкую игру в прятки. Так что дергаться совершенно не из-за чего. Лучше продолжу искать улики.

Во второй раз звук был громче, казалось, он раздался ярдах в десяти от меня, слева. Громче, чем треск сломанной ветки; кто-то, несомненно, наступил на сухую хворостину. В тот же момент я увидела — или мне почудилось? — тень, мелькнувшую в кустах, возможно, человеческую. Легкий шорох, не более. И опять все стихло и успокоилось.

Элисон. Наверняка это она. Что она задумала?

— Элисон! — крикнула я. — Ты где?

Я начинала злиться. А точнее, изо всех сил старалась разозлиться, игнорируя тяжелый стук сердца и пленку пота, выступившего на лбу. Я поднялась, медленно, аккуратно, сознавая, что шума надо производить как можно меньше. Снова посмотрела на кусты, не зашевелится ли там опять что-нибудь. Искушение рвануть прочь, бежать без оглядки становилось все сильнее. Но я решила не делать резких движений. Мелко переступая, я повернулась на сто восемьдесят градусов и медленно двинулась в сторону от кустов и таившейся в них опасности — неважно, подлинной или порожденной моим разгоряченным воображением. Еще десяток шагов — и я выберусь из этих зарослей на более или менее открытое пространство. Тогда, и только тогда я пущусь бегом во всю прыть.

Но далеко я не продвинулась: кое-что привлекло мое внимание, и я застыла как вкопанная. Между ветками, прямо над моей головой, застряла игральная карта — точно такая же, как та, что нашла Элисон, только на этой была нарисована рыба, а не паук. Рыба в голубую и желтую полоску на блестящем черном фоне. Как и в случае с пауком, в мультяшной неприятельности рисунка сквозило что-то неприятное, даже отталкивающее: рыбы глаза вылезали из орбит, пасть по-дурацки распахнута. Уж не эту ли улику я подсознательно искала? Я представления

не имела, каким образом карты связаны с жуткой находкой, сделанной Элисон в лесу прошлым вечером, но мне казалось чрезвычайно важным завладеть этим предполагаемым доказательством того, что здесь произошло. Я протянула руку, но карта, к моей великой досаде, находилась слишком высоко. Я приблизилась к кусту вплотную, встала на цыпочки, потянулась всем телом — еще чуть-чуть, и я бы упала. Однако кончики пальцев коснулись карты. Еще полдюйма, и я выдерну ее из куста.

Внезапно другая рука — явно взрослая, — возникшая словно из ниоткуда, схватила карту. Я тихо ахнула и повернула голову. И конечно же, вот она, стоит прямо у меня за спиной. Красная от злости. Короткая армейская стрижка, проколотые уши, нос, шея в татуировках — ничего не изменилось. Серые глаза впились в меня.

Бешеная Птичья Женщина.

— Это мое, уж извини.

Не знаю, откуда взялась Элисон, но и она стояла рядом со мной. В испуге мы таращились на явившееся нам чудище. Она пялилась на нас, мы на нее, и никто не издавал ни звука. Лесная тишина давила на нас.

— Других таких не находили здесь? — спросила она наконец.

— По-моему... нет, мисс, — выдавила Элисон.

— Они мои, я должна получить их обратно. *Все* до единой. И *никому* нельзя об этом рассказывать.

— Да, мисс, — нестройным хором ответили мы.

— Отлично. А теперь проваливайтесь.

Мы не шевельнулись, потрясение было слишком велико.

— МАРШ ОТСЮДА! — заорала она.

И мы рванули со всех ног — через лес, потом по Вествудскому полю: два завихрения из мелькающих ног и рук, маленькие бегущие фигурки — исчезающие величины на фоне неподвластной времени, царственной Черной башни, что вздымалась позади нас.

В доме бабушки и дедушки желанного покоя мы не обрели. Вернувшись, мы обнаружили, что в гостиной полно народу. Точнее, полно стариков: сплошь серебристые волосы и чашки с чаем, куда ни посмотри. Глянув на эту компанию (из знакомых лиц только дедушкино и нашего соседа), мы поспешили ретироваться на кухню, где бабушка раскладывала по сервировочным тарелкам шоколадные кексы и печенье с заварным кремом.

— Что тут происходит? — спросила я.

— Собрание местного Клуба консерваторов, — объяснила бабушка. — Наш черед принимать их.

— Они все как из прошлого века, — ляпнула Элисон.

— Уж какие есть, — отозвалась ба. — Отнесите это, ладно? А я посижу тут немножко, передохну.

Она выдала нам по тарелке с печеньем, и мы, немного стесняясь, отправились предлагать угощение гостям. Когда мы вошли в гостиную, дедушкин сосед (звали его, как я выяснила позже, мистер Спаркс) произносил речь на тему бродяжества — еще один термин, которого я прежде никогда не слыхала.

— Бродяжество, — вещал он, — становится серьезной проблемой для Беверли и *окружающей среды*. Муниципалитету следует этим заняться, но, откровенно говоря, им недостает и решительности, и средств. — Тут он заметил тарелку с заварным печеньем у меня в руках. — А! Можно взять одно? Как мило.

— И опять, — заговорила дама в пугающе массивных роговых очках, сидевшая в бабушкином кресле, — Норман попал не бровь, а в глаз. Мои наблюдения лишь эпизодические, но в субботу на рынке я лично удостоверилась в существенном возрастании числа... *нежелательных лиц*. — Она практически пропела эти слова глубоким вибрирующим контральто, растянув звук «а» по меньшей мере до двух долей. — Стоит ли упоминать, что многие из них принадлежат к *этническим меньшинствам*. — На последних словах она понизила голос и уткнулась взглядом в Элисон, стоящую подле нее с шоколадными кексами в руках и обворожительной улыбкой на лице. — Ой, спасибо, дорогая, — поблагодарила дама, внезапно смутившись. — Разумеется, я не имела в виду... и не пытаюсь утверждать, что *все* они...

Мы вернулись на кухню и принялись уплетать печенье — на нашу долю осталось изрядно.

— О чем они там балаболят? — спросила ба. Кажется, о дедушкиных друзьях она была не слишком высокого мнения.

— Я особо не вслушивалась, — призналась я. — Обсуждали, как что-то забродило на рынке в субботу.

— Меня обозвали этническим меньшинством, — с озорным смешком, но и с гордостью сообщила Элисон.

— Как грубо.

— По-моему, она не хотела тебя обидеть, — встряла я. — Просто отметила, что ты из другой... культуры.

— Ерунда, — отрезала бабушка. — Элисон принадлежит той же культуре, что и мы. Правда, деточка?

— Ну, не совсем, — сказала Элисон. — Я из Лидса. — Взяв последнее печенье с заварным кремом, она целиком запихнула его в рот. — И вообще, черный у меня только папа, и я его почти не вижу. А мама белая, как и они, и о чем тут разговаривать, непонятно.

— Именно, — сказала бабушка.

Мы помолчали.

— А кто такие консерваторы? — спросила я.

— Хм, консерваторы — это те, кто хочет, чтобы все оставалось как есть. Они считают, что мир в целом устроен правильно и от всяких новшеств только хуже будет.

Поразмыслив, я кивнула:

— Это хорошо. Мне нравится, когда все остается как было. И Тони Блэру нравится, разве нет?

— Мистер Блэр — председатель Лейбористской партии, — сказала бабушка, — и в былое время лейбористы верили в так называемый социализм. Социалисты полагают, что мир можно сделать куда более дружелюбным для всех и каждого, но сперва надо многое в нем изменить, а кое-что и извести. Например, некоторые традиции или вещи, что слегка устарели.

— Неужели он все еще в это верит? Не может быть.

— Уф... кто его знает, во что он верит.

— А ты сама, бабушка, на чьей стороне?

— Если начистоту, Рэйчел, — бабушка вздохнула, — пожалуй, я скоро примкну к тем, кто все реже видит разницу между ними.

Она отвернулась — наверное, потому, что пыталась сдержать слезы, но ни я, ни Элисон не оценили ее тактичности, поскольку попросту не

замечали, в каком она состоянии. С нашей точки зрения, разговор становился скучноватым, а у нас в запасе имелись более сногсшибательные новости.

— О-о-ой, ба, догадайся, кого мы встретили в лесу! — воскликнула я. — Бешеную Птичью Женщину. Она нас жутко напугала.

Элисон выразительно глянула на меня, напоминая, что та запретила об этом рассказывать. Но поскольку секрет был уже выдан, она присоединилась к моему повествованию:

— Мы просто гуляли, не шалили, а она вдруг как выскочит из-за дерева. По-моему, нарочно, чтобы напугать нас. С нами чуть инфаркт не случился.

— Бедненькие, натерпелись страху. Она и впрямь вредина, никогда не знаешь, что она выкинет... — Ба поджала губы. — Если она нарочно напугала вас, значит, мне нужно... кто-то из нас должен пойти и побеседовать с ней, иначе... — Бабушка умолкла, перспектива скандала ее явно не радовала.

Мне стало жаль ее:

— Не волнуйся, ба. Не надо никуда ходить. Правда, Эли?

Я посмотрела на подругу, ожидая поддержки, но Элисон вместо этого поинтересовалась:

— А где она живет?

— В тупичке, — бабушка открыла воду и принялась мыть тарелки, — что примыкает к улице Ньюбегин. Называется Лишний переулок, потому что никуда не ведет. Там когда-то жила миссис Бейтс. После ее смерти дом по завещанию достался мисс Бартон.

— Но почему она завещала ей дом?

— Да, многие этому удивляются. И не только удивляются, но и возмущаются, что довольно глупо с их стороны.

— Конечно, — согласилась я, — ведь это их совершенно не касается.

— То-то и оно. Но люди бывают очень... вздорными.

— А какой номер дома? — допытывалась Элисон, сохраняя, впрочем, небрежный тон, но я понимала, что расспрашивает она с какой-то тайной целью.

— Так сразу и не вспомню. Но этот дом сразу узнаешь. Он до самой крыши увит плющом, а вокруг лавровые кусты и бог знает что еще. И все накрыто сеткой, под которой живут птицы.

— Птицы?

— Ну да. Настоящий вольер с попугайчиками, канарейками и прочими разными птичками.

— И пустельгой? — с надеждой спросила я.

— Нет, пустельги там больше нет. Не знаю, куда она подевалась.

Так мы выудили из бабушки то небольшое, что она знала про дом с птицами, но и эти скудные сведения распалили наше любопытство. Когда мы поднимались к себе в комнату, чтобы обсудить наши дальнейшие планы, я уже точно знала, что предложит Элисон.

— Мы же не будем заходить внутрь, — уговаривала она меня. — Просто интересно глянуть на этот дом. И разве тебе не хочется посмотреть на птиц и все такое?

Она не ошиблась: мне не терпелось увидеть, где живет Бешеная Птичья Женщина, даже вопреки тому, что эта затея пугала меня до смерти. И ближе к вечеру мы с Элисон двинули к Лишнему переулку.

Идти было недалеко. Длинная улица Ньюбегин с односторонним движением тянулась от Вествуда к центру города. Лишний переулок начинался двумя высоченными домами, сжимавшими его с двух сторон, и был таким узким, что, шагая рядом, мы едва не задевали стены. Но постепенно он расширился до короткой мощеной улочки с просторными старинными домами. Дом, что мы искали, сразу бросался в глаза. Он стоял немного на отшибе, от ближайшего соседа его отделяла длинная низкая стена, огораживающая большой, неухоженный, даже запущенный сад. На калитке — поржавевшие цифры. Номер 11.

Вероятно, дом был кирпичный, но со стороны переулка понять это было невозможно. Фасад полностью затянула листва — в основном плющ, но там были и другие вьющиеся растения, не знаю какие. Они напозлали друг на друга, сплетались, вились по чужим плетям, образуя густые зеленые джунгли, а в этих зарослях порхали, кружились или сидели на ветках десятки птичек. Среди них мы заметили редких экзотических с ярким оперением, но по большей части это были обычные птицы — воробьи, дрозды и тому подобное. С фасада дом накрыли темно-зеленой сеткой, не позволявшей птицам вырваться на волю. По сути, это была огромная зеленая клетка на свежем воздухе, но птицы выглядели счастливыми, и их звонкий многоголосый щебет резко контрастировал с угрюмым обликом дома, где жила Бешеная Птичья Женщина. Плющ налезал и на окна, некоторые заросли листвой целиком, я подумала, что за этими «шторами» круглые сутки темно. Я была довольна, что мы отправились в эту экспедицию и посмотрели на птиц, но все же от такого дома хотелось бежать куда подальше и надеяться, что он не явится тебе в страшном сне. Только безумец согласится жить здесь, думала я, да что там, даже зайти за ограду не возникало желания, даже подойти на шаг поближе.

Мои размышления прервала Элисон: лихо толкнув калитку, она вошла в сад.

— Ты что *делаешь*? — зашипела я. — Мы же собирались только посмотреть, и все.

Элисон улыбалась вызывающе:

— Так ты идешь?

— Куда?

— Да ладно тебе, давай хоть заглянем в окна на первом этаже.

— Зачем? Какой в этом смысл? Что тебе здесь нужно?

Но ноги сами понесли меня вперед, и не успела я опомниться, как уже стояла в саду перед домом, а сердце билось в груди с такой силой, что причиняло боль.

— Забыла, что я видела в лесу вчера?

— *Может быть*, видела, — пробормотала я себе под нос. Сходство между гибелью Дэвида Келли и тем человеком, что так вовремя попался на глаза Элисон, по-прежнему казалось мне подозрительным.

— Проблема в том, — говорила Элисон, пробираясь среди россыпи камней на садовой дорожке, — что твоя Птичья Женщина в этом замешана, голову даю.

— С чего ты взяла? — опешила я. Воображение явно завело Элисон слишком далеко.

— А зачем, по-твоему, ей понадобилось пугать нас? Чтобы прогнать из леса, ясное дело.

Мы были уже почти у входной двери, как Элисон споткнулась о массивный булыжник и едва не упала.

— Вот же блядь, — поморщилась она.

Страшного с ней вроде ничего не случилось, однако она села и принялась растирать ногу.

— Что с тобой?

— Нога после того, как я рухнула с дерева, все болит.

— И сейчас ушибла то же место?

— Ага.

Я беспокойно оглядывалась, меня терзало ощущение, иррациональное, неотвязное, что за нами наблюдают. И тут я кое-что увидела:

— Ты на чем сидишь?

— Что?

Элисон и не заметила, что сидит на металлическом подлокотнике, сквозь который пророс куст, накрепко пристегнув к земле железяку — инвалидное кресло. Элисон вскочила, словно испугавшись, что подцепит

какую-нибудь заразу.

— Ни фиги себе! Откуда оно тут взялось?

— Наверное, это кресло миссис Бейтс. — Я попыталась вырвать плющ, запутавшийся между колесных спиц. — А когда она умерла, его тут бросили.

— Ну разве это нормально? Ладно, давай глянем одним глазком в окна и сматываемся отсюда.

Мы подкрались к фасаду дома и почти уткнулись носами в сетку. Птицы, те, что посмелее и поллюбопытнее, слетели со своих лиственных насестов и кружили перед нами. Наверное, надеялись на хлебные крошки, но мы с собой ничего не прихватили. Сквозь густые заросли плюща удалось все-таки заглянуть в одно из окон первого этажа: за ним находилась вроде бы совершенно пустая комната, но там стоял такой густой сумрак, что толком ничего и не было видно, разве что большую потемневшую от времени картину на стене. За соседним окном открывалась та же комната. Вдоволь наглядевшись, я решила, что мы не осрамылись, задуманное исполнили и можем с достоинством ретироваться.

У Элисон, однако, были иные планы.

— И куда ты *теперь* собралась? — сдавленным от страха голосом спросила я.

— Да брось, здесь никого нет.

— Это еще *не факт!*

Я поторопилась догнать ее — Элисон как раз сворачивала на тропинку, пролежавшую вдоль боковой стены.

— Что мы здесь ищем, объясни? — потребовала я.

— Не знаю, — ответила Элисон, зорко поглядывая по сторонам. Тропинка была усыпана мусором, сбоку стояли три зеленых мусорных бака, набитых доверху. Я обратила внимание на старые кисти и банки из-под краски. — Просто хочу поразведать... понять, что это за...

Она запнулась и умолкла. А точнее говоря, остолбенела и впиалась глазами в длинное узкое окно на тыльной стене дома. Окно располагалось у самой земли, ниже, чем комната, в которую мы прежде заглядывали. Цокольное окно, иными словами. За пыльным стеклом в грязных разводах сияла желтым светом мощная лампа. А чуть поодаль мы явственно увидели человеческую фигуру, словно прятавшуюся от света.

Он (либо она) стоял (или, скорее, сидел) совершенно неподвижно, боком к нам. Лицо терялось в тени, и все же удалось разглядеть короткий приплюснутый нос, острый подбородок с обвисшей кожей, пряди редких нечесаных волос, спускавшиеся почти до плеч. Вот и все, но Элисон и

этого хватило, чтобы объявить шепотом, исполненным ужаса:

— Это он! Ну, то есть... она... оно... короче, неважно... — И наконец итоговая фраза, специально для ошалевшей меня: — *Этого человека я видела вчера в лесу!*

Уставившись друг на друга, мы медленно осознавали ситуацию. Ни Элисон, ни я не находили объяснения увиденному, мы не понимали, в чем тут дело, но не сомневались, что наткнулись на нечто невероятно важное, зловещее, таинственное и потенциально разрушительное. Ничего более поразительного и необычайного ни с одной из нас прежде не случилось.

Внезапно под крышей дома распахнулось окно и раздался женский голос:

— *ЭЙ! ВЫ ДВОЕ!*

Мы даже не стали смотреть, кто там гневно орет на нас, просто тотчас же дали деру: через сад, по Лишнему переулку — мы и не предполагали, что умеем так быстро бегать.

8

Тем же вечером, когда совсем стемнело и вез де погасили свет, а я уже засыпала, Элисон озарило.

— О. Боже. Мой. — Она словно с трудом подняла голову, потом села в постели. — Кажется, до меня дошло. Я знаю, что творится в том доме.

Я тоже села, ожидая продолжения.

— Ну?

— Ты смотрела «Психо»?

— «Психо»? Кино? Издеваешься? Конечно, я не смотрела «Психо».

— Но ты ведь слышала об этом фильме?

— Я слыхала, что это самое страшное, самое жуткое кино на свете. И что? — Я не смогла удержаться, чтобы не задать вопрос, хотя ответ был более чем предсказуем: — Только не говори, что *ты* смотрела. Это же неправда?

— Правда. Моя няня приносила диск, мы вместе смотрели года три назад.

— Твоя няня? — Каждая новая подробность из жизни Элисон наполняла меня смешанным чувством оторопи и зависти.

— Ну да. Она классная. Но ты ведь в курсе, про что этот фильм?

— В общих чертах. Лучше напомни, что там происходит, — ответила я, не имея ни малейшего понятия о сюжете.

— Один чокнутый парень — он и есть псих — живет в большом старом доме при шоссе. Рядом с домом мотель, парень им управляет, и вот приезжает одна девушка, останавливается на ночь, а он убивает ее, когда она принимает душ. Потом является ее сестра, она ищет ту девушку, знакомится с парнем и сразу понимает, что он типа психа, и тогда она пробирается в большой старый дом, чтобы найти его мать, потому что она решила, что он держит ее взаперти или еще как-то мучает. Спускается в подвал, и там в кресле сидит его мать. Только она мертвая.

— Мертвая?

— Ага. И главное, давным-давно мертвая, много лет, и он все это время хранит труп в доме. Иногда он спускает его в подвал, иногда поднимает в спальню и укладывает в постель.

Я попыталась обдумать действия этого психа и тут же наткнулась на некоторое практическое неудобство:

— Разве люди не начинают... попахивать, когда они пролежат мертвыми несколько дней?

— Он ее замариновал, — деловито сообщила Элисон.

В моем воображении возникло старушечье тело в громадной банке, залитое той же противной на вкус жидкостью, что и маринованный лук в банках, хранившихся на нашей с мамой кухне. Как такое возможно проделать, было выше моего разума, но на данном этапе маринадная проблема волновала меня меньше всего.

— Но это же не означает, что...

— Почему нет? Вспомни-ка, старуха умерла и оставила ей дом, даже твоя бабушка говорит, что тут что-то неладно.

— Да, но... Если убьешь кого-то, чтобы завладеть домом, то зачем держать труп при себе? Любой захочет избавиться от тела.

— Нормальный человек — да. Но она же *Бешеная Птичья Женщина*, забыла?

Нестыковок в теории Элисон хватало, и я продолжала упорствовать:

— Но ты видела труп *в лесу*, а не в доме.

— Правильно. Она его туда принесла.

— Зачем?

— Не знаю. Чтобы он размялся, проветрился. Рэйчел, она *сумасшедшая*. Совсем полоумная. Кто еще будет жить в доме, где над тобой летает стая птиц?

— А как она притащила покойника в лес? Он ведь тяжелый.

Элисон молчала, и я подумала, что наконец-то обставила ее по очкам. Но в победителях я просидела недолго.

— Ну конечно, кресло-каталка! Вот почему оно до сих пор стоит в саду. Однако я с ходу опровергла ее довод:

— Кресло плющом заросло и бог знает чем еще. Им давно не пользовались.

Проигнорировав мое возражение, Элисон выложила свой главный козырь:

— Это все ерунда. В том фильме знаешь, как звали психа? Норман Бейтс. А его мать — миссис Бейтс. *Миссис Бейтс*.

Сейчас я не могу объяснить, почему этот аргумент — глупейший и наиболее иррациональный из всех прочих — лишил меня способности сопротивляться. Возможно, я просто устала спорить. И тем не менее, пусть и не соглашаясь с тем, что наша ситуация во всем, в каждой детали совпадает с фильмом (к тому же содержание фильма по-прежнему представлялось мне очень путаным), я окончательно прониклась убеждением, что мы угодили в самую гущу ужасной тайны, ключ к разгадке — Бешеная Птичья Женщина, и если мы хотим подобраться к ней поближе, то необходимо разузнать как можно больше о человеке — или мертвце, — чей силуэт мы увидели в окошке дома номер 11 по Лишнему переулку.

Иначе говоря, нам придется спуститься в тот подвал.

9

Второе озарение снизошло на Элисон следующим утром.

Встала она довольно поздно, и, когда явилась ко мне с новой гениальной идеей, я сидела под самой верхушкой сливового дерева в надежде провести хоть полчаса в тишине и покое.

Утро выдалось напряженным. За завтраком бабушка и дедушка держались скованно, если не сказать угрюмо. Ба суетилась, поджаривая хлеб, заваривая чай, но мысли ее были где-то далеко. Дедушка же прятался за газетой. На первой полосе, как всегда, говорилось о войне в Ираке. *Сыновья Саддама Хусейна арестованы и убиты*, извещал заголовок. Или что-то в этом роде.

Друг с другом они не разговаривали, что было совершенно не в характере обоих. Подавленная их молчанием, я тихонько намазала маслом хлеб и размешала сахар в чашке.

— Дедушка, — робко сказала я, — можно тебя спросить кое о чем?

— О чем? — тон его не располагал к дальнейшей беседе, но я продолжила: — Мы все еще воюем в Ираке?

— С этим все сложно, — ответил он, не отрываясь от газеты.

— А-а...

В отличие от дедушки, ба уловила разочарование в моем голосе.

— Никто толком не понимает, что там творится, — пояснила она. — И не переживай, что бы там ни происходило, Ирак от нас далеко.

— Саддам Хусейн наверняка разозлится из-за убитых сыновей.

— Он давно злится, и одним несчастьем меньше, одним больше, думаю, это для него уже ничего не изменит.

— Но он не нападет на нас? Ведь перед смертью Дэвид Келли сказал, что...

Дедушка не дал мне договорить. Сердито фыркнув, он швырнул газету на стол:

— У твоей бабушки есть дела поважнее, чем отвечать на глупые вопросы! — он встал и вынул из кармана ключи от машины: — Выведу машину из гаража, — и посмотрел на бабушку: — Нам пора, а она (то есть я) может помыть посуду в наше отсутствие. Вместе со своей подружкой, если, конечно, та соизволит вылезти из постели.

Дед вышел, а я замерла над чашкой. Бабушка положила руку мне на плечо, легонько обняла:

— Не обращай внимания. Он все утро на взводе.

Я была благодарна ей, поведение деда меня напугало и расстроило.

— Вы куда-то собираетесь?

— Всего лишь к врачу. Придется оставить вас одних на пару часов. — Она в нерешительности закусила губу. — Разве что попросить миссис Спаркс приглядеть за вами.

— Зачем? Не нужно, — поторопилась ответить я. — С нами все будет хорошо. Мы даже за калитку не выйдем.

— Ну, если ты настаиваешь... Ладно, пожалуй, ты права. Но если вдруг что-нибудь понадобится, просто обратитесь к соседям.

Спустя полчаса бабушка и дедушка уехали, оба бледные словно призраки. Сейчас я, разумеется, понимаю, что они ждали этого утра целый месяц — именно сегодня врач должен был четко и ясно объяснить, почему бабушку «слегка повело», да так, что она угодила в больницу; для них, по сути, это был вопрос жизни и смерти. Но тогда подобные вещи были вне зоны моего внимания, и, когда я вышла в сад, ничто не тяготило меня, кроме резкого тона дедушки и свербящей, хотя и смутной тревоги, связанной с нашими изысканиями в доме номер 11 по Лишнему переулку. Что еще удумает Элисон? Я-то считала, что мы и так слишком далеко зашли.

На верхнем садовом ярусе я вскарабкалась на сливу и уселась на моем излюбленном месте в самой гуще ветвей. Я успела привязаться к этому дереву всей душой. Не было ничего приятнее, чем сидеть на суку, слушать ласковый шелест листьев, разглядывать соседние сады тихого пригорода, наблюдая за тем, что там происходит, либо, подставив лицо солнцу, ощущать его мягкое тепло на сомкнутых веках. Я могла бы просидеть на этом дереве целую вечность. И уж наверняка всю неделю, что я гощу у бабушки с дедушкой... если бы не Элисон. Она все испортила глупыми, эгоистичными и сумасбродными фантазиями, закрученными вокруг Бешеной Птичьей Женщины, трупа в лесу и страшной тайны дома номер 11, хотя, возможно, никакой тайны и вовсе не было. А вот и она, легка на помине: скачет вприпрыжку по садовой дорожке, направляясь к сливе, и глаза ее блестят — ей явно не терпится потерзать меня новыми догадками или взятыми с потолка «фактами». Ошеломительная истина внезапно открылась мне: я начинаю ее ненавидеть.

— Итак! — возвестила Элисон, забираясь на сливу, безжалостно нагибая и теребя ветки. Затем она неуклюже уселась рядом со мной, походя сломав ни в чем не повинный побег, и продолжила: — Я все обмозговала.

— Неужели? — сугубо вежливым тоном откликнулась я, желая дать понять, как мало меня интересуют ее замыслы.

— Значит, так. Что мешает нам отправиться туда, постучать в дверь и войти в дом?

— Ну, это очевидно, — вздохнула я. — Она нас не впустит.

— Точно, — подтвердила Элисон. — Это если мы явимся без повода. А если, к примеру, у нас имеется то, что ей нужно...

— Ты же знаешь, что не имеется, — перебила я.

— А вот и нет, — гордо возразила Элисон, — в моем кармане кое-что завалалось. — И она вытащила игральную карту, ту самую, с омерзительным, ярко раскрашенным пауком. — Забыла, что она сказала в лесу? «Я должна получить их обратно, все до единой». Но мы ей эту карту не отдали.

Сердце мое заныло. Элисон опять обхитрила меня, и ведь не придерешься. Птичья Женщина действительно настойчиво допрашивала нас о картах, затерявшихся в лесу, и выходило, что мы лишь исполняем ее требование.

— По-твоему, нам надо отнести ей карту?

— Угу.

— Когда?

Я была так счастлива, сидя на дереве. И слезать с него мне хотелось еще меньше, чем прежде.

— Сейчас самое подходящее время, — радостно сообщила Элисон. — Пошли, надо покончить с этим.

Мы заперли дом, воспользовавшись запасной связкой ключей, и двинули в центральную часть города. Нарушив, между прочим, обещание не выходить за калитку, но Элисон соображениями такого рода было не остановить. Она шагала столь энергично, что уже через каких-то десять минут мы были в Лишнем переулке. Время близилось к полудню, и свирепое июльское солнце стояло в зените. Беверли казался расслабленным и добродушным, но стоило нам свернуть в узкую щель между двумя высокими домами, как отовсюду напоззли тени и даже вроде похолодало, а дом номер 11, к которому мы приближались со все большей опаской (я, во всяком случае), выглядел еще более грозным, чем накануне. Как и вчера, плотная тишина одеялом накрывала улицу, и лишь когда мы, войдя в сад, направились к входной двери, тишина была потревожена — сперва звуком наших шагов (мы то и дело спотыкались о каменные обломки на дорожке), а затем меланхолическим щебетом птиц в клетке из листвы, этой сумасбродной конструкции, заменившей дому фасад.

У крыльца в четыре ступени мы остановились. Вот он, наш последний шанс передумать, развернуться и уйти, поставив крест на приключении.

Мы с Элисон переглянулись. И только сейчас я заметила то, о чем раньше не подозревала: ей было страшно не меньше, чем мне. Но отвагой она меня значительно превосходила, и, уняв дрожь в коленках, Элисон смело поднялась по ступеням, взялась за увесистый железный дверной молоток (в форме изогнувшейся горгульи) и трижды ударила им по толстой дубовой двери.

Отклика долго не было — настолько долго, что я испытала прилив чудесного облегчения, сладостного упования на то, что нам и вовсе не ответят. Но из глубины дома слышались шаркающие шаги, дверь распахнулась.

И без того хмурое лицо Бешеной Птичьей Женщины, не ждавшей гостей, обрело воинственную суровость.

— Вы! А вам-то что надо?

— Простите, мисс, — заговорила Элисон, — но к нам попала одна ваша вещь, и мы пришли, чтобы ее отдать.

Впервые я глянула на Элисон с искренним восхищением: она сумела найти самый точный баланс между нахальством и смиренной вежливостью. Она показала карту с пауком, и Бешеная Птичья Женщина немедленно протянула руку:

— Ах да. А мы удивлялись, куда это она запропастилась. Ну что же ты? Давай карту.

Элисон, однако, отдернула руку.

— Видите ли, мисс, мы шли к вам пешком через весь город, и у нас во рту пересохло. Вы не могли бы дать нам попить? Мы будем вам очень признательны.

Просьба была дерзкой. Птичья Женщина оглядела Элисон с ног до головы, облизала гвоздики на нижней губе, помедлила еще и согласилась:

— Так и быть. Входите.

Мы протиснулись мимо нее в прихожую, погруженную в сумрак, хозяйка захлопнула входную дверь, и сумрак сменился почти кромешной тьмой. Мы едва различали ее силуэт и тусклую мужеподобную тень на фоне серовато-коричневой стены. Мы все превратились в тени.

— Я принесу вам воды.

— А нельзя ли чашечку чая, если вас это не затруднит? — не унималась Элисон. — С молоком и двумя кусочками сахара.

Женщина изумленно хмыкнула:

— Чаю, значит? — тем не менее открыла дверь в комнату и кивком

пригласила войти: — Сюда.

Мы шагнули в комнату, где было немногим светлее, чем в прихожей. Натиску полуденного солнца с успехом противостояла толстая занавесь из плюща, закрывавшая большую часть окон, и в этой зеленой гуще копошились и порхали птицы. Некоторые садились на ветки и, склонив головки набок, с любопытством посматривали на нас блестящими глазками. Это была та самая комната, в которую мы заглядывали днем ранее. Посреди стоял длинный и узкий обеденный стол с массивными коваными канделябрами на обоих концах, на стене висела большая странная картина — наполовину абстракция, наполовину пейзаж, она занимала почти всю стену напротив окон. Вероятно, некогда стены были белыми, но теперь изрядно посерели, все углы были затянуты паутиной, свисавшей с облупившейся лепнины. Это была холодная и безрадостная комната.

— Так ты отдашь мне карту? — Женщина снова протянула руку.

— Сперва чай, потом карта, — нараспев произнесла Элисон, ни капли не смутившись.

Птичья Женщина сверкнула глазами и вышла из комнаты, решительно захлопнув за собой дверь.

Я бросилась к двери, подергала ручку — без толку.

— Что ты натворила? — взывала я. — Мы попались! Она заперла нас!

Элисон не спеша приблизилась и легким, небрежным движением открыла дверь.

— Успокойся! Ручка поворачивается в другую сторону. Мы можем уйти в любой момент.

— Тогда давай уйдем *сейчас!* — взмолилась я. — Она не хотела нас пускать. И на лице у нее написано «убила бы вас». А эти ее... штуки на губах, в носу? А татуировки?!

— Куча народу делает себе татушки. И с чего ты взяла, что она не хотела нас пускать? Впустила же и даже пообещала напоить чаем. — Элисон невозмутимо расхаживала по комнате, от большой картины она передвинулась к другой, поменьше, напоминавшей натюрморт и висевшей рядом с дверью. — Что это такое, по-твоему?

— Ради бога. Мы сюда пришли не на картины смотреть. Зачем тебе вообще приспичило заходить в дом? Отдали бы ей карту и отправились домой.

— Затем, что у нас другая цель. Слушай... когда она вернется, я улизну и спущусь в подвал, а ты отвлеки ее беседой.

— Что? — ужаснулась я. — Какой беседой? Я не сумею.

— Ладно, тогда... зубы ей заговаривать буду я, а ты спустишься в подвал.

— Нет! В подвал я тоже не могу.

— Но нас только двое. Выбирай, что тебе больше нравится... Слушай, вот это ведь теннисная ракетка, да? А вот это что? Похоже на футбольный мяч.

Я оттащила Элисон от картины, взбешенная ее легкомысленным поведением в столь отчаянной ситуации. Я была уверена на сто процентов, что нам никогда не выбраться отсюда живыми.

— Кстати, — сказала Элисон, — ты заметила, как она выразилась?

— Когда?

— На крыльце, когда я показала ей карту. Она сказала: «Мы удивлялись, куда она запропастилась». Не я удивлялась. А *мы*.

С важным видом она подняла указательный палец, довольная этим якобы безусловным доказательством ее теории. По мне же, это «мы» служило очередным доказательством — если оно вообще что-то доказывало — безумия Птичьей Женщины, и сердце заняло еще сильнее. От мысли остаться с ней наедине у меня подкашивались ноги, я просто не могла этого сделать, не могла, и все тут. И я начала склоняться в пользу того, что, в моем представлении (как ни поразительно), выглядело меньшим из двух зол.

— Послушай, Эли... я пойду в подвал. Ты оставайся здесь и разговаривай с ней.

— Точно?

Я кивнула, хотя внутри все сжалось, и в этот момент дверь отворилась и наша жуткая хозяйка внесла в комнату поднос с чаем, а вовсе не топор или кухонный нож для разделки мяса. Я немного успокоилась. Впрочем, вероятность смертельной отравы в чае никуда не исчезла.

— Угощайтесь. Вот вам две большие кружки. — Прежде чем разлить чай, она несколькими круговыми движениями встряхнула заварочный чайник. — Ага! (Заметила, что Элисон перебралась к большой картине.) Любуешься моим произведением, да?

— Это вы нарисовали? — Элисон была потрясена.

— Все картины в этом доме написаны мною.

— Круто. И что это за место?

Не выпуская чайник из рук, Птичья Женщина подошла к Элисон и склонилась к холсту. Вопреки моим терзаниям, я тоже невольно уставилась на картину. Теперь, взглядевшись, я различила невзрачное поле с поникшей травой под грозовым, затянутым тучами небом, но написано все это было

столь жирными резкими мазками, что на первый взгляд картина выглядела серо-черным хаосом.

— Северный Йоркшир, — сказала Женщина. Она коснулась пятна на холсте: — Видишь дом?

Почти на самой вершине огромной неприступной гряды, обращенный окнами на мрачный и безжизненный водный простор, угрюмо высился особняк, и был он чернее черного. На картине он занимал очень мало места, однако задавал ей тон: безумное нагромождение готических, неготических и псевдоготических башен более всего походило на гигантские когтистые пальцы, нацеленные на тучи в полной уверенности, что им удастся содрать с небес эту бестелесность вопреки ее парообразной сущности.

В правом нижнем углу стояла надпись: «Башни Уиншоу». Чуть ниже — инициалы «Ф. Б.» и дата «1991».

— Дом существует на самом деле, — продолжила Птичья Женщина, — я там работала одно время. Сиделкой. Пока однажды ночью двенадцать лет назад... — Она умолкла, вспоминая эпизод из своей жизни, судя по всему, не очень веселый.

— Двенадцать лет назад?... — попыталась напомнить о нашем присутствии Элисон.

— Случилось нечто плохое.

Мы ждали, но дальнейших разъяснений не последовало. Явно не желая ни говорить на эту тему, ни вспоминать прошлое, Птичья Женщина вернулась к столу и нашим кружкам.

— Молоко и два куска сахара, так? Одинаково для обеих?

— Да, спасибо, — ответила я. А затем — дивясь собственному мужеству — начала приводить план в исполнение: — Можно воспользоваться вашим туалетом?

Она бросила на меня взгляд, исполненный глубочайшего недоверия, но естественность просьбы вынудила ее уступить. Взяв молочник в руки, она, более не оборачиваясь ко мне, пробормотала:

— Да. В конце коридора три двери. Туалет за той, что слева. К другим дверям не притрагивайся. И сразу возвращайся назад.

— Конечно. Спасибо.

Я попятилась из комнаты — неуверенно, нехотя. От выполнения задания было уже не отвертеться, но я по-прежнему не знала, хватит ли у меня сил. Элисон зыркнула на меня, в ее глазах ясно читался приказ пошевеливаться. Но я топталась у порога, охваченная какой-то странной немощью. Встревожившись, Элисон решила отвлечь внимание хозяйки:

— Разрешите задать вам вопрос? Никак не могу понять, что вы хотели изобразить на той маленькой картине? Ну, то есть... это ведь футбольный мяч, верно? А это теннисная ракетка...

При этих словах Птичья Женщина издала звук, какой прежде мы от нее не слышали, — звук сродни рычанию; поставив молочник на поднос и громко топая, она подошла к картине. Сообразив, что более удобного момента покинуть комнату не представится, я сумела наконец переступить порог и выйти в коридор, но до меня еще долго доносился голос рассерженной художницы:

— Почему *все* понимают эту картину неправильно? Перед вами Орфей, протрите глаза! Это лира Орфея и его оторванная голова, которую уносят воды Гебра. Сколько раз надо *объяснять*...

Под ее возмущенные крики я торопливо засемила по сумрачному коридору мимо крутой, укрытой тонким половиком лестницы, ведущей на второй этаж, и дальше к трем дверям в самом конце коридора.

Первая дверь слева открывалась в маленькую туалетную комнату с унитазом и раковиной. Вторая дверь, посередине, была накрепко заперта. Третья дверь находилась под лестницей, и, очевидно, за ней-то и скрывался спуск в подвал. Обхватывая ладонью ручку, я взмолилась, чтобы и эта дверь оказалась запертой. Тогда мне останется лишь вернуться к Элисон и доложить о неудаче. Но свой долг я, по крайней мере, исполню. Господи, пожалуйста, молилась я про себя, пусть все так и получится. Не заставляй меня спускаться в подвал. Не заставляй спускаться во тьму.

Я нажала на ручку, повернула... и дверь, скрипнув, подалась.

Первым делом в нос ударила вонь — едкая, отдающая сыростью, плесенью и поднимающаяся откуда-то из самых глубин. В ней угадывался запах засохших объедков, гниющих фруктов и жареного лука — или просто чего-то жареного. Сильного отвращения, однако, вонь у меня не вызвала.

Отвращало другое — непроглядная тьма, открывшаяся мне, когда я глянула вниз. Что-либо различить в ней было совершенно невозможно.левой рукой я нащупала то ли перила, то ли доску, прибитую к стене. Ступень, на которой я стояла, была бетонной. Оглянувшись напоследок туда, где в большой комнате Бешеная Птичья Женщина угощала нас чаем, — и я была бы не против, выйди она сейчас в коридор, чтобы выяснить, чем я тут занимаюсь, — я вздохнула и начала спускаться.

Чем ближе к подножию лестницы, тем более мертвящей казалась тишина и тем острее была вонь. Но, как ни удивительно, тьма впереди немного рассеялась. Вскоре я поняла почему: лестница упиралась в

закрытую дверь, щель под которой слабо светилась. А значит, обитаем подвал или нет, свет там определенно горит. Впрочем, мы и сами вчера видели лампочку в узком низком окошке.

Я остановилась перед дверью, слыша, как бьется мое сердце, как дышат мои легкие, как кровь стучит в ушах. И больше ничего. Ни единого другого звука.

Я прижала ладонь к двери, толкнула — дверь медленно отворилась.

И опять раздался скрип, более громкий, чем когда я открывала дверь наверху. Но явно не достаточно громкий, чтобы потревожить того, кто сидел за столом посреди комнаты.

Я замерла на месте: за столом сидел труп очень пожилой дамы. Я видела ее со спины под резким электрическим светом, лампочка висела прямо над ней. Сквозь лохмотья рваной, ветхой кофты кое-где проглядывали остатки пожелтевшей плоти, с черепа свисали спутанные пряди тонких седых волос, а там, где они заканчивались, остро торчали лопатки. Я шагнула к ней через силу, едва не плача; в голове у меня помутилось, желудок стиснуло, к горлу подступала тошнота, и хотя я понимала, что она мертва, но от растерянности и отупляющего страха окликнула ее тоненьким голоском:

— Миссис Бейтс? Миссис Бейтс!

Труп, конечно, не шелохнулся. Я подошла поближе, и мне бросилось в глаза, что она сидит — точнее, ее усадили — не за обычным столом, но за карточным, с обтянутой зеленым сукном столешницей. Перед ней были разложены карты, как в игре «Пелманизм»^[4], тренирующей память. Уже хорошо знакомые мне карты, с корявыми и слегка отталкивающими изображениями животных, были сгруппированы по парам: рыба с рыбой, тигр с тигром, змея со змеей. И только одной не досталось напарника — карте с гигантским пауком, что стоял на двух лапах, свирепо задрал остальные, словно вызывал кого-то на бой, а его брюхо лоснилось тошнотворным блеском. Паук дожидался, когда его спарят с пропавшей картой — той, что мы явились вернуть.

Оторвав глаза от этого мерзкого, но завораживающего рисунка, на который я смотрела из-за костлявого плеча покойницы, я осторожно подняла руку, прикидывая, осмелюсь ли я дотронуться до трупа. Не рассыплется ли мертвое тело в прах от моего прикосновения, пусть даже самого легчайшего? Не отвалится ли у него рука, подняв облако трухи и пыли, не загрохочут ли кости по полу? Как долго оно здесь находится? И до какой степени истлело?

Моя рука все ближе и ближе к острой лопатке.

— Миссис Бейтс? — снова пискнула я.

А затем, стоило мне коснуться ее...

...Стоило коснуться, как случилось нечто по-настоящему жуткое. Труп резко дернулся и вмиг ожил. Развернулся в кресле — и не голый череп увидела я, но пару вытаращенных в изумлении, безумных глаз. А потом и рот открылся, издав жуткий звук. Долгий, монотонный, будто крик животного, вой на одной ноте, исполненный страха и неразумения происходящего, и казалось, что вой этот никогда не прекратится. Хотя бы по той причине, что кричали двое, — разумеется, я тоже заорала во все горло, и, вероятно, пронзительность, громкость и внезапность моего вопля побудили «труп» вскинуть болезненно тощие руки к потолку, задев лампочку, и та принялась раскачиваться вперед-назад, вперед-назад, отчего перекошенное от испуга лицо (и это был мужчина, в чем более не оставалось сомнений) попадало то в яркое пятно света, то пряталось в тени, свет и тень, свет и тень, лампочка качалась, будто маятник, а мы двое, впившись друг в друга глазами, продолжали вопить что было мочи — до тех пор, пока на лестнице не раздались шаги, а когда я опомнилась...

10

...Когда я опомнилась, то обнаружила, что полулежу в самом удобнейшем на свете кресле, в комнате с естественным освещением и с одной стеной, целиком стеклянной, за которой раскинулся прекрасный обихоженный сад — с каменной изгородью, фонтанчиками и розовыми кустами. Где-то негромко звучала нежная музыка, что-то из гитарной классики. Рядом на низкой скамеечке сидела Элисон и держала меня за руку. Заметив на столике возле кресла кружку со свежесваренным чаем, я сделала глоток. Чай был крепким, сладким и чудесным образом приводящим в чувство.

— Где я? — шепотом спросила я.

— В студии Фиби. Классно тут, да?

Сил у меня хватило только повторить:

— Фиби?

— Бешеная Птичья Женщина. Только мы больше не будем так ее называть. Ее зовут Фиби.

С трудом ворочая головой, я огляделась. В комнате было полно холстов, мольбертов, банок с красками и кистей. Также в комнате стоял обеденный стол — вдвое меньших размеров, чем в гостиной на первом этаже, — и за ним сидел мужчина из подвала; закутанный в одеяло, он играл все в ту же карточную игру.

— Кто это? — прошелестела я.

— Неизвестно. Но мы думаем, что его зовут Лю или типа того, а родом он из Китая.

Дверь отворилась, и в студию вошла Фиби. Мой взгляд скользнул по дверному проему, и я сообразила, что эта прекрасная, светлая, наполненная воздухом студия находилась за той второй дверью в коридоре, что была заперта. И лишь сейчас я вспомнила, как спускалась в темный страшный подвал. Я жадно отхлебнула еще чая.

— Как ты себя чувствуешь, Рэйчел? — спросила Фиби.

— Нормально, спасибо. — Неужели это та самая женщина, которую совсем недавно я боялась как огня? Она же такая милая и добрая.

— Глупенькая, не надо было тебе туда ходить. Вы перепугали друг друга до смерти.

Я улыбнулась:

— Да, вы правы.

Лю за столом радостно вскрикнул. Фиби подошла к нему взглянуть, как идет игра, положила руку ему на плечо и сказала:

— Вот здорово! Ни одной карты не забыл. Молодец! — и добавила, старательно выговаривая, несколько слов на китайском (надо полагать). Лю просиял. По меньшей мере трети зубов во рту у него не было, но улыбка все равно получилась хорошей.

— *Вуа цуо дао лэ*^[5], — произнес он хриплым гортанным голосом.

— Он играет в эту игру вторую неделю, — пояснила Фиби, придвигая стул и усаживаясь между нами. — Я ему предложила, потому что, похоже, он потерял память, и я подумала, что, может быть, с помощью игры память вернется. Карты очень старые, остались от моих родителей. Страшноватые, конечно, но по крайней мере их легко запомнить.

— А... как же они оказались в лесу?

— Я не могу держать его все время взаперти, — сказала Фиби, — словно заключенного. В этом нет смысла. Пусть он здесь немного передохнет, окрепнет. Но никто не запрещает ему уходить и возвращаться когда вздумается. И однажды вечером он отправился в лес, а карты взял с собой. На самом деле он с ними не расстанется. Но, видимо, заблудился, испугался и потерял карты.

Она улыбнулась, но, заметив вопросительное выражение на наших лицах, решила объяснить все по порядку:

— Я нашла его в лесу, дней десять назад, ранним утром. Он сидел под деревом и был так слаб, что едва мог передвигаться. И вид у него был такой, словно давно ничего не ел. Пойти со мной он отказался, и я принесла ему еды. Но он все равно меня боялся, вдобавок я ни слова не понимала из того, что он говорил, и от этого было не легче. Но мне хотелось ему как-то помочь. В полицию я не стала обращаться, вряд ли бы они ему посочувствовали. Люди в Беверли требуют от полицейских не давать спуску бродягам, и, полагаю, именно к этой категории они бы его причислили. Наконец я смекнула, что кое-что он все же понимает по-английски, и к полудню мне удалось уговорить его пойти ко мне домой. Сказала ему, что он может ночевать здесь некоторое время. По-моему, раньше — и не знаю, как долго, — он спал бог знает где, потому что от обычной комнаты с кроватью он шарханул. По вкусу ему пришлось только подвал, и я постаралась устроить там жилье для него: настелила половики, поставила раскладушку, стулья и принесла всякие мелочи, чтобы там было поуютнее. Вроде бы ему понравилось, там он и остался. Наверное, в подвале он чувствует себя в безопасности.

— Но почему он так напуган? — спросила Элисон. — От кого он

прячется?

— К моему великому сожалению, я не многого от него добилась, — ответила Фиби. — Говорит он на мандаринском наречии, я это точно знаю, и, следовательно, прибыл сюда из Китая. Наверное, в поисках работы, и, похоже, он *реально* работал здесь, и довольно продолжительное время. На очень тяжелой работе, иначе не был бы таким изможденным. Уверена, он моложе, чем выглядит.

Меня вдруг осенило:

— Торговля людьми! Может, и его продали в рабство?

На Элисон и Фиби моя догадка произвела впечатление. Гордая собой, своей подкованностью и рассудительностью, я продолжала:

— Я видела передачу по телевизору. Про то, что в Англии есть *рабы*. Настоящие. Большинство из них иностранцы, и им приходится работать чуть не по двадцать четыре часа в сутки, а когда они пытаются сбежать, их бьют или травят собаками.

— Не знаю, как он попал в Англию, — сказала Фиби, — но думаю, что с принудительным трудом он столкнулся. Однако как это выяснить? Зацепок маловато, у него даже паспорта нет и вообще никаких документов. Возможно, паспорт отобрал его хозяин. Но вот что лежало у него в кармане.

Она показала нам клочок бумаги. Это была выписанная от руки квитанция на бланке из дешевой бумаги с голубым штампом. Сверху название компании — «Санбим Фудс».

— «Санбим Фудс»? — прочла Элисон. — Кто они такие?

— Я порылась в интернете, — ответила Фиби, — они производят продукты питания, их головной офис в Кенте. У таких заведений фермерские хозяйства могут быть в любой части Англии, и там они обычно используют дешевую рабочую силу. И у меня имеются кое-какие соображения о том, где именно трудился Лю. Как-то я произнесла одно слово в его присутствии, и с ним случилась форменная истерика. Это слово — *куры*.

Заслышав знакомое слово, Лю резко обернулся к нам, паника исказила его лицо.

— *Куры?* — просипел он. — *Нет. Куры нет.*

Фиби поднялась. Утешая его, помассировала старику плечи, утерла лоб.

— Куры нет, — повторяла она, пока его волнение не улеглось. — Все хорошо, Лю. Куры нет. Для тебя нет.

— А в чем проблемы с курами? — наклонилась ко мне Элисон.

— Помнишь, нас возили на ферму, где делают продукты, там еще все

такое автоматизированное. Это был ужас. Некоторые из нашего класса не могли на это смотреть. Изабель и Анунья с тех пор не едят мясо. Может, и он на такой работал?

— Весьма вероятно, учитывая, что «Санбим Фудс» поставляет свою продукцию компании «Группа Брануин», — заметила Фиби. Что такое «Группа Брануин», она не пояснила, а я в ту пору ничего о них не знала. — Они числят себя среди передовых — с гуманным отношением к животным, вольным выпасом и прочим, но... бывает, что красивые слова лишь прикрывают гнусные прегрешения. А кроме того, в самом начале производственного цикла им очень даже не помешают люди вроде Лю, которых можно заставить трудиться в ужасных условиях.

— И что вы дальше намерены делать? — спросила Элисон, возвращая разговор в практическую плоскость.

— Не знаю пока. Подождем — увидим. Взяла в библиотеке самоучитель мандаринского, и потихонечку мы начинаем друг друга понимать. И кажется, память к нему тоже понемногу возвращается. Он постоянно твердит один слог — сперва я думала, что это какое-то слово, которого я не понимаю, но сейчас склоняюсь к мысли, что это чье-то имя. Сянь.

Лю обернулся и пытливо уставился на Фиби, будто ждал от нее чего-то очень важного.

— *Сянь*, — повторил он. — *Сянь!*

— Точно, — отозвалась Фиби. — Ты хочешь найти его, да? Я тебе помогу.

— *Найти Сянь!* — Лю энергично закивал.

— Моя теория такова, — продолжила Фиби. — Правда, это лишь теория. Но предположим, что Лю и Сянь вместе приехали сюда из Китая — легально или нет, но в любом случае они, скорее всего, отвалили какому-то прохиндею кучу денег за проезд. Потом их разлучили — возможно, прежде чем Лю взяли на работу в «Санбим Фудс», а может, и позже. Либо они работали вместе, кто знает. Ясно одно: если компания базируется в Кенте, а Лю в итоге оказался в Йоркшире, его и других рабочих перевозили с фермы на ферму, что разбросаны по всей стране, и порой на приличном расстоянии. Далее, предположим, что в какой-то момент Лю решил, что с него хватит. И однажды ночью, когда их, допустим, выгрузили у автостоянки для короткой ночевки, он просто улизнул от сопровождающих и дал деру.

— Но он не убежал бы без Сяня, — возразила я.

— Да, ты права, — подумав, согласилась Фиби. — Должно быть, их

разлучили много раньше. Возможно, сразу по приезде в Британию.

— Очень надеюсь, что с ним все будет хорошо, — сказала я, выпрямляясь в кресле и приканчивая чай. И вдруг увидела на стене часы, они показывали половину третьего. Дедушка с бабушкой наверняка уже вернулись и теперь беспокоятся, не зная, куда мы подевались. — Большое спасибо за чай и за то, что поставили меня на ноги. Но нам с Элисон пора домой.

Фиби проводила нас до входной двери:

— Заходите еще, буду рада. Жаль, что мы начали с недоразумения. Я вовсе не собиралась пугать вас в лесу, но мне позарез нужно было найти эти карты. Не хочется, чтобы полиция вычислила, где искать Лю, так что... держите все это при себе, ладно?

— Конечно! — откликнулась Элисон.

И только уже выйдя на крыльцо, я вспомнила:

— А что случилось с вашей пустельгой?

— Откуда ты знаешь, что у меня была пустельга? — изумилась Фиби.

— Видела однажды, как вы ее выпускали в небо — там, в Вествуде. Несколько лет назад.

— Табита... — задумчиво произнесла Фиби, и взгляд ее на мгновение потух. — Я держала ее в сарае в саду. Но как-то ночью сарай взломали. Я так и не выяснила, кто это был. Ее задушили.

Мы ахнули.

— Но это же подло! — возмутилась Элисон. — И кому только в голову такое приходит?

— Не знаю. В городе на меня осерчали — вероятно, за то, что миссис Бейтс меня любила и оставила мне дом. Странные люди, очень странные. — Улыбнувшись, она протянула нам руку: — Но теперь вы со мной познакомились и знаете, что я не такая плохая, как обо мне говорят. Расскажите дедушке с бабушкой, что я не сумасшедшая злыдня, что снует вокруг, убивая старушек. Пусть обо мне пойдут хорошие слухи для разнообразия.

— Расскажу обязательно! — пообещала я.

По очереди мы крепко пожали протянутую руку, и я поймала себя на том, что впервые в жизни не боюсь Бешеной Птичьей Женщины. Но я также понимала, что никогда не привыкну ни к металлическим шуковинам, которыми она утыкала себе все лицо, ни к татуировкам на шее и вокруг глаз. Зачем себя так уродовать? Что подтолкнуло ее к этому? В моей голове брезжила догадка, неопределенная и, однако, неискоренимая: к этому неким образом причастна картина, что висит у нее

в гостиной, — пустошь накануне бури и чудовищный черный дом на вершине гряды. Но я не осмелилась спросить ее ни тогда, ни потом.

11

С Фиби мы вновь увиделись лишь один раз. Когда мы вернулись домой, бабушка и дедушка были уже там, и они даже не поинтересовались, где и как мы провели время. Никогда еще я не видела их такими счастливыми. Лишь сейчас мы поняли, что за черное облако висело над ними всю неделю. Но все закончилось хорошо: бабушке выдали результаты сканирования мозга, и врач сказал, что никакого рака у нее нет. А есть только нечто под названием менингиома: доброкачественная опухоль, легко удаляемая хирургическим путем. Облегчение, радость и беззаботность наполнили дом, и было это чувство таким сладким и насыщенным, что, казалось, его можно потрогать руками или попробовать на язык. Дом и сад словно залило светом.

В четверг, в наш последний день в Беверли, мы вчетвером отправились после обеда в Вествуд на пикник. Бабушка и дедушка сидели на скамье, опоясывающей Черную башню, а мы с Элисон, расстелив покрывало, валялись на солнышке, уплетая бутерброды с рыбным паштетом и шоколадный торт, испеченный бабушкой. Затем Элисон растянулась на траве, закрыла глаза и заснула или притворилась, будто спит. Я села и позволила себе предаться размышлениям. Меня тянуло домой, к маме, я соскучилась по ней, и одновременно точила мягкая грусть от мысли о скором расставании с этим местом, таким обжитым и уютным. Оно ощущалось теперь почти как родной дом. Я вспомнила, как впервые сидела здесь с братом, всего несколько лет назад, холодным серым октябрьским днем, и как тогда, ближе к вечеру, в спустившихся сумерках он зло подшутил надо мной. А потом, ровно в тот момент, когда в памяти моей возник образ Фиби, толкающей по полю кресло-каталку с миссис Бейтс и пустельгой Табитой на плече, в отдалении появилась Фиби собственной персоной, и приближалась она с той же стороны, что и тогда, но теперь она весело махала нам, как старым знакомым. Она села рядом с нами на покрывало, и я представила ее бабушке и дедушке (им заблаговременно был дан отчет, тщательно отредактированный, о нашем посещении ее дома); с инстинктивной вежливостью они привстали, подали руки, поздоровались, однако присутствие Фиби их явно сковывало.

Фиби явилась попрощаться с нами, но засиживаться не могла. Ее

одолевали заботы.

— Лю исчез, — сообщила она. — Точно не знаю когда. Вчера утром я спустилась в подвал, а его нет.

— Надо его найти, — сказала я. — Мы с Элисон поможем. Вряд ли он далеко ушел.

Фиби покачала головой:

— Я искала его все вчерашнее утро. Колесила на машине по округе. И все зря. Больше я ничего не могу сделать. И вряд ли он ушел бы, если бы не почувствовал, что готов уйти. Физически он сейчас много крепче, чем был неделю назад. Нам остается лишь надеяться на лучшее.

— Мы завтра уезжаем домой, — сказала Элисон. — Вы напишете нам, если узнаете о нем что-нибудь?

— Разумеется, — ответила Фиби. Но так и не написала.

Удивительно, но именно Элисон впоследствии поддерживала общение с ней, пусть и урывками. Картины Фиби — и даже не столько сама живопись, но студия, атмосфера ее дома, образ жизни в целом и все, что ее окружало, — произвели неизгладимое впечатление на Элисон, и с тех пор искусство стало ее страстью. Ее мать вернулась из отпуска с новым бойфрендом, и вскоре они переехали к нему в Бирмингем. Поэтому в дальнейшем мы почти не виделись, но события той недели, что мы провели в Беверли, образовали между нами связь, которую было нелегко разорвать. Я стартовала с равнодушия к Элисон; затем был короткий период, когда я ее ненавидела; в конце концов мы подружились, и наша дружба крепла на протяжении многих лет, вопреки тому, что мы жили в разных городах, росли порознь и по-разному, а иногда неверно понимали друг друга.

Те несколько дней в начале лета 2003 года с их переживаниями и тайнами не отпускают меня. Воспоминания по-прежнему отчетливы и яркие. Я помню, как в новостях сообщили о том, что найдено тело Дэвида Келли, и как это известие потрясло и огорчило бабушку с дедушкой, а меня заставило кое-что понять о бесповоротности смерти. Я помню смертную тень, что нависала над нами в те дни, и щекотную эйфорию, когда эта тень волшебным образом растаяла.

Есть и кое-что еще, что я не в силах забыть. Не в силах по той простой причине, что оно всегда маячит передо мной, даже сейчас, когда я пишу эти слова, — карта из игры «Пелманизм» с отвратительным изображением гигнатского разноцветного паука. На наш прощальный пикник Фиби принесла колоду этих карт и подарила нам с Элисон по пауку — на память о нашем приключении, а также как символ нашей дружбы, которую, сказала Фиби, мы должны оберегать, потому что ничего более ценного в

нашей жизни не будет. О подарке Фиби мы с Элисон никогда не говорили, и я не знаю, хранит ли она свою или потеряла. Но моя карта всегда при мне: сначала я держала ее в особом ящичке прикроватной тумбочки, потом перебралась с ней в Оксфорд, а теперь...

Теперь она стоит на моем письменном столе. Смотреть на нее никогда не доставляло мне удовольствия; напротив, паук неизменно меня пугал, и сегодня вечером в мертвой тишине этого дома он опять отравляет мое воображение причудливыми образами, и я не могу удержаться, чтобы в который раз не подойти к окну, отдернуть штору и выглянуть в сад. И пристально взглядеться в тенистые заросли.

Там ничего нет. Совсем ничего.

Такая тишина. Такая тьма. Неудивительно, что в мире, подобном этому, многое способно исчезнуть. Даже люди. Люди вроде Лю, чье существование было столь шатким, столь никем не замечаемым, что ему легко удалось улизнуть в лес на рассвете и попросту испариться, смешавшись с туманом. Сумел ли он найти своего друга? За минувшие годы я множество раз задавала себе этот вопрос. Мужчины, что утонули спустя год в заливе Моркембе, собирали моллюсков для своего работодателя, предпочитавшего нанимать нелегальных иммигрантов, пока коварный прилив не утащил их на дно... Они были китайцами, большинство из них. Недавно я снова читала в интернете об их жуткой гибели, и у меня свело желудок, когда я увидела, что одного звали Сянь. Но ты же знаешь, уговариваю я себя, в Китае это очень распространенное имя.

Вторая попытка

Возможно, глядя, как страдает любимый человек, мы способны многое понять — и даже больше, чем когда страдаем сами.

Доди Смит. «Я покоряю замок» (1948)

1

От кого: Сьюзен Уэллс

Кому: Вэл Даблдэй

Тема: Re: Дилемма

14.09.2011 22:17

Дорогая Вэл,

Ты попросила совета. Боюсь, тебе не понравится то, что услышишь.

Для начала, сложности на твоей работе меня очень огорчили. Ты не удивишься, узнав, что здесь ситуация не лучше: библиотеки если не закрываются, то сокращают финансирование, и им предлагают убавить штат. Уверена, тебя не уволят, но я понимаю, как тяжело, когда денег каждую неделю становится все меньше. И такое происходит повсюду. Даже в нашей адвокатской фирме сокращают сотрудников. Мы в основном занимались юридической помощью, но сейчас мало кто к нам обращается — люди предпочитают сами представлять себя в суде. А в итоге плохо всем.

Настроение отвратительное. Кажется, что все катится к чертям, и нам еще четыре года терпеть этих людишек. Ты, похоже, оказалась в одной из самых опасных зон. Подумать только, наши дочери не вылезали из библиотек, и сколько полезного и замечательного они там почерпнули, но нашим внукам всего этого не достанется, по крайней мере, не в прежнем объеме. Впору завывать.

Но послушай, Вэл, какой бы отчаянной ситуация ни была... при чем тут Стив?! Ты хочешь к нему вернуться? Да, прямо ты об этом не говоришь, но если читать между строк, ты склоняешься именно к такому варианту, я правильно поняла?

Одинокой женщине средних лет иногда бывает очень паршиво. Это мы обе знаем. Но неужто ты забыла, как он с тобой обошелся?..

И спроси Элисон, что она об этом думает, если еще не спросила!

Люблю, обнимаю,

Сьюзен.

* * *

— Угадай, с кем я ехала в автобусе на прошлой неделе? — спросила Вэл.

— Что это? — порывшись в сумке с продуктами, Элисон выудила

упаковку с морковью.

— Это морковь.

— Вижу. Но она не органическая.

— И что? — обиделась мать. — От этого она не перестала быть морковью. Я сидела рядом со Стивом, если тебе интересно.

Элисон нахмурилась. О Стиве она предпочла бы больше никогда не вспоминать.

— Мы же всегда покупали органическую? В этой полно пестицидов и химикалий, иначе она не была бы такой гладкой и одинаковой.

— Да, но эта вдвое дешевле, ее мы отныне и будем есть. Так что привыкай. — Вэл выхватила морковь из рук дочери, порвала ногтем упаковку и высыпала содержимое в холодильник. — Мы славно поболтали.

— Рада за вас.

— Дела у него не очень. В колледже его сначала сократили, а потом взяли фрилансером. И теперь платят за ту же работу вдвое меньше.

— Целых четыре? Я не ошиблась? — воскликнула Элисон, вынимая из сумки одну за другой бутылки пино гриджио.

— На них была скидка в пятьдесят пенсов, — сказала Вэл.

— Ну да, и купив четыре, ты сэкономила кучу денег.

— Ой, прекрати. Я вот что подумала: не пригласить ли его поужинать?

— Не глупо ли экономить на овощах, чтобы транжирить деньги на вино?

— Я не транжира. Ты ведь тоже его пьешь, разве нет?

— Иногда.

— Так что ты об этом думаешь?

— О чем?

— О том, чтобы поужинать со Стивом.

— Я тут ни при чем. — Не глядя на мать, Элисон вынимала продукты из сумки.

— Конечно, при чем! Он ведь был твоим отчимом какое-то время.

Элисон развернулась к ней:

— *Никогда* он не был моим отчимом. Никким образом, ясно? Он был парнем, с которым ты... временно сожительствовала, ради которого переехала в другой город, а когда возникли трудности, он тебя бросил.

— До чего же ты несправедлива! — В голосе Вэл уже слышались слезы.

— Ты что, забыла, мам? Когда меня прооперировали, как он себя повел?

Вэл бросила на дочь гневный взгляд и всхлипнула:

— Значит, я больше не могу рассчитывать на твою поддержку, да? Пусть не всегда, но хотя бы изредка, и то *на хрен* не могу. — Схватив бутылку с кухонного стола и бокал с полки, она рванула в гостиную.

Элисон постояла неподвижно, удивляясь тому, как мало нужно, чтобы разгорелась ссора. Затем тряхнула головой и продолжила опустошать сумку. Она услышала, как в соседней комнате включили телевизор: региональные новости, телевикторина, комедийный сериал — мать переключала каналы. Она представила, как Вэл яростно откручивает пробку на бутылке, наполняет бокал на три четверти и пьет вино будто лимонад — иначе она теперь и не пила. Три-четыре больших глотка, один за другим, не отрывая губ от кромки бокала.

Поразмыслив недолго, Элисон решила, что мириться — как повелось, ее забота. Вэл научилась дуться без устали, а Элисон не хотелось провести вечер в молчании. Она встала в дверях гостиной:

— Мам, прости.

— Все нормально. — Вэл не обернулась и не убавила звук.

— Ты меня слышала? Я сказала *«прости»*.

Вэл дернула головой в ее сторону:

— Да. Слышала. Хорошо. Извинения приняты. Но было бы еще лучше, если бы ты, прежде чем обижать меня, трижды подумала, стоит ли это делать.

Это было чудовищно несправедливо, но Элисон смолчала: длить перепалку не имело ни малейшего смысла.

— Я послушала твою песню, — сменила она тему.

Фраза произвела мгновенный эффект. Вэл приглушила телевизор и повернулась к дочери с заискивающей улыбкой:

— Да? И как тебе?

Ответ дался Элисон легко. Как бы ни бесило ее поведение матери, музыку, что та сочиняла, Элисон любила всегда и слушала постоянно, ни разу не усомнившись в том, что придет день — и везение пополам с настойчивостью вернут Вэл в поле зрения публики и ее песня снова станет хитом. А новая песня, которую Элисон включала на протяжении дня, была определено одной из лучших.

— Очень хорошо, — сказала она. — Прекрасно на самом деле.

— Правда? Ты ведь не просто так говоришь? Не для того, чтобы отвязаться?

— Нет, мама, не просто так. Песня — супер. Ты и сама знаешь.

— Присядь. — Вэл похлопала ладонью по дивану и, когда Элисон

уселась рядом с ней, порывисто обняла дочь: — А что ты думаешь об аранжировке?

— Вполне приличная. То есть... э-э... почти в норме.

— Ну, это максимум, что я могу сделать в домашних условиях. Значит, по-твоему, эту песню можно давать слушать?

— Не знаю, мам. Я же не в музыкальном бизнесе.

— Арендовать бы студию... Часа на три или на четыре, когда у них простой, я бы тогда смогла записать вокал как надо.

— Еще бы. Отличная идея... если ты можешь себе это позволить.

— И отправила бы запись Черил.

Элисон кивнула. Она никогда не знала, как реагировать, когда мать упоминала своего так называемого агента, что уже лет десять не перезванивала Вэл и не отвечала на сообщения.

— А название тебе понравилось? — спросила Вэл. — «Ко дну и вплавь». Цепляет или не очень?

— Мне в этой песне все нравится.

Вэл опять заключила дочь в пылкие объятия, и, опасаясь, что излишняя затынута, Элисон мягко высвободилась и встала:

— Ладно, я пойду наверх. Надо закончить письмо к Рэйчел.

— Забавно, — сказала Вэл. — Я только что получила весточку от ее матери по электронке.

— Да? И как она поживает?

— Нормально. Расстраивается из-за работы, как и все вокруг.

— Вот с кем тебе надо посоветоваться насчет Стива.

— Ай, мы со Сьюзен давным-давно не говорим на такие темы. — Вэл уже смотрела на экран, врубая звук.

Разговор, судя по всему, был окончен. Оставив мать смотреть рекламу финансовых услуг (при том, что она никогда ими не воспользуется) и летнего жилья (при том, что отпуск ей давно не по карману), Элисон поднялась в свою комнату, где вытащила из ящика стола, набитого всякой всячиной, недописанное письмо и перечитала его.

В последние годы они с Рэйчел баловались самыми разными способами связи, благо выбор был велик: обменивались электронными письмами и сообщениями, переговаривались в Фейсбуке и в *WhatsApp*, а недавно даже опробовали новехонькое приложение *Snapchat*, пересылая друг другу фотографии и короткие сообщения, что оставались на экране всего несколько секунд, а затем исчезали навеки. Но нередко случалось, что кому-то из них нужно было поделиться с подругой чем-то особенно личным, и тогда в ход шло только письмо, настоящее, старомодное, на

бумаге. И то, что сейчас Элисон хотела поведать Рэйчел, было на сто процентов особенным и личным.

Пока, впрочем, исписав две страницы, она даже на полшага не приблизилась к главной теме. Последний абзац выглядел так:

Вторую неделю хожу в колледж (да, киса, это тебе не Оксфорд с Кембриджем, у нас учеба начинается в сентябре), и пока все очень даже круто. Не уверена, что программа полностью меня устраивает, но какое счастье обретаться среди студентов и преподавателей, которые хотят от тебя лишь одного: чтобы ты занималась *искусством!* С тупой зубрежкой наконец покончено!

Конечно, об этом тоже необходимо сообщить, но Элисон ругала себя: сколько можно умалчивать о самом насущном. Она нервно схватила ручку, покусала кончик минуты две и написала:

Хотя все это на самом деле не так уж и важно. Не для того я тебе пишу. А пишу я, потому что есть кое-что, о чем ты должна знать и о чем я еще никому не рассказывала. Хочу, чтобы ты узнала первой, потому что... ну, причин множество. Но в основном, потому что ты — мой самый давний настоящий друг и твоя реакция значит для меня невероятно много. Итак, догадываешься, о чем я? Разумеется, нет. С чего вдруг? (Глубокий вдох.)

Я — лесбиянка.

* * *

В субботу днем, решив слегка пополнить свой гардероб перед отъездом в Оксфорд, Рэйчел отправилась с матерью по магазинам. Спад в экономике никуда не делся, но вы бы ни за что об этом не догадались, глядя на толпы людей, кочующих от прилавка к прилавку в Городском центре Лидса в упорных поисках товаров длительного пользования. *Miss Selfridge* и *Monsoon* кишели покупателями. В *Primark* было не повернуться. В *H&M*, *Topshop*, *Claire's Accessories* и *Zara* протискивались с трудом. А в *River Island* и *Lush* людей заворачивали с порога. Домой Рэйчел с матерью возвращались разморенными и выдохшимися.

Увешанные пакетами, они тащились по улице к дому, когда увидели припаркованную напротив их двери машину — ярко-красный «порше». Прислонившись к автомобилю, с довольной улыбкой на них глядел брат Рэйчел, Ник.

— Черт побери, — сказала мать, — что ты тут делаешь?

— Привет, мама. Привет, сестричка. — Он поцеловал обеих. —

Притворитесь, что вы хоть чуть-чуть рады меня видеть.

— Естественно, рады. Но было бы неплохо, если бы ты предупредил нас заранее.

— Я только что прилетел из Гонконга. Дай-ка я тебе помогу.

— Из Гонконга? — переспросила Рэйчел, отдавая брату пакеты. — Я думала, ты на Кубе.

— У тебя устаревшая информация. Впрочем, за мной не угонишься.

Ник не появлялся дома более года. В свои двадцать шесть он выглядел, как ни странно, моложе и красивее, чем в юности. Чувства Рэйчел к брату, по сути, не изменились с тех пор, как двенадцать лет назад они вместе гостили в Беверли у бабушки с дедушкой, когда брат столь жестоко разыграл ее в полутемном соборе, — иными словами, она его обожала, не одобряла и в глубине души побаивалась. Эта затаенная настороженность ничуть не уменьшилась, когда Ник повзрослел и закрутил некий бизнес на пару с «деловым партнером» по имени Тоби. Их деятельность привела к тому, что отныне Ник наслаждался жизнью заядлого путешественника, заключая какие-то непонятные сделки на разных континентах и перепрыгивая из страны в страну то ли по надобности, то ли из личной прихоти; по международным аэропортам он передвигался с той же уверенной небрежностью, с какой большинство людей вышагивает по пригородным железнодорожным станциям. То, чем они с Тоби зарабатывали на жизнь, явно приносило завидный доход, однако о подробностях их бизнеса Ник не распространялся, и Рэйчел чувствовала, что лучше и не спрашивать.

Отпирая дверь, она увидела, что наконец доставили почту.

— О-о... письмо от Элисон, — обрадовалась Рэйчел.

— Оставь. — Ник взял у нее письмо и бросил на столик в прихожей. Они с Элисон всегда друг друга недолго любили. — Я здесь всего на один вечер. И ради такого случая помести меня в эпицентр своего внимания.

— Ладно, — улыбнулась Рэйчел. — И все же, зачем ты приехал?

— На твоё восемнадцатилетие, зачем же еще. Или ты думала, что я пропущу столь знаменательное событие?

— День рождения был три месяца назад, — рассмеялась Рэйчел.

— Знаю. И ты уже решила, что праздновать больше нечего. Вот поэтому сегодняшний вечер и станет таким особенным.

— А если бы этот вечер был у меня занят? — сказала Рэйчел, прикидываясь девушкой нарасхват. — И что ты, собственно, задумал?

— Сюрприз. — Ник привлек ее к себе. — И огромный, без ложной скромности говоря.

Вскоре выяснилось, что он не преувеличивал. Поболтав с матерью минут пять, Ник усадил Рэйчел в «порше», и они двинули к северу от Лидса по шоссе А61. У Харвуд-хауса Ник сбавил скорость, на часах было шесть.

— Ты что? — удивилась Рэйчел, когда Ник свернул на извилистую подъездную дорожку. — Там уже закрыто.

— Для большинства — да, закрыто.

Как ему это удавалось? Рэйчел подозревала, что дело было не столько в деньгах, сколько в связях, и часто самых неожиданных, которыми оброс ее брат. Эти связи, вероятно, и позволили ему устроить для себя и сестры частную экскурсию по галерее с последующим шампанским на террасе и ужином на двоих в Парадных покоях.

Галерея произвела на Рэйчел наибольшее впечатление не в последнюю очередь благодаря двум новым работам Энтони Громли, дополнившим постоянную коллекцию. Сюда бы Элисон, подумала Рэйчел, вот кто был бы в восторге от такого привилегированного показа. Она сфотографировала одну из скульптур и, пока они с Ником ждали шампанского на террасе, отправила снимок Элисон на *Snapchat*.

Вскоре на телефоне возникла фотография спальни Элисон в Ярдли.

Эй, Рэйч, ты получила мое письмо?

Фраза просуществовала на экране секунд десять и растворилась в небытии. В качестве ответа Рэйчел быстро сфотографировала парк, простирающийся перед ними в лучах закатного солнца, и написала, водя пальцем по экрану:

Да, скоро отпишу тебе.

Элисон:

Красиво! Ты где?

Рэйчел сделала снимок самого дома и добавила:

С братом. В чудеснейшем месте.

После довольно продолжительной паузы Элисон коротко осведомилась:

Нахера?

Похоже, она что-то не так поняла, решила Рэйчел. Сделала еще один снимок, на сей раз галерейной коллекции, и подписала:

Разве это не в твоем вкусе?

Больше от Элисон ничего не пришло, но Рэйчел сочла это нормальным. Появившийся официант возвестил, что ужин подан.

На следующий день Рэйчел прочла письмо от Элисон и в глубоком волнении немедленно принялась за ответ. Начала она с прочувствованных

слов в поддержку Элисон, призывая подругу не стесняться и тем более не стыдиться того, что она поняла о своей идентичности. Поклялась, что они навсегда останутся друзьями, что бы ни случилось. И выразила надежду на скорую встречу, чтобы все обсудить с глазу на глаз.

Не получив ни слова в ответ, Рэйчел поначалу удивилась. Молчание подруги она объяснила занятостью в колледже. Потом и у нее начался первый семестр в Оксфорде, и хотя новые впечатления отвлекали от мыслей об Элисон, недоумение не рассеялось. Она звонила Элисон, слала сообщения, пыталась пообщаться с ней в Фейсбуке — все безрезультатно. Рэйчел задумалась: не обидела ли она подругу каким-нибудь словом или фразой в своем письме? Не прозвучали ли ее уверения в преданности недостаточно искренними? А рассуждения чересчур педантичными: мол, открытие, сделанное Элисон, является не столько поводом для торжества, сколько очередной проблемой в ее жизни? Шли недели, складываясь в месяцы, недоумение убывало, слабело, но до конца так и не рассеялось. В итоге оно трансформировалось в тихую, но занозистую обиду. В конце концов, Рэйчел не в чем себя упрекнуть. Откликнулась, как и должно хорошему другу. И заслуживала немного большего, чем глухое молчание.

* * *

Автобус номер 11 ходит по закольцованному маршруту, объезжая Бирмингем по кругу за два с половиной часа. Разумеется, мало кто из пассажиров проводит в салоне больше получаса. Элисон и Селена, новоиспеченные студентки и уже подруги, сидели в нижнем отсеке автобуса 11А, двигавшегося против часовой стрелки от Борнвиля к Холл-Грин. Девушки ехали домой из колледжа, продремав полтора часа на лекции «Введение в историографию архитектурного метапространства», не сумевшей пробудить в них живой интерес. Не беда. Нельзя же рассчитывать, что все предметы будут невероятно увлекательными.

У сентябрьского солнца еще хватало запала омыwać город бледно-золотистым светом, отражаясь в ветровых стеклах автомобилей и на панелях теплиц, возведенных на садовых участках. Когда автобус, вздрогнув, остановился у «зебры», Элисон глянула на телефон: почти половина седьмого. Поездка получалась очень неспешной.

— Ты прямо домой? — спросила Селена.

— Нет. Встречаюсь с мамой в пабе. И с ее новым бойфрендом. То есть «новым» только она его называет. На самом деле это ее старый бойфренд. Просто он опять нарисовался.

— И как ты к этому относишься?

— Лишь бы мама была счастлива, — без особого энтузиазма ответила Элисон. И после паузы: — Твои предки все еще вместе, да?

— Ага, — засмеялась Селена. — Иногда я не понимаю почему, но они упертые, сохраняют брак. Ради нас, детей, наверное, ну и по другим причинам тоже. Молодцы. Среди моих друзей многие прошли через развод родителей. И мало им не показалось. Ты единственный ребенок?

Элисон кивнула.

— Тогда тебе еще хуже. Я хочу сказать, что дома всегда только двое, ты и мама, и спорим, ты о ней заботишься не меньше, если не больше, чем она о тебе.

— Это правда. Вдобавок, знаешь, часто накатывает такое, мать его, чувство одиночества. Сидим на кухне, ужинаем, только мы вдвоем. Если не включить радио или телик, слышно, как на стене часы тикают.

Большие светло-карие глаза Селены смотрели сочувственно:

— Вот что, приходи к нам на обед или ужин когда захочешь... Просто скажи мне, не стесняйся. Нас пятеро, и обычно у нас шумно и весело. Сможешь развеяться.

Глядя Селене в глаза, Элисон вздохнула и вдруг заговорила совершенно иным тоном, взволнованным и доверительным:

— Послушай, мы знакомы всего ничего, но я хочу тебе кое-что рассказать. О себе. Точнее, ты *должна* об этом знать.

Перемена в ее голосе заставила Селену настроиться на серьезный лад. Выждав, пока мимо них протиснутся к выходу пассажиры, она сказала:

— Хорошо. Выкладывай.

Не говоря ни слова и по-прежнему не отрывая глаз от Селены, Элисон мягким движением взяла свою подругу за руку. Затем тихонько, осторожно, так, чтобы не привлечь внимания других пассажиров, поднесла руку Селены к своему левому бедру и положила ладонью вниз чуть повыше колена. И сжала руку подруги, давая понять, что Селена имеет право — и даже обязана — ответить тем же жестом, стиснув бедро Элисон.

Глаза Селены удивленно вспыхнули. Обе долго молчали — от замешательства и неуверенности. Селена не отводила взгляда от Элисон, не убирала руку с ее бедра, более того, даже не попыталась отдернуть ладонь. Постепенно ее губы растянулись в улыбке, улыбка становилась все шире, обнажая зубы, и наконец, более не в силах сдерживаться, Селена расхохоталась.

— *Какого хрена!* — воскликнула она, и Элисон рассмеялась вместе с ней. — *Какого, нафиг, хрена!* — не унималась Селена. На них начали оборачиваться, но им было все равно. — У тебя что, приставная нога?

— Ну! — выдавила Элисон, согнувшись от смеха. — Господи, какое у тебя было лицо!

— Еще бы, я же не понимала, что происходит! А тут такое... типа... что это? Из чего она? Похоже на пластик.

— Само собой, пластик. Их больше не стругают из дерева. Я не какой-нибудь чертов Джон Сильвер.

— Но... почему? Давно ты с ней?

Автобус пересек Кингс-Хит, а потом одолел и Суонсхерст-лейн, пока Элисон рассказывала свою историю. Пассажиры входили и выходили, на Экокс-Грин сменился водитель, но две студентки были так поглощены друг другом, что не замечали ничего вокруг.

— Когда мне исполнилось десять, — говорила Элисон, — у меня начала побаливать нога, причем без всякого повода. Постепенно боль усилилась и потом уже не исчезала. Тогда мы как раз переехали в Бирмингем, и вот в больнице Королевы Елизаветы я сдала сотню анализов, и в итоге у меня диагностировали очень редкое заболевание под названием «саркома Юинга», то есть реально агрессивную форму рака. Меня долго держали на химиотерапии, но в конце концов решили, что этого недостаточно, и сказали, что придется-таки все отрезать.

— Блин, это ужасно.

— Ну, альтернатива была как бы еще хуже. Во всяком случае, вот она я. Живая и прыгучая.

Селена сперва не поняла, шутит Элисон насчет прыгучести или горько иронизирует, и когда Элисон улыбнулась, с облегчением засмеялась.

— Хочешь посмотреть? — спросила Элисон. — Выглядит очень натурально.

Она закатала левую штанину почти до колена — эта часть протеза действительно с поразительной правдоподобностью имитировала плоть и кость.

— Колено не такое красивое, я тебе его потом покажу. — Элисон спустила штанину. — Но в общем здорово, да? Они даже подобрали оттенок под цвет моей кожи. Когда они приступают к сооружению ноги, тебе дают альбом со всякими разными оттенками кожи и ты выбираешь, почти как в магазине, когда ковер покупаешь или обои.

— Заливаешь.

— Нет. Я могла бы выбрать белую ногу, если б захотела. Прикольно было бы, а? Я — типа ходячий пример этнического разнообразия.

Рак был настолько агрессивен, пояснила Элисон, что хирургам ничего не оставалось, как провести трансфеморальную ампутацию, убрав и колено

тоже. То есть ее нога напрочь лишилась двигательной силы коленного сустава — одного из самых могучих суставов человеческого тела, — поэтому по лестнице она поднимается медленно, затрачивая на каждую ступеньку в два раза больше времени, чем прежде. Однако на ровных поверхностях, когда никто не загромождает ей дорогу и не путается под ногами, она шагает абсолютно спокойно и уверенно.

— И сколько времени прошло, — спросила Селена, — прежде чем ты ощутила эту ногу... своей, настоящей?

— О нет, настоящей она никогда не была и не будет. Но ощущение... не знаю... комфорта, что ли, когда ты к ней приновишься, возникает довольно скоро. Со мной работала физиотерапевт, сперва в больнице, а потом она приходила к нам домой. Мы с ней несколько месяцев занимались. Напряженное было время для всех, очень напряженное. Мужик, о котором я тебе говорила, — Стив, бойфренд моей матери, — он тогда жил с нами. Тут-то он и показал себя во всей красе.

— Не очень хотел участвовать во всем этом?

— Напротив, как раз поучаствовал. Трахнул физиотерапевта.

Секундная пауза, и обе опять расхохотались, настолько дико и смешно прозвучала эта фраза. Впрочем, Элисон предпочитала смеяться, чем вспоминать ту жуть и мучения, когда все ее надежды, казалось, рухнули безвозвратно, а измена Стива доконала ее мать: за считанные месяцы Вэл постарела лет на десять и пристрастилась к алкоголю, без выпивки она не могла заснуть. И как же Элисон не хотелось, страшно не хотелось снова встречаться со Стивом.

— Послушай, — раздумчиво обратилась она к Селене, — а не могла бы ты пойти со мной в паб сегодня? Двинем сплоченными рядами, типа в единстве сила, что скажешь? Просто я не видела его семь лет, и мне бы не помешал друг рядом, чтобы удерживать меня от всяких глупостей.

* * *

На подступах к «Гордому орлу» Элисон коснулась плеча Селены, предупреждая:

— Она белая, между прочим.

— Кто?

— Моя мама.

— И что?

— Некоторые удивляются, вот и все.

— Думаю, я с этим справлюсь. У нее же не две головы, в конце концов.

— Ну, ты меня поняла. Я только хотела, чтобы это не было для тебя

неожиданностью...

— Элисон... не дергайся. Все нормально. Тебе нужно слегка успокоиться.

— Знаю. Ладно.

Склонив голову, Элисон вдохнула, выдохнула несколько раз, пытаясь найти внутренний центр равновесия, а с ним и равновесие душевное. Вытянула руки ладонями вниз и сделала движение, словно отжималась от невидимой гимнастической стенки.

— О'кей, — сказала она немного погодя. — Я готова.

Они вошли в паб.

Стив утратил большую часть волос, с тех пор как Элисон видела его в последний раз, но в остальном практически не изменился. Он чмокнул Элисон в щеку, сгрел в объятия, не оставив ей шансов избежать и того и другого. Когда он направился к стойке за выпивкой для всех, Элисон не могла не заметить, как мать провожает его взглядом, признательным, влюбленным, при том что Вэл была, наверное, единственным человеком в пабе, у кого этот лысеющий мужик с выпирающим брюшком мог вызывать интерес, хотя бы мимолетный. Элисон старалась не выдать своих эмоций, мысленно призывая себя к смирению. Она ничего не в силах изменить, мать и Стив все равно сойдутся — опять. Жизнь иногда бывает слишком предсказуемой.

Очередное доказательство этой печальной истины представилось ей спустя минут пять. Вэл подошла к девушке за барной стойкой и заговорила с ней, показывая на полочку с дисками, которые крутили в качестве фоновой музыки, и Элисон доподлинно знала, что за этим последует. Единственный хит Вэл, попавший в первую двадцатку (двенадцать лет назад), вошел в бесчисленное множество сборников, и, разумеется, уговаривать девушку долго не пришлось: нужный диск вставили в проигрыватель и ткнули в ту дорожку, какую требовалось. По пабу прокатился клавишный перебор, перебиваемый дерзкими ударными, создавая шероховатый, но притягательный аккомпанемент к мощной протяжной мелодии; Вэл солировала, голос у нее был сильный, глубокий, три другие участницы группы подпевали «у-у-у», «а-а-а», и все вместе складывалось в крепко выверенную гармонию.

С извиняющейся, но и горделивой улыбкой, адресованной ее спутникам, Вэл не спеша вернулась к столику. Как раз вовремя, чтобы услышать возглас Селены:

— О-о, я обожаю эту песню!

— Вот как? — удивление Вэл было совершенно искренним. — Ты ее

знаешь?

— Я слушаю ее с детства, с нее и началось мое знакомство с музыкой. Помнится, мама постоянно ее включала.

— Эту песню написала я. — Вэл с жадностью наблюдала, как почтительное изумление проступает на лице Селены.

— *Вы?* Это написали вы?

— Ну да. И пою я. Я — *та самая* Вэл Даблдэй.

Имя Селене ни о чем не говорило: те, кто вообще помнил эту песню, помнили лишь название группы, ее исполнявшей. Тем не менее Селена была потрясена, и даже сильнее, чем ожидала Вэл, учитывая обстоятельства.

— Вы пели в «Голе», да? И еще танцевали на сцене.

— О господи... Этот танец мы репетировали *целую вечность*.

И Вэл пустилась по хорошо утоптанной тропе воспоминаний, рассказывая, как Луизу, четвертую и самую блондинистую и хорошенькую участницу группы, заклинило, и она беспрерывно путала танцевальные па, хотя те были проще некуда, и как они проторчали в Лондоне почти неделю, разучивая движения и доводя хореографа до иступления. Элисон знала эту историю наизусть, но только сейчас подметила, что со временем повествование обрело классическую интонацию уничижительного хвастовства: пусть мы четверо и были наивными и неотесанными, подразумевалось в этой байке, но с нашим музыкальным мастерством очень даже считались — настолько, что солидная звукозаписывающая компания взяла нас под свое крыло. Выслушивать в сотый раз одно и то же было скучно, но, с другой стороны, ее матери доставляло удовольствие вспоминать о былой славе снова и снова, и Элисон слушала, не перебивая, с покорной улыбкой на лице.

— А что вы теперь пишете? — любопытствовала Селена. — Ваша четверка по-прежнему существует?

— Нет, — засмеялась Вэл. — Мы разбежались тыщу лет назад. Сразу после выхода нашего первого альбома.

— Но вы и сейчас в музыкальном бизнесе, верно?

— Конечно. Я сочиняю и пою, иначе я просто не могу жить. Это заложено в моей ДНК.

— Вэл — нереально креативная личность, — вставил Стив, по-хозяйски обнимая свою даму.

— И знаете что? — Вэл в упор смотрела на свою дочь, чей скептицизм, хотя и не высказанный, ошутимо давал о себе знать всем присутствующим. — Черил написала мне сегодня по поводу моей новой

песни.

— Да ну? Здорово. И каково ее мнение? — встрепенулась Элисон.

— У нее пока не было времени послушать. Но она говорит, что непременно это сделает, и очень, очень скоро.

— А, здорово. Ура. Это, конечно, реальный прорыв...

Сарказм в голосе Элисон прозвучал резче и горше, чем ей самой хотелось. Вэл опустила голову, не выдержав пристального взгляда дочери, и торопливо отхлебнула джина с тоником.

— Подобный цинизм по отношению к матери совершенно неуместен, и тем более в такой момент, — сказал Стив.

— А тебе какое дело? — набросилась на него Элисон.

— Стив переживает за меня и мою карьеру. — Заступничество бойфренда ободрило Вэл. — Он собирается договориться со студией в его колледже, чтобы для меня выкроили время, и я смогу записать вариант получше. Видишь, он делает что-то конструктивное, обнадеживающее.

— Кстати, солнышко, — Стив потеснее прижался к Вэл, — я уже перебросился парой слов с Риком, инженером на студии, и он сказал, что лучшее время — вечером в четверг. Если ты сможешь приходить после девяти...

Элисон почти не вникала в их разговор. Она кожей чувствовала смущение Селены; наверное, зря она приволокла ее сюда и окунула в самую гущу семейных разборок, это было эгоистично с ее стороны. Вдобавок ее злил Стив, что напористо восстанавливал себя в должности душевного друга ее матери. Вэл извлекла из сумочки бумагу — с уведомлением о сокращении ее рабочих часов — и теперь обсуждала с ним эту ситуацию.

— Проблема в том, — говорила она, — что если я буду получать меньше, чем сейчас, я не смогу содержать нас двоих. Это совершенно невозможно. А тем более скоро наступит зима, и счета за отопление...

— Не волнуйся, детка, — Стив крепче обнял Вэл, заявляя свои права еще нагляднее, — разберемся. Только дай мне время все обмозговать.

Бокал Элисон был пуст. Селены тоже. Повторить она не предложила.

— Идем, — сказала Элисон. — Провожу тебя до автобусной остановки.

Селена вскочила с явным облегчением.

Когда в багровом сиянии заходящего солнца они зашагали по Уорвик-роуд, пропахшей жареной картошкой, кебабами и курицей по-ямайски, что готовили в многочисленных заведениях фастфуда, Элисон взяла Селену за руку:

— Прости. Было еще хуже, чем я ожидала.

— Все нормально. Но почему ты не сказала, что твоя мама — знаменитость? Это же потрясающе.

— Ну, она больше не знаменитость, сколько бы себя в этом ни убеждала. Но она до сих пор пишет хорошие песни. И это меня... со многим примиряет.

— О чем они со Стивом разговаривали? — спросила Селена. — Когда она ему показала какое-то письмо?

— Насчет работы. Она работает в библиотеке в Харборне.

— Значит, вот кто она сейчас? Библиотекарь?

Они подошли к остановке. В отдалении замаячил автобус; еще один светофор — и он подъедет к ним.

— На данном этапе да, — ответила Элисон. — Но и с этим не все ладно, ей сокращают часы. У библиотек кончаются деньги.

— Зачем же тогда строят большую новую библиотеку в центре? Тратят миллионы?

— Не знаю... И не спрашивай меня, как все это понимать.

Элисон отвечала машинально: автобус приближался, урча, и она лихорадочно раздумывала, в какой форме должно происходить прощание с Селеной. Объятие, дружеское похлопывание по плечу, поцелуй в щеку? В итоге получилась несбалансированная смесь из трех вариантов. Объятие длилось дольше, чем предполагалось обеими, и без нежных поглаживаний по спине тоже не обошлось, а вместо поцелуя они прижались друг к другу щеками, но губы Элисон задели ухо Селены, и воспоминание об этом прикосновении не отпускало Элисон весь вечер, как и тонкий естественный запах, исходивший от ее подруги. По дороге домой она смаковала эти ощущения и вдруг поймала себя на том, что тихонько напевает припев из новой песни своей матери.

*Все было бы круто, выше крыши,
Но хочу слышать, как ты дышишь.
Когда луна захватит воду,
Нырну ко дну и брошусь вплавь.*

* * *

Перри-Барр — Хандсворт — Уинсон-Грин — Беарвуд — Харборн — Селли-Оук — Коттеридж — Кингс-Хит — Холл-Грин — Экокс-Грин — Ярдли — Стечфорд — «Лиса и гусь» — Эрдингтон — Уиттон — Перри-Барр.

Время шло, дни становились короче и холоднее, пока однажды, в

начале ноября, не случилось нечто из ряда вон выходящее.

Рабочие часы Вэл скукожились с четырех полных дней до трех утренних смен в неделю. Зарплату ей уполовинили, и она поневоле все чаще сидела дома. В собачьем холоде. А заодно мучительно размышляя, хватит ли ей денег заплатить за отопление в следующем месяце. К тому же целый день смотреть телевизор в пустой квартире было скучно. Скучно и одиноко.

В среду днем она возвращалась домой из библиотеки на 11-м автобусе. Села в Харборне с намерением доехать до своего дома в Ярдли, дорога обычно занимала минут двадцать пять. Но, когда объявили ее остановку, Вэл передумала. В автобусе было тепло, дома холодно. В автобусе было полно людей, ее дом был пуст. Вид из окна автобуса постоянно менялся, из домашних окон всегда было видно одно и то же. Внезапно она поняла, что ей до смерти не хочется вставать с удобного сиденья и выходить в промозглую сырость.

На часах было 13.15. Совершив полный круг по окраинам города, автобус привезет ее обратно к 15.45. Что ж, замечательно, решила Вэл, — и с тех пор кружить по городу вошло у нее в привычку. Сперва только по рабочим дням, но затем, и очень скоро, она начала прихватывать и вторники с четвергами. Иногда ехала по часовой стрелке, иногда против. Два с половиной часа, когда от нее ничегошеньки не требуется, лишь сидеть смирно, смотреть, как входят и выходят пассажиры, и предоставить своим мыслям бродить окольными путями, под стать медленному круговому движению автобуса.

Ярдли — Стечфорд — «Лиса и гусь» —

Почему у нее в доме так холодно? Потому что ей не по карману оставлять радиаторы включенными на целый день. И даже когда включает, никогда больше не выставляет регулятор на «пятерку», как в прежние зимы. Теперь только на «двойку», а то и ниже. Почему? Потому что библиотека не может ей нормально платить. Потому что правительство радикально сэкономило на библиотечном бюджете. Потому что ныне мы все — предположительно — живем в эпоху «бережливости».

— «Лиса и гусь» — Эрдингтон — Уиттон — Перри-Барр — Хандсворд

Новое ключевое слово, «бережливость», вошло в обиход всего лишь годом ранее. И что оно означает? В 2008-м случился глобальный финансовый кризис, и некоторые из крупнейших международных банков оказались на грани краха. Из беды их выручили сбережениями простых вкладчиков, за что последние теперь и расплачиваются: социальные услуги

минимизировали, пособия урезали. Но оно того стоило, потому что прежде мы жили не по средствам, и вообще «мы все в одной лодке».

— *Хандсворт — Уинсон-Грин — Беарвуд —*

Собственно, именно по этим причинам Вэл теперь если и включала радиаторы, то только на «двойку», и предпочитала ездить и ездить по кругу на 11-м автобусе, нежели возвращаться домой в промерзшую гостиную. И все же она не могла не думать о биржевых брокерах и фондовых менеджерах, чьи действия довели банки до столь отчаянного положения. Многие ли из них, задавалась вопросом Вэл, включают радиаторы не более чем до отметки «два»? Вряд ли.

— *Беарвуд — Харборн — Селли-Оук —*

Это соображение злило ее и угнетало. А злость и подавленность, в свою очередь, провоцировали чувство вины. Элисон не очень-то весело жить с матерью, когда та постоянно сердита и угрюма. Но как ей избавиться от злости и дурного настроения?

— *Селли-Оук — Коттеридж — Кингс-Хит —*

Прошлым вечером Вэл смотрела телешоу, в котором известный комик Микки Парр разразился сатирическим монологом насчет банкиров, что до сих пор получают премии, даже после того, как правительство накачало их «нашими с вами» деньгами, — зрители в студии заливались истерическим хохотом. Вэл сидела на диване с бокалом пино гриджио и озадаченно хмурила лоб. Над чем эти люди смеются? Вместо того чтобы гневаться и впадать в депрессию?

— *Кингс-Хит — Холл-Грин — Экокс-Грин — Ярдли.*

Она все еще размышляла на эту тему когда автобус прибыл на ее остановку, на сей раз поездка длилась чуть дольше — два сорок. Было три часа дня. На выходе Вэл замешкалась: а не остаться ли еще на один круг? Но тут же одернула себя, даже для нее это чересчур. Она спустилась на тротуар и направилась напрямик в супермаркет с целью отыскать на полках что-нибудь, чего они с Элисон еще не ели на ужин (но дешевое). И когда она с пакетом двигалась к своему дому, запел ее мобильный, возвещая о звонке от Черил, что перевернет ее жизнь.

* * *

Элисон опять засиделась в пабе с Селеной и домой вернулась поздно. Входную дверь она отперла, когда уже перевалило за половину десятого. Прошла на кухню и обнаружила сумку с продуктами, до сих пор не распакованную. Из гостиной доносился звук телевизора.

Элисон вынула из сумки первое, что попало под руку, — маленький

пластиковый пакет с надписью «Цыпленок-лакомка», мультяшным лиловым цыпленком, что, хитро улыбаясь, впивался клювом в собственную конечность. Элисон перевернула пакет и прочла надпись внизу мелким шрифтом: «Произведено компанией “Санбим Фудс”, филиал “Группы Брануин”».

С пакетом в руке она отправилась в гостиную:

— Мам, это еще что такое? Решила поприкалываться?

Вэл вскочила:

— Где тебя *черти* носили? Я полдня не могу до тебя дозвониться.

— Прости, телефон разрядился. — Элисон почти кричала, чтобы перекрыть орущий телевизор. — Убавь звук, пожалуйста. И вообще, зачем ты смотришь эту дрянь?

На экране разворачивалось популярное реалити-шоу: с десятков знаменитостей, заброшенных в австралийские джунгли, проходили двухнедельный тест на выживание, а зрители отсеивали их по одному путем голосования. Раньше Вэл такого сорта передачами брезговала, но сейчас, похоже, она была готова смотреть все подряд.

— Зачем я это смотрю? — Вэл ткнула пальцем в экран. Лицо у нее покраснелось, указательный палец дрожал. — Ты правда хочешь знать? Затем, что *я буду в этом участвовать*.

От волнения она пучила глаза, ожидая реакции Элисон. Но для дочери ее слова были пустым сотрясением воздуха. Разумеется, она их расслышала и поняла каждое по отдельности, но связать воедино в осмысленную фразу ее мозг отказывался.

— Ты о чем? — растерянно спросила Элисон.

— Черил позвонила днем. Я сначала подумала, что она хочет обсудить новую песню, но... да ладно, это почти так же круто. Они зовут меня принять участие в передаче. *В этой передаче*.

Элисон открывала и закрывала рот, но после очередной попытки ей удалось выдать лишь:

— Когда?

— Уже послезавтра, — хохотнула Вэл, словно сама не верила тому, что говорит. — Голова кругом, да? Они планировали ввести новое лицо среди выпуска, но тот, на кого они рассчитывали, отпал. И они позвонили Черил и сказали, что им позарез нужно найти кого-нибудь, и она предложила меня.

— Позарез?

— Ну... нет, они как-то иначе выразились. «Крайняя необходимость», кажется. А может, и «позарез». Не помню. Да какая разница. Главное,

через три дня я окажусь в *том* лагере. С *теми* людьми.

Элисон, по-прежнему ничего не понимая, тупо глядела на мать, обе молчали. Но когда до Элисон наконец дошло, наступила форменная эйфория. Мать и дочь с дикими воплями пустились в пляс и танцевали до тех пор, пока Вэл не потеряла равновесия и не наступила на искусственную ногу Элисон. В обнимку они рухнули на диван, и обильные слезы радости текли по их лицам.

2

Вэл сидела по центру гамака, принаравливаясь к его зыбкости и стараясь не вывалиться. Она огляделась. Который час, она не знала, наверное, около четырех пополудни. Трудно было следить за временем, поскольку часами им пользоваться запретили. Большинство из ее товарищей по лагерю спали или, по крайней мере, пытались заснуть. В такую жару делать было больше нечего. Эдит, престарелая звезда мыльной оперы, лежала на спине, свесив одну руку за край гамака и тихо похрапывая. Роджер, прославившийся историческими передачами на ТВ, свернулся в позе зародыша спиной к Вэл, его шорты от поясницы и до копчика были мокры от пота. Пит, говорливый участник многих реалити-шоу, что уже принесло ему немалую известность, одну руку держал на мошонке, другую закинул за голову. И лишь Даниэль, неизменно обворожительная красавица Даниэль сохраняла пристойный вид и внутреннюю собранность. Она вытянулась на спине в идеальной неподвижности, сложив руки на животе и ровно дыша, а ее потливость обнаруживалась лишь в россыпи капелек над выемкой меж округлых грудей, что лишь служило дополнительным штрихом к ее тщательно выверенному «естественному очарованию». Загар у нее был гладким и ровным, и, сдаётся, она прошлась тональным кремом по комариным укусам на лице и шее, вопреки действовавшему в лагере запрету на косметику. Даниэль умела обходить такого сорта препоны.

Вэл, напротив, чувствовала себя дерьмово и понимала, что выглядит, наверное, так же. Готовясь к поездке, она твердо решила выглядеть перед камерами идеально, но уже успела расстаться с этой мыслью. В конце концов, кому какое дело, на что она похожа? Самое главное — как говорила Элисон — быть «самой собой, и тогда все начнут тебе симпатизировать». Это первое, а второе: не упустить случая и спеть «Ко дну и вплавь» перед десятиmillionной аудиторией шоу. Хотя в данный момент последнее, чего бы хотелось Вэл, это разразиться песней.

Не то чтобы она сильно мучилась из-за смены часовых поясов. Джетлаг не так страшен сейчас, предупредили ее, как после обратного путешествия в Англию. Просто она чувствовала себя как на другой планете. Пять дней назад она сидела дома в Ярдли, откуда не выезжала — не считая редких коротких отпусков всегда с Элисон и всегда в пределах Британских островов — почти десять лет. Но за последние пять дней с ней произошло

столько всего. Так много, что она уже путалась в последовательности событий. Помнилось ей...

...как она сломя голову рванула в Лондон на две срочные встречи. Первая состоялась в офисе продюсерской компании «Стёркус Телевижн». Молодая деловитая помощница продюсера по имени Сюзанна встретила ее на стойке и повела в апартаменты Хилари Уиншоу, названные в честь легендарной директрисы, что пришла в компанию в начале 1990-х и преобразила ее целиком и полностью, выбрав для «Стёркуса» рентабельную стратегию с 90 % программ в жанре реалити-шоу. В «Стёркусе» Вэл коротко проинформировали об условиях путешествия, выдали контракты на подпись и сообщили, что в Австралию она отправится вместе с Сюзанной, которая не отойдет от нее ни на шаг до той минуты, пока Вэл не сядет в вертолет, чтобы лететь в джунгли. Вторая встреча происходила к кабинету врача на Харли-стрит. Доктор наскоро осмотрел Вэл и еще быстрее провел психиатрическое обследование.

— Ты сказала им, — спросила Элисон, когда Вэл вернулась вечером, — что до смерти боишься насекомых?

Верно, кроме всего прочего, Вэл спрашивали, не страдает ли она какими-нибудь фобиями, и она ответила «нет», опасаясь, что иначе ее не возьмут в шоу.

— Ну это же глупо, — расстроилась Элисон. — А если тебя заставят есть тараканов?

— Выдумаешь тоже, — фыркнула Вэл.

И тогда Элисон не сдержалась:

— Ты вообще до вчерашнего вечера смотрела *хотя бы раз* эту идиотскую передачу?

За этим последовала очередная бурная ссора, достигшая штормовой амплитуды, когда Вэл объявила, что ей позволено взять с собой в Австралию одного сопровождающего за счет компании и она берет не Элисон, но Стива...

...такси до Хитроу следующим утром, на заднем сиденье Стив крепко держит за руку Вэл, а ее трясет от волнения и нервной усталости, бежевая застройка Бенбери, Бистера, Хай-Викема, Хемел-Хэмпстеда мелькает по сторонам, пока они мчатся по М40...

...истинное невообразимое счастье лететь первым классом, этот обволакивающий комфорт, марципановая терпкость бесплатного шампанского брют, количество и разнообразие бесплатной еды, деликатесы, которых они никогда раньше не пробовали, икра, фуа-гра, карпаччо из голубого тунца, филе мраморной говядины, тончайшие

ленточки пасты в трюфельном соусе и в финале — односолодовый виски тридцатилетней выдержки, что поверг их в глубокий безмятежный сон, и глубине и безмятежности их сна в немалой степени способствовали радушные объятия раскладывающегося в ложе кресла и расслабляющая услужливость бортпроводников, готовых ради их покоя практически на все, разве что ступни им не массировали, не гладили по голове и не пели колыбельных...

...ослепительный дневной свет, вынудивший их зажмуриться, когда они вышли из самолета в Брисбене, яркость, им прежде неведомая, какую они и вообразить не могли, живя в Бирмингеме, а затем восхитительная суэта, когда в зале прибытия их встретили группа молодых энергичных служащих продюсерской компании и десятка два журналистов с папарацци. Ни с чем не сравнимое ощущение, когда тебя снова узнают и ты больше не чувствуешь себя невидимкой...

...изумительная банальность роскошного отеля на морском побережье рядом с Брисбеном, куда их привезли на лимузине. Умопомрачительные размеры спальни, гостиной и ванной — общей площадью раза в два больше дома Вэл в Ярдли, — отделанных и обставленных с вульгарным великолепием...

...вульгарность, распространявшаяся и на ресторан у кромки бассейна, где они вкусили свой первый ужин на этом удивительном новом континенте и познакомились с сопровождающими других участников шоу: мистером и миссис Перри, родителями Даниэль, неотразимой молодой гламурной модели, которой определено светила победа в этом выпуске шоу; с Мэри Уокер, матерью Пита Уокера, звезды телевизионных реалити-шоу, и ее младшей сестрой Джеки.

«Значит, Питу и Даниэль разрешили взять с собой двоих сопровождающих?» — спросила Вэл у Сюзанны, та кивнула, но вдаваться в объяснения не стала, заронив в душу Вэл подозрение, что среди участников шоу есть некая иерархия, на вершину которой ей не суждено подняться. Но она отмахнулась от этой слегка тревожной мысли, предпочтя наслаждаться обществом новых знакомых, наслаждаться своим местом среди горстки избранных, среди своего рода элиты, вырванной из тусклой обыденности и перемещенной в рай, и вскоре она прониклась теплым чувством к Мэри и Джеки, вспомнившим ее единственный хит и поддакнувшим ей, когда она сказала, что это шоу — как раз то, что ей нужно для перезагрузки карьеры. А вот родители Даниэль ее не слишком порадовали, и позднее Вэл со Стивом пришли к выводу, что те вели себя довольно странно, особенно когда Вэл заказала салат «Цезарь». Увидев

блюдо, миссис Перри расплакалась, потому что, как выяснилось, Цезарем звали их боксера, скончавшегося буквально накануне их отлета в Австралию, а ведь он прожил с ними двенадцать лет, и эти рыдания над салатом Вэл и Стив сочли перебором, но, разумеется, выразили соболезнования, списав выходку миссис Перри на шампанское, которого все они выпили по полторы бутылки на нос, прежде чем отправиться спать...

...полет на вертолете на следующий день, то есть, по сути, реальное начало ее приключений в джунглях. Вэл поцеловала Стива на прощанье и сказала — впервые за семь лет — «люблю тебя» (в ответ он обнял ее и прошептал: «Удачи, детка»). Перед тем как она забралась в вертолет, звукоинженер прикрепил микрофон к лацкану ее походного снаряжения и предупредил, что отныне все, что она скажет, будет записано в качестве материала, потенциально предназначенного для телеэфира. Вэл старалась не ругаться матом, не произносить пошлостей и не визжать слишком громко, когда вертолет оторвался от земли. Она никогда не летала в таких машинах и поначалу, как и следовало ожидать, перепугалась до жути. По прикидкам Вэл, до дикой и непролазной чащи дождевого леса они должны были добираться не меньше часа, однако путешествие длилось каких-то минут десять: лагерь находился всего в нескольких милях от отеля и с воздуха выглядел скорее как клочок заповедника, обихоженный бдительными лесничими. Пилот без особой необходимости то резко набирал высоту, то снижался, исторгая из Вэл вопли и визг и добавляя драматичности ее прибытию, но затем ее благополучно высадили посреди леса, где Вэл поджидал проводник, чтобы отвести в лагерь...

...ее появление в лагере. Чего она, собственно, ожидала? Что ее узнают и разахают? Едва ли. И все же чего-то более существенного, чем унылое равнодушие. «Всем привет!» — прошебетала она, ступив на поляну, и смутилась, до того жалостливо это прозвучало. С четверть часа она объясняла, кто она такая, после чего обнаружилось, что лишь двое ее сотоварищей — самых старших по возрасту, между прочим, — помнят не столько ее, сколько ее хитовую запись, а точнее, ее мимолетное появление в телевизионном «Топе». По их недомолвкам Вэл поняла, что они ждали звезду знаменитого ситкома 1990-х и были разочарованы, когда этот слух не подтвердился. (Очевидно, речь шла о человеке, на замену которого взяли Вэл, хотя ей было велено помалкивать на сей счет.) А потом ей ничего не оставалось, как устраиваться на новом месте. В настроениях, царивших в лагере, преобладала тоскливая усталость. Похоже, сочетание жары, влажности и недоедания доканывало знаменитостей. Думать и

говорить они могли только о вечерней трапезе, состоявшей из весьма умеренной порции риса безо всяких приправ и фасоли; более того, грядущим вечером порция будет еще меньше, поскольку Эдит, пожилая звезда мыльной оперы, позорно провалила «испытание». Смысл «испытаний» сводился к тому, чтобы развлечь аудиторию посредством унижительных издевательств над знаменитостями — их заставляли выполнять тошнотворные задания, дабы обеспечить едой население лагеря, и очень часто это происходило в замкнутом пространстве, где кишмя кишели насекомые, змеи или иные обитатели джунглей, и, вероятно, эти существа находили происходящее столь же омерзительным, как и «испытываемые» человеческие особи. Вэл не задумывалась о том, что случится, если ее отправят на подобное «испытание». Жертву выбирали зрители, и обычно они выискивали самого занудного участника, подвергая его или ее этой пытке день за днем. А поскольку Вэл твердо решила быть веселой, приятной и дружелюбной со всеми, независимо от обстоятельств, она была уверена, что ей эта участь не грозит. И самое замечательное, что отличная возможность реализовать свои намерения на деле представилась ей очень скоро: Даниэль глянула в ее сторону, слабо улыбнулась и легонько помахала рукой — ненавязчивое, однако несомненное приглашение к беседе. Неуклюже, с усилием, сопротивляясь влажному воздуху, что отсыревшей подушкой давил на грудь, Вэл выкарабкалась из гамака и поплелась поболтать с изысканной юной моделью. Она отчетливо сознавала, насколько безупречна и прекрасна Даниэль и насколько потрепанной и неухоженной она будет выглядеть рядом с ней. Разница в возрасте была такова, что Вэл в матери годилась этой девушке. Тогда почему бы не задать тон их отношениям, исходя именно из этого обстоятельства? Она будет обращаться с Даниэль по-матерински, постарается проявлять внимание и заботу, предостерегать, делиться житейской мудростью, предлагая добрый совет и дружбу. Вэл полагала, что уже произвела хорошее впечатление на телеаудиторию. А участливый подход к Даниэль только добавит ей зрительских симпатий.

В Ярдли Элисон сидела за кухонным столом с кипой газет, просматривая первые отзывы о прибытии ее матери в лагерь.

ОНА — ПУСТОЕ МЕСТО, УБЕРИТЕ ЕЕ ОТТУДА — таков был типичный заголовок.

«Когда новая “знаменитость” заявляется, по сути, непрошеной гостьей в лагерь в джунглях, — не церемонился автор статьи, — зрители по всей стране задаются одним и тем же вопросом: *да кто она, черт возьми,*

такая, эта Вэл Даблдэй?»

РАЗВЕ ЭТИ ЛЮДИ НЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗНАМЕНИТЫМИ? —
вопросил другой заголовок.

ТАЙНА РАСКРЫТА, — хвастался третий. — «ЗНАМЕНИТОСТЬ» ИЗ
ДЖУНГЛЕЙ — В РЕАЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕКАРША НА ПОЛСТАВКИ.

В лучшие времена, читала Элисон, участники шоу делились на два
сорта: бывшие звезды и будущие. Ныне же стареющая мать-одиночка
Вэл Даблдэй (или Спирохета, как ее кличут в продюсерской команде)
представляет абсолютно новую категорию никем и никогда не бывших.

Впервые Элисон вздрогнула. Спирохета, как поведала ей мать в минуту откровенности, было школьным прозвищем Вэл: жестокая детская фантазия за инициалами В. Д. увидела венерический диспансер. Тревожило то, что о кличке прознали люди, работающие на шоу, и это уже просочилось в прессу. Дурное предчувствие кольнуло Элисон.

Отложив газеты, она села за компьютер. Перед отъездом матери в Австралию они вместе завели ей аккаунт в Твиттере. Долго спорили, какую взять фотографию, недавнюю или из певческих деньков Вэл, и в итоге пришли к компромиссу, объединив свежий снимок в аватарке с телекадром из выступления Вэл «Топ», растянутым, словно баннер, через всю страничку. Выглядело все очень привлекательно и профессионально. В первые дня два аккаунт не привлек ни малейшего внимания, но когда новость об участии в шоу Вэл появилась в прессе, число посещений начало расти и вскоре достигло внушительных 4752. Страничку с электронными уведомлениями Элисон держала постоянно открытой и заметила, что поступило 319 новых сообщений. С замиранием сердца она начала их просматривать.

Первое:

Кто ты такая нахер?

Следом:

Никогда о тебе не слышали

Вот уродина

Уже достала своей нудятиной

Помню твою песню, полное говно

Голосуй против нее! Запускаю кампанию #вонВэл

От твоей физиономии тошнит

Совсем старуха

Вылитая ведьма

Хехе, ну и пизда

И дальше в том же духе, из твита в твит. Пробежав глазами первую сотню сообщений, Элисон пришла к выводу, что пора банить кое-кого, а на самом деле большинство. Блокировка самых злобных отняла часа два, тем более что новые твиты возникали с той же скоростью, с какой она блокировала старые. В конце концов у нее возникло такое чувство, будто она все утро отмывала унитаз без перчаток и теперь ее руки омерзительно воняют. А новые сообщения продолжали поступать. Игра была заведомо проигрышной. Передышки ради Элисон поехала в колледж отметить на лекциях.

Ощущение нереальности происходящего, какой-то невесомости преследовало ее весь день. Возвращаясь вечером домой на 11-м автобусе, Элисон силилась осознать, что ее мать находится за десять тысяч миль от Ярдли, на другом полушарии, и, наверное, спит сейчас под австралийским небом в компании людей, прежде ей совершенно незнакомых. Жизнь Вэл в последние несколько лет была такой рутинной, и как, скажите на милость, она справится с новыми и непредсказуемыми событиями? Последнее достоверное известие о матери она получила от Стива, он прислал смс: «Только что проводил Вэл, вертолет умчал ее в джунгли. Не навсегда, конечно!» На его сообщение Элисон не ответила. Словом, теперь ей было больше не на что полагаться, кроме своего воображения, которого в данной ситуации катастрофически не хватало. Не попробовать ли выкинуть все это из головы, хоть на время? По крайней мере, до девяти вечера, когда по телевизору начнут показывать на всю страну отредактированные ключевые моменты первого дня пребывания Вэл в лагере.

Без пяти девять Элисон, с большой тарелкой бурого риса и жареных овощей, уже сидела на диване в ожидании шоу. Звук во время рекламы она выключила, и ее поразило, как тихо в доме, как пусто без матери, пусть даже вечно подавленной и неразговорчивой. Элисон скучала по ней, и даже сильнее, чем могла себе представить. Может, когда она увидит мать по телевизору, станет легче?

Спустя час Элисон пыталась разобраться в том, что же она увидела. Мать показывали очень мало: ее присутствие на экране, включая прибытие в лагерь, уложилось минуты в две-три, не более. Момент, когда Вэл вскинула голову и провозгласила «Всем привет!» получился совсем уж мучительно неловким: камеры бессердечно длили сцену, смакуя молчание, последовавшее за приветствием, снимая Вэл крупным планом, чтобы зафиксировать желание понравиться, читавшееся в ее глазах, а затем туман

разочарования. Какой маленькой и старой она выглядит, думала Элисон. И почему раньше она ничего не замечала? И откуда у нее эта сутулость? Ужасная осанка. Впрочем, после сцены приветствия Вэл практически исчезла, программа была смонтирована в основном из долгих планов Даниэль, известной топ-модели, и Пита, звезды реалити-шоу, обоих в купальных костюмах. Вновь на экране Вэл появилась лишь однажды. Она разговаривала с Даниэль, сидя в гамаке модели, пока остальные спали.

Вэл: ...я думала, меня встретят немножко поэмоциональнее, вот и все.

Даниэль: Знаешь, все слегка приустили. Не бери в голову.

Вэл: Это как с небес на землю, особенно после вертолета, где было все так... забавно.

Даниэль: Типа ледяной водой полили, ага...

Вэл (*после паузы*): Ты хотела сказать «окатили»?

Даниэль: Что?

Вэл: Правильнее говорить «окатили холодной водой».

Даниэль: А, понятно. То есть ты меня поправляешь?

Вэл: Ничего страшного, это распространенная ошибка.

Даниэль: Я всегда думала, что водой поливают, она льется, это же вода, не колесо.

Вэл: Да, многие так рассуждают. И все же в данном случае «окатили».

Даниэль: О'кей, о'кей. (*Пауза.*) Спасибо, что открыла мне глаза.

Передача закончилась, но Элисон еще долго сидела на диване, пялясь на потухший экран. Это шоу стало одним из самых странных событий в ее жизни. Она знала свою мать досконально, лучше — много лучше, — чем кого-либо еще. И в женщине на экране легко можно было опознать Вэл. И однако Элисон не могла отделаться от ощущения, что в коротеньких эпизодах с ее матерью она наблюдает за чужим человеком. Она видела Вэл

такой, какой ее видели камеры и люди, монтирующие передачу, и эти ракурсы, на взгляд Элисон, не знали пощады. Их не пропустили через фильтр любви.

Что касается Твиттера, то и здесь любви к Вэл после показа очередной серии особо не прибавилось.

О блин, какая же дурында

Уберите эту тетку с моего гребаного экрана

Присоединяйтесь к кампании #вонВэл

Скольким ты отсосала чтобы попасть в шоу

Грамотная нашлась фашистка

Руки прочь от Даниэль

Да кто ты блядь такая чтобы поправлять Даниэль

Как ты смеешь так разговаривать с Даниэль Старая уродливая свиноматка

Тупорылая кобыла #вонВэл

Убирайся в свою библиотеку и оставь Даниэль в покое #командаДаниэль

Пошла на хер в свою библиотеку

Полили окатили да всем пофиг кроме облезлой библиотекарьши

Сука сраная да мы тебя уроем

Элисон опять тратила время, блокируя самых остервенелых. И опять чувствовала себя бессильной, словно король Кнуд, не сумевший обуздать прилив^[6]. Количество посещений в Твиттере ее матери выросло до 6111. Неплохо, если не принимать во внимание 314 566 фолловеров Пита и число, неумолимо приближающееся к миллиону, у Даниэль.

Расклад, отдавала себе отчет Элисон, явно не в пользу ее матери.

* * *

Вэл сидела в тени эвкалипта, одна. Руками она крепко стискивала согнутые ноги, подбородок упирался в колени. И так, свернувшись мячиком, Вэл раскачивалась назад-вперед, закрыв глаза и всхлипывая изредка, как всхлипывают, когда плакать уже нет сил. Она надеялась, что ее никто не видит, хотя вполне вероятно, что хотя бы одна камера сейчас направлена на нее. Камеры были повсюду: спрятанные в дуплах деревьев или в тайных расщелинах среди камней, укрепленные на шестах среди густой зелени. Уединиться не было никакой возможности, в принципе. Верно, она сама отказалась от приватности, когда подписала контракт. Но Вэл и вообразить не могла, насколько это будет трудно...

Назад-вперед, раскачивалась она, вперед-назад. Попробовала вспомнить технику медитации, которой учил ее инструктор по йоге, но это было так давно. Да медитация и не помогла бы. Образы, что она пыталась выбросить из головы, наседали крепко, давили всей своей тяжестью, не позволяя ни подумать, ни вспомнить ни о чем другом. Первыми возникали картинки простые, неброские: позднее утро, начало дня, все как обычно. Дневной свет, что приятно. Яркое солнце. Затем поляна, куда привел ее проводник. Стол, за который ей велели сесть. Пластиковая банка на столе, а внутри... о господи. Насекомое... *страшное*, как оно называется? Палочник-голиаф, может уколоть, сообщили, давясь смехом, ведущие. Боже милостивый, эта дрянь была по меньшей мере в шесть дюймов длиной. Пронзительно-яркого зеленого цвета. Шесть тонких, распластанных в стороны лапок, длинное тело в защитном панцире, твердом, прочном, и наконец... *голова*, непостижимым образом (если не считать двух длинных рожек) похожая на человеческую, только очень маленькую, глазки-бусинки в упор смотрели на Вэл, такие живые, цепкие. (Выражение ужаса в этих глазах, что вряд ли было плодом воображения Вэл, лишь доказывало — Господи, прошу, пусть так оно и будет, — антропоморфность зеленой твари.) Ее попросили надеть пластиковые очки как у сварщика (она до сих пор на понимала зачем) и крепко зажмуриться, а потом «смотритель за насекомыми» (да, в штате передачи имелась и такая должность) извлек из банки это несчастное отвратительное создание, Вэл широко открыла рот, и вот оно уже у нее внутри, у нее во рту, она *чувствовала* его, чувствовала, как оно лихорадочно вертится, пытаясь вырваться на волю, как его непристойно длинные лапки мечутся по ее языку, нёбу, по всей полости рта, превратившейся в тюрьму, в запертую клетку для этой твари... Почти сразу к горлу подступила тошнота, и Вэл отчаянно тянуло рыгнуть, вывалить насекомое на стол, но она помнила: за каждые десять секунд, что она удерживает его во рту, ее сотоварищам в лагере полагается порция еды, и она не хотела их подводить. Насекомое извивалось, билось о преграды еще безумнее, пыталось сбежать через «черный ход», забравшись в горло, но Вэл лишь зажмурилась еще крепче — из уголков глаз потекли горькие слезы — и сомкнула губы еще решительнее. Но даже тогда насекомое частично — одной из лапок, наверное, — торчало у нее изо рта, иначе кто-то из ведущих передачи не сказал бы: «Давай же, Вэл, будь молодчиной, заглоти его целиком», а другой не хохотнул бы: «О-ох, спорим, ты давно не слышала таких слов от парня, а, Вэл?» — и вся съемочная бригада заржала, но только теперь, вспоминая, она осознала оскорбительную похабность тех слов, тогда же

она собирала все свое мужество в кулак, молясь, только бы не вытошнило, только бы не открыть глаза или рот, из последних сил игнорируя длинные узловатые лапки, царапающие язык и щеки, — и вдруг все замерло. «Боже, — подумала Вэл, — я его убила?». Но мысль продержалась не долее секунды, потому что затем во рту образовалось кое-что еще, нечто жидкое, а на вкус... Бог мой!.. Ничего более омерзительного, более гадостного она в жизни не пробовала и понятия не имела, что такое вообще существует, и Вэл сообразила, что палочник гадит у нее во рту, буквально обсерается от страха, и струйка жидких экскрементов уже потекла вниз по ее горлу, желудок вздыбился, и рвота громкими, перебивающими дыхание рывками выплеснулась на стол вместе с насекомым, слюной и желчью, после чего она, должно быть... если не потеряла сознание в полном смысле слова, то, во всяком случае, утратила вскоре представление о том, где она и что с ней, потому что не помнила ни восторженных воплей, ни аплодисментов ведущих, а то и всей съемочной бригады, не помнила ничего, а когда пришла в себя, то уже сидела в кресле, закутанная в одеяло, и мелкими глотками прихлебывала воду, полоскала ею рот и сплевывала в неодолимом стремлении избавиться от того привкуса, жуткого привкуса, она и сейчас временами его ощущала, и каждый раз это сопровождалось рвотными позывами...

Вэл встала на четвереньки, подползла к зарослям папоротника, и ее вывернуло, но при этом она старалась производить как можно меньше шума. Из-за проваленного испытания ужином ее оделили скудным — горстью риса с фасолью, — а теперь она лишилась и этой малости. Еще немного — и она окончательно придет в форму и сможет вернуться к остальным. Чем раньше это произойдет, тем лучше, ведь ей необходимо переговорить с Даниэль. После ужина она обошлась с девушкой слишком бесцеремонно, язвительно обронив, что Даниэль никогда не моет посуду. Претензия была обоснованной: лентяйка Даниэль уклонялась от любых бытовых обязанностей, — но слова Вэл прозвучали резковато, а ей не хотелось расстраивать юную модель и тем самым настраивать против себя зрителей в Англии. Как только Вэл почувствовала себя лучше, она отправилась извиняться.

В лагере Даниэль не оказалось. Она лежала с Питом на траве примерно ярдах в пятидесяти от гамаков. Оба, растянувшись на спине, глазели в небо сквозь густые ветви деревьев. Лицо Даниэль было лишено всякого выражения, но такой ее обычно и видели в лагере. Питу явно надоело валяться на траве, он нетерпеливо ерзал.

— Ой, простите, не хотела вам мешать, — сказала Вэл.

— Все нормально, — Пит сел. — Хотели перекинуться парой слов?

— Да... с Даниэль, если можно.

— Не вопрос. Мне все равно надо в сортир. — Пит проворно встал и удалился.

Вэл присела на корточки рядом с Даниэль:

— Привет, милая. Надеюсь, я не испортила романтическое свидание?

— Не волнуйся, — Даниэль слегка шевельнула своей идеальной головкой, — с ним я бы ни за что не пошла на свидание, полный мудак. Мы так себя ведем, потому что режиссер постоянно требует, чтобы мы выглядели влюбленными друг в друга.

Вэл кивнула, толком не зная, что ответить. Она удивилась, обнаружив, что кто-то получает указания от «режиссера». До сих пор она понятия не имела о существовании подобного персонажа.

— О чем ты хотела поговорить? — спросила Даниэль.

— О мытье посуды.

Даниэль отвернулась от собеседницы и уставилась пустыми глазами в небо:

— Да? И что?

— Я просто пришла сказать... Прости, что я к тебе придиралась. Ты ведь не сердишься, правда?

— Ты не очень-то уважительна со мной в присутствии других, — обиженно сказала Даниэль. — Понимаю, я моложе тебя, но, видишь ли, по моему, я заслуживаю, чтобы со мной обращались...

— Но я *проявила* уважение, — перебила Вэл. — То есть я могла бы сказать: «Эй, ты, паршивка ленивая, давай-ка оторви свою задницу и помоги наконец с посудой!» Ведь могла бы? Но я никогда не стану так с тобой разговаривать.

— Наверное... — смягчилась Даниэль.

— Знаешь, каждый из нас должен вносить свою лепту, прилагать усилия, иначе мы здесь и недели не протянем. «Мы все в одной лодке», как выразился бы наш обожаемый мистер Осборн.

— Кто?

— Джордж Осборн. Канцлер казначейства. — На лице Даниэль не отразилось и проблеска понимания, и Вэл, вопреки намеченной линии поведения, рассмеялась: — Ох, Даниэль, от тебя точно легко обалдеть. Ты на какой планете живешь? Ты газеты читаешь хотя бы иногда?

— У меня нет на это времени.

— Надо найти. Как можно не интересоваться тем, что творится в мире?

— Я много работаю. В полседьмого утра я уже в спортзале, каждый

день, без выходных. А потом до позднего вечера либо съемки, либо звукозаписывающая студия.

— Студия?

— Ага. Я певица. Этим я и хочу реально заниматься. Сейчас записываю диск, но, знаешь, нужно столько времени, чтобы разобраться с нотами и все такое. Я ведь этому не училась, вообще.

— На каком инструменте ты играешь?

— Могу сыграть «Желтую подводную лодку» на гитаре. Ну, ту старую песню «Битлз».

Вэл вдруг ощутила прилив нежности к ней. Даниэль казалась такой юной, и не только юной, но еще одинокой и уязвимой.

— Ручаюсь, тебе сейчас страшно не хватает музыки, да?

— Мне *всего* не хватает. Здесь ужасно. Меня постоянно заставляют быть рядом с Питом и все такое, потому что они продали журналам кучу историй о нашей великой любви, но мы друг друга не выносим. Мне здесь вообще никто не нравится. Все старые и нудные. Я хочу домой. Я скучаю по маме и папе. Скучаю по моей сестре. Но больше всего я скучаю, и его мне *реально* не хватает, по Цезарю, нашему боксеру.

— Как я тебя понимаю. — Вэл сочувственно погладила девушку по плечу. — Я слыхала о вашем псе, твоя мама рассказала мне за ужином в отеле. Это невероятно печально, когда умирает домашний питомец. У меня был кот Байрон, и когда он ушел от нас...

— Что? — Даниэль села, вытаращив глаза. — Ты о чем?

Вэл прижала ладонь к губам:

— О черт, ты не знала.

— С Цезарем что-то случилось? Что? *Говори!*

Вэл ничего не оставалось, как опечалить ее скорбным известием; выслушав, Даниэль разрыдалась. Она плакала в объятиях Вэл, и та утирала ей слезы бумажным носовым платком, который вскоре совершенно размок.

— Извини... я испачкала твой «клинекс», — первое, что сказала Даниэль, когда к ней вернулся дар речи.

— Ерунда, еще принесу. Мне такого добра не жалко. — Вэл издала смешок, утешительный, как ей хотелось думать, приободряющий. — Сейчас вернусь.

Отправляясь за платками, она оглянулась: Даниэль смотрела ей вслед, и лицо модели не было бесстрастным, как обычно. В ее детских голубых глазах было столько горя, а прелестное юное личико утопало в слезах.

* * *

— Блин! — простонала Элисон. — Вот БЛИН! Мама, долбаная ты идиотка, что ты вытворяешь? Стоило ради этого туда ехать?

Она сидела на диване, сжимая пульт с такой силой, что тот едва не треснул в ее руке. Паника охватила ее, дыхание участилось, и скоро она начала задыхаться. Не желая слушать музыку, под которую заканчивалась передача, Элисон убрала звук, встала с дивана и принялась расхаживать по комнате в надежде выровнять дыхание. По экрану беззвучно ползли телефонные номера для голосования за то, чтобы удалить из шоу кого-либо их участников. Наконец Элисон остановилась перед телевизором, выключила его, схватилась руками за голову и произнесла вслух далеко не в первый раз:

— Ох, мама, зачем ты *это* сделала?

Ей показали, как ее мать подвергли испытанию, заставив положить в рот огромную зеленую тварь и держать, стиснув губы, пока все вокруг стояли и смеялись, — этого эпизода было бы достаточно, чтобы доконать Элисон. Она знала, как Вэл боится насекомых. Ужас и омерзение были написаны на ее лице, но в понимании создателей программы (и, надо полагать, зрителей) гримасы Вэл лишь добавляли передаче увлекательности. Но потом, уже после этого кошмара, в самом конце... разговор между ее матерью и Даниэль. Как такое могло случиться? Что, черт подери, там вообще происходит?

После ужина Вэл обратилась к Даниэль слегка взвинченным тоном. Она попросила модель помочь с мытьем посуды и заметила, что Даниэль не слишком утруждает себя хозяйственными делами. В ответ Даниэль с обиженным видом удалилась вместе с Питом на некоторое расстояние от лагеря, где оба улеглись под деревом. Не прошло и пяти минут, как Вэл нарушила их уединение — очевидно, с намерением продолжить кухонные разборки. Их разговор на экране протекал так.

Вэл: Надеюсь, я не испортила романтическое свидание?

Даниэль: Не волнуйся. О чем ты хотела поговорить?

Вэл: О мытье посуды.

Даниэль: Да? И что? Ты не очень-то уважительна со мной в присутствии других. Понимаю, я моложе тебя, но, видишь ли, по-моему, я заслуживаю, чтобы со мной обращались...

Вэл: Эй, ты, паршивка ленивая, давай-ка оторви свою задницу и помоги наконец с посудой!

Крупным планом лицо Даниэль, она шокирована.

Вэл: Ты на какой планете живешь?

Опять крупный план Даниэль, теперь она рыдает. Вэл поворачивается, чтобы уйти.

Вэл (оглядываясь со смешком): Мне такого добра не жалко.

Крупно глаза Даниэль, она смотрит ей вслед; лицо залито слезами.

* * *

Проверить тем вечером, что там в Твиттере, у Элисон не хватило духу. Она сразу отправилась в постель, но часа два пролежала без сна, размышляя, что за дьявол вселился в ее мать, спровоцировав на вспышку беспардонной грубости и надменной жесткости; наконец она заснула и спала беспокойно. Впрочем, недолго. В шесть утра она была уже на ногах и, налив себе растворимого кофе двойной крепости, врубила компьютер.

Новости были плохими. Страшными, на самом деле. Аккаунт матери терял фолловеров, как раненый — кровь, число снизилось до 3000, а бранные сообщения поступали со скоростью четырех-пяти в минуту. В большинстве своем с хэштегом *#командаДаниэль*, и фанатов модели можно было понять: то, что они увидели прошлым вечером по телевизору, не могло их не взбесить.

Адская сука

Пошла на хер убил бы тебя

Ты просто ебаная уродина хамка и дура

Привет Спирохета надеюсь попадешь в ВД но сперва найди кто тебя трахнет замучаешься искать ха-ха

Ты заставила нашего ангела плакать и за это ответишь сука

В жизни никого так не ненавидел как тебя

Желаю тебе сдохнуть от рака

Блядина сраная

Хамло и сука. Изловить тебя и отдрючить чтоб твоя старая дряблая дырка кровью изошла

От этих комментариев Элисон стало физически плохо, она ринулась в

ванную и склонилась над унитазом, ожидая, что ее сейчас вырвет. Все обошлось, однако, сухими спазмами. После чего она с большой неохотой, исключительно из чувства дочернего долга, заставила себя вернуться к компьютеру и кое-что погуглить наскоро. На *Google Images*, где обычно обнаруживалось лишь немного старых рекламных фотографий и стоп-кадров с Вэл из «Топа», вывалились сотни новых снимков. Откуда они взялись и кто их так шустро загрузил? По большей части вчерашнее испытание: жуткие, гротескные крупные планы материнского лица, видна каждая пора и каждая морщинка, глаза под выпуклыми пластиковыми очками зажмурены, на лице гримаса отвращения, когда Вэл сует в рот палочника. Снимки финальных мгновений испытания — Вэл, согнувшись пополам, блюет на стол, изо ее рта извергается зеленоватая жижа, — пользовались особой популярностью. И ни Элисон, ни ее мать, ни кто-либо другой уже ничего не мог изменить. Отныне Вэл запомнят именно такой.

Гнетущая мысль, невыносимая. Наспех просмотрев новости и узнав, что, согласно свежим подсчетам голосов, ее мать стала самым непопулярным участником шоу за всю его десятилетнюю историю, Элисон снова улеглась в постель.

* * *

Вэл грела руки над костром, улыбаясь своим сотоварищам и чувствуя, как радость согревает ее изнутри. Сегодняшний день выдался просто чудесным. Легким и приятным. Прежде всего, Дино, красавец и вылитый мачо, он же ТВ-деятель из Нью-Йорка и ходячий символ американского присутствия в шоу, практически единогласно был выбран для дневного испытания. От него требовалось выловить пластиковые звезды из резервуара с водой, где кишели угри, и Дино блистательно справился с заданием, что означало полноценный ужин для всех, а после ужина — очень скоро то есть — им был обещан «бонусный» сюрприз. Естественно, настроение в лагере поднялось. Ближе к вечеру Вэл с историком Роджером, качаясь в гамаках, затеяли разговор, настоящий разговор, стартовавший с британской погоды, но затем свернувший на коалиционное правительство — действительно ли оно уполномочено избирателями. Это была первая реальная *беседа*, с тех пор как Вэл приехала сюда три дня назад (неужели только три?), впервые в лагере обсуждали нечто важное, и настолько заинтересованно, что постепенно вокруг них собрались остальные, даже Пит с Даниэль подошли. Оба были потрясены, услышав, что правительство в Британии коалиционное, эта прошлогодняя информация каким-то образом ускользнула от них, и Вэл сомневалась, дошло ли до них в полной

мере, что такое «коалиционность», несмотря на терпеливые разъяснения Роджера. Но это было уже не так важно. Пусть общая беседа и не великое достижение, но это ступенька к единению участников передачи, к созданию более дружеской атмосферы, а ведь именно к этому Вэл изначально и стремилась. И теперь она видела результаты своих «происков»: впервые все двенадцать человек сидели у костра после ужина, болтая и рассказывая разные байки. Верно, ничего значительного сказано не было, поэтому Вэл слушала вполуха. Ей было довольно того, что звуки их голосов витают вокруг нее, сливаясь с шумом ночного леса: с таинственными шорохами в траве, стрекотом цикад и с одиночными заунывными криками вдалеке, издаваемыми неведомым обитателем непролазных джунглей. Как же далеко она от Ярдли! И какая честь, если не слишком придирается к частностям, находиться в таком месте! Прочь сомнения. Воспоминаниями о времени, проведенном в лагере, она будет упиваться вечно, чем бы это шоу для нее ни закончилось.

На подступах к лагерю послышались шаги.

— Ага, это, наверное, наш сюрприз! — Вскочив, Пит отправился на разведку и вскоре вернулся с акустической гитарой со стальными струнами, перевязанной розовой лентой. — Смотрите, это же круто! Кто-нибудь умеет играть?

Пением под гитару они развлекались еще долго. Единственным профессиональным музыкантом в лагере была Вэл, и она играла безотказно, с удовольствием, пока у нее не заболела рука, а подушечки пальцев, казалось, готовы были лопнуть от натуги. Пели песни Дилана, Стиви Уандера, Мадонны и группы «Кинкс»; с чувством исполнили «Дом восходящего солнца», «Ярмарку в Скарборо» и «Танцующую королеву». Даниэль позволила Вэл передохнуть пять минут, пожелав сыграть свою версию «Желтой подводной лодки» с Питом на подпевках. Трудно сказать, что было хуже, ее игра или ее пение, в придачу оба путали слова, но к тому времени все уже настолько расслабились, что выступление дуэта сопровождалось лишь добродушным смехом.

В конце концов запас песен был исчерпан. И тут Вэл спросила:

— Не возражаете, если я сыграю то, что сама написала? — Никто не возражал. Напротив, были даже рады послушать. — Это не та песня, которой я прославилась. Это новая.

— О-о, как мило, — откликнулась Даниэль.

— Она не очень веселая, — продолжила Вэл. — На самом деле довольно грустная и... типа интроспективная.

— Хватит оправдываться, играй давай, — перебил Роджер.

— Ладно.

Она улыбнулась и вдруг занервничала, припомнив, что она обращается не просто к аудитории из одиннадцати друзей (теперь мысленно она называла их друзьями), но более чем к десяти миллионам телезрителей. По сути, это было самым важным выступлением в ее жизни. Но Вэл чувствовала, что задача ей по силам. Если она не шарахнулась от палочника, значит, ей многое по плечу. К тому же она успела сродниться с новой песней и ощущала ее как часть своего тела. Петь ее для этих людей будет так же легко, как дышать.

Пальцы левой руки изготавились к аккорду — септа в фа-мажоре с открытой струной «ля» в качестве басовой ноты, — а большим пальцем правой она ударила по шести струнам гитары с властной нежностью.

Вода домой меня несет, в разлуке забыты ссоры.

Ступай по тропе, что тебя зовет, стемнеет еще не скоро.

Она сразу поняла, что завладела их вниманием. Лагерь замер. Музыка обездвижила все вокруг, и даже время остановилось. Вэл потянулась к самой высокой ноте и запросто взяла ее.

Все было бы круто, выше крыши,

Но хочу слышать, как ты дышишь.

Когда луна захватит воду,

Нырну ко дну и брошусь вплавь.

Слово «вплавь» было выделено двумя аккордами — в ре-миноре и другим, более неоднозначным, секстой в фа-миноре. До сих пор Вэл пела, ни о чем не думая, почти на автомате выпевая слова, но на следующих строчках она поняла, что их вполне можно отнести к нынешней ситуации:

Стой, обернись, вот она я, теперь я большего стою,

Ступай по тропе, а меня отпусти, дай мне свободу и волю.

И правда, лагерь сделал ее сильнее. К ней постепенно возвращалась уверенность в себе, изрядно расшатанная за последние годы неудачами, профессиональными и личными. Теперь же эта уверенность проявлялась в движении пальцев по струнам гитары, в крепости ее голоса, звеневшего в ночном воздухе, что внимал ее пению. Снова — наконец-то — она чувствовала, что делает то, для чего была рождена.

Песня закончилась. Сперва полная тишина у костра, прерываемая разве что потрескиванием углей. Затем одиннадцать сотоварищей захлопали, медленно, растроганно, а когда аплодисменты стихли, Вэл принялись

обнимать, целовать и говорить, какую прекрасную песню она написала, и спрашивали, где ее можно купить и когда она ее запишет, и Вэл не смогла удержаться от слез и призналась совершенно искренне, что переживает одно из счастливейших мгновений в своей жизни.

* * *

Элисон поняла, что не вынесет очередной серии шоу в одиночестве пустой гостиной. Вспомнив, как Селена приглашала ее на ужин в любое время, Элисон позвонила и спросила, нельзя ли завалиться к ним сегодня вечером и вместе посмотреть передачу.

— Конечно, можно, — ответила Селена. — Приходи к семи. Сначала надо поесть.

Как и обещала Селена, в доме царила непринужденная атмосфера; все сгрудилось на кухне, помогая матери готовить ужин, за исключением Сэма, отца Селены, читавшего вечернюю газету за кухонным столом, и ее брата Наваро, горбившегося над игровой консолью *Nintendo DS*, что регулярно чпокала и пикала.

На кухонном подоконнике лежал свежий номер журнала со сплетнями о знаменитостях. Элисон узнала лица на обложке. «ПИТ И ДАНИЭЛЬ, — кричал заголовок. — УЗНАЙТЕ ВСЮ ПРАВДУ О ЖАРКОЙ СТРАСТИ, ПОЛЫХАЮЩЕЙ В ДЖУНГЛЯХ». Открыв журнал, она наскоро просмотрела статью.

— Я это уже прочла, — сказала Эшли, мать Селены. — О твоей маме там не упоминают. Наверное, статью напечатали до того, как она появилась в шоу.

— Может, оно и к лучшему, — вздохнула Элисон, возвращая журнал на подоконник. — Похоже, телезрители ее не очень жалуют.

— А по-моему, твоя мама молодец. — Эшли помешивала в кастрюле тушеную рыбу, издававшую приятный пряный запах.

Избежать застольного разговора о Вэл и ее австралийских приключениях было, конечно, невозможно. Ни Селена, ни ее родные не отслеживали отклики в интернете и понятия не имели о ядовитой грубости, обрушившейся на Вэл. По их мнению, предыдущим вечером она была чересчур сурова с Даниэль, но куда более многословно они сожалели от том, что ей уделяют так мало эфирного времени. Элисон с облегчением осознала, что далеко не все часами торчат в онлайн, большинство населения находит занятия получше. Так что, возможно, для ее матери еще не все потеряно. Сэм спросил ее напрямик, сколько Вэл платят за участие в шоу, и хотя жена отругала его за бестактность, Элисон не видела причины

увеливать от вопроса: двадцать тысяч фунтов.

— Хм, — откликнулась Эшли, — я думала, больше. А на что она собирается потратить деньги? Наверное, свозит тебя на Рождество в какое-нибудь замечательное место. Или накупит модной одежды.

— Не знаю, — пожала плечами Элисон. — Скорее, потратит деньги на аренду студии.

— Она заслуживает нового хита, это точно. Я обожала ее тот, первый. Она очень талантливый человек, твоя мама. И не обращай внимания на моего мужа с его назойливыми расспросами. Хорошие манеры — не его конек.

— Все нормально, — заверила Элисон. — Можете задавать любые вопросы.

— Тогда у меня есть один, — встрепенулась Малика, младшая сестра Селены. — Можно я потрогаю твою приставную ногу?

В девять все уселись перед телевизором. Элисон нервничала, однако эта серия менее походила на пытку — отчасти потому, что родные Селены непрерывно и оживленно комментировали происходящее в джунглях, а отчасти по той причине, что Вэл на экране почти не появлялась. Последние пять минут даже развеселили Элисон, когда в лагерь принесли гитару и Пит с Даниэль крайне неумело исполнили «Желтую подводную лодку», позабавив всю компанию. Ранее Вэл пела вместе со всеми, и видно было, что она хорошо проводит время. Но в остальном она лишь изредка мелькала на заднем плане.

— Ох, ну и насмешили. — Эшли убрала звук, когда начались новости. — Честное слово, эта девчонка даже под дулом пистолета не споеет как надо.

— Блин, зато какая телка, — произнес Наваро свою первую фразу за вечер.

— Выбирайте выражения, мистер, — одернула его Эшли и повернулась к Элисон: — Не понимаю, почему они не дали твоей маме сыграть на гитаре. Вот было бы здорово.

— Не знаю. Она застенчивая. Звучит, наверное, странно, ведь она певица, но это правда. Она очень застенчивая.

— Что ж, может, она сама отказалась играть. Но все равно очень жаль. Мы все с удовольствием бы послушали, как она поет, — подытожила Эшли.

* * *

Вскоре Элисон засобиралась домой, и Селена решила проводить ее до

автобусной остановки. Вечер выдался холодным, в ожидании 11-го автобуса они стучали зубами и притопывали, чтобы согреться. Всего несколько дней назад, подумала Элисон, ее мать знать не знала другого мира, кроме здешнего, а теперь она в Австралии сидит у костра в обществе знаменитостей, пусть и не самого большого калибра, и распевает песни под гитару — это не укладывалось в голове. Элисон пора было бы уже привыкнуть к нереальности происходящего, но не получалось.

— Кстати, — сказала она, решив отогнать мысли о матери, — я хотела тебе кое-что рассказать. О себе. Раскрыть маленькую тайну.

— Господи, еще одну? — шутливым тоном спросила Селена. — У тебя и вторая нога искусственная? (Улыбнувшись, Элисон покачала головой.)
Стекланный глаз?

— Нет. — Некоторая напряженность в ее голосе вынудила Селену прекратить веселье и молча дожидаться продолжения. — Я гомосексуальна, — произнесла наконец Элисон ровным нейтральным тоном.

— О. — Селена уставилась на тротуар. И тут же вскинула голову: — Но это же не беда, правда?

— Ты серьезно так думаешь?

— Конечно.

Элисон протяжно выдохнула, просияла и положила руки на плечи Селены:

— Мне полегчало.

— А чего ты боялась? — Селена крепко обняла ее. — Чего ты от меня ожидала?

— Не знаю... Иногда люди странно реагируют.

— И как же?

— Ну, на самом деле я рассказала об этом только двоим — тебе и моей подруге Рэйчел. И она восприняла это так плохо, что я слегка занервничала.

— Да? И что она сказала?

Объясняя, Элисон машинально возила носком ботинка по тротуару.

— Рэйчел я знаю много лет. Мы вместе учились в начальной школе. Она живет в Лидсе, но мы поддерживали связь. И месяца два назад я написала ей письмо. А следующим вечером отправила сообщение на *Snapchat* с вопросом, получила ли она его. Да, получила ответила она. Тогда я поинтересовалась, чем она сейчас занята, и Рэйчел... — Элисон сглотнула. — Я сперва не поверила своим глазам, но она написала, что намерена переспать со своим братом и это наверняка придется мне по вкусу.

Селена вытаращила глаза:

— *Что?*

— То самое. Выходит, в ее понимании быть лесбиянкой и трахать родного брата — одно и то же.

— Она так и сказала?

— Я видела сообщение всего несколько секунд, мы же были в *Snapchat*, но из ее слов все было совершенно ясно. Я спросила, где она, и Рэйчел ответила: «С братом. В чудесном инцесте».

Ошарашенная Селена смеялась и одновременно морщила лоб:

— Вау. По-моему, это как бы... — она растерянно подыскивала слова, — перебор. И сама фраза какая-то диковатая.

— Ну, фраза продержалась на экране очень недолго. Но понять, что к чему, было можно. А потом прислала новое сообщение: «*Разве это не в твоём вкусе?*»

— Черт, — сказала Селена, — она явно перегнула палку. И все? Больше она никак не отреагировала?

— Потом она написала мне письмо, но я не смогла заставить себя его прочесть. Выбросила вместе с мусором.

— Она случаем... не какая-нибудь новообращенная христианка?

— Да вроде нет, — ответила Элисон, и тут из-за поворота показался автобус.

Они успели поцеловать друг друга в щеку — впопыхах, но нежно, прежде чем Элисон зашла в автобус.

* * *

Даниэль и Вэл брели по тропе в джунглях, следуя за проводником. Им неоткуда было от этого узнать, но до полудня еще оставалось полтора часа, а дышалось уже тяжело, на коже проступил липкий пот, и обе запыхались.

— Можно тебя спросить, Вэл? — оглянулась через плечо Даниэль.

— Спрашивай.

— Я о твоей песне, что ты спела вчера вечером, реально классной, между прочим.

— Ой. Спасибо.

— Она у меня из головы не выходит. Текст так и крутится в голове.

— Да? Это хороший знак В смысле будущего песни.

— Особенно строчки: «Я хочу слышать, как ты дышишь», а потом типа «когда луна захватит воду». Я ничего не перепутала?

— Нет, все правильно.

— Я все думала... как это понимать? Как луна может захватить воду? Ты это как бы... выдумала?

Вэл помолчала, прикидывая, не разыгрывают ли ее. И решила, что вряд ли.

— Нет, я лишь имела в виду... ну, сама понимаешь, луна, приливы. Сила притяжения луны.

— Притяжение?

— Ну... приливы, отливы, ими же управляет луна.

Даниэль остановилась и обернулась. Теперь уже она подозревала, что над ней хотят посмеяться.

— Ты меня дурачишь, да?

— Конечно, нет. И никогда не стала бы.

— Значит, в этом причина приливов и отливов? Реально *в этом*?

Вэл кивнула. А Даниэль остолбенела: связь луны с водой стала для нее откровением, и очень важным.

— Невероятно. Просто офигенно невероятно. Когда мы выберемся отсюда, — Даниэль снова зашагала по тропе, — я хочу почаще с тобой видеться. *Ты так много знаешь*. Где ты столько всего узнала?

— Ну что тебе сказать... — Вэл едва не наступила на небольшую змейку. — Наверное, работа в библиотеке сыграла свою роль.

Вскоре они вышли на широкую прогалину, где их поджидали гыкающие, как обычно, ведущие передачи.

— С добрым утречком, дамы!

— Сегодня мы приготовили для вас отменное угощенье.

— Да, сегодня мы проведем не одно, а целых *два* испытания в джунглях!

— И как всегда, не без приколов.

— Вчера мы спросили телезрителей в Британии, кто в лагере им больше всего нравится.

— Та из вас, которая набрала больше всех голосов, первой отправляется на испытание. Между нами говоря, довольно простенькое, называется оно *«Уютная тропа из розовой пастилы и мягких игрушек»*.

— К сожалению, набравшая наименьшее число голосов проведет время не столь приятно. Ей придется отправиться в *«Пещеру зла»*, так это место у нас называется.

— Итак, вы готовы услышать результата голосования?

Обе кивнули.

Вэл ничуть не удивилась, услышав, что Даниэль — самая популярная в лагере. Но для нее было ударом узнать, что сама она нравится зрителям менее прочих. От этого известия у Вэл сдавило желудок, а ноги едва не подкосились. *Наименее* популярная? Как, скажите на милость, такое могло произойти? Вся ее уверенность, тяжкими усилиями добытая за последние несколько дней, испарилась в один миг. Перед глазами плыло, и она не заметила, как Даниэль увел куда-то, а потом другой ведущий (который из них? Она так и не научилась их различать) взял ее за руку и потащил к крутому грозному каменному уступу на другом конце прогалины.

— Скажи-ка, Вэл, — мурлыкал он тоном ухажера, — ты ведь ничего не имеешь против старых добрых мерзких многоножек?

Она не понимала, о чем он говорит, о чем ее спрашивают. Но когда в глазах прояснилось, она увидела, что ее ведут к узкой расщелине у подножия уступа, к черной дыре, ведущей в никуда. Ширины расщелины

хватало, чтобы заползти одному человеку, и не успела Вэл опомниться, как уже была внутри.

* * *

Элисон стояла на кухне, зажав ладонями уши. Такую позу она принимала и раньше бесчисленное множество раз: уединившись на кухне, она пыталась блокировать звук телевизора, включенного матерью на запредельную громкость. Обыденный жест, расхожая ситуация. Разве что сегодняшний вечер радикально отличался от всех прочих: звуки, исходившие из телевизора, звуки, что она пыталась игнорировать, были воплями отчаяния ее матери.

Жуткие звуки. Утробный звериный вой, раздававшийся за тысячи миль от их дома, из пещеры в зарослях австралийского дождевого леса, преобразенный в звуковую информацию и услужливо доставленный в Ярдли через телевизионную акустическую систему. В реальном времени попытка в пещере давно закончилась, но Элисон это обстоятельство не могло утешить — каждую секунду материнских мучений она проживала здесь и сейчас. Иногда крики замирали, и Элисон слышала комментарии подхихикивающего ведущего: «Ладно, Вэл, держи последнюю порцию!» или «У-у, до чего же они противные, эти ребяташки, а?» Но стоило ему заткнуться, и снова звучали надрывные нечеловеческие завывания ее матери. Сколько времени это уже длится? Минуты три-четыре. Но Элисон казалось, что больше она не выдержит.

— Селена! — крикнула она. — Убавь долбаный звук!

Телевизор утих, и на кухню вошла Селена.

— Все в порядке, — сказала она. — Там все закончилось. Реклама пошла. — Заметив, что Элисон плакала, она достала из кармана пачку бумажных платков: — Вот, давай тебя немного освежим.

— Мать их. — Элисон утерла слезы рукавом. — Неслабое шоу.

— Не очень удачно все прошло, да?

— Какая тут удача, нахрен! Ее кошмар сделали явью. Начнем с того, что у мамы клаустрофобия.

Пещера, в которую Вэл заставили вползти, высотой была не более двух футов, а в ширину немногим больше. Стоило Вэл оказаться внутри, как ей тут же велели лечь на спину, а вход завалили камнем.

— А еще у нее никтофобия.

— Что это такое?

— Боязнь темноты. И энтомофобия.

— Боязнь... насекомых?

Элисон кивнула.

— Дуреха. Она должна была... *сказать* им. — Вытащив пригоршню платков из упаковки, она высморкалась. — Много их было? И каких?

— Кажется, в основном тараканы. И парочка пауков.

— Черт. Она *ненавидит* пауков.

— Все позади, Эл. Ее выпустили из пещеры.

Селена обняла Элисон, прижала к себе, и так они стояли под ярким полосатым кухонным светильником. Селена ждала, пока Элисон расслабится, обмякнет в ее объятиях, но тщетно.

— Она была *здесь*, — проговорила Элисон. — В это же время на прошлой неделе она была здесь со мной. А семью днями позже она в Австралии, и ее хоронят заживо, и пауки заползают к ней в рот. Нет, ну какого хера?.. Что *произошло* с нами за эту неделю?

Что бы ни произошло, все скоро закончилось. По завершении вечерней серии началась прямая трансляция шоу, в том числе и на Австралию, где было восемь утра. В прямом эфире отсеивали знаменитостей путем голосования. Элисон и Селена обреченно уселись на диван и, орудуя двумя мобильниками и городским телефоном, усердно нажимали на кнопки в надежде уберечь Вэл от изгнания. Но они зря тратили время (и деньги). Вэл набрала минимальное количество голосов, изрядно отстав от предыдущего соперника; спустя всего несколько минут она покинула лагерь и ее привели в студию-временку для финального интервью с ведущими. Она сидела между ними, обессиленная, похожая на скелет. Глаза — темные впадины, как у человека, не оправившегося от тяжелого потрясения. Лицо серое, тусклое. Когда с интервью закруглились, Вэл велели пройти по подвесному деревянному мостику туда, где ее поджидала машина с шофером. Камеры следовали за ней под музыкальную тему передачи. Элисон мать показалась постаревшей и более хрупкой, чем прежде. Сутулость стала заметнее. На другом конце моста Элисон углядела Стива, изготовившегося обнять Вэл. Объятие получилось коротким и скорее дружеским, чем пылким. Титры закончились, и Элисон выключила телевизор.

— Все, точка. — Она налила вина себе и Селене.

— Мне правда надо бежать домой, — забеспокоилась Селена.

— Да... Последний бокал. Все будет нормально.

Сорока минутами позже зазвонил телефон. Это была Вэл из Австралии. Звонила она из отеля и плакала в трубку. Элисон ее утешала, но вскоре обнаружилось, что ее попытки приободрить мать («Нет, правда, у тебя все классно получилось... Здесь за тебя все болели...») били мимо цели. И

рыдала Вэл не из-за шоу, а потому что Стив опять ее бросил. Оказалось, что, пока знаменитости соперничали в джунглях, их родных и друзей, оставшихся в отеле, каждый день возили на экскурсии и в процессе у Стива и Джеки, тетки Пита, завязался роман. И сегодня они улетаюТ в Кэрнс, поскольку оба без ума от серфинга.

— Я должна остаться здесь еще на неделю, — сообщила Вэл между всхлипами и жалобами. — И что я буду тут делать совсем одна?

— Не знаю, мама, — ответила Элисон. — Но могу сказать, чего тебе нельзя делать.

— И что же это?

— Выходить в интернет и читать газеты.

Трубку Элисон положила, когда стало ясно, что у Вэл более нет сил разговаривать. Селена слышала их беседу и уже кипела сестринским возмущением:

— Это то, что я думаю?

— Ага. Надо было предупредить ее. Раскрыть ей глаза на этого козла долбаного. Если я его еще раз встречу, напинаю ему от души...

— Позови меня, — предложила Селена. — Я в пинках здорово натренировалась. Опять же, рабочих ног у меня две.

Элисон долго благодарно смеялась, а потом, не отдавая себе отчета в том, что делает, погладила подругу по щеке.

— Ты не можешь остаться на ночь?

* * *

Перри-Барр — Хандсворт — Уинсон-Грин — Беарвуд — Харборн — Селли-Оук — Коттеридж — Кингс-Хит — Холл-Грин — Экокс-Грин — Ярдли — Стечфорд — «Лиса и гусь» — Эрдингтон — Уиттон — Перри-Барр.

Твари!

Ты произнесла это вслух? Выкрикнула? Почему на тебя так смотрят?

Должно быть, задремала.

— *Ярдли — Стечфорд — «Лиса и гусь» —*

Все то же самое. Те же видения. Такие же ощущения. Тьма, прежде всего тьма. И ты знаешь, что потолок прямо у тебя над головой и ты не можешь пошевелиться. А затем шум, словно скребется кто-то. Это на тебя вываливают первую порцию откуда-то сверху, из отверстия в скале.

Прошлой ночью ты опять не спала. Даже глаз не сомкнула. Похоже, только здесь ты и можешь поспать. Но ты не хочешь. Стоит заснуть, и ты

снова слышишь их. Чувствуешь, как они ползают. По твоим ногам под брюками, забираются под футболку. О мать их!

— *«Лиса и гусь» — Эрдингтон — Уиттон —*

Два месяца минуло. Два месяца, как ты вернулась. Два месяца — и никаких перемен. Совсем никаких. Все та же херня день за днем.

— *Уиттон — Перри-Барр — Хандсворт —*

Врач говорит, что это вопрос времени, надо потерпеть, но что она понимает? Все, что они могут, это пичкать тебя таблетками. Она не понимает. Никто не понимает, не знает, каково тебе. «Нет худа без добра», ну да, их сраный оптимизм.

— *Хандсворт — Уинсон-Грин — Беарвуд —*

Они не знают. Для них худшее, что случилось, это пауки, ползущие по тебе, это запихнуть насекомое в глотку. Но это не самое худшее. *Надеюсь ты попадешь в ВД.* Элисон была права. *Тебя надо изловить и отдрючить.* Не надо было это читать. Такие слова не забываются. Двадцать кусков за то, что тебя измазали в дерьме. Оно того не стоило. Да и не двадцать, а десять после того, как австралийские налоговики забрали свое. А когда ты расплатилась по кредитке и погасила задолженность в банке...

— *Беарвуд — Харборн — Селли-Оук —*

По крайней мере, ты избавилась от долгов. Нет худа без добра. Никому не должна — пока.

— *Селли-Оук — Коттеридж — Кингс-Хит —*

Двадцать кусков. Недурно. Пока ты не узнала, сколько получит Даниэль. Три сотни и еще пятьдесят. Они и мы. «Мы все в одной лодке». Я так не думаю. *«Ты так много знаешь, Вэл».* *«Когда мы отсюда выберемся, я хочу почаще с тобой видеться».* Как же, как же, маленькая сучка. У тебя есть мой номер, разве нет? Тогда почему ты ни разу не ответила на мой звонок? И другие тоже не ответили.

Пора признать, тебе среди них не место. И глупо было воображать обратное. Вот где тебе место — в 11-м автобусе. Оглянись вокруг. Спустись на землю. *Вот кто* тебе ровня. Обычные люди. Приличные люди.

— *Кингс-Хит — Холл-Грин — Экокс-Грин —*

Посмотри на эту милую старушку. Кажется, ты видела ее вчера. Но где? Она приходила в библиотеку? Сейчас многие приходят — погреться.

Нет, в продуктовом банке. Она как раз выходила, и ты придержала ей дверь. Она еще так странно на тебя посмотрела, будто это заведение не для таких, как ты. Ну и что? Ты просто заглянула туда. Из чистого любопытства. Просто поинтересоваться, что за еду там выдают. Ты же не

собираешься пользоваться их услугами. Пока до этого не дошло.

Нет худа без добра.

И почему она на тебя пялится?

Ясно, ей нужна помощь с тяжелой сумкой на колесиках.

— *Экокс-Грин* — *Ярдли* —

— Простите, вам помочь?

Старушка посмотрела на тебя в упор. Глаза у нее были выцветшие, с голубыми прожилками, водянистые. Трясущейся рукой она ухватилась за ручку своей сумки.

— Ты законченная дрянь, — ответила она наконец, когда двери автобуса с шипением открылись и старуха спустилась на тротуар. — Валила бы ты обратно в джунгли, там тебе самое место.

Хрустальный сад

Дело в том... речь не идет о призраках или видениях... но... я сейчас скажу странную вещь, Редмонд... я одержим. Одержим каким-то бесом... что не дает радоваться жизни и наполняет меня тоской...

Герберт Уэллс. «Дверь в стене» (1911)

Когда он ушел, Лора была в таком бешенстве, что соображала с трудом. Стояла у окна, наблюдая, как он шагает в сторону привратницкой, и кипела от злости. Гнев застилал ей глаза, ей чудилось, что даже в крое его одежды и в легком наклоне тела при ходьбе угадываются надменность и наглость. Он скрылся в арке, Лора вернулась к письменному столу и тут же наткнулась взглядом на чашку с жасминовым чаем, которую она ему налила. К чаю он не притронулся. Поднявшись на половину лестничного пролета в маленькую ванную, она вылила чай в раковину.

День выдался не из легких. Утром редакторы из журнала прислали электронное письмо с вопросом, когда она сдаст рукопись, напомнив, что и со второго дедлайна прошло уже более месяца. И опять она провела около четырех часов, просматривая свои хаотичные заметки и еще более хаотичные заметки покойного мужа в поисках некой единой темы, объединяющего импульса, что придал бы этим на первый взгляд разрозненным мыслям общую направленность. Но так ничего и не нашла.

Тим постучал в ее дверь ровно в два. Он учился на втором курсе, поступив в Оксфорд из частной школы, что славилась несуразно высокой платой за обучение и весьма средненькой успеваемостью. Явился он, чтобы выразить недовольство преподавательскими методами Лоры.

Когда же это началось? — припоминала она. Студенткой Лора почтительно внимала каждому слову преподавателя, и любая крупница профессорской мудрости ввергала ее в трепет. Разумеется, боевой задор нынешних студентов создает более здоровую атмосферу, однако некоторые — Тим, например, — ударились в другую крайность: сдается, они видят в преподавателе лишь поставщика услуг и энергично предъявляют претензии, когда предоставляемая услуга не оправдывает их ожиданий.

— Кто бы ни написал это стихотворение, — заявил Тим с порога, — он не является настоящим поэтом.

— Его зовут Эдвин Морган, — сказала Лора, — и он был-таки настоящим поэтом. Просто для вашего первого знакомства с ним я выбрала одно из его наименее сложных произведений.

— Но его как бы поэзия — полная ахиня, — упорствовал Тим.

— Думаю, на занятии мы установили, что это не так. Именно так называемую невнятицу Моргана мы и обсуждали с вашей группой.

На занятии по литературе двадцатого века Лора предложила студентам прочесть стихотворение Эдвина Моргана «Песнь Лох-несского чудовища» и полагала, что ей удалось, пусть и долгими стараниями, убедить студентов в том, что из произвольных на первый взгляд, а то и сумбурных сочетаний гласных и согласных можно вычлениить смысловые фрагменты.

— Знаете, я рассказал об этом моей маме. Она говорит, что никогда не слыхала об Эдвине Моргане, и поинтересовалась, почему в этом году мы совсем не читаем Элиота.

Лора вспомнила, что мать Тима тоже заканчивала факультет английского языка в Оксфорде. Теперь она сочиняет исторические любовные романы, вероятно неплохо на этом зарабатывая, если судить по книжным киоскам в аэропортах, где ее книги всегда в продаже.

— Я преподаю вам, а не вашей маме, — ответила Лора. — Если ваши родители и платят за обучение, не они составляют учебный план.

Именно после упоминания платы за обучение, как она смекнула позже, Тим закусил удила. Она с самого начала подозревала, что суть его претензий сводится к вопросу о деньгах. Из разговоров студентов она со временем получила представление о бдительном дистанционном контроле, осуществляемом озабоченными родителями: видя, какие суммы утекают с их банковских счетов, они хотят быть уверенными, что инвестиции окупятся сполна. То, что для Лоры и ее коллег всегда было нерушимой, но не материальной данностью, образование, развитие юного ума, восхождение к более высокому уровню знания и мышления — ныне перекалфицировали в ценный ресурс, нечто, что можно купить с расчетом на финансовую отдачу в будущем.

Вечером в пабе за бокалом совињона она все еще прокручивала в голове эту досадную стычку с Тимом. Лора договорилась встретиться в пабе с Дэнни, но он пока не появился. На столике перед ней лежал лист бумаги формата А4 со следами еще одной попытки составить, раз и навсегда, перечень основных пунктов для статьи, которую она столь давно задолжала журналу, и найти способ свести их воедино. Пока она набросала

следующее:

Паранойя

Непостижимое / сверхъестественное

Лох-несское чудовище в кино / литературе / поэзии

Чудовище — почти всегда подделка и часто объект сговора с целью заработать на туристах / местном населении

Что выставлено на продажу? Что превращено в товар?

Ощущение страха и восторга — чуда — НЕВЕДОМОГО

И лишь сейчас она увидела непрямую, скорее даже пунктирную связь между сугубо прагматичными воззрениями, унаследованными поколением Тима, и идеями, что она пытается синтезировать в своей статье. Не этот ли аргумент намеревался развить ее муж, не этим ли объясняется тот факт, что, разбирая по косточкам полузабытые книги и фильмы, он постоянно возвращался к одному и тому же — к процессу, который он определил как «монетизация чуда»?

Ее размышления прервал Дэнни. Подняв голову, Лора вдруг обнаружила, что он нависает над ее столиком.

— От работы кони... — Дэнни бросил взгляд на листок с записями.

Лора прикрыла написанное ладонью жестом скромницы, словно ее застукали в нижнем белье.

— Принести еще вина? — спросил Дэнни, целуя ее в щеку. Поцелуй тянулся чуть дольше, чем следовало, подумала Лора, и пришелся чуть ближе, чем следовало, к ее губам.

— Боюсь, мне больше нельзя. Я за рулем.

— Очень благоразумно. Так что ты пьешь? Совиньон?

— Ладно, но только половинку бокала...

Пока он заказывал напитки в баре, Лора задавалась вопросом, стоило ли соглашаться на эту встречу, когда материнский долг требовал, чтобы она отправилась домой еще сорок минут назад, напоила Гарри чаем и отпустила Кейшу, малазийскую няню, в обговоренное контрактом время. Она была слишком уступчивой, эта Кейша, всегда готовой выручить. Ее семья осталась в Малайзии, и Кейша была только рада дополнительному заработку за лишнее время (час или два), проведенное с Гарри, когда Лоре хотелось поработать подольше или завернуть в «Джерико» и выпить бокал белого вина, — и то и другое случалось нередко. Обычно полчаса в пабе с бокалом вина служили наиболее доступным средством сбросить накопившееся за день напряжение — и что в этом плохого, спрашивается? — но в обществе Дэнни ситуация принимала несколько

иной оборот. Он ей нравился, и все же что-то в этих встречах вызывало у нее неловкость. Дэнни был женат, но никогда не говорил о своей жене и вел себя так, будто ее не существует. Пока был жив ее муж, Лору это не беспокоило. Они с Дэнни встречались в пабе и разговаривали о работе, о заказах на исследования, о выступлениях на конференциях, о студентах и о кошмаре административной и бумажной работы. Безобидные темы: двое коллег выпускают пар, когда их что-то достало. С Роджером ей не удавалось поговорить о таких вещах, все его помыслы тогда были заняты прошлым, историей, и он не желал выныривать из этих глубин. Однако после его смерти в отношениях Лоры и Дэнни произошла перемена. Отсутствие упоминаний о жене обрело дополнительную весомость. Теперь Дэнни садился ближе к Лоре, разговаривал с ней эмоциональней, смотрел на нее пристальней. Но с какой стати? Она все еще оплакивала своего мужа. Если ему вздумалось завести интрижку и он решил, что теперь заполучить Лору легче, чем год назад, он ошибается. И Лора была уверена, что дала ему это ясно понять, и не раз.

— Куда ты смотришь? — спросил Дэнни, вернувшись с выпивкой.

Внимание Лоры привлекла компания первокурсников, облепивших столик в углу. Их было шестеро, и у всех в руках телефоны; обнимаясь, прильнув друг к другу, они делали селфи, не прекращая дурачиться и болтать ни о чем во весь голос. Стол был заставлен кружками пива и рюмками с водкой. Выбивался из этого антуража лежащий на уголке стола номер студенческого журнала «Айсис»^[7]. Вероятно, журнал принадлежал светловолосой девушке, что сидела с краю. Ей явно не удавалось со всей искренностью разделить буйное, подогретое алкоголем веселье своих друзей.

— Просто задумалась, какой бы я была, если бы вдруг помолодела. — Она кивнула в сторону шумной компании: — Там есть кое-кто из моих. Прыщавый парнишка и блондинка.

— Похоже, она бы предпочла сейчас оказаться у себя в комнате с вязанием и чашкой горячего какао.

— Нет, она не из таких. Умная девушка. И немного более... независимая, чем прочие мои студенты.

— Заводишь любимчиков? — ухмыльнулся Дэнни.

Не отвечая на подначку, Лора продолжила, словно разговаривала сама с собой:

— В начале первого семестра я дала им задание. Попросила принести свой любимый текст. Что угодно: проза, поэзия, театр, кино. Она принесла текст песни. «Холм Хэрроудаун» Тома Йорка. Знаешь такую?

Дэнни покачал головой.

— Это песня о смерти Дэвида Келли.

Дэнни взглянул на студентку:

— Любопытный выбор. Кто она такая?

— Ее зовут Рэйчел. Рэйчел Уэллс.

— На бюджетном или на платном?

— Бюджетница. Она из Йоркшира. Мать живет в Лидсе, кажется.

— И она объяснила, почему выбрала именно это?

Лора по-прежнему разглядывала компанию студентов. И ей стало еще очевиднее, что Рэйчел выделяется на их фоне и чувствует себя с ними не очень запросто.

— Не совсем, — рассеянно ответила Лора. — Сказала, что текст навевает воспоминания.

* * *

Лора не любила обедать в университетской столовой за «высоким столом» с профессорской братией, но понимала, что время от времени это необходимо, иначе прослывешь «вертихвосткой» или «коммунякой». И на следующий день она исполнила эту повинность и даже оказалась рядом с лордом Лукрэмом, ректором колледжа. Вне стен Оксфорда этим двоим вряд ли случилось бы разделить трапезу: лорд Лукрэм был известной публичной фигурой с тесными связями в нынешнем правительстве, но, как и многие влиятельные люди в британском истеблишменте, умел отлично притворяться, будто внимательно вас слушает, избегая ответных высказываний по существу дела. Он был относительно молодым пэр — пышущим здоровьем, молодожавым мужчиной пятидесяти лет — и кивнул, вроде бы даже заинтересованно, когда Лора принялась сбивчиво рассказывать о своей статье о Лох-несском чудовище как об источнике дохода в литературе и кино.

— Страх, превращенный в товар, — прокомментировал лорд Лукрэм, собирая соус кусочком хлеба. — Занятная идея. Полагаете, такое возможно с научной точки зрения? Полагаете, человеческие эмоции можно оценить... в звонкой монете?

— Боюсь, ценовая конкретика выходит за рамки моей статьи, — ответила Лора.

— Жаль, — обронил Лукрэм. — Из этой идеи могло получиться нечто любопытное.

На том беседа выдохлась, и взгляд Лоры рассеянно заскользил по столовой. В дальнем углу она заметила обедающую в одиночестве Рэйчел

Уэллс; блеклые лучи февральского солнца, преломляясь в узком витражном окне, высветили пастуший пирог и переваренные овощи на ее тарелке. Поддавшись внезапному порыву, Лора извинилась перед лордом и отправилась за кофе, а на обратном пути задержалась у столика Рэйчел. Ее растрогал номер «Айсиса» на столике; очевидно, девушка носила с собой журнал повсюду.

— Здравствуйте. До меня дошел слух, что здесь напечатан ваш рассказ.

Рэйчел улыбнулась счастливой и застенчивой улыбкой:

— Да, так и есть.

— При том, что вы лишь на первом курсе. Поздравляю! Не возражаете, если я присяду?

— Нет. Разумеется, нет.

Лора уселась напротив, спиной к стене. Некоторое время они ели и пили в молчании, и Рэйчел постоянно косилась на что-то за спиной Лоры. Та обернулась.

— Ну да, конечно.

Они сидели под большим портретом, писанным маслом и изображавшим корпулентного седого человека под семьдесят или около того в щегольском галстуке-бабочке и костюме, который был ему отчаянно тесен. Красная физиономия выдавала в нем заядлого пьяницу, но без каких-либо признаков добродушия; напротив, мужчина воинственно насупился. Он сидел в скудно обставленном кабинете, лишенном каких-либо украшений. На стене над его головой затейливым шрифтом был выведен девиз из трех слов: «СВОБОДА, КОНКУРЕНЦИЯ, ВЫБОР».

— Кто это? — спросила Рэйчел. — Я вижу этот портрет каждый день, но до сих пор мне никто не объяснил, чей он.

— Одного из наших наиболее колоритных друзей, — ответила Лора. — Увы, его больше нет с нами. Звали его Генри Уиншоу. Некогда он был депутатом парламента от лейбористов. Но затем внезапно — будто Савл на пути в Дамаск — обратился в иную веру и примкнул к стану бывших соперников. Мой муж Роджер начал собирать подписи под петицией с требованием убрать портрет. В частности, он возражал против слова «выбор», утверждая, что это слово портит ему аппетит.

— Его можно понять, — сказала Рэйчел. — Но меня больше беспокоят глаза этого человека. От них мурашки по коже.

— Хм... То, как его взгляд следует за вами по всей столовой? Считается, что это достоинство хорошего портрета.

— Похоже, петиция далеко не продвинулась.

— Не было шансов. Наш уважаемый ректор... — Лора кивнула в

сторону лорда Лукрэма, — был чем-то вроде апостола Уиншоу. Я где-то читала, что они вместе заседали в какой-то влиятельной комиссии.

Рэйчел вдруг потеряла интерес к беседе. Отложила вилку и отодвинула тарелку, не съев и половины.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— У меня жуткое похмелье, — страдальчески поморщилась Рэйчел.

— Ах да, я видела вас вчера вечером в пабе с друзьями. Разошлись глубокой ночью, вероятно?

— Еще какой глубокой. Вдобавок мне пришлось отвести одну девушку в отделение скорой. Ее зовут Ребекка, это моя соседка по лестничной площадке. Она упала на тротуаре, когда мы возвращались домой. По-моему, она сильно перебрала. Последний глоток был явно лишним. Точнее, десяток последних.

— Бедняга. С ней все в порядке?

— Да, всего лишь ссадина. И нам не пришлось долго ждать, и врачи к нам хорошо отнеслись. — Рэйчел, казалось, стыдилась того, что рассказывает, возможно опасаясь, что случившееся выставляет ее не в лучшем свете. — Извините, студенческая жизнь, так это называется. И она помешает мне вовремя сдать эссе о Мильтоне.

— Не беспокойтесь. Шли бы вы лучше домой и хорошенько выспались. «Потерянный рай» никуда от вас не денется.

— Ладно, — улыбнулась Рэйчел. — Спасибо.

* * *

Вечером, сидя дома в одиночестве перед голубоватым экраном ноутбука, когда Гарри уже час как спал крепким безмятежным сном, Лора скачала онлайн-версию «Айсиса» и прочла рассказ Рэйчел. Рассказ был совсем неплох: живой, насыщенный диалог между адвокатом, молодой идеалисткой, и потрепанным жизнью тюремным надзирателем, уволенным за то, что «дунул в свисток», то есть сообщил о фактах коррупции на работе, и теперь он судился с бывшим начальством. Чувствовалось, что девушка знает, о чем пишет, и пишет правдиво. Затем Лора открыла Фейсбук. Страничку Рэйчел она нашла быстро, но практически никакой информации не почерпнула: настройки конфиденциальности блокировали все, кроме коротенького резюме и аватарки. За неимением большего Лора кликнула на аватарку, но ничего не изменилось — снимок как был размером с почтовую марку, таким и остался. Однако в запасе у нее имелось другое направление для поиска — ее второй студент, тоже бывший в пабе прошлым вечером, «прыщавый парнишка», как Лора бессердечно его

охарактеризовала. Она набрала его имя и после парочки ошибочных кликов очутилась на его страничке, где — как и предвидела Лора — настройки конфиденциальности были проигнорированы все до единой. Просмотрела последние посты и обнаружила — также согласно своим ожиданиям, — что Рэйчел помечена на недавно загруженных фото. Ссылка перенесла Лору прямоком в альбом, озаглавленный «Зажигаем, вечер понедельника».

Снимков было выложено около тридцати. На всех студенты на разной стадии пьяного веселья, но никому, подумала Лора, по-настоящему весело не было. Неестественно широко растянутые губы изображали улыбки, бледная лоснящаяся кожа и красные от вспышек глаза делали этих молодых людей похожими на пришельцев с другой планеты, что каким-то образом сумели колонизировать человеческие тела и обучиться внешнему проявлению эмоций, тогда как глубоко под кожей, там, где сердце, зияла холодная механическая пустота. Что касается Рэйчел, Лора увидела то же, что подметила еще в пабе: ее двойственное отношение к компании и стремление держаться на обочине. На всех снимках Рэйчел смотрела куда угодно, но только не в камеру, и казалось, что она разом всматривается вдаль и заглядывает в себя. Фотографии были скомпонованы по хронологии, на самых первых на заднем плане мелькало плечо Дэнни и даже раз или два левая рука Лоры. Но после ухода Лоры и Дэнни попойка продолжалась еще долго, и последние снимки были сделаны на улице, когда паб закрылся. Среди них был один крайне неприятный, если не сказать порнографический, — девушка (с тегом «Ребекка»), стоя на тротуаре, согнулась пополам; очевидно, ее стошнило. А Лору покорило: момент, такой личный и постыдный, нельзя было снимать и уж тем более выкладывать в интернете, чтобы это увидели все друзья прыщавого парнишки (и друзья друзей, и, если уж на то пошло, — любой, кто проявит любопытство). У девушки спрашивали разрешения на съемку? Вряд ли. Она знала, что фотографии выставят на всеобщее обозрение? В этом Лора тоже усомнилась.

Она захлопнула ноутбук, откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и легонько потерла веки. От работы за компьютером у нее побаливали глаза, причем резь возникала уже минут через десять. Одно из неизбежных условий существования в 2012 году.

Рэйчел она не видела до конца недели, но в пятницу, как обычно, та пришла на индивидуальную консультацию. День клонился к вечеру, за окном уже темнело. Некогда это было любимое время суток Лоры — час, когда сгущаются сумерки и по всему колледжу зажигаются огни, а на

плиты внутреннего двора ложится фиолетовая решетчатая тень от бесчисленных оконных переплетов, за которыми желтовато светятся одинаковые настольные лампы. Но с недавних пор — а если не ходить вокруг да около, то со смерти мужа — ощущения Лоры изменились и она стала бояться этого часа, особенно по пятницам с перспективой долгих выходных за городом в обществе лишь пятилетнего сына. От этой тягостной мысли нелегко было отделаться, хотя Лора честно старалась сосредоточиться на теме, выбранной Рэйчел для эссе о Мильтоне, до сих пор, кстати, не написанном.

— Я совершенно точно закончу эссе к понедельнику, — говорила Рэйчел, наматывая на палец светлую прядь и рассеянно оглядывая книжные полки Лоры.

— Правда? Это было бы замечательно. Но не торопитесь. Я серьезно. Конечно, не хотелось бы создавать прецедент в наших с вами занятиях, но я привыкла к тому, что студенты сдают работы много позже назначенного срока.

— Обязательно закончу, — сказала Рэйчел. — В выходные отвлекаться в общем не на что. К тому же все мои друзья разъезжаются по домам.

Еще одно новшество в университетской жизни, про себя отметила Лора: в ее годы студенты были только рады пожить самостоятельно от каникул до каникул, нынешние же на каждые выходные отправляются к родителям, где их обстирывают и кормят домашней едой. Но не Рэйчел, как выяснилось.

— Вам, наверное, будет немного одиноко, — сказала Лора.

— Да, но... мама не хочет, чтобы я болталась у нее под ногами. Она теперь работает по семь дней в неделю.

— Чем она занимается?

— Она адвокат.

— Ага! Значит, вот где вы взяли сюжет для рассказа.

— Вы прочли его? — Глаза Рэйчел вспыхнули от удовольствия.

— Да. И мне понравилось. Когда читаешь что-нибудь, приятно сознавать, что автор... словом, автор знает, о чем говорит.

— У мамы много клиентов-«свистунов». На самом деле только ими она сейчас и занимается. Это бурно развивающаяся отрасль в юриспруденции.

— «Тебя пустят в расход, лишь посмей взбрыкнуть», — припомнила Лора строчку из песни, вызывавшей столь неординарный интерес у Рэйчел. — Надо полагать, ваша мама такого навидалась.

Рэйчел цитату узнала не сразу, поскольку не ожидала услышать ее из уст Лоры.

— Ах да, «Холм Хэрроудаун»... Мое личное маленькое наваждение.

— Что ж, к наваждениям мы все склонны, — улыбнулась Лора одними губами, глаза оставались строгими. — Вы там бывали?

— Нет. Вроде бы это недалеко от Оксфорда?

— Совсем рядом. А оттуда, где я живу, еще ближе. Мы с мужем купили дом в тех местах за несколько лет до его смерти. Нам обоим нравилась мысль жить за городом, в деревне. Думали, так будет лучше для нашего сына, пока он еще маленький.

— Я не знала, что ваш муж...

— В прошлом году.

— Мне очень жаль. И отчего?..

— Рак? Инфаркт? Нет. Несчастный случай. Тупо несчастный случай. Или, по крайней мере... — Лора не закончила фразу. — На вещи всегда можно смотреть по-разному, все зависит от угла зрения, верно?

В наступившей паузе Лора приняла стремительное, импульсивное решение и, не успев обдумать, правильно ли она поступает, сформулировала его вслух. Почему бы Рэйчел, если ей особо нечем заняться в выходные, не приехать к Лоре завтра в ее загородный дом? Она могла бы сесть на поезд до Дидкота, а Кейша встретит ее на станции. И после обеда они бы вместе прогулялись на холм Хэрроудаун.

Рэйчел колебалась, и Лора забеспокоилась, не прозвучало ли ее предложение слишком официально.

— Там вправду хорошо, — принялась уговаривать она и добавила уже настойчиво: — Если захотите, останетесь переночевать. У нас есть свободная спальня, ею давно не пользовались.

Позднее тем же вечером Рэйчел, поразмыслив, поняла, что приняла приглашение скорее из вежливости, нежели по каким-либо иным причинам.

* * *

Деревня Малый Калвертон расположена в нескольких милях к востоку от Дидкота. Происхождение названия загадочно, ибо ни Среднего, ни Большого, ни даже Великого Калвертона не существует и, судя по письменным свидетельствам, не существовало никогда. Это классическая английская деревня, красивая, каких в Котсвольде хватает, и где цены на недвижимость (в общем и целом) по-прежнему не рвутся вверх благодаря близости электростанции Дидкота, чьи массивные трубы вздымаются менее чем в пяти милях от деревни. Если примириться с этим обстоятельством, вас ждет выгодная сделка, и обычно выставленные на

продажу дома в Малом Калвертоне находят покупателя недели за две.

— Здесь очень мило, — сообщила Кейша, пока они с Рэйчел ехали по однополосной дороге между зелеными изгородями.

Рэйчел не ответила, но с энтузиазмом кивнула. Она не совсем поняла, что именно имеет в виду Кейша — окрестную природу или Англию в целом, — и опасалась, что ошибочный ответ будет воспринят как проявление высокомерия.

— Наверное, не похоже на Малайзию, — сказала Рэйчел. Эта фраза могла относиться и к природе, и к стране.

— Не похоже. Но мне нравится здесь. Все мне по вкусу. Я очень счастлива здесь. Очень счастлива в Британии. Очень счастлива работать у Лоры. Она — милая дама. Она вас учит, да?

— Точно.

— Давно?

— Пока лишь полгода. Но она хорошая. И учит хорошо.

— Очень милый человек. Добрая, щедрая. Но печальная, да?

— Из-за мужа?

— Из-за Роджера, да.

— Вы его знали?

— Нет. Никогда не видела. Я пришла к ним после его смерти.

Когда они въехали в деревню, февральское солнце ненадолго пробилось сквозь тучи. Слева высилась конусообразная зеленая изгородь. Впереди показалась треугольная лужайка, в остром ее углу стоял памятник павшим на войне и два широких горшка с первоцветами по бокам. Дорога обогнула лужайку, и ярдов через пятьдесят Кейша резко свернула вправо на короткую, с кое-где вдавленным в землю гравием подъездную дорожку, закончившуюся у коттеджа, крытого соломой. Выглядел коттедж как на картинке, а его маслянисто-желтые стены из котсвольдского камня были задрапированы свисающими ветвями вистерии. Стоило выключить двигатель, и на Рэйчел опустилась тишина, поразительная, абсолютная.

— Вот мы и дома. Вы в порядке с вашей сумкой?

Излишний вопрос — сумка Рэйчел была на три четверти пуста. Она последовала за Кейшей к входной двери, и та распахнулась, не успели они дотронуться до ручки. В полутемной прихожей с каменными напольными плитами стоял мальчик лет пяти-шести; метнувшись к няне, он крепко обнял ее, не говоря ни слова.

— Привет, красавчик, — сказала Кейша. — Ты скучал по мне?

— Должно быть, ты Гарри. — Рэйчел протянула руку с шутливой церемонностью, но мальчик проигнорировал гостью; тряхнув каштановой

головой, он вцепился в Кейшу и потащил ее на кухню.

Рэйчел осталась одна в прихожей. Слева уходила навверх крутая деревянная лестница, в глубине виднелись три двери, одна вела на кухню, две другие были закрыты. На секунду эти три двери вызвали у нее ощущение дежа-вю, но она не сумела понять, отголосок это подлинных воспоминаний или воображаемых. Что ей теперь делать? Было бы глупо и неприлично громко звать Лору. Рэйчел предполагала, что Кейша оповестит хозяйку о прибытии гостя, но через кухонное окно она увидела, что Гарри благополучно вытащил няню в сад и теперь норовит поиграть с ней в мяч.

Робея и не выпуская из рук сумку, Рэйчел двинулась по каменным плитам в направлении кухни. Задержавшись у одной из закрытых дверей, она уловила приглушенное пощелкивание компьютерных клавиш. Толкнув дверь, Рэйчел оказалась на пороге кабинета Лоры. Сама Лора сидела спиной к входу за письменным столом, расположенным у широкого окна со свинцовым плетением, и, надев наушники, работала. Присутствия Рэйчел она не замечала. В окне Рэйчел увидела продолжение сада — широкую лужайку, сбегаящую к щербатому бордюру, за которым угадывался ручей, — и впервые заподозрила, что и дом, и участок много просторнее, чем кажется на первый взгляд. Солнце опять прорвалось через облака, высветив неровными пятнами траву.

Рэйчел стояла в нерешительности, не зная, как ей быть дальше, и вдруг Лора, ощутив наконец, что в комнате она не одна, развернулась вместе с креслом, сняла наушники и встала:

— Здравствуйте. Не слышала, как вы вошли. Как доехали? Кейша о вас позаботилась? Куда она подевалась?

— Она в саду с Гарри.

— Идемте, я сварю вам кофе.

На кухне, сцеживая кофе из шипящей, булькающей, сверкающей хромом машины, Лора повторила:

— Простите, я не слышала, как вы появились. Два часа назад я думала, что вот-вот разделаюсь с моей ежедневной нормой, но, как всегда, помешала эта кошмарная электронная почта. Письма валятся потоком — даже по субботам. Так что, боюсь, мне придется еще немного посидеть за компьютером.

— Приятно узнать, что преподаватели тоже задают себе ежедневную норму, — сказала Рэйчел. — Я-то думала, что так поступают только нерадивые студенты.

— Как же, — ответила Лора. — Я обещала себе пятьсот слов на сегодня. Но и половины не сделаю.

— О чем вы пишете?

— Э-э... сама толком не понимаю. В этом-то и проблема, разумеется. Я пытаюсь завершить проект, начатый моим мужем. О параноидальном вымысле, так это, наверное, можно сформулировать. С многочисленными отсылками к нынешней британской научной фантастике. И даже с более чем пристальным вниманием к... — Лора замялась, — Лох-несскому чудовищу.

Это было неожиданно.

— Звучит интригующе, — сказала Рэйчел. — Но от Мильтона далековато.

— Именно поэтому на факультете моя статья восторгов не вызывает. — Лора передала гостье кружку густого черного кофе. — Они бы предпочли очередное, тысячное по счету, эссе о «Люсидас»^[8], но... ты идешь туда, куда тебя влечет, разве нет^[9]?

Лора вернулась в кабинет и снова засела за работу, Рэйчел с кофе вышла в сад. Как она и ожидала, сад был роскошным, с необъятной лужайкой и классическим каменным фонтаном в центре, высотой более шести футов; впрочем, сегодня вода не струилась каскадами по ярусам, побитым лишайником. Гарри и Кейша играли у ручья, не обращая внимания на Рэйчел, и она уселась на шаткую скамейку у куста рододендрона, тщательно выбрав чистое место меж засохших брызг птичьего помета. Солнце, казалось, скрылось навсегда, день обещал быть холодным. Рэйчел поежилась.

Все-таки это странно: она гостит в доме своего преподавателя. Не переступила ли она некую черту, приехав сюда? Или черту переступила Лора, пригласив ее? До сих пор Рэйчел не задавалась этими вопросами, и задумываться над ними сейчас было уже поздно. Лора не вышла ей навстречу, не поздоровалась толком, Рэйчел своим появлением лишь оторвала ее от работы, и по этой причине атмосфера в доме давила на Рэйчел, она чувствовала себя незваной гостьей. До Дидкота она доехала всего за пятнадцать минут, и тем не менее тишина и уединенность этого места были таковы, что казалось, будто Оксфорд, пусть и не самый шумный город в мире, остался за тысячи миль отсюда. Впрочем, дело было даже не в расстоянии: за один короткий час Рэйчел словно совершила долгое путешествие во времени к далекой, почти забытой поре своей жизни. К детству? Возможно. Хотя этот сад ничем не напоминал неухоженные заросли во дворике дома в Лидсе, где жила ее мать, и был раза в три больше, чем сад бабушки и дедушки в Беверли, где Рэйчел так

хорошо проводила лето. Нет, не эти воспоминания всплывали, когда она, прихлебывая кофе, медленно оглядывалась по сторонам. И все же аура детства *несомненно* присутствовала здесь, не бедноватого городского детства Рэйчел в Южном Йоркшире, но сытого озорного детства в окрестностях Лондона в 1950-х, о котором Рэйчел знала из вторых рук — из винтажных детских книжек, имевшихся в местной библиотеке, в младших классах она ими зачитывалась. И здесь все было как в тех книжках: могучая туя, чьи густые нижние ветви так и напрашивались, чтобы на них соорудили шалаш, широкий и неглубокий ручей на краю лужайки с перекинутым через него мостиком был прямо-таки создан для игры, изобретенной Винни Пухом: бросать палочки в воду и смотреть, чья быстрее доплывет, а покосившийся сарай без особых усилий можно было превратить в штаб, где собираются на совет юные детективы. И самое главное — фонтан в центре. Ныне несколько обшарпанный и заброшенный, фонтан оставался великолепным сооружением, группировавшим вокруг себя сад, а все вместе странным образом походило на театральные декорации или съемочную площадку, где среди антикварного реквизита снимают фильм об идеализированном детстве полувековой давности. Эти впечатления и понуждали Рэйчел чувствовать себя оторванной от реальности.

Минут через двадцать Лора позвала ее в дом и проводила в отведенную ей комнату на третьем этаже (Рэйчел только тогда сообразила, что этажей в доме больше двух). Хотя и с низким потолком, комната была просторной, во всю ширину дома, от фасада до задней стены, так что окна выходили на обе стороны и из обоих был виден сад. Если бы не застоявшийся воздух, свойственный нежилым помещениям, комнату можно было бы назвать уютной. Книжные полки вдоль каждой стены ломились от книг, подернутых тонким слоем пыли. Среди них, обнаружила Рэйчел, было много томов, посвященных истории кинематографа и теории кино.

— Ого, да здесь холодно. — Лора пощупала маленький радиатор. — Попрошу Кейшу принести вентиляторный обогреватель. А эти что здесь делают? Их давно надо вынести.

Речь шла о двух больших картонных коробках, доверху заполненных видеокассетами. Из любопытства Рэйчел опустилась на колени перед этим технологическим достоянием прошлого и пробежала глазами названия.

— Вау. Здесь полно такого, о чем я никогда не слыхала. — Она вытащила кассету, поименованную «КВОТЕРМАСС ЭКСПЕРИМЕНТ Би-би-си-2, 24.2.85 / СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК Би-би-си-2, 3.10.87».

— Вы держите в руках гордость и радость моего мужа, — сказала

Лора. — Точнее, их крошечную порцию. В подвале кассет тысячи — я не преувеличиваю, тысячи. Нужно ли их хранить, не знаю. Но что с ними делать, я пока не придумала. О черт, вот что я искала и никак не могла найти.

Она вытянула из коробки другую кассету, порванный картонный футляр был заклеен скотчем. Рэйчел вывернула шею, чтобы прочесть название.

— «Какая подстава!»? — удивленно улыбнулась Рэйчел. — Что это может быть?

— Вы не поверите, но это один из фильмов, о которых я пишу в моей статье. Понятно, ради удовольствия я бы смотреть его не стала. И сомневаюсь, что этот фильм в принципе способен доставить удовольствие. Не поможете снести коробки в подвал? Не хочу, чтобы вы о них спотыкались.

Они взяли по коробке и начали спускаться по крутой тесной лестнице; с тяжелой ношей приходилось осторожничать, чтобы не навернуться.

— Почему вы об этом пишете, если это настолько плохо? — спросила Рэйчел. — Я имею в виду фильм.

— Потому что сюжет — какой ни на есть — закручен на Лох-несском чудовище. Представления не имею, что мне об этом писать, но в нашем бизнесе тебе обеспечены жирные баллы, если откопаешь какую-нибудь диковину. Должна признать, Роджеру это особенно хорошо удавалось.

А когда они добрались до своей цели, удачливость Роджера получила некоторое объяснение. Подвал — с довольно высоким потолком, позволявшим выпрямиться во весь рост, — забит коробками. Щурясь от яркого света двух голых лампочек, свисавших с потолка, Рэйчел насчитала штук сорок, в некоторых лежали книги и папки с бумагами, но большая часть едва не лопалась от видеокассет и дисков.

— Вау! — воскликнула Рэйчел. — Тут целая коллекция!

— О да. Роджер никогда ничего не делал наполовину.

Поставив коробки у подножия лестницы, они молча взирали на это заботливо упакованное изобилие. Из глубины помещения доносилось слабое монотонное электрическое жужжание, и, как ни странно, оно не нарушало тишину, но подчеркивало ее абсолютность. Почуввав сырой запах плесени, Рэйчел испугалась за благополучие коллекции; она зябко передернула плечами — и не только пронизывающий холод был тому виною, но и грусть. Рэйчел ясно сознавала, на что она смотрит: не на свалку из коробок и папок, но на останки человеческой жизни, на все то, что осталось от мужа Лоры.

— Какой бардак, — сказала Лора. — С этим надо что-то делать. — И почти без паузы: — Идемте, время не ждет. На прогулку лучше отправиться засветло.

Она зашагала вверх по лестнице, к немалому облегчению Рэйчел, которой не терпелось убраться из подвала. Подземелья ее никогда не прельщали.

На первом этаже Лора завернула на кухню, где Кейша выгружала из корзины белье и закидывала его в стиральную машину.

— Вы приготовили пакеты? — спросила Лора.

— На столе, — не оборачиваясь, ответила Кейша.

Лора взяла со стола экологичную холщовую сумку для продуктов и слегка согнулась под ее тяжестью.

— Не возьмете вторую? — обратилась она к Рэйчел. — Простите, что нагружаю вас, но в нашем доме это превратилось в нечто вроде ритуала выходного дня.

Рэйчел сгрэбла в охапку другую сумку и заглянула внутрь: консервы и упаковки с едой, банка растворимого кофе и коробки с хлопьями.

— Занесем это по пути, если вы не против, — сказала Лора и направилась в прихожую, Рэйчел за ней. Они открывали входную дверь, когда к ним подбежал Гарри.

— Мама, ты куда? — занял он.

— В продуктовый банк. А потом на прогулку.

— Можно я с вами? — жалобно попросил он.

— Нет, ты останешься дома. Я думала, вы с Кейшей играете.

— Играли, но теперь она занята. И говорит, у нее много работы.

— Ну... почитай или посмотри видео. — Лора разговаривала с сыном отрывистым командирским тоном. Рэйчел с удивлением наблюдала за ней.

— Мама, *пожалуйста*. Возьми меня с собой.

В конце концов Лора уступила, но с явной неохотой. На подъездной дорожке она усадила сына на заднее сиденье машины, застегнула ремни на детском кресле, и они покатали по направлению к Дидкоту.

* * *

Рэйчел никогда прежде не бывала в продуктовом банке. Она читала о них в интернете, в газетах, но внутрь никогда не заходила.

Их посещение было коротким, и Рэйчел получила лишь самое общее представление. Продуктовый банк устроили в здании в узком переулке, ответвлявшемся от главной улицы; в будни, судя по всему, здесь располагалось кафе. Люди семьями сидели за легкими серебрястыми

столиками, но кофе они не пили; сжимая талоны в руках, они дожидались, пока им соберут пакет с продуктами. Каких-либо признаков бедности эти люди не обнаруживали. Хорошо одетые пары сидели в сосредоточенном молчании вместе со своими заскучившими детьми. Любопытно, что они избегали встречаться глазами с соседями за ближайшими столиками. Преобладающим настроением, насколько поняла Рэйчел, было мрачное смирение: всем хотелось лишь одного — поскорей разделаться с этим и убраться восвояси. В заднем помещении была устроена кладовая, где собирали пакеты, затем их выносили на стойку, и волонтеры, сверившись по спискам, выкрикивали номер талона. Кто-нибудь из членов семьи торопливо пробирался к стойке, не поднимая глаз от пола, хватал пакет и столь же поспешно выводил свою семью на улицу. Номер выкрикивали каждые двадцать-тридцать секунд, двери банка практически не закрывались, пропуская посетителей то на вход, то на выход. Чем-то это напоминало комнату ожидания в поликлинике.

На Лору, Рэйчел и Гарри с сумками в руках уставились все, но вскоре отвели глаза: слишком болезненно было сознавать, кто здесь донор, а кто нуждающийся. Редко когда Рэйчел чувствовала себя настолько скованной. Их провели напрямик в кладовую и освободили от поклажи так быстро, что Рэйчел едва успела рассмотреть продукты на полках: ряд за рядом консервированные фрукты, консервированное мясо, упаковки с рисом и макаронами, печеньем и пирожными — на всем черным маркером проставлен срок годности. Гарри, глаза которого приходились вровень с нижней полкой, вперился в стопку шоколадных плиток в разноцветных обертках.

— Почему мы никогда ничего не *берем* в продуктовом банке? — спросил он мать, когда она его тащила к выходу. — Почему мы только отдаем?

— Замолчи, — ответила Лора, и Рэйчел снова поразили суровость и раздражение в ее голосе.

Когда на выезде из деревни они свернули на А420, затянутое облаками небо уже потемнело до асфальтового оттенка. Оставшаяся позади деревня казалась сонной, расслабленной и совершенно равнодушной (либо не желающей думать о неприятном) к трагедии, что разворачивалась здесь на протяжении последних лет десяти. До Лонгворта они доехали за двадцать пять минут. Лора безошибочно сворачивала куда следует и знала, где припарковать машину.

— Вы здесь и раньше бывали? — спросила Рэйчел.

— Да, мы с Роджером не раз сюда ездили. И не надо быть одержимым

Дэвидом Келли, чтобы зачистить на холм Хэрроудаун. Здесь красиво, и, кроме всего прочего, это отличное место для прогулок. Очевидно, поэтому *он* и отправился сюда в тот день.

Машину они оставили на стоянке у паба «Голубой вепрь», симпатичного строения из котсвольдского камня под соломенной крышей, куда так и тянуло заглянуть, паб, однако, был закрыт, свет в крошечных окошках едва мерцал. В воздухе ощутимо похолодало. Застегнувшись потуже, Лора и Рэйчел двинули по дороге энергичным шагом, малыш Гарри следовал за ними, но по более извилистой траектории, перебегая зигзагами с одной стороны проезжей части на другую. Дорога была тупиковой, она вела прямым к стоянке, и приближающуюся машину нельзя было не услышать загодя, потому Лора не беспокоилась о мальчике, резвившемся без присмотра. Но ей не нравилось, что он их задерживает.

— *Скорей, Гарри!* — крикнула она, сердито хмурясь. — Не отставай. Из-за тебя мы теряем время.

Гарри послушно подбежал и взял мать за руку. Рука в руке мать с сыном шли недолго, вскоре Рэйчел заметила, что Лора тихонько разжала пальцы мальчика.

— Итак, — сказала она, — надо полагать, именно по этой дороге он шел в три часа дня пополудни. А вот и холм, к которому он направлялся, — вон там, впереди слева.

Рэйчел проследила глазами от кончика ее указательного пальца до бесформенной кучи земли, заросшей деревьями, наименование «холм» казалось несколько гиперболичным. Темнело быстро, и в сумерках Хэрроудаун красотой не блистал.

— Мы не сможем зайти в лес, — добавила Лора, — его обнесли колючей проволокой.

Асфальт закончился, и они топали по грязной тропе с буйной порослью сорняков и полевых цветов по обочинам. Вооружившись палкой, Гарри азартно сбивал соцветия.

— Возможно, стоило огородить холм, — сказала Рэйчел. — Вы были правы, приезжать сюда — в этом есть что-то нездоровое.

— Почему вам так хорошо запомнился случай с Келли? — спросила Лора. — Вы ведь были очень молоды, когда это случилось.

— Мне было десять. Я приехала на каникулы к бабушке и дедушке и помню, как их потрясла смерть доктора Келли. Мой дед Тони Блэра терпеть не мог и был готов поверить самому худшему о нем. Но вряд ли даже он думал, что Келли убили, хотя и считал, что погиб он неспроста...

— Да, тогда все это выглядело очень... *странно*, — подхватила

Лора, — но я не увлекаюсь конспирологическими теориями, и, как говорил Роджер... он думал, что к тому времени мы перешли некую грань, ужасную грань, и во всем, что ни происходило тогда, нам виделось нечто непонятное, таинственное, и это ощущение распространялось, как ударная волна.

Они миновали указатель «Река Темза, $\frac{3}{4}$ мили»; Рэйчел опешила, она и забыла о том, что Темза совсем рядом. Гарри явно подмерз. Еще несколько минут — и они приблизятся к вершине холма настолько, насколько позволит тропа, и роковой лес будет простираться слева от них.

— У него имелась своя теория, — продолжила Лора, — у Роджера было полно всяких теорий. Наверное, потому, что ему за это платили... Ладно, он полагал, что для каждого поколения наступает момент, когда оно теряет невинность. Политическую невинность. Для нашего поколения этим моментом стала смерть Дэвида Келли. До тех пор мы скептически относились к войне в Ираке и подозревали, что правительство не говорит всей правды. Но в тот день, когда умер Келли, мы будто окончательно прозрели: власть прогнила. Самоубийство ли, убийство, не важно. Погиб хороший человек, и убила его ложь об этой войне. Вот так. И с тех пор уже нельзя было делать вид, что страной управляют достойные люди.

— Убедительная теория, — сказала Рэйчел. — Но печальная.

— Что в ней такого печального?

— То, что вы потеряли невинность. Хуже ничего не может случиться. Разве «Потерянный рай» не об этом?

— Невинность сильно переоценена, — сказала Лора. — Когда кто-то рыдает по утраченной невинности... ну, я не доверяю таким людям. — Они добрались до кромки леса и теперь вглядывались вглубь, словно хотели найти некий смысл в хаосе листвы и зеленых побегов. Гарри дернул мать за полу куртки, пытаясь завладеть ее вниманием, без особой причины, инстинктивно. — Вот вам пример, — продолжила Лора, глядя на сына, по-прежнему смотревшего на нее просительно и по-прежнему без определенного повода. — Невинность пока при нем. Вы ему завидуете? Он верит, что рождественские подарки приносит здоровенный детина в красном наряде, который ездит в санях, запряженных оленем. Что в этом такого прекрасного?

Почти стемнело. Подняв воротник и сунув руки в карманы, Лора начала первой спускаться по тропе, ведущей в деревню.

— Я могла бы рассказать кое-что, — обронила она через плечо, — о том, что случается, когда человек слишком сильно тоскует по невинности.

Рэйчел взглянула на Гарри. Он тоже поднял на нее глаза и пожал

плечами: обоим было невдомек, о чем говорит его мать. Рэйчел взяла мальчика за руку, и они зашагали вниз по склону холма.

* * *

В духовке их ждала приготовленная Кейшей еда, Лоре оставалось лишь сварить рис. Они поужинали на кухне, затем Лора повела Гарри наверх укладываться спать (эта процедура всегда длилась дольше, чем ей хотелось бы). Вернувшись в гостиную к Рэйчел, она обнаружила, что та сумела разжечь ровный огонь в камине, аккуратная пирамида дров пылала на подложке из щепок и старых номеров «Гардиан», а сама Рэйчел сидела в одном из двух продавленных, но удобных кресел у камина, неотрывно глядя на экран своего навороченного телефона.

— Жестковато. — Рэйчел на секунду подняла голову, чтобы поблагодарить Лору, когда та подала ей бокал красного вина. — «Фильм, который вызывает у вас желание выколоть себе глаза раскаленными вязальными спицами». И это рецензия из разряда благосклонных.

— Что вы цитируете? — спросила Лора, усаживаясь напротив.

— Читаю отзывы на фильм, о котором вы мне говорили.

— «Какая подстава!»?

— Да. Похоже, поклонников у него немного. Ваш муж принадлежал к очень маленькому меньшинству.

— Ну не сказала бы, что он обожал этот фильм. Мусор он опознавал с первого взгляда. Но к книгам и фильмам Роджер относился очень поразному и часто противоречиво. И это мне в нем страшно нравилось. Хотя порой и раздражало. И конечно, ему как критику любое лыко было в строку. Погодите-ка, я вам кое-что покажу.

Лора вышла и вернулась с толстой тетрадью в кожаном переплете. Когда она открыла тетрадь, Рэйчел увидела, что страницы, одна за другой, исписаны убористым, похожим на паутину почерком. Это был каталог фильмов, составленный в более или менее алфавитном порядке, и к каждому фильму прилагалась короткая и довольно загадочная аннотация.

— Что он пишет тут о «Подставе»? — Лора передала ей тетрадь.

Рэйчел пролистала до раздела на нужную букву и нашла «Какая подстава!».

Неуклюжая британская комедия, прочла Рэйчел, о кучке битников, приезжающих на Лохнесс, чтобы построить модель чудовища.

1962 г. Продолжение фильма «Какое надувательство!» [\[10\]](#) (1961 г.)? Не совсем. Два актера играют и там, и там.

Сиквелы, которые на самом деле не сиквелы. Сиквелы с косвенными,

обманчивыми связями с оригиналом.

— Что это значит? — спросила Рэйчел, показывая на звездочку в начале последней записи.

Лора заглянула в тетрадь:

— А-а, это значит, что ему пришла в голову идея для новой статьи. С ним всегда так было. Идеи возникали постоянно. Когда мы только поженились, я верила, что он гений и настанет день, когда он поделится своими тайными знаниями и напишет потрясающую книгу, академический шедевр. Я думала, это им движет. И не догадывалась, что мотивом может быть нечто более простое... например, ностальгия.

Переезд в этот дом — вот что открыло мне глаза, я начала понимать, какой он на самом деле. Я была беременна Гарри, и мы с Роджером оба пребывали в плену распространенного убеждения, будто ребенок должен расти на свежем воздухе, в деревне. Но, конечно, не слишком далеко от Оксфорда, где мы работали. Мы принялись искать дом и в начале 2006-го нашли это место. Помню, как утром в последнюю неделю января мы отправились на смотрины. Зима в тот год была суровой, накануне выпало много снега, и он лежал себе и не таял. На это мы и купились. Не только, разумеется, но все же. Представляете, какой прелестной выглядит деревня, укрытая снегом. А сам коттедж... он тоже был красив. Обворожителен. Хозяева нас обогрели, напоили кофе, показали дом. Мы оба... прониклись им, хотя и не до эйфории. Сами видите, внутри многовато перегородок, опять же сырость и еще кое-какие проблемы. Я видела, что Роджер колеблется и, во всяком случае, не намерен прекращать поиски. Но потом нас повели в сад...

Глядя на язычки пламени в камине, Лора улыбнулась своим воспоминаниям:

— Сад нам показали в последнюю очередь. Мы вышли вдвоем на террасу и взялись за руки, в основном тепла ради, потому что оба были без перчаток. Не прошло и нескольких секунд, как он сжал мою руку. Крепко сжал, до боли. Какая-то странная, мощная эмоция овладела им. Признаться, я даже испугалась и спросила: «Роджер, в чем дело? Что с тобой?» Он взглянул на меня и тут же отвернулся, снова уставился на лужайку и что-то пробормотал. Но обращался он не ко мне. Он разговаривал с самим собой. И в его шепоте я различила лишь «хрустальный сад». Тогда я в первый раз услышала эти слова. Но далеко не в последний.

Лора замолчала. И Рэйчел догадалась, что ее нужно подтолкнуть:

— Что он имел в виду?

— Сперва я не поняла. Объяснения последовали позже. Видели фонтан в центре лужайки? Сейчас он не работает, насос сломался еще года два назад, и с этим, кроме многого прочего, мне тоже придется разобраться. Но тогда он работал, и, расположенный точно по центру, он как бы повелевал всем садом. И первым делом именно фонтан бросается в глаза. А в тот день он выглядел особенно завораживающим. Вода замерзла — настолько было холодно, и каскады превратились в ледяные водопады, ниспадающие с разноуровневых ярусов. Он походил на люстру в бальном зале сказочного замка. На всех деревьях висели сосульки, даже ручей замерз, а лужайка была одеялом из чистейшего мерцающего снега. Вид ни дать ни взять...

eldritch, вам знакомом это слово? Оно означает «нездешний». Картина из иного мира. Сад был словно выточен из хрусталя. Сперва я решила, что Роджер именно это имеет в виду. Но потом выяснилось, что все куда сложнее.

В саду мы пробыли минут десять, и Роджер почти все время молчал. Бродил по снегу будто в трансе, дойдет до одного угла, до другого и оглянется вокруг, чтобы увидеть сад в разных ракурсах. Постоял у фонтана, потрогал замерзшую воду. Я так и вижу его: неподвижная фигура в длинном черном пальто, вот он нежно поглаживает замерзший каскад, затем легонько щелкает по сосулькам, и они издают тоненькие звуки, словно кто-то вдалеке играет на музыкальном инструменте. И взгляд у него затуманенный. Хозяева говорили что-то про дренаж, про то, сколько стоит нанять садовника, но Роджер их не слушал и вообще ни слова не проронил. И вдруг, закончив с осмотром, он развернулся к хозяевам и сказал: «Да, мы покупаем».

Я была ошарашена. Он даже не спросил моего мнения. И не сказал: «Мы обсудим условия». Нет, сразу «покупаем». В машине по дороге в Оксфорд я была слишком сердита, чтобы разговаривать с ним как ни в чем не бывало. Да и он вел себя крайне необычно, он словно находился на каком-то своем диковинном седьмом небе. О саде он не упоминал, но без умолку говорил о доме — и исключительно в восторженных тонах, мол, мы и вообразить не могли подобного совершенства. В конце концов я перебила его и сказала, чтобы впредь он больше никогда, никогда так не поступал. Он не понял, о чем я. Тогда я напомнила ему, как он, не посоветовавшись со мной, твердо пообещал хозяевам, что мы купим у них дом. Роджер очень удивился, сказал, что не помнит такого. И самое странное, я ему поверила. Там, в саду, на него словно нашло что-то вроде помрачения сознания.

Мы вернулись домой, он сразу ринулся в кабинет и сел за компьютер. Весь день я его почти не видела, и лишь к вечеру он пришел ко мне, когда я ужинала, устроившись на диване. Я заказала пиццу и крикнула ему, когда ее доставили, но он не услышал. Он принес с собой ноутбук, сел рядом на диван и заговорил.

«Ладно, — сказал он, — наверное, я должен объяснить, что произошло со мной в том саду». Я ответила, что было бы неплохо, и он приступил к объяснениям: «Я кое-что вспомнил... Я думал, что это было лишь игрой воображения. Очень, очень давно... — Он с трудом подыскивал слова. — Когда я был маленьким, лет пяти или шести, я посмотрел этот фильм. Хотя до сегодняшнего дня я не был уверен, что действительно смотрел его. Не

знал, то ли я все это выдумал, или мне приснилось, или в голове что-то перепуталось. Одно лишь было ясно: это воспоминание — пусть даже ложное — было мне очень дорого, настолько, что я боялся лишний раз его потревожить». Он взглянул на меня с такой торжественной серьезностью, что я едва не рассмеялась. И слава богу: хорошенькое было бы зрелище — смех с набитым пиццей ртом. «Я ничего не помнил об этом фильме, кроме того, что он был коротким, если не ошибаюсь. Показывали его днем, в школьные каникулы, наверное, просто заполняли пробел между передачами, и назывался он “Хрустальный сад”. Вот в названии я был уверен, хотя очень трудно отделить реальное воспоминание от выдуманного. Сюжет совсем не помню, помню только... атмосферу фильма, ощущения. Затертая пленка, звук то пропадает, то трещит. Главный герой — мальчик, и в одной сцене — единственной, которую я могу вспомнить более или менее подробно, — он бродит по саду, и музыка — такой легкий перезвон, как, например, когда играют на треугольнике, и на этом фоне мелодия, красивая, лиричная и трогательная, в исполнении сопрано; мелодия без слов — но опять треск, хрипы, звук искажался местами, запись была сильно испорчена... И этот сад... Целиком из хрусталя, из стекла... Он был огорожен стеной, мальчик попал туда через лаз, что-то вроде туннеля в стене, и когда он вошел в сад... Да, там все сверкало, все было хрустальным, все цветы, розы, ряды стриженного кустарника, а между клумбами проложены дорожки, они пересекались друг с другом, оканчиваясь у... озера? Или это был замерзший пруд?.. Неважно, хрустальная гладь, и в центре сада — фонтан, искрящийся, блистающий, точно как фонтан в том саду, что мы видели сегодня. Сходство невероятное». Он сделал паузу, чтобы перевести дыхание. Помоему, длиннее речи я от него в жизни не слыхивала. Голос у него был тихим, но прерывистым, и никогда прежде он не говорил с такой страстностью. «Теперь я уверен, что воспоминание подлинное, — продолжил он. — Уверен, что это не плод моего воображения. Я видел этот фильм. Точно видел. Жаль, что я так мало помню из него. Обидно, но содержание полностью вылетело из памяти. Забыл *напрочь*. Но не это главное. Главное — *атмосфера*, и самое поразительное, атмосфера фильма как бы... просачивалась в атмосферу комнаты, где я смотрел фильм. В школе были каникулы — вероятно, или я болел, но мама не сидела рядом со мной и не щупала мой лоб, хотя она была дома, в другой комнате, а может, на кухне готовила ужин к приходу папы. И была зима, определенно зима, потому что окна в гостиной заиндевели, с крыши свешивались сосульки и повсюду лежал снег либо наледь... и эти детали сочетались,

понимаешь, идеально сочетались с хрустальностью хрустального сада; наш газовый камин был включен, наш старенький газовый камин, и он шипел, как обычно, а иногда вдруг похрипывал и потрескивал, и это тоже сочеталось с плохим состоянием звуковой дорожки, и как тут было понять, где воспоминания, а где мои фантазии».

Он затих и молчал, пока я не спросила: «Но почему ты никогда раньше об этом не говорил, если воспоминание столь важно для тебя?» И он ответил: «Потому что не был уверен, подлинное оно или нет. До сегодняшнего дня».

«Если сад возбудил твою память, — сказала я, — это еще не значит, что воспоминание подлинное. Мне кажется, что ты смешиваешь две различные...» Он оборвал меня и открыл ноутбук. «Нет, — сказал он, — не в этом дело. А в том, что сегодняшний сад заставил меня поискать каких-либо доказательств. И вот что я нашел».

Он протянул мне ноутбук. Я вытерла пальцы кухонным полотенцем, взяла компьютер. Была открыта страница IMDb с фильмографией одного американского оператора. Список был длинным, начинался с ранних сороковых. Фильмы, но в основном телесериалы, все с невысоким рейтингом, и все в колонке «Оператор», и только одна строчка в колонке «Режиссер», гласившая: *Der Garten aus Kristall*^[11], 1937 г. Ссылка привела меня на страницу, абсолютно пустую, за исключением названия фильма и имени режиссера — Фридрих Гюдеманн.

Я покосилась на него: «Это все?» «Все, — ответил он. — Я перепроверил». «Ты целый день просидел в интернете и нашел только это?» «Да. Больше никаких упоминаний. Ни единого». Я снова посмотрела на экран: «То есть фильм немецкий?» «Очевидно, — сказал он. — Когда я ввел английское название в *Google*, ничего не выскочило. Тогда я начал пробовать другие языки и слегка варьировать название. И наконец нашел. Это *должен* быть тот фильм. Иначе просто быть не может».

Но действительно тот ли? Эту дилемму Роджеру требовалось решить, но сперва ему предстояло мучительное, изматывающее ожидание. Еще до разговора со мной он разослал запросы об этом фильме на все киносайты, какие только знал, спрашивал, смотрел ли кто-нибудь в далеких 1960-х днем по телевизору «Хрустальный сад». И подчеркивал, что будет благодарен за любую информацию о Фридрихе Гюдеманне, который, судя по IMDb, в начале 1940-х перебрался в Америку и переименовал свое имя на английский лад: Фред Гудман. В Википедии статьи о нем не обнаружилось и какие-либо ссылки отсутствовали. После отправки запросов Роджеру оставалось лишь сидеть сложа руки и ждать ответов.

— И они пришли? — спросила Рэйчел.

Лора покачала головой и вздохнула:

— Нет. Ни одного. Роджер был обескуражен. Разочарован до глубины души. Он жил с убеждением, что в наши дни и в нашем веке, веке глобальной информации, не существует ничего столь завалющего, чтобы в интернете не нашлось эксперта по данному вопросу. И однако на тот момент в его сети не попала даже мелкая рыбешка. Он повторял запросы, рыскал по форумам, но спустя несколько недель более или менее смирился с мыслью, что сведений о фильме ему не получить. Он об этом почти не говорил, но я видела, как ему плохо. Ему верилось, что он стоит на пороге... грандиозного открытия, а теперь его отбросили назад к тому, с чего он начал.

Лора отхлебнула вина. В камине внезапно раздался громкий треск, и одно из поленьев выпало из пирамиды. Рэйчел смотрела на огонь, и звуки, что тот издавал, тепло, исходившее от очага, нарисовали в ее воображении маленького мальчика Роджера: вот он сидит на каникулах дома у газового камина и смотрит кино со старой трескучей и хрипящей фонограммой, а его мать на кухне готовит ужин на всю семью...

— Но жизнь не стоит на месте, — продолжила Лора. — На самом деле тогда она даже понеслась вскачь. В том году случились два события, изменившие нашу жизнь, — весной мы переехали, а потом, летом, родился Гарри. Роджер... нет, он не уваливал от домашних дел. Принимал участие, помогал и первые несколько месяцев после рождения Гарри был отличным отцом. Мне казалось, что семейные заботы отвлекают его от разных навязчивых мыслей, но я ошибалась. Воспоминание о фильме преследовало его. И поняла я это, когда он сообщил, что ему предложили написать статью в сборник, задуманный в издательстве «Палгрейв Макмиллан». Сборник был юбилейным, в честь историка кинематографии и кинообозревателя Терри Уорта^[12], в 1990-х его считали весьма авторитетной фигурой в своей области. Уорт также был специалистом по утерянным фильмам, и Роджера попросили написать именно об этом аспекте его деятельности. Естественно, я спросила, собирается ли он упомянуть «Хрустальный сад», и он ответил, что скорее нет — по причине недостаточной информации. Он произнес это очень небрежным тоном, и у меня сложилось впечатление, что он выбросил фильм из головы либо, по крайней мере, отодвинул эту тему на задний план. А еще он сказал, что статья потребует серьезных исследований, и меня это не обрадовало, обходиться без его помощи мне было трудновато. Недели две я его вообще не видела. Я была прикована к дому, кормила Гарри, а Роджер с утра до

ночи просиживал в библиотеке Британского института кинематографии в Лондоне. Во всяком случае, я так думала. — Лора помолчала, горестно разглядывая вино в своем бокале, но затем встряхнулась и продолжила: — В один прекрасный день я получила электронное письмо от приятельницы, мол, она только что столкнулась с Роджером — и вовсе не в библиотеке киноинститута. Встреча произошла в Библиотеке печатной прессы в Колиндейле. — Она бросила взгляд на Рэйчел: — Что тут смешного? Чему вы улыбаетесь?

— Простите, — ответила Рэйчел. — Просто... я подумала, что здесь замешано что-нибудь... поострее. Он завел роман на стороне, например.

— Это было бы предпочтительнее в некотором смысле, — сказала Лора. — Хотя бы относительно *нормальное* поведение. Но с Роджером все и всегда было ненормальным. Только он мог обманывать жену, работая не в той библиотеке, где ему полагалось работать. Да и пронырливый изменник из него тоже не получился бы: когда он вернулся домой тем вечером, я рассказала ему про письмо подруги, и он тут же во всем признался. Выяснилось, что в Колиндейле он изо дня в день просматривал телепрограммы в газете «Бирмингем пост» за годы, приходившиеся на середину 1960-х. Я рассердилась, что нетрудно представить, и заявила, что он попусту тратит время. На что он ответил: «А вот и нет! Время я потратил не впустую. Я сузил поиск до двух дней».

«Поиск чего?» — спросила я.

«Даты показа. Вот — взгляни на *это*». Вынув из портфеля два листа бумаги, он швырнул их мне с тем самодовольным видом, с каким детектив в конце фильма предъявляет убийце решающее доказательство его вины. Я разглядывала бумаги и ничего не понимала. Фотокопии двух телепрограмм из старой газеты. «Хрустального сада» там не было и в помине.

«Разве ты не видишь? — сказал он. — Вот здесь: 14 декабря 1966 года. Среда, дневные передачи. Школьные каникулы только что начались. Мне пять с половиной лет. А теперь взгляни на программу АТВ. Строчка после 13.50».

Я нашла строчку и прочла вслух: «*“Против ветра”*». И какое отношение это имеет к “Саду”?» Он раздраженно вздохнул, словно имел дело с идиоткой. «Не понимаешь? — спросил он. — Посмотри, когда начинается следующая передача». Я так и сделала. В 16.30, но я все равно не видела здесь никакой связи. «“Против ветра” — пояснил он, едва не задыхаясь от волнения, — это фильм киностудии “Илинг”, место действия — оккупированная Бельгия. *И длится он всего девяносто шесть минут*. А когда фильм показывают по ТВ, его продолжительность еще короче.

Скажем, девяносто минут. Если добавить минут двадцать или двадцать пять на рекламу, в расписании все равно остается огромный пробел. И его необходимо чем-то заполнить». Он торжествовал, я же хмурилась, полагая, что ни к чему хорошему его поиски не приведут. «И вот здесь то же самое, — продолжил Роджер, — только еще лучше. 16 февраля 1967 года, четверг. Опять каникулы. На этот раз показывали “Человека, который умел творить чудеса” по роману Герберта Уэллса, и я знаю, что я его смотрел, когда был в том возрасте. Помню, как смотрел, и очень отчетливо. А идет он всего семьдесят две минуты! Что увеличивает зазор на целых двадцать минут. И погода была подходящая — двумя днями ранее выпал снег. Я уверен, программу заполнили “Садом”. Пусть не на сто, но на девяносто девять процентов уверен железно. А что это еще могло быть? Я просмотрел все программы и нашел только два вместительных пробела».

«Ты просмотрел их все? — оторопела я. — Сколько же времени на это ушло?»

«Не так уж много, — обиделся он. — Всего дня три-четыре».

Понятно, для меня стало шоком то, как он проводит время. Но история с «Садом» имела циклический характер. Несколько дней он носился со своим открытием, но дальше дело не пошло. Ему ничего не удалось доказать. Он написал на Центральное ТВ в Бирмингеме, но архивов ATV у них не сохранилось. Ни документов, ни отчетности. И разумеется, они сочли его чокнутым, телеманьяком своего рода. Минус месяц три-четыре, и казалось, он опять успокоился.

Академические издания, как вам известно, готовятся медленно. Сборник эссе о Терри Уорте вышел спустя два года, и статью Роджера особенно хвалили как одну из лучших. В этом и заключалось его несчастье: когда Роджер отряхивался от своих наваждений и брался за что-то серьезное, у него получалось очень хорошо. В статье много говорилось о фильме Билли Уайлдера «Частная жизнь Шерлока Холмса», известного тем, что перед выходом на экран его укоротили примерно на треть. В том, что осталось, Холмс и Ватсон едут в Шотландию разбираться с Лохнесским чудовищем. Однажды вечером мы с Роджером вместе посмотрели этот фильм, и думаю, как раз тогда мы и начали размышлять о чудовище и о том, что за ним стоит. У Билли Уайлдера чудовище оказывается подделкой, как и в большинстве других фильмов.

Это был хороший вечер. Мы сидели допоздна, обсуждали все эти фильмы о Лохнесском звере и пытались найти точки соприкосновения между ними. Мы заметили, что, как правило, главные персонажи, столкнувшись с реакцией людей на идею о чудовище — жадное

любопытство, граничащее с ужасом, — немедленно нороят на этом нажиться. Тогда и родилась фраза «монетизация чуда»... — Лора запнулась и удивленно покачала головой: — Как давно это было... А я все еще не могу закончить статью за него. Невероятно.

Она погрузилась в молчание. Рэйчел решила, что не помешало бы отвлечь ее от грустных мыслей.

— «Монетизация чуда» — отличная фраза. Ее можно использовать в качестве заголовка. Но что с тем другим фильмом, немецким...

— С тем фильмом? — задумчиво переспросила Лора. — Долгое время ничего, а потом откуда ни возьмись пришло сообщение. Электронное письмо от человека, что с большим запозданием ознакомился с просьбой Роджера поделиться информацией. По-моему, спустя три с лишним года. (Да, все верно — Гарри уже ходил в детский сад.) Так Роджер и узнал о судьбе «Хрустального сада». И для него это стало началом конца.

Этот парень, Крис, забрел на один из сайтов любителей кино и случайно увидел старый пост Роджера. Ну и отправил ему персональное сообщение... — Лора потянулась к бокалу, но обнаружила, что тот пуст. — Боже, быстро же я с ним расправилась. В бутылке ничего не осталось?

— Боюсь, нет, — ответила Рэйчел, с сожалением поглядывая на свой бокал. — Похоже, мы ее прикончили.

— Все нормально. Значит, пора откупорить вторую. А пока я этим занимаюсь, — Лора рывком встала, — можете взглянуть на их переписку. Она все еще там, на сайте.

Лора на кухне открывала бутылку риохи и разливала вино по бокалам, а Рэйчел, положив ноутбук на колени, читала переписку, инициированную Роджером, на форуме сайта под названием «Бритмуви».

23 октября 2010 18:32

Привет, Роджер.

Прости, что я так задержался с ответом! Я только что обнаружил этот сайт и увидел твой запрос. Для начала — я никогда не смотрел «Хрустальный сад», но память тебя не подвела. Его действительно показывали по АТВ в дневное время в середине 60-х. И это был единственный показ на британском ТВ и один из очень немногих публичных показов во всем мире! Я это точно знаю, потому что мой дед, Том Феррис, был к этому причастен.

История длинная, и я не знаю, рассказывать ее целиком или тебе достаточно факта, что ты все верно запомнил.

Сообщи, и я попробую заполнить пробелы.

Будь здоров,
Крис Феррис

23 октября 2010 19:05

Привет, Крис.

С ума сойти! Я уже перестал надеяться, что когда-либо узнаю хоть что-то об этом мифическом (для меня) фильме, и вдруг ты подтверждаешь все, что я предполагал! Выяснить наконец, что я это не выдумал и не увидел во сне, — момент потрясающий! Сажу за компьютером, набираю этот текст, и меня буквально трясет.

Прошу тебя, расскажи все в мельчайших деталях о том, что тебе известно о фильме и показе на Британском ТВ, с самого начала и до конца.

Роджер

24 октября 2010 23:53

Крис, ты еще с нами?

Роджер

25 октября 2010 22:17

Привет, Роджер.

Прости, что отвечаю спустя два дня. Понимаю, тебе не терпится узнать о фильме. Но мне понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мыслями и расставить факты по порядку.

Итак, с чего начнем? Давай с режиссера фильма, Фреда Гудмана, или Фридриха Гюдеманна, под каким именем он был известен, пока не уехал из Германии в конце 1930-х. Фридрих (мой дед так и не смог заставить себя называть его Фредом) родился в Магдебурге на востоке Германии. Он был молодым и талантливым оператором-постановщиком и довольно долго работал на студии УФА. Но Фридрих рвался в режиссеры и очень огорчался из-за отсутствия возможностей проявить себя в этой профессии. Единственное, что ему удалось сделать, — крошечный фильм минут на 8–9, который он снял, гостя зимой на выходных в загородном доме своих друзей и задействовав их сына в качестве исполнителя главной роли. Насколько я знаю, сюжета как такового не было (тебе, возможно, известно больше на этот счет), просто камера следовала за мальчиком, осматривающим дом и территорию вокруг, и за тем, как он ползет по туннелю в стене и выныривает в волшебном пейзаже, в саду, сотворенном целиком из хрусталя. На этом все, и, однако, те немногие, кто его видел, включая моего деда, говорили, что фильм их околдовал. Работа была

выдающаяся, утверждал дед. Во всяком случае, неплохой задел для блестящей карьеры. Но Фридрих был евреем, ясное дело, и он уже припозднился с отъездом из Германии. А когда он наконец сбежал, то прихватил фильм с собой — единственную существовавшую копию на пленке 16 мм. Он добрался до Парижа, а позднее сумел пересечь ЛаМанш. В Лондоне он появился году в 37-м или 38-м. Он быстро влился в кинематографическую среду и нашел работу на студии «Гейнсборо», где в качестве оператора снимал тупые комедии — в духе Уилла Хея, только хуже. Бог весть, что он сам думал об этих фильмах, но, уверен, работал он качественно и профессионально. Короче, там он и познакомился с моим дедом, который в ту пору рисовал титры для «Гейнсборо». Фридрих попросил его сделать новые титры для «Хрустального сада» — за просто так, без оплаты то есть. На досуге. Ему хотелось иметь английскую версию, и надо было лишь изменить начальные титры, диалог в фильме отсутствовал, насколько я знаю. Моему деду Фридрих нравился, и он был только рад оказать ему услугу. Деду показали фильм, и он просто обалдел. Фильм был потрясающе снят, разумеется, ведь Фридрих был очень одаренным парнем, но самое сильное впечатление, как ни странно, на деда произвела музыка. На оркестр и прочее денег не было, и Фридрих опять попросил об одолжении, и его приятель сочинил музыку, а потом он уговорил эту сопрано — возможно, даже хозяйку того загородного дома, где он гостил, — спеть под запись. Только ее голос, если не ошибаюсь, и маленький камерный оркестрик. Дед часто при мне вспоминал эту музыку, какой она была прекрасной, но сам я никогда ее не слышал, увы.

Так, что-то я расписался, пора сворачиваться. Продолжу завтра, если выкрою время.

25 октября 2010 22:33

О черт, да, я помню эту музыку. Такую прелестную и такую печальную! Будто плач по детской невинности, очищенный от всяких примесей, в чистом виде. Как я это понял, как проникся этой интонацией в мои пять лет? Или я сейчас домысливаю задним числом, оглядываясь на себя пятилетнего: мои глаза, впившиеся в крошечный черно-белый экран, музыка (звуковой дорожке уже тридцать лет), что льется сквозь фиговую акустику нашего маленького «ЭКко-ТВ», прорываясь через эту чашу, через лес хрипов, треска и искажений? И газовое пламя шипит в очаге, мама на кухне стряпает ужин к приходу отца.

Думаю...

Думаю, у меня уже голова кругом от того, что ты мне рассказал, и,

кажется, я перебрал с вином, пока читал, 3-й бокал был явно лишним, и никогда не стоит садиться за комп поддатым, так что...

26 октября 2010 22:42

Снова здравствуй, Роджер.

Надеюсь, вчера ты выпил не слишком много вина и утром тебя не мучило жестокое похмелье!

В общем, я понял, как это важно для тебя, и прости, если я вчера оборвал письмо «на самом интересном месте». К сожалению, чтобы рассказать все, мне потребуется больше времени, чем я ожидал. Так что давай продолжим с того места, где остановились. Мой дед Том сделал симпатичные начальные титры для фильма и присоединил их к копии, но Фридрих их так и не увидел — а если и увидел, то много лет спустя. Дед еще работал над титрами, и копия фильма была у него, когда он получил телеграмму от Фридриха, которая его ошарашила. Телеграмма была послана с атлантического лайнера, и в ней говорилось, что приятель Фридриха раздобыл для него разрешение на работу в Америке; медлить с отплытием было нельзя, и он отбыл в Голливуд. (Как и многие более знаменитые беженцы из нацистской Германии, уехавшие в Америку в те годы, перечислять их не буду — уверен, ты и сам знаешь.) Больше дед с ним никогда не встречался. Фридрих превратился во Фреда Гудмана и после нескольких лет в Голливуде перешел на телевидение, много работал на CBS и других каналах. Любопытно, что мой дед после войны пошел примерно тем же путем. В сороковых он в основном работал на студии «Илинг», но когда образовалось коммерческое ТВ, то предпочел телевидение. Переехал в центральные графства и работал на АТВ, проектируя титры и внутрикадровые надписи, а закончил он в отделе, где составляли расписание передач. Вот мы и добрались до середины 1960-х. Дед и Фридрих поддерживают связь друг с другом — но спорадически, очень спорадически. По письму раз в два-три года. Копия «Хрустального сада» по-прежнему хранится у деда, он иногда показывает ее в обществах кинолюбителей и даже предпринимает попытку запустить фильм в прокат в качестве небольшого сопроводительного материала, но безуспешно. Фридрих выдал ему карт-бланш на показ фильма — денежное вознаграждение его не интересует. И тут деда осеняет. Расписание передач на АТВ порой составляется довольно хаотично, особенно это касается дневного времени, и художественный фильм, например, не всегда точно укладывается в отведенные ему временные рамки. Частенько остается минут 10–15, которые надо чем-то заполнить, и на этот случай всегда

держат под рукой запасной материал, иногда мультики, но это дорогое удовольствие, поэтому чаще показывают что-нибудь подешевле типа жутких роликов «К сведению общественности» 1950-х годов. И тогда дед решается одолжить АТВ копию «Хрустального сада», чтобы они могли вставлять ее в дневное расписание по мере надобности. Заткнуть десятиминутный пробел. Так и случилось, но только раз, один только раз — в тот день, когда ты увидел этот фильм, который тебя так сильно впечатлил.

Надеюсь, я прояснил для тебя эту загадку. Было приятно пообщаться с человеком, помнящим фильм: история деда, Фридриха и единственного показа фильма в нашем доме нечто вроде семейной легенды. Приятно, что «Хрустальный сад» кто-то увидел и, что важнее, запомнил.

27 октября 2010 00:27

Крис,

Поверить не могу, как ты мог оставить свой рассказ незаконченным? Не ответив на самый главный вопрос?

ЧТО С КОПИЕЙ? ГДЕ ОНА ТЕПЕРЬ???

27 октября 2010 21:46

ЧТО С КОПИЕЙ? ГДЕ ОНА ТЕПЕРЬ???

28 октября 2010 10:33

Дорогой Роджер.

Гм. Было приятно услышать коротенькое «спасибо» за все то, что я тебе рассказал, ну да ладно...

В двух словах — когда в 89-м пала Стена, Фридрих вернулся на родину в Магдебург спустя шестьдесят с лишним лет. Он написал деду и попросил выслать копию в Германию, ему захотелось снова ее посмотреть. Дед так и поступил. Больше мне ничего не известно.

Надеюсь, я удовлетворил твое любопытство.

Будь здоров,

Крис

На этом переписка заканчивалась. Рэйчел закрыла ноутбук и отдала его Лоре. Пока она читала, Лора наблюдала за ней, машинально отхлебывая вино и зорко отслеживая реакцию на ее лице.

— И... как вам? — спросила Лора, не дождавшись немедленного отклика.

— Он определенно воспринял это слишком близко к сердцу, —

ответила Рэйчел. — Надеюсь, он не... Надеюсь, вы не хотите сказать, что он сразу же отправился в Германию?

Лора медленно кивнула с печальной улыбкой:

— Конечно. Иначе и быть не могло.

Она провела пятерней по волосам, вздохнула тяжело.

— У Роджера там был друг. Ну не то чтобы друг — коллега по имени Джеймс. Женившись на немке, он преподавал искусство кинематографии в Свободном университете Берлина. Когда Роджер писал о «Частной жизни Шерлока Холмса», Джеймс помог ему отыскать старый документальный фильм о Билли Уайлдере, снятый на немецком ТВ. Джеймс — парень пробивной, и он знал, как подступиться к немецким киноархивам. Поначалу его запросы ни к чему не привели. Фридрих Гюдемманн умер в 2005-м в завидном возрасте девяноста пяти лет, и с тех пор «Хрустальный сад» нигде и ни разу не упоминался. Но куда же подевалась единственная копия фильма? Осталась у его родных? Тогда где искать эту родню? Обзавелся ли он детьми и внуками в Америке? Роджер отправил сообщение Крису, спрашивая, не знает ли тот что-нибудь на сей счет, но Крис был более не в настроении отвечать на расспросы моего мужа-грубияна. Пришлось опять подключить Джеймса.

Первое, что разузнал Джеймс, — Гюдемманн был геем. В Германию он вернулся после того, как в Америке умер его многолетний любовник. Последние годы он провел в Лейпциге с сестрой и ее мужем. К тому времени, когда Джеймс все это выяснил, сестра умерла, ее муж обитал в доме для престарелых и был не совсем в своем уме. Джеймс вышел на его зятя, малого под шестьдесят по имени Хорст. То есть Фридрих был ему практически чужим человеком. Поместив тестя в дом для престарелых, Хорст продал его дом, а все, что там было, отправил на склад на окраине Лейпцига. Были ли среди вещей те, что принадлежали Фридриху? — допытывался Джеймс. Хорст понятия не имел. Он просто все упаковал и отдал на хранение. Да, он собирался со временем рассортировать «наследство», но пока не получилось.

Не знаю, что Джеймс ему наговорил, но, как бы то ни было, Хорст разрешил ему покопаться в этом имуществе. И как только Джеймс сообщил об этом Роджеру по электронной почте, мой муж сел на первый же самолет до Германии. Буквально тем же вечером он заказал билет на ближайший рейс, еще оставались места. Я лежала в кровати, читала на сон грядущий, когда он вошел и объявил, что завтра уезжает в Лейпциг и ему нужно встать в 3.30. Помню, он поцеловал меня на прощанье и заговорил о фильме — о том, что он наверняка отыщет его и положит конец поискам и

неизвестности; не пройдет, мол, и нескольких дней, как все будет завершено. Я поцеловала его в ответ и сказала, что рада за него. Тогда я видела его в последний раз.

Она поднесла к губам бокал, но он опять оказался пуст. Взгляд у Лоры был усталый, почти невидящий.

— Я принесу письмо Джеймса. Из него вы узнаете конец истории.

Когда Лора выходила из комнаты, Рэйчел заметила, что на ногах она держится не слишком твердо. В кабинете, находившемся за стенкой, Лора застряла минут на пять. Рэйчел слышала, как она выдвигает и задвигает ящики письменного стола, шуршит бумагами и негромко чертыхается, но в итоге искомое нашлось, и Лора вернулась с письмом в одной руке и маленькой бутылкой в другой.

— Бренди, — пояснила она. — Вечер хорошо заканчивать бренди. А вот и письмо. Почитайте, а я пока налью вам капельку.

В бокале Рэйчел оставалось немного вина, но бренди туда все равно добавили, и жидкость обрела противный оранжевый оттенок. Выпить «коктейль» Рэйчел поостереглась, взамен она сосредоточилась на кипе исписанных от руки листков, что дала ей Лора. Почерк был четким, твердым, с заметным наклоном. Бумага из недешевых — плотная, кремовая с желтизной и водяными знаками.

Моя дорогая Лора,

Ужасно приниматься за это письмо. На похоронах ты сказала (и как прекрасно ты говорила в церкви в тот проклятый день), что я не должен винить себя в том, что случилось. Но как не винить? Именно я привел Роджера к месту его гибели. Верно, я был не в силах предугадать, чем все обернется, но — факт остается фактом. Если бы не мое вмешательство, твой муж был бы жив.

В четверг мы были не в том состоянии, чтобы поговорить подробно о его последних часах в этом мире. Я обещал, что напишу тебе и расскажу все, что смогу. Поэтому начну с того, как я встречал Роджера в аэропорту Лейпцига.

Утро выдалось жутко холодным. Когда он прилетел (он делал пересадку в Ганновере и из-за снегопада самолет опоздал на полчаса), мы отправились выпить кофе в баре. Он не стал тратить время на пустые разговоры — сразу перешел к делу, ему хотелось знать все о нашей предстоящей встрече с Хорстом. В запасе у нас было полно времени, но он заставил меня залпом выпить кофе и сесть в машину. В результате к складу мы подъехали на 15 минут раньше. Снегопад усиливался, и хотя время

близилось к полудню, низкое исчерна-серое небо не предвещало сколько-нибудь светлого дня. Склад представлял собой огромное, ничем не примечательное строение на окраине города. Снаружи обширная стоянка. Мы припарковали машину и, топая по снегу, вошли внутрь; в автомате, рядом с письменным столом дежурного, мы взяли себе еще кофе, черного, обжигающего. И сели на скамью дожидаться Хорста. Я постарался ввести Роджера в курс дела: было крайне нелегко уговорить Хорста запустить нас в хранилище, чтобы мы поискали в этих старых пожитках вещи Фридриха Гюдемманна; пока я не сказал ему, он знать не знал о том, что Фридрих сделал неплохую карьеру в кино и на телевидении, а узнав, согласился наконец встретиться с нами на складе. Я не сомневался, что его манила возможность обнаружить нечто ценное, что можно продать, и за приличную сумму. Я предупредил Роджера, что в эту категорию может войти и копия «Хрустального сада», если мы найдем ее, но это соображение нисколько его не обеспокоило — напротив, еще больше взволновало. «Ты считаешь... ты правда считаешь, что копия здесь?» — спросил он, и более его ничто не интересовало. Идея отыскать этот фильм настолько захватила его, что о последствиях он просто не задумывался, например, о проблеме права собственности на фильм, с которой мы могли столкнуться. Столь сильно было его желание, как я теперь понимаю, просто опять увидеть «Хрустальный сад» и вновь пережить — насколько это возможно — то волшебное очарование, что он испытал, когда был маленьким беззаботным школьником.

И в какое же безрадостное место завел его этот квест. Мы пили дешевый кисловатый кофе, сидя на деревянной скамье и опираясь спинами о стену. На скамью падал слабый неоновый свет, а вокруг тянулись огромные пространства склада, пропадая в густом непроницаемом сумраке. Сеть бесчисленных проходов, а в них ряд за рядом одинаковые контейнеры для хранения, каждый метра четыре в высоту и два в ширину. Над нами металлические леса, образующие громадную решетку, в ячейках которой все те же емкости для хранения. Я вообразил раскатистый металлический звук шагов в этом подвесном лабиринте, но на самом деле кругом было тихо. Гнетущая мертвенная тишина. Разве что из наушников дежурного тонкой струйкой с присвистом просачивалась музыка. Мы с Роджером разговаривали, понизив голос, полусшепотом, словно находились в соборе или библиотеке. И в каком-то смысле так оно и было. Библиотека ненужных вещей. Собор преданных забвению. Впрочем, говорить нам было особо не о чем. Шум приближающегося автомобиля мы распознали безошибочно, несмотря на то что шины тонули в снегу. Мы встали в

ожидании появления Хорста. Он отряхивал снег с куртки и был явно не в духе. Даже не взглянув на нас, он направился к дежурному, чтобы забрать ключи от своих боксов. И лишь затем подошел к нам и поздоровался. Я представил ему Роджера, и он торопливо, без всякого интереса пожал ему руку. «По-вашему, в этих контейнерах, возможно, лежит фильм? — спросил он нас. — Вы ищете фильм, да?» Я кивнул, и он сказал: «Если мы найдем его, вам он не достанется. Это моя собственность». Я ответил, что мы это прекрасно понимаем, а Роджер добавил: «Но мы должны посмотреть его. Вы должны разрешить нам увидеть фильм». Хорст пробормотал нечто неопределенное, мол, «надо подумать», и поиск начался.

Контейнеры Хорста находились на первом этаже склада и стояли точно друг против друга: один под номером 24, другой под номером 11. На дверях, выкрашенных в желтый цвет, массивные навесные замки. Когда Хорст отпер номер 24 и распахнул дверь, я заглянул внутрь и приуныл. Изнутри контейнер казался много больше, чем снаружи, и был доверху забит мебелью и картонными коробками. Что касается номера 11, с ним дела обстояли еще хуже. Коробки загромождали дверной проем, так что дверь закрывалась с трудом и нельзя было разглядеть, что там, за этой баррикадой. На то, чтобы перебрать все это старье, понял я, уйдет уйма времени.

Пожалуй, я отброшу ненужные подробности и расскажу эту длинную и тяжкую историю покомпактнее. Медленно, прилагая немало усилий, мы пробирались сквозь хлам, оставленный мистером Гюдеманном, его сестрой и ее мужем. Мы с Роджером разгребали содержимое номера 11, Хорст сосредоточился на номере 24. Было видно, что ищет он целенаправленно в надежде наткнуться на драгоценности или что-нибудь в том же роде. Мы подробно описали ему, как выглядит коробка, и он буркнул в ответ, что даст нам знать, если найдет такую.

Это была долгая, утомительная и напряженная работа. Хорст, копавшийся в контейнере напротив, обычно находился к нам спиной и, однако, умудрялся отслеживать наши передвижения, мы то и дело слышали: «Поаккуратнее с этим!» или «Покажите, что в той коробке!» Как я и предполагал, его интересовали ювелирные украшения, он забирал их у нас и складывал отдельно.

Через час мы оба устали и я подумал, что хорошо бы устроить перерыв. Но Роджер с лихорадочным блеском в глазах отказался прервать охоту даже на несколько минут. Я предложил принести ему кофе, но он сказал, что ему ничего не нужно, и к автомату я отправился один.

Я просидел на скамье у стола дежурного минут десять, попивая кофе и проверяя электронную почту, когда услышал его крик. Никогда прежде я не слышал такого волнения, такой экзальтации — граничащей с экстазом — в человеческом голосе. «Джеймс! — звал он. — Джеймс! Кажется, я нашел!» Слова словами, но мне его крик показался торжествующим воплем первобытного человека, еще не научившегося говорить. Я поставил стаканчик с кофе на скамью, вскочил и побежал к контейнеру, и тут, спустя секунд пять, раздался иного рода вопль — испуганный, растерянный, — а следом жуткий грохот. Вернее, не просто грохот, а три-четыре раската, каждый громче предыдущего, и финальный прозвучал почти как взрыв. Мощное эхо прокатилось по складу, сотрясая воздух, а затем наступила оглушительная тишина. Я подбежал к номеру 11, там уже стоял Хорст, а внутри контейнера царил хаос. Половину содержимого мы, просмотрев, уже вынесли наружу, внутри же огромной бесформенной кучей громоздились коробки, книги, мебель, разбитый фарфор и стекло, и в основании этой горы, раздавленное весом старого хлама, лежало уже бездыханное тело несчастного Роджера.

На шум прибежал дежурный и, увидев, что случилось, бросился вызывать «скорую». Хорст и я принялись разбирать обломки, придавившие Роджера. Мы работали как осатанелые, отбрасывая вещи куда попало, не глядя и не заботясь о том, сломаем мы что-либо или нет.

Не знаю, что еще тебе сказать. Врачи прибыли быстро, им хватило одного взгляда на распростертое тело Роджера, чтобы установить факт смерти.

Остаток дня прошел как в тумане. Запомнилось лишь одно: разгребая все это старье, чтобы добраться до Роджера, я заметил некий предмет, который и он, вероятно, увидел, что и понудило его позвать меня. Должно быть, этот предмет лежал снизу, но Роджеру настолько не терпелось взять его в руки, что он выдернул его, вызвав роковое обрушение. Это была металлическая коробочка, в таких раньше хранили 16-миллиметровую пленку, а сбоку была наклеена бумажка с надписью большими печатными буквами, сделанная более семидесяти лет назад: *Der Garten aus Kristall*.

Я открыл коробку. В ней лежали старые жестянки из-под сигарет, во многих — мелкие немецкие монеты, те, что называются «мелочью». А также пуговицы, ленты, иголки, нитки и прочие принадлежности для шитья.

Возможно, хорошо, что он этого не увидел. Возможно, если бы увидел, он бы все равно умер, но иной смертью.

* * *

Наутро Рэйчел встала рано и первой спустилась на кухню; впрочем, там уже была Кейша, она варила кофе и готовила завтрак для Гарри. Не желая ни мешать ей, ни затевать неловкую беседу, Рэйчел вышла в сад.

Она села на старую деревянную скамью, на ту же, что и вчера. И опять не могла отвести взгляд от молчаливого сломанного фонтана в центре лужайки. Какая жалость, что он не работает. Лора просто обязана его починить. Сад по-прежнему казался Рэйчел очаровательным, но уже не волшебным, не принадлежащим иному миру. Вскоре к ней присоединилась Лора. Она была в спальных носках, свитере поверх пижамы и толстом халате поверх свитера, в руках она держала две кружки кофе.

Они молча пили кофе, пока Рэйчел не спросила:

— Так вы почините фонтан?

— Вряд ли. Скорее выставлю дом на продажу.

— И переедете обратно в Оксфорд?

— Наверное. Или в Лондон. Я подыскиваю там профессорскую должность. — Лора поежилась и подалась вперед. Сидеть на воздухе было холодно. — Дело в том, что я не хочу, чтобы Гарри вырос таким же, как Роджер.

Рэйчел не совсем поняла, какой смысл она вкладывает в эту фразу.

— Хотите сказать, склонным к одержимости?

— О, одержимостей у него может быть сколько угодно, лишь бы они относились к чему-то продуктивному.

— То есть не к датам телепоказов черно-белых фильмов?

— То есть одержимость чем угодно, но не прошлым, — поспешила уточнить Лора. Отхлебнув кофе, она обхватила ладонями кружку, согревая руки. — Как и многие, Роджер был убежден, хотя никогда не признавался в этом, даже самому себе, что в прошлом жизнь была лучше, легче, приятнее. В прошлом его детства и юности. Это было не просто тоской по детству, но чем-то бóльшим. Напрямую связанным с тем, какой была страна — либо какой он ее *видел* — в шестидесятых и семидесятых.

— До моего рождения.

— Задолго до вашего рождения. Тогда в обществе царили совсем другие настроения. Очень непохожие на сегодняшние. Для Роджера много значила идея всеобщего благосостояния, наличие страховочной сетки и самое главное, как я думаю... отсутствие необходимости постоянно делать *выбор*. Он это *ненавидел*. То, что Генри Уиншоу — и любой министр после него — полагал обязательным наращивать, Роджер *ненавидел* больше

всего на свете. Сами подумайте, тот образ, к которому он постоянно возвращался снова и снова.

— Хрустальный сад?

— И не только. Все остальное, чем было наполнено воспоминание об этом фильме. Вся... текстура воспоминания. Ожидание отца с работы — с той работы, где он прослужил сорок лет. Мать на кухне готовит ужин — точно такой же ужин она всегда готовила в тот день недели. Представляете, каким незыблемым, прочным должен был казаться окружающий мир? И отсюда эта прекрасная, согревающая уверенность в завтрашнем дне. Даже тот факт, что фильм не был заявлен в программе и Роджер увидел его случайно. Это был не его *выбор*, понимаете? Кто-то сделал выбор за него. Сотрудник АТВ или дед Криса, неважно, главное — *не Роджер*. То, что задавало тон этой ситуации, то, что делало ее прекрасной, называлось пассивностью. Другие люди решают за тебя. Люди, которым ты доверяешь. Ему это очень нравилось. Ему нравилась идея передоверять другим принимать решения от его имени. Не все. Но некоторые. Ровно столько, чтобы ничто не стесняло твою личную свободу и ты мог жить так, как тебе хочется. И кстати, разве это не одно из определений счастливого детства? Но Роджер еще и полагал, что он помнит время, когда все думали и чувствовали, как он. Время, когда мы доверяли людям во власти, а они в ответ обязаны были обращаться с нами... не то чтобы как с детьми, но как с людьми, о которых необходимо иногда позаботиться. И многие до сих пор верят, что прошлое было именно таким.

— Но это... слегка наивно? — поборов робость, сказала Рэйчел.

— Да, — не замедлила согласиться Лора. — Наивно. Жизнь не такова. И чем дальше, тем больше она не соответствует подобным о ней представлениям. — Лора бросила на Рэйчел быстрый хитроватый взгляд: — Вы же заметили, как я разговариваю с Гарри. И считаете, что я с ним слишком сурова.

— Иногда, — вынуждена была признаться Рэйчел.

— Видите ли, мне невыносима мысль, что, повзрослев, он тоже начнет тосковать по своему детству — по прошлому, — как и его отец.

Не сказав более ни слова, Лора поднялась и торопливо зашагала к дому — либо желая скрыть слезы, что ей не хватило сил сдержать, либо просто потому, что в саду она окончательно замерзла.

Премия Уиншоу

Грозит ли, шутит ли сатира, что проку в ней?.. Порок ли смехом изведен? Или разврата дочь С испугу повинилась? Раскаялся злодей? Увы! Левиафан, он дикий зверь.

Уильям Купер. «Задача» (1785)

1

Скотленд-Ярд терялся в догадках.

Точнее, они пока ни о чем не догадывались. Но в тот момент, когда старший инспектор Кондоуз дочитает электронное письмо, на него свалится новое дело и он таки потеряется в догадках.

Письмо пришло два часа назад, его пересылали с компьютера на компьютер, и наконец оно попало в поле зрения Кондома Ярда, как коллеги упорно величали инспектора. В связи с чем он ежедневно задавался одним и тем же вопросом: *с какой стати* его так прозвали? Глупейшая кличка. Напрочь лишенная оригинальности и абсолютно несоответствующая его положению в сыскной полиции. Почему, скажите на милость, не называть его Кондором Ярда? Он давно намекал сослуживцам на такой вариант. Идеальное прозвище, основанное на тонком созвучии и ясно указывающее на поистине супергероическое отношение инспектора к полицейской работе. Но его намеки по неведомой причине не достигали цели.

Потягивая черный кофе, третью чашку за день, и размышляя о несправедливости кулуарного словотворчества, инспектор вдруг сообразил, что у него не получается вдуматься в то, что он читает, и он полностью переключил внимание на письмо.

К сведению заинтересованных лиц.

Прошу прощения, если мое письмо напоминает черта из табакерки. Я всего лишь констебль и следователь-стажер из провинции, и мое имя вам ни о чем не скажет. Тем не менее на днях две новости в лондонских газетах привлекли мое внимание, и я хотел бы удостовериться в том, что их потенциальное значение по достоинству оценено высокими должностными лицами Скотленд-Ярда.

Первое известие — смерть от утопления Майкла Парра, белого мужчины в возрасте под тридцать; происшествие имело место на южном берегу Темзы неподалеку от Гринвича 13 числа истекшего месяца. Мистер Парр был по профессии артистом разговорного жанра. Судебный следователь вынес вердикт «несчастный случай со смертельным исходом».

Вторая новость — смерть Рэймонда Тернбулла, еще одного белого мужчины под тридцать, выпавшего с балкона на седьмом этаже жилого дома в Эктонтауне, на западе Лондона, 18 числа текущего месяца. Мистер Тернбулл также был артистом разговорного жанра, и опять судебный следователь определил причину смерти как «несчастный случай».

По моему мнению, ни та, ни другая смерть не случайны и между этими двумя летальными исходами имеется некая связь.

Вы спросите, почему я заявляю об этом с такой уверенностью. Буду рад представить мои доводы в неформальной обстановке в любое время и любом месте, которые сочтут удобными обе стороны. И хочу добавить, что с методами, уже принесшими мне скромную известность, можно ознакомиться, просмотрев прилагаемую статью, опубликованную на развороте в февральском номере журнала «Полиция».

Искренне ваш,
Натан Пилбим.

* * *

Констебль Пилбим жил в ничем не примечательном многоквартирном доме на северо-восточной оконечности Гилфорда. Дом был новый, построенный в глубине района между проезжими улицами и обнесенный надежной оградой. Для того чтобы попасть на мощеный двор, нужно было набрать код на воротах, а затем набрать другой код, чтобы войти в само здание. Квартира Пилбима с двумя спальнями располагалась на третьем этаже, окна выходили в сад, презентабельный, но не выдающийся, этим зеленым оазисом пользовались все жильцы. Пилбим жил один и во второй спальне устроил кабинет.

Кабинет удивлял количеством и разнообразием книг, собранных констеблем. Две стены от пола до потолка были закрыты книжными стеллажами, где тесными рядами стояли не только ожидаемые тома вроде «Справочника полицейского» или «Практического руководства по сыскному делу», но и огромное собрание сочинений исторических, политических, социологических, культурологических, а также исследований в области СМИ, марксистской философии, семиотики и нетрадиционной сексуальной ориентации. Некоторые полки были заняты папками с журналами, посвященными тем же темам, — констебль Пилбим находился в приятельских отношениях со многими почтальонами, они и приносили ему свежие выпуски «Перспективы», «Частного сыщика», «Нового левого обозрения», «Образа и звука», «Монокля», «Дивы», «Современной истории», «Прожектора», «Критериев цензуры» и «Умной жизни». Он прочитывал их все, складывал в папки, а затем вносил постатейно в электронный указатель с перекрестными ссылками, являвший собой сложную таблицу, им же и разработанную.

Не то чтобы констебль имел множество различных хобби либо увлечений на досуге. Напротив, Пилбим поставил себе цель сделаться

ведущим экспертом в уголовном расследовании, и каждую секунду своей жизни посвящал приближению к этой цели. Еще мальчиком, когда дедушка познакомил его с рассказами Конан Дойля и романами Агаты Кристи, он был покорен искусством розыска преступника. Скромное детство и юность в пригородах Портсмута предоставляли ему уйму времени для взращивания этой страсти. В конце девяностых и начале нулевых, когда его друзья и ровесники с головой погрузились в интернет, Натан чувствовал себя почти отщепенцем: его влекло к дедушкиной библиотеке, что после смерти деда собирала пыль, сваленная как попало в пустовавшей гостевой спальне. Кроме обширной коллекции детективов, здесь были классические произведения Маркса, Оруэлла, Тресселла и Шоу; сочинения Хомского и Грамши; исторические книги Хобсбаума и Томпсона; замусоленные тома с именами Маркузе и Лукаша на обложке, Уильяма Морриса и Рэймонда Уильямса. Натан поглощал книги одну за другой и отказывался понимать, почему его родители не только не проявляли интереса к этим томам, но и относились к ним как к никчемному барахлу, захламлявшему дом против их воли. Дед Пилбима был самоучкой, знания он черпал в публичных библиотеках, обществе «Образование для рабочих» и из дешевых изданий в мягких обложках, что выпускали «Пеликан Букс» и «Книжный клуб левых». Натан решил пойти той же дорогой и в возрасте восемнадцати лет предпочел поступить не в университет, но сразу на работу в полицию.

Сейчас Натану было двадцать четыре года. В полицейском участке Гилдфорда коллеги хорошо к нему относились, хотя и считали чудачком и нередко посмеивались над ним как в его присутствии, так и за глаза. Отчасти их веселье было вызвано непререкаемо серьезным — если не сказать благоговейным — отношением Пилбима к работе. Однако методы, применяемые им в расследованиях, соратники-офицеры находили не только забавными, но и крайне любопытными.

Теория констебля Пилбима, выросшая из чтения и размышлений на протяжении многих лет, заключалась в том, что любое преступление необходимо рассматривать в социальном, политическом и культурном контекстах. Полицейский сегодняшнего дня, утверждал Пилбим, должен быть сведущ во всех самых разнообразных направлениях современной мысли. Например, в недавнем расследовании непристойного обнажения констебль, опираясь на модную науку психогеографию (изобретенную Ги Дебором и активно развиваемую ныне людьми вроде Патрика Киллера, Йена Синклера и Уилла Селфа), сумел доказать, что обвиняемый не совершал этого преступления, ибо в тот день была годовщина смерти его

матери, и это обстоятельство не могло не подтолкнуть его к тому, чтобы вернуться домой не привычной дорогой через парк, где имела место непристойность, но через район муниципального жилья предвоенной застройки, где он родился и вырос. С другим делом он расправился, прочитав статью в «Лондонском книжном обозрении» о пресловутом «спальном налоге», введенном коалиционным правительством, — дополнительном поборе с хозяев муниципального жилья с пустующими, а значит, «излишними» помещениями. Не желая платить штрафной сбор, некоторые семейные пары прикидывались, будто живут врозь, а следовательно, спят в двух отдельных спальнях. Доказав, что семейная пара потерпевших лжет насчет своих отношений, Пилбим разрешил загадку ограбления, случившегося в их доме. Если муж и жена спят в супружеской спальне, рассуждал он, взломщику было бы удобнее забраться к ним через пустующую комнату, а не через кухню, как утверждали пострадавшие, опасаясь, что на них донесут куда следует. И действительно, на оконной раме в нежилой спальне обнаружили множество отпечатков пальцев, и грабителя быстро поймали.

В обоих случаях, написал Пилбим в статье для журнала «Полиция», традиционные способы дознания оказались неадекватными. Преступник действует не в политическом вакууме. Для того чтобы понять мотив преступления, необходимо понять, из каких «нот» складывается этот мотив, а потому мы должны учитывать экономическую ситуацию и среду обитания, культуру и производство, окружающий пейзаж и городской ландшафт, векторы поведения личности и векторы поведения сообщества. Чтобы распутать английское преступление, совершенное английским преступником, необходимо осознавать, в каком состоянии пребывает сама Англия.

Именно этой финальной фразой, зачитанной вслух одним из коллег наполовину саркастичным, наполовину восхищенным тоном перед ухмыляющейся аудиторией в обеденный перерыв, Натан Пилбим заработал кличку Тантрик Участковый. (Причем интерес сослуживцев к тантризму был довольно избирательным — с уклоном в опцию головоломных сексуальных практик.)

* * *

Констебль Пилбим находился в коротком ежегодном отпуске, однако нельзя сказать, что он отдыхал от полицейской работы. Желания расслабиться у него не возникало — по крайней мере, в том смысле, в каком это слово понимает большинство людей. Отправив поутру

сообщение в Скотленд-Ярд, он забежал в местный супермаркет купить продуктов: вечером констебль намеревался угостить ужином свою *innamorata*^[13]. После чего он вскрыл посылку из «Амазона», доставленную ранее сбившимся с ног, перегруженным работой почтальоном.

В посылке было два видеодиска в коробочках, поразительно схожих. На коробке первого DVD — молодой, лохматый и слегка полноватый белый мужчина в свободной цветастой рубашке навывпуск. Он говорил в микрофон. Диск назывался «Микки Парр — Да кто в это поверит? — На сцене и на взводе». На обложке второго диска — еще один молодой, лохматый и слегка полноватый белый мужчина в свободной цветастой рубашке навывпуск. Он тоже говорил в микрофон, а диск носил название «Рэй Тернбулл — Последний в очереди. — Вживую и без тормозов». Натан припоминал, что в прошлом году он видел рекламу этих изданий в лондонской подземке, их раскручивали накануне Рождества вместе с полудюжиной других дисков с выступлениями молодых, лохматых и слегка полноватых белых мужчин в свободных цветастых рубашках навывпуск. Следуя задумке рекламщиков, все мужчины изобразили на лицах одинаковое и слегка глуповатое изумление, и осенью того же года все они гастролировали по стране, а их выступления записывались специально для этих рождественских дисков.

Уже тогда Натан заинтересовался этими рекламными плакатами как удивительным феноменом. В его представлении никто из этих мужчин не являлся признанным экспертом в какой-либо области человеческой деятельности; мыслителей, предложивших радикально новое мировоззрение, среди них также не наблюдалось. И тем не менее они получали внушительный доход, собирая огромные залы благодаря своему умению комментировать различные аспекты современной жизни в этакой простецкой и порою юмористической манере. Время от времени камера выхватывала зрителей, молодых, хорошо одетых и с виду преуспевающих: они покатывались со смеху в ответ на не слишком остроумные замечания о гендерных ролях или повседневном бытовом общении. В новый, недавно приобретенный среднего размера блокнот-молескин констебль Пилбим записал наблюдение, сделанное Германом Гессе:

Как же люди любят смеяться! Невзирая на жестокий мороз, они стекаются толпами с окраин в центр города, выстаивают очередь, платят деньги и сидят в зале до полуночи лишь затем, чтобы посмеяться всласть.

Размышления

Продолжительность каждого видео составляла восемьдесят минут. Просматривая второе видео, Пилбим на исходе первого часа наконец обнаружил то, ради чего купил эти диски. Он и прежде был уверен, что между этими двумя мужчинами существует некая связь, и более существенная, нежели заурядность, свойственная их выступлениям. Теперь констебль знал, на чем основана эта связь.

* * *

Как у многих выдающихся людей — и большинства великих детективов, между прочим, — у Натана Пилбима имелась маленькая слабость. Роковая трещинка в его доспехах.

Это был не алкоголь, не наркотики. И он был слишком молод для рухнувшего брака и дочери-подростка, доставляющей массу хлопот и огорчений. Его изъян имел более простое происхождение. Проще некуда — всего-навсего безответная страсть.

Предметом его безумной влюбленности была женщина по имени Люсинда — Люсинда Спайсти. Старинное, почти исчезнувшее из обихода имя ей очень шло — во многих отношениях Люсинда сама была девушкой из давних времен. Возможно, именно по этой причине Пилбима так тянуло к ней. Воспитанный на строгой диете из мисс Марпл и лорда Питера Уимзи, он не мог поверить своему счастью (или несчастью, как посмотреть): как же ему повезло набрести на человека, кому самое место на страницах романов Агаты Кристи и Дороти Сэйерс, а вовсе не в Гилфорде образца 2013 года. Речь Люсинды была правильной и сдержанной, как и манера одеваться. В качестве одной из редких уступок современности она изредка посещала «Старбакс», куда Натан любил захаживать после длительного дежурства. Обычно Люсинда навещалась в «Старбакс» ближе к вечеру и сидела в одиночестве, проверяя ученические тетрадки с домашними заданиями. При встречах они поначалу лишь застенчиво переглядывались и не более того, пока Натан наконец не собрался с духом и не завел с ней беседу, краснея и мямля.

Она была ровесницей Натана. И чрезвычайно хорошенькой, но решительно настроенной не демонстрировать свои прелести. Люсинда одевалась в мешковатые брюки и бесформенные свитеры, не сообщавшие ничего о ее фигуре (и позволявшие Натану воображать все, что ему заблагорассудится). Волосы она зачесывала назад и крепко увязывала в пучок, побуждая Натана рисовать в беспокойных ночных фантазиях тот миг, когда она распустит волосы, тряхнет головой и снимет очки в роговой оправе, что, конечно, послужит сигналом к произнесению освященной

традицией реплики: «Боже, Люсинда... да ты красавица!» Она была правоверной католичкой. Преподавала химию в местной частной школе для девочек, где славилась бескомпромиссной борьбой с нарушителями дисциплины и беспримерным уважением к школьным правилам, за что ученицы и учителя за глаза (большие и прекрасные) называли ее «Суровая мисс Напасть».

«Вчера со мной приключилась суровая мисс Напасть». Эта острота звучала в учительской по крайней мере раз в неделю. Но шутка оставалась шуткой, реальных бед от Люсинды никто не ждал. И менее прочих Натан Пилбим.

Надо сказать, что страсть констебля не была низменной и сугубо плотской. Ничто, конечно, не доставило бы ему большего наслаждения, чем заполучить пропуск в постель Люсинды Спайсти либо принимать ее в своей кровати, но он понимал, что это очень отдаленная перспектива, и пока ему было достаточно лишь проводить с ней время. Вот почему, заманивая ее в гости, он не обещал ничего сверх *penne alla puttanesca*^[14] и бутылки тончайшего чилийского розового, лучшего вина, какое можно было отыскать в «Маркс и Спенсер». Свидание было третьим по счету, но первым, когда он готовил для нее, и этим он надеялся хотя бы немного растопить ледяную холодность Люсинды.

Однако, когда она явилась ровно в 19.30, сжимая в руке бутылку вина, ее привычная невозмутимость, казалось, была поколеблена.

— Люсинда, — Натан забрал у нее пальто, — ты в порядке?

— Будучи мужчиной, — ответила она, — ты не способен понять, каким стрессом и сложностями может обернуться самая обыденная вещь. В автобусе, когда я ехала сюда, мне пришлось всю дорогу уклоняться от настойчивых заигрываний некоего мужчины, который сидел, расставив ноги, — знаешь такой типаж? — и все время повторял: «Хочешь пересесть ко мне, куколка?» *Куколка!* Нет, ты только подумай...

— Я понимаю, что ты хочешь сказать.

— Типичный расхристанный работяга, каких много. Джинсы перемазаны краской. — Ее передернуло. — Надо же настолько обнаглеть! До чего вызывающее поведение!

— Бедняга... Выпей вина.

Натан подал ей бокал розового и отправился на кухню за соусами и хлебными палочками. Когда он вернулся, Люсинда стояла у окна. Она пояснила, что любит смотреть, как осенние листья, кружась, падают на землю в надвигающихся сумерках. Взгляд Натана, напротив, был прикован к самой Люсинде. В частности, его поразило платье гостыи. Сшитое из

плотного материала бутылочного цвета, оно могло бы служить примером поистине изощренной бесформенности. Надо же столь мастерски раскроить ткань, размышлял Натан, чтобы не только скрыть контуры тела, но создать впечатление, будто этих контуров вовсе не существует, что они лишь плод вашего похотливого воображения. Триумф портняжного искусства, не иначе. Как им только в голову такое приходит? Чем больше времени он проводил с Люсиндой, тем яснее сознавал: каких бы профессиональных высот он ни достиг в будущем, всегда останутся вопросы, на которые не найдется ответа, сиречь неразгаданные тайны.

За ужином они беседовали о том, как прошел ее день. Оказалось, что в обеденный перерыв ее покой был нарушен бестактными знаками внимания со стороны преподавателя-консультанта по французскому языку мсье Гиньери, которому непременно понадобилось сидеть за ланчем рядом с Люсиндой. Он уже давно предпринимает попытки, пусть и закамouflированные, пофлиртовать с ней.

— Типичный самоуверенный француз, — рассказывала Люсинда, ковыряясь в макаронах. (Натан не пожалел жгучего перца для соуса.) — Если так и дальше будет продолжаться, придется пожаловаться директору.

— Сочувствую, — подхватил Натан. — Вечно тебе докучают. Но, с другой стороны, это вполне объяснимо. В конце концов... — Комплимент повис в воздухе, когда Натан понял, что не может подобрать подходящих слов. Тем не менее кончики ее великолепных губ дрогнули в улыбке — для столь строгой женщины это было уже кое-что.

— С моей точки зрения, — к Люсинде быстро вернулась серьезность, — беда в том, что этим распущенным, сексуально озабоченным типам время некуда девать. Они слишком много отдыхают, оттого и предаются всяким... будоражающим мыслям. Им нечем заняться, им недостает трудолюбия. Мужчине лучше живется, когда он постоянно занят, — как ты, например. Поэтому тебе и удается сохранять равновесие во всем.

— Верно, — подтвердил Натан. — Я люблю свою работу. И пожалуй, никогда не любил ее так, как сейчас.

— Почему? Работаешь над очередным захватывающим делом?

— Пока рано о чем-либо говорить, но, возможно, я вышел на кое-что очень стоящее. За месяц с небольшим в разных районах Лондона два человека внезапно погибли, и я полагаю, что эти смерти между собой связаны. Оба были стендап-комиками.

— Комиками? — наморщила свой обворожительный носик Люсинда. — Я не поклонница... нет, конечно, я бы не стала никого из них

убивать... но мне всегда было непонятно, что так влечет к ним публику.

— Знаешь, есть такая йоркширская поговорка: «Тем, кто любит посмеяться, любая шутка сгодится».

— Но я *люблю* смеяться, — возразила Люсинда и в доказательство издала звонкий переливчатый смешок, похожий на веселое глиссандо, негромко сыгранное на металлофоне. — Просто... жизнь так печальна, и, боюсь, ничем она меня особо не радует, а сама идея платить деньги за то, что должно быть спонтанным... Это пахивает отчаянием, так мне кажется. Все равно что платить за секс.

— Именно, — кивнул Натан, который в данный момент выложил бы пять тысяч наличными, знай он, что она их возьмет. — Но комики вездесущи. Публика заполняет стадионы. Они постоянно мелькают по телевизору. И независимо от темы — будь то беженцы или глобальное потепление — любое публичное выступление сегодня просто невозможно без налета комедийности. Особенно когда говорят о политике.

— Я полагала, что люди слушают комиков, чтобы забыть о политике.

— Они слушают комиков, чтобы расслабиться и ни о чем не думать. Комики могут сколько угодно болтать на политические темы, лишь бы не касаться действительно насущных проблем. Тут главное — найти мишень для острот, которая всех устроит. Посмотрев их видео, я понял, что именно так эти парни и поступили. Причем выбрали *одну и ту же* мишень.

— Поэтому, — сгорая от любопытства, Люсинда потянулась к нему через стол, — ты думаешь, что их смерти связаны?

— Уверен. В их рассказах присутствует один и тот же фактор — имя, если точнее, — и весьма вероятно, что в нем и заключается разгадка их гибели. Оба в самом агрессивном и оскорбительном тоне нападали на некую журналистку.

— И эту журналистку зовут?..

Сделав паузу ради пушшего эффекта, Натан заглянул в бездонные синие глаза Люсинды:

— Ее зовут Жозефина Уиншоу-Ивз.

Жозефина Уиншоу-Ивз. Неудивительно, что мисс Спайсти никогда о ней не слыхала. Газеты она открывала нечасто, а тем более их онлайн-версии, где в основном Жозефина и делилась своими соображениями с читателями.

Она приходилась дочерью сэру Питеру Ивзу, одному из долгожителей среди издателей общенациональных газет, и покойной Хилари Уиншоу, прославившейся при жизни как автор популярной газетной колонки и телепродюсер. Хилари умерла в 1991-м, когда Жозефине исполнился всего год, и о матери у нее не сохранилось даже смутных воспоминаний. И все же девочка росла под знаком материнского наследия. Отец, в тех редких случаях, когда они по-настоящему разговаривали, не забывал напоминать о том, что Хилари была гением среди колумнистов, суперзвездой, способной из самого ничтожного события общественной жизни выжать 1000 слов чистейшего тонизирующего яда. Мало того, Хилари принадлежала к одному из наиболее влиятельных британских семейств послевоенного времени, а единственным прямым потомком этого рода была Жозефина. Стоит ли удивляться, что с ранних лет Жозефина ощущала себя значительной персоной, обремененной обязанностью не посрамить гордое имя предков.

Подростком Жозефина настойчиво пыталась состыковать это ощущение собственной важности с тем, что ему явно противоречило: для своего отца она практически ничего не значила. После насильственной и преждевременной смерти жены сэра Питер утратил всякий интерес к семейной жизни — если он вообще у него когда-либо был. Жил он преимущественно в офисе своей газеты (там он оборудовал комфортабельную спальню рядом с кабинетом) и лишь изредка навещался в особняк в Кенсингтоне, где в просторных чертогах росла Жозефина — одна, под равнодушным присмотром часто сменявшихся нянек. Благодаря упорству в учебе и хорошо подвешенному языку Жозефина плавно продвигалась по системе частных школ — Глендовер, затем Годолфин и Латимер, и в итоге Кембридж, где она с блеском закончила факультет истории искусств.

Попутно она обзавелась кое-какими друзьями или, скорее, приятелями. Те, кто пытался сблизиться с ней, находили ее самоуверенной и придиричливой. Она была склонна походя судить о людях и мастерски умела ранить человека уничижительным словом без всякого на то повода. В

этом плане она, по крайней мере, шла по стопам своего отца, известного тем, с какой щедростью он раздавал словесные тумачи (а порою, перебрав бренди в «Гаррике», переходил на прямой кулачный контакт). Жозефине накрепко запал в память один случай. Когда ей было лет тринадцать-четырнадцать и она еще училась в школе, ей пришлось провести полдня с отцом в его газете — после того, как договоренность с очередной няней сорвалась в последний момент. Она присутствовала на редакционном собрании и на долгие годы запомнила, как редакторы отделов, сидевшие кружком, центром которого был сэр Питер, выдвигали идеи касательно газетных материалов. Каждому по очереди — часто не дав закончить — сэр Питер выносил краткий вердикт: «Бред». «Фигня». «Чудовищно, мать твою». «Дерьмо». «Кому нафиг интересен этот сраный умник». «Отлично — нам нужен повод, чтобы удавить эту суку». И так далее. Это был вдохновляющий урок издательского дела, приумноживший ее уважение к отцу в сотню раз и усугубивший отчаянное желание добиться внимания родителя.

На последнем курсе в Кембридже Жозефина завела блог «ПРОСТОЙ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ» — как оммаж колонке своей матери. Она регулярно отправляла отцу ссылки на свои тексты, но он почти никогда не откликался, даже в тех случаях, когда Жозефина старательно имитировала интонацию и дух его собственной газеты и следовала материнскому обычаю прибегать к безжалостным и скоропалительным выводам. Не смущаясь недостатком информации из первых рук, Жозефина начала кампанию против «культуры пособий» (она сама придумала этот термин) в Британии, раздававшей материальные блага лентяям, бездельникам, халаящикам и жуликам, при том что оплачивали эти даяния «обычные, работающие на износ люди» (чье безгласное мученическое существование было ей на руку, хотя она отродясь не видывала таких людей). В центре ее фантазмагорического видения мира распласталось аморфное злокозненное чудище по имени «леволиберальный истеблишмент», ратующий за перераспределение средств в пользу тех, кто этого не заслуживал, и в ущерб тем, кто заслужил, и призывающий к саботажу любой правильной и здоровой инициативы в британском гражданском обществе. Парадоксальным образом Жозефина затруднялась описать словами это чудище, хотя отлично знала, как выглядят его скользкие, верткие щупальца. Вот они, наперечет: сомнительные организации, вскормленные молоком грантов; всякие движения за права человека; службы юридической помощи; различные НКО; некоторые ответвления англиканской церкви и судебной власти, а также парящая над всем этим,

самая мускулистая, вероломная и пагубная институция королевства — Британская телерадиовещательная корпорация (в просторечии Би-би-си), чья миссия заключается в том, чтобы скармливать гражданам по ложке в день токсичную леволиберальную пропаганду за счет честных налогоплательщиков.

Сэру Питеру стукнуло семьдесят шесть, но было незаметно, чтобы он собирался уйти на покой. Его оголтелый антилиберализм и вспыльчивый нрав столь неразрывно идентифицировались с издаваемой им газетой, что и вообразить было невозможно, что эта связка когда-нибудь рассыплется. Когда Жозефина окончила университет, сэр Питер собрался с силами и на короткое время вынырнул из родительской апатии, без особого энтузиазма предложив дочери поработать на сайте газеты. Жозефина, разумеется, приняла предложение, хотя на самом деле мечтала стать штатным корреспондентом печатного издания. Но сэр Питер не был готов ставить знак качества на сочинениях своей дочери, до такой степени его чадолюбие не простиралось. Порою он уступал ее домогательствам, когда звездные колумнисты уходили в отпуск и им требовалась замена, и тогда Жозефина пускалась во все тяжкие. Однажды в поисках вдохновения она открыла архивные колонки, написанные ее матерью в расцвете сил, и наткнулась на особенно возмутительное происшествие, имевшее место в 1990-м. Хилари разъярило судебное постановление, вынесенное в пользу инвалида-квартиросъемщицы, незаконно выселенной ее домохозяйкой, и колумнистка с беспрецедентным пылом выбрала искривленную систему ценностей леволиберального истеблишмента. «Владелица этой недвижимости, — написала она, — белая представительница среднего класса, гетеросексуальная, богобоязненная и законопослушная гражданка той Великой Британии, каковой наша страна некогда была, и все эти маркеры до единого обернулись против нее. К ее позиции проявили уважение? Ее точку зрения учли? Конечно, нет. Выбирая между правами законного собственника и правами (возьмем ради гипотетического, хотя, скорее, вполне реалистичного примера) черной одноногой лесбиянки, живущей на пособия, наша судебная власть неизбежно встанет на сторону последней».

В своей собственной колонке, сочиненной более двадцати лет спустя, Жозефина принялась защищать «спальный налог», введенный коалиционным правительством. Впрочем, налог служил ей только для затравки — Жозефина брала выше, заявляя, что обстановка в стране не слишком изменилась за минувшие десятилетия: Британию по-прежнему тянет на дно подкласс халявщиков, живущих в параметрах «все-за-ничего»,

а «черная одноногая лесбиянка на пособии», обрисованная Хилари, до сих пор пользуется неоспоримым преимуществом, когда речь заходит о государственной поддержке. Британскому правительству давно пора решиться — и это был бы верный и разумный шаг — на радикальное сокращение социальных выплат.

Сэр Питер был солидарен с умонастроениями дочери, но подача материала его не впечатлила. Он считал, что воскрешенный Жозефиной архетип, позаимствованный из колонки матери, безнадежно устарел. «Последним абзацем ты загубила нахер всю статью, — сказал он. — Черная одноногая лесбиянка? Даже наши читатели в курсе, что таковой не существует в природе. Сейчас их волнует только одно — мусульмане. Наряди свое соломенное чучелко в никаб, и тогда им будет о чем посудачить».

Жозефина была уязвлена. Выяснив в Википедии, что такое «никаб», следующие несколько недель она исходила желчью (опять в рамках онлайн-издания), сетуя на неспособность британского исламского сообщества решительно осудить зверства террористов и обвиняя левых в потакании радикальным муллам. Однако сэр Питер продолжал игнорировать ее потуги, и этот отказ в признании больно жалил его дочь. Фраза «даже наши читатели в курсе, что таковой не существует в природе» гвоздем застряла в ее мозгу. Почему отец столь пренебрежительно к ней относится? С чего он вообразил, что если он не обращает внимания на ее слова, то и другие отреагируют так же? В курсе ли он, что ее статья в печатном издании, от которой он камня на камне не оставил, пришлась ко двору популярной сатирической телевикторине и над ее текстом измывались и зубоскалили в прайм-тайм? Разве это не орден почета своего рода? Затем и стендап-комики дружно смекнули, как им, не парясь, рассмешить публику, — надо лишь упомянуть ее имя. Что это, как не признак успеха?

В действительности сэр Питер знал, что происходит, и это приводило его в бешенство. Одно дело — самому смотреть сверху вниз на писульки дочери, и совсем иное, когда другие люди, как внутри редакции, так и за ее пределами, начинают посмеиваться над ней. И однажды в послеобеденное затишье в офисе газеты разыгралась убойная сцена. Нил Томпсон, замредактора отдела крупноформатных материалов, и Дерек Стайлз, один из горстки выпускающих редакторов, пока не переведенных на неполный рабочий день, сидели за компьютером, уставившись в видео на *YouTube*. Они не заметили, как в офис вошел сэр Питер и встал прямо за их спинами. А смотрели они нарезку из выступления ведущего стендап-комика Микки

Парра «Вы в это поверите? — На сцене и на взводе». Блистательного остроумия Парр не обнаруживал, но Нил и Дерек ржали вместе с публикой в зале, чувствуя себя озорными школьниками, — всегда приятно посмеяться исподтишка над дочкой босса. Голос, заставивший их умолкнуть с открытыми ртами, раздался прямо над ухом, и по патрицианскому тембру они сразу опознали сэра Питера, хотя никогда прежде не слышали, чтобы он говорил так тихо и настолько угрожающим тоном.

— Эй вы, пидоры, — произнес сэр Питер едва ли не шепотом. — В мой кабинет. На пять минут.

Позднее, встретившись в пабе с бывшими коллегами, Нил и Дерек рассказали, что более всего их потрясла не скорость, с какой их уволили, но с трудом контролируемая дикая ненависть, сквозившая в голосе сэра Питера, и душераздирающая прихотливость жестоких насильственных действий, которым, божился сэр Питер, их непременно подвергнут, если они осмелятся хотя бы раз подойти к редакции ближе чем на сто ярдов либо попадутся ему на глаза. Сказать, что они наступили на большую мозоль, означало выразиться чересчур мягко и уклончиво. Заметка о внезапных увольнениях в газете появилась в следующем номере «Частного сыщика», а попутно читателей вкратце ознакомили с наиболее красочными эпизодами в карьере сэра Питера (драка с издателем-соперником на приеме, где вручали «Премии прессе»; заявление о нападении на служащего парковки в Кенсингтоне, так и не дошедшее до суда). Журнальная заметка оканчивалась слегка драматизированной подробностью: блеск в глазах сэра Питера, когда он изгонял навеки двух впавших в немилость сотрудников, был назван «убийственным».

3

Добравшись до слова, выделенного Натаном бледно-зеленым цветом, старший инспектор Кондоуз улыбнулся с мрачным удовлетворением и, закрыв журнал, отодвинул его на край заляпанного пивом стола.

— Ясно, — сказал он. — Да, это определенно несколько иной подход к делу.

— Так вот... поспешных выводов мы, конечно, делать не станем, — Натан явно волновался.

— Разумеется, нет.

— Это лишь сплетня. Фактов из нее не извлечешь.

— И все же...

Старший инспектор Кондоуз откинулся на спинку диванчика, отхлебнул из пинтовой кружки «Гордость Лондона» и глубоко задумался. Инспектор с констеблем Пилбимом встретились в пабе «Перья» в двух шагах от Нового Скотленд-Ярда. Паб был устроен на старинный манер, и полицейские сидели как бы в отдельном кабинете на некотором расстоянии от других посетителей. Тусклое освещение и кожаная обивка сидений неброского винного цвета лишь добавляли их встрече некий заговорщицкий оттенок.

Естественно, Натан был счастлив — хотя и слегка ошеломлен, — что ответом на его письмо стало приглашение в паб, а не глухая стена официального молчания. Но его начинало одолевало беспокойство. Догадки Натана пока оставались весьма неопределенными, статья в проказливом журнале вышла без указания источников, однако старший офицер склонялся к тому, чтобы увидеть в гибели комиков хладнокровно спланированные серийные убийства.

По правде говоря, Кондоуз был далеко не уверен в насильственной смерти артистов. Но, опять же, твердая уверенность в своих действиях перестала считаться необходимым элементом в работе полицейских двадцать первого века. Приходилось учитывать множество иных факторов. В частности, общественную значимость преступления, и в данном случае этот фактор в размышлениях инспектора выступал на первый план — ведь в этом деле были замешаны СМИ. Давненько не чувствовал инспектор пристального взгляда телекамеры, направленной на него, и журналисты не совали ему микрофон под нос, отчего у Кондоуза возникло безысходное чувство утраты. Арест издателя общенациональной газеты по подозрению в убийстве двух популярных комиков наверняка вернет его на экраны телевизоров. Несколько лет назад подобные мысли инспектору были совершенно чужды. Верно, случалось, что пресс-конференции по сенсационным расследованиям транслировались в эфире, но умудренные опытом полицейские в большинстве своем предпочитали трудиться в тишине, подальше от настырных СМИ. Но времена меняются. Ряд громких арестов среди диджеев и звезд индустрии развлечений 1970-х по обвинению в сексуальных домогательствах многолетней давности обеспечил старшему инспектору прямое и захватывающее общение с лучшими журналистами телевидения, радио и прессы. Более того, эти аресты приблизили его вплотную к самим звездам эстрады, а такого развития своей карьеры он ни за что не смог бы предвидеть, и это наполняло его пусть и не детским, но подростковым восторгом. Кондоузу едва перевалило за пятьдесят. В его юности многие из этих знаменитостей

были для него если не героями, то, во всяком случае, объектами поклонения и любопытства. В те дни он завел специальную тетрадку для автографов, собрав коллекцию подписей второразрядных телекомиков, случайно встреченных в унылом приморском лагере, куда родители вывозили его на летние каникулы, и каракулей диджеев («Держись рока!» или «Поп-угарного тебе дня рождения!»), за которыми надо было отстоять очередь на локальных празднествах вроде рекламного турне «Радио-1» или открытия нового супермаркета. Теперь же, более тридцати лет спустя, его фотографировали бок о бок с теми же людьми, когда их, поседевших, бородатых и ошарашенных, вели в зал суда для дачи показаний по делу о сексуальном насилии, каковые бывшие звезды (в отличие от их жертв) если и могли припомнить, то с большим трудом. И правда, время играет с нами в странные игры.

«Звездные» расследования Кондом Ярда (бездарная, пошлая кличка, в тысячный раз с обидой подумал он) завершил почти год назад. Сколько месяцев минуло с тех пор, как его имя, не говоря уж о физиономии, появлялось в газетах! Почти год инспектору не доводилось решать, жить или умереть известной публичной фигуре. И ему страшно хотелось снова окунуться в эту атмосферу — и вот пожалуйста, Пилбим предоставлял ему фантастический шанс. В этом деле шоу-бизнес и журналистская профессия соединялись в головокружительном пьянящем коктейле. Издатель крупной газеты столь близко к сердцу принял критику его дочери, что прибег к насилию в отношении обидчиков. Отцовские чувства — и это был не такой уж заоблачный полет воображения — вынудили его совершить убийство (либо нанять убийц), когда он обнаружил, что комики осмелились поливать грязью его дитя исключительно смеха ради. Нет, честное слово, идеальный расклад! И что с того, что пока расследование выглядит весьма приблизительным? Намеки и недомолвки лишь приукрасят дело.

— Итак, — констебль Пилбим выжидательно смотрел на старшего инспектора, — каким будет ваш следующий шаг?

Кондоуз сложил губы трубочкой:

— Может статься, что одним нам с этим не управиться. Придется подключать специалистов.

— Патологоанатомов? Управление безопасности? Особый отдел?

— Нет... я имею в виду фирму по связям с общественностью. Наверное, Пота Беллингера — они лучшие в этом бизнесе. Мы привлекаем их для контактов с медиа.

Констеблю не понравилось то, что он услышал.

— Прежде чем вы обратитесь к прессе, — счел он своим долгом

предупредить, — вам стоит взглянуть вот на это. Появилось пару дней назад.

Из бумажника для документов он извлек диск. На обложке — молодой, лохматый и слегка полноватый белый мужчина в свободной цветастой рубашке навыпуск. Он говорил в микрофон. Видео называлось «Райан Кверки — Обалдеть! — Вживую и во всю прыть».

— Спасибо, конечно, — инспектор возвратил диск, передвинув его по столу, — но я не любитель комедии. Предпочитаю добротное английское кино. Что-нибудь с Рэем Уинстоном или Дэнни Дайером.

— Нет... я хочу сказать, что это имеет отношение к делу, — уточнил Натан. — И очень даже имеет. Начинайте смотреть на сорок второй минуте.

— Что, опять нападают на...

— Мисс Уиншоу-Ивз? Да. Но как бы не всерьез. Довольно вяло по сравнению с другими. И все же я бы на месте мистера Кверки проверял замки на дверях и окнах, прежде чем лечь спать.

Припоминая беседу со старшим инспектором, Натан не мог отделаться от тревожных мыслей. Беспокоило его не только явное нетерпение Кондоуза выйти с этим делом на публику при первой же возможности, в равной степени его смущала собственная готовность считать лишь одну существующую на данный момент гипотезу непогрешимой: Жозефина Уиншоу-Ивз — единственное связующее звено между двумя убийствами. Но все ли так очевидно? А что, если оскорбления в ее адрес из уст скончавшихся комиков — отвлекающее совпадение, и только?

Но более всего его удручила мысль, что к этому преждевременному выводу он пришел, изменив собственной философии. Все, что он сделал до сих пор, — посмотрел три видео и отметил пересекающиеся детали. Разумеется, эти общие черты обладали значительным потенциалом, но вряд ли действия Натана можно было назвать исчерпывающими или скрупулезными. Разве не он стремился стать первым в Англии уголовным следователем-интеллектуалом? Разве не он был убежден в том, что любое преступление лучше всего раскрывать исходя из социального и политического контекста? Культурология и моральная философия зачастую указывают путь к разгадке с большей точностью, нежели отпечатки пальцев на оконной раме или следы, оставленные на садовой тропинке. Пора было засесть за чтение.

И на протяжении пяти дней констебль Пилбим почти не покидал своего кабинета.

Сперва он удивился тому, как мало написано работ по истории и философии юмора. Не считая многочисленных и разрозненных комментариев Платона, Аристотеля и Цицерона, древние авторы высказывались на эту тему крайне скупно. В Англии первым серьезным исследователем юмора был Томас Гоббс, согласившийся с Рене Декартом в том, что смех основан на гордости, являясь агрессивным выражением превосходства над себе подобными. Иммануил Кант одним из первых предложил более разностороннюю теорию юмора: «смех — это эмоциональное состояние, возникающее при внезапной трансформации напряженного ожидания в ничто», и сопровождается оно «ощущением здоровой бодрости по той причине, что кишечник при смехе приходит в движение». Кьеркегор в целом согласился с предшественниками, подчеркнув, что комедия рождается из противоречия, хотя в данном случае это «безболезненное противоречие», тогда как трагедия основана на

«противоречии страдания». Анри Бергсон, однако, вернулся к теории смеха как выражению превосходства и подправил ее, заявив, что мы смеемся над другими людьми, когда подмечаем в них «некую механистичность поведения там, где уместнее была бы чуткость восприятия, маневренность и гибкость мысли». Всего несколькими годами позже Фрейд опубликовал свой эпохальный труд «Остроумие и его отношение к бессознательному», выдвинув теорию, показавшуюся Натану наиболее развернутой и убедительной. По Фрейду выходило, что кульминационный момент шутки создает нечто вроде психического срезания углов, перебрасывая нас от одной идеи к другой по короткому и неожиданному пути, что позволяет «экономить психическую энергию», и сбереженная ментальная активность выплескивается в виде взрывного смеха.

Натан прочел все эти разнообразные толкования, подчеркивая наиболее интересные строчки и делая пометки. Мало кто из комментаторов выделял в отдельную тему сатиру или политический юмор, хотя Натану и попало на глаза презрительное наблюдение, сделанное Миланом Кундерой: тот обозвал сатиру «школярским искусством», что стремится подвести публику, будто стадо, к заранее сформулированной политической или нравственной позиции, начисто проигрывая в том, в чем писатель видел подлинную цель художественного творения — сделать так, чтобы люди осознали противоречивость и множественность смыслов.

Исчерпав печатные источники, находившиеся в его распоряжении, Натан вышел в сеть и принялся бродить по блогам и форумам, посвященным современным разновидностям юмора. Он окунулся в совершенно незнакомый мир, где гики и фанаты искусства комедии, знавшие об этом предмете чересчур много и уже не мыслившие жизни без него, обсуждали современный юмор со всей необузданностью страсти, одержимостью, враждебностью, ехидством, грязной руганью, издевательствами, несправедливостью, агрессивностью, подлостью, грубостью, наглостью и пакостностью, какие только позволяет интернет. Эти люди любили комедию столь пылко, что и ненавистью вспыхивали, стоило чиркнуть спичкой. Шутка, которую они сочли глупой, комик, не сумевший их рассмешить, воспринимались как личное оскорбление, и «провинившимся» воздавалось сторицей. Уважение, хотя и с оговорками, они выказывали только тем редким комикам, что превращали свои выступления в критику общества — острую, шокирующую, бьющую не в бровь, а в глаз, — используя выражения, которые многие зрители считали недопустимыми и в негодовании затыкали уши. К популярным комикам, чьей целью было лишь насмешить и развлечь публику забавными

бытовыми нелепостями, комедийное онлайн-сообщество относилось терпимо как к безвредному времяпрепровождению. Подлинную ярость они приберегали для тех, кто пытался усидеть на двух стульях, — тех, кто перчил беззубые тексты аккуратными отступлениями на политические темы, доступно намекая на свои либеральные взгляды, чему публика благосклонно кивала. Этим людям онлайн-критики разносили в пух и прах, безжалостно высмеивали и осыпали площадной бранью, благо анонимность обеспечивала им полную безопасность.

Проплутав в этом материале часа два-три, Натан перешел по ссылке на блог, поразивший его сочетанием веской аргументации с безоглядной запальчивостью. Автор отрекомендовал себя как анархиста / террориста, хотя оставалось неясным, куда могли увлечь его революционные порывы, — похоже, не дальше экрана компьютера. На страничке имелась фотография: автор был снят в профиль, в полутьме и настолько не в фокусе (намеренно), что для опознания этот снимок совершенно не годился. Блог назывался *этойбудильник*, а в качестве имени пользователя фигурировало *КристиМолри2*^[15].

Текст, привлечший внимание Натана, назывался «Без шуток», и не зря: по ряду причин Натан нашел его крайне интересным. Было очевидно, что *КристиМолри2* полностью разделяет теорию Фрейда о базовых качествах смеха, однако применяет ее, не без изящества и ловкости, не в области психологи, но в политике.

Фрейд [писал блогер] полагал, что смех является удовольствием, поскольку он избавляет психическую деятельность от дополнительной нагрузки. По существу, речь здесь идет о том, что смех забирает у нас некое количество энергии, **ВЫПЛЕСКИВАЕТ** ее и **РАССЕИВАЕТ**, лишая ее таким образом эффективности. И как же это соотносится с (так называемой) «политической» комедией, имеющей в Британии столь славные традиции? А вот как: политический юмор — прямая противоположность политическому действию. И не просто противоположность, но смертельный враг.

Каждый раз, когда мы смеемся над мздоимством коррупционного политика, над алчностью менеджера хедж-фонда, над велеречивыми измышлениями журналиста-консерватора, мы позволяем им сорваться с крючка. **ГНЕВ**, который мы должны испытывать по отношению к этим людям и который мог бы заставить нас **ДЕЙСТВОВАТЬ**, выплескивается и рассеивается в виде **СМЕХА**. Что ж, неплохой способ дать публике именно то, чего она хочет, и то, за что она, собственно, платит: возможность с легким сердцем и впредь сидеть сиднем, наслаждаясь эгоистичным

комфортом и зная, что образу жизни, столь дорогому их сердцу, реально ничто не грозит.

Вот почему отнюдь не Жозефина Уиншоу-Ивз с ее утомительными бреднями представляет наибольшую угрозу социальной справедливости в сегодняшней Британии. Но типы вроде Микки Парра, Рэя Тернбулла и Райана Кверки с их такими предсказуемыми колкостями (ой-ой!) в ее адрес, что гребаные слушатели «Радио-4», читатели «Гардиан» и любители пино гриджио, все эти дровичлы из среднего класса, что платят за место на стадионе, чтобы увидеть этих хохмачей вживую, и врубают проигрыватели в машине, чтобы с упоением их послушать, и посмеяться, и проникнуться чувством, что более от них НИЧЕГО не требуется, только сидеть сложа руки и ждать очередной говеной остроты. Похохатывая над их жалкими безмозглыми шутками — такую и слепой шимпанзе напишет в пьяном виде, — они успокаивают свою совесть и подновляют свое иллюзорное представление о себе как о самоотверженных воинах, участниках битвы между левыми и правыми (этакая игра в войнушку на детской площадке), хотя битва давно проиграна. Ненавижу этих сраных леволиберальных комедиантов, ублажающих средний класс, и призываю вас к тому же. По существу, я считаю крайней необходимостью стереть их с лица земли, иначе мы никогда не соберемся с силами и не одолеем наш прогнивший, коррумпированный и съедающий душу истеблишмент. Долой комедию, мать ее так! И вперед, к реальной борьбе!

Констебль Пилбим перечитывал эти абзацы снова и снова. Затем он отправил сайт в закладки и на всякий случай распечатал нужные страницы, не преминув упрятать их в папку. Зевнул, посмотрел на часы. Глаза побаливали, как это часто случалось, когда он долго пялился в экран. Пора было исполнить еще одно дельце, не связанное с детективной работой, но оттого не менее важное. Констебль накинул куртку и вышел из дома.

На улице пришлось застегнуться, спасаясь от осенней промозглости. Пилбим шел пешком и уже минут через десять в ближайшем «Теско-экспресс» укладывал в экологический пакет банки с супом, овощи и мясные полуфабрикаты. Такие продукты он обычно не ел, да и покупал их не для себя. Из супермаркета путь его лежал в продуктовый банк. Обычно он брал несъеденные или разонравившиеся продукты из своего кухонного шкафа, но на полках почти ничего не осталось. Дело было в том, что на следующий день после совместного ужина Люсинда Спайсти начала работать волонтером в продуктовом банке по вечерам и в выходные, и теперь констебль навещался туда регулярно, но ему не везло — он еще

ни разу ее не встретил. Это посещение стало четвертым за три дня, ради чего ему пришлось специально покупать еду.

И вот сегодня — о радость! — его гражданский альтруизм был вознагражден: Люсинда стояла за прилавком, блистательная и желанная, как всегда. На ней был толстый шерстяной свитер, в котором и Мэрилин Монро походила бы на мешок с картошкой, но Натану казалось, что даже во сне ему не привиделось бы столь чистейшее очарование, столь ласкающая взор утонченная красота.

— Привет, — улыбнулась Люсинда с искренней (не сомневался Натан) приязнью. — Рада тебя видеть здесь. — Она принялась вынимать банки из его пакета. — Да еще с таким щедрым пожертвованием!

— Делаю, что могу, — ответил Натан. — Но само по себе это ужасно, когда в подобных заведениях возникает *надобность*.

— Согласна, — вздохнула Люсинда, — меня тоже это удручает, хотя наверняка у правительства на сей счет имеется складное и совершенно отвратительное объяснение, правда, не знаю какое. Боюсь, я не принадлежу к рассерженному политизированному типу людей.

Ее коллега, однако, женщина средних лет в джинсовом костюме, придерживалась вполне определенных политических взглядов.

— По сути, — заявила она, — причина в том, что правящая элита использует кризис, ею же созданный, для легитимизации наступления на самых бедных и наиболее уязвимых людей. — Она протянула руку: — Кстати, я — Каролина.

Натан пожал ей руку, но говорить на политические темы ему совсем не хотелось. Его подлинной целью было выяснить, насколько Люсинда занята сегодняшним вечером и не могли бы они вместе куда-нибудь сходить. Отвернувшись от Каролины, он произнес ни к чему не обязывающим тоном:

— Я сейчас проходил мимо кинотеатра и случайно увидел... — Он внезапно умолк и нахмурился. Что-то в словах Каролины странным и любопытным образом перекликалось с тем, чем были так заняты его мысли в последнее время. — Ну конечно, — пробормотал он себе под нос. — Верно. Абсолютно верно.

— Ты о чем? — спросила Люсинда.

— Вы выразились, — Натан повернулся к Каролине, — абсолютно верно. Я имею в виду не ваши соображения насчет экономики, хотя в целом я с ними согласен. Но ваш выбор слов. Вы сказали «по сути». Что, разумеется, является речевой нормой.

Каролина с недоумением посмотрела на Люсинду, будто спрашивая

взглядом, всегда ли ее необычный приятель изъясняется столь путано.

— Объясни, пожалуйста, к чему ты клонишь, — тактично вмешалась Люсинда.

— О, простите. Со мной всегда так: когда вцепишься зубами в дело, забываешь о нормах общения. Я теперь постоянно сижу дома и читаю, читаю. Последнее, что я прочел... я вдруг сейчас сообразил, что в этом тексте есть некая несообразность. Некий лексический изыск. Вместо «по сути» или «суть в том» он пишет «по существу». Наверняка это пустяковое наблюдение. Но невольно подмечаешь подобные вещи. Мозг, знаете ли, начинает фиксировать самые крошечные детали... если начистоту, ты потихоньку сходишь с ума. Зря я об этом сказал, мне очень жаль. — Пока он говорил, глаза Люсинды становились все круглее и круглее. Ему хотелось утонуть в них. — На самом деле я собирался спросить тебя о кинотеатре... — довольно бессвязно продолжил он. — Я только что проходил мимо и увидел...

Натану опять не удалось закончить фразу и пригласить Люсинду в кино. На сей раз его прервал звонок по мобильному.

— Ты ответишь? — спросила Люсинда.

— Нет. Сперва... — Не удержавшись, он покосился на экран и увидел, кто ему звонит. — Отвечу, да. Это важно. Извини.

Он отошел подальше в угол и прикрыл рот ладонью:

— Здравствуйте, старший инспектор Кондоуз.

— Вечер добрый, Пилбим. Хорошо, что я застал вас. Можете говорить?

— Конечно. Что-то случилось? Какие-нибудь... новости?

— Пока нет. Но уверен в их очень скором появлении. Скажите, Пилбим, вы слыхали о Премии Уиншоу?

— Да, разумеется.

— Тогда вам известно, что победителя этого года объявят на следующей неделе. Церемония состоится в Бирмингеме. А поскольку Жозефина — ныне единственный потомок этой семьи, она там непременно будет. Как и сэр Питер. Но слушайте дальше... Кого, по-вашему, они пригласили вести церемонию? Кого из знаменитостей на этот раз? Его самого — нашего дорогого друга мистера Кверки. И он не будет находиться рядом с ними, ему отвели место немного поодаль. Я посмотрел план рассадки. Они за столом номер 12. У Кверки номер 11.

Натан встревоженно присвистнул:

— Взрывная ситуация.

— Знаю, но не беспокойтесь. Мы там будем во всеоружии. А звоню я вам вот по какой причине... Ну, поскольку именно вы привлекли мое

внимание к этому делу, вам следует там быть.

— Но... но, сэр, это такая честь.

— Честь тут ни при чем, Пилбим. Просто мне не помешает ваше сотрудничество. Торжественный ужин назначен на следующий четверг. Не волнуйтесь, с вашим участком я все улажу, и отпроситесь вы не менее чем на сутки. Это командировка с ночевкой.

— Спасибо, сэр. Для меня это... большой шаг вперед. — И тут краем глаза он увидел Люсинду, она шла из одного конца зала в другой. Ее ослепительные (по его мнению) светлые волосы зализаны назад еще бескомпромисснее, чем прежде, изящные (в его воображении) руки нагружены банками с печеной фасолью, томатным супом и макаронными изделиями, и Натан почувствовал, как его накрывает волна вождления. — Есть еще кое-что... один вопрос, сэр. Могу я обратиться к вам с небольшой просьбой... официально?

— Почему нет, Пилбим? Что у вас на уме?

— Я лишь подумал, не будет правильнее, если я приду с дамой?

5

Премия Уиншоу, ныне одна из самых престижных и щедрых наград в стране, получила свое наименование в честь Родерика Уиншоу, знаменитого арт-куратора, погибшего в страшную ночь на 16 января 1991 года в жутком побоище, унесшем жизни еще пятерых членов семьи.

Спустя некоторое время после гибели Родерика, когда ударная волна, вызванная его смертью, несколько улеглась, контуженный мир искусства, а также друзья и поклонники начали подумывать о том, как увековечить память об этом великом человеке наиболее достойным образом. Учреждение премии напрашивалось само собой. Однако в искусстве уже существовала одна престижная премия — Тернера. Оставалось придумать, чем новорожденный приз будет выгодно отличаться от конкурентов.

Был создан организационный комитет под председательством Джайлза Трендинга, чрезвычайно успешного режиссера со Скатола-ТВ и владельца галереи «Креатив-Ректал» в Шордиче. Его первой идеей было превратить Премию Уиншоу в высшего арбитра в области культуры, то есть включить в сферу ее влияния не только живопись, скульптуру, видео и инсталляции, но и романы, фильмы, поэзию, балет, оперу, популярную музыку и даже рекламные кампании. Иными словами, практически все на свете. Но где найти мало-мальски разумные критерии для сравнения столь различных творческих форм? То-то и оно, что нигде.

Глаза членов комитета сверкнули радостным возбуждением, и после многочасовой бурной дискуссии было решено, что Премия Уиншоу в первый год своего существования не будет стреножена никакими правилами и нормами. Соответственно, в шорт-лист в том году вошел сборник рассказов, песня в стиле хип-хоп, видео художника, пишущего антикапиталистические лозунги буквами, вылепленными из собственных соплей, новый сорт яблок, выведенный фермером из Херефордшира, и загон для жирафа в зоопарке Честера. Такой стратегии следовали довольно долго, и ее кульминационным моментом стал 2001 год, когда премию вручили «специфическому запаху, который вы чувствуете, когда в гостях у вашей бабушки открываете коробку из-под печенья, опустевшую пять лет назад».

Оргкомитету, впрочем, становилось все очевиднее, что премии не удалось потрясти воображение публики. Выяснилось, что заинтересовать прессу наградой, присуждаемой чистой абстракции, — задача не из легких. Несмотря на все усилия Пота Беллингера, чья пиар-компания трудилась

над продвижением этой новой институции, Премия Уиншоу, если мерить успех квадратными дюймами газетных статей и громкими заголовками, плелась далеко позади других премий: Букера, Тернера, «Бейлиз», «Коста», «Бритс», «Портрет Британии», «Медаль Карнеги», «Попа года» и бесчисленного множества прочих. И однажды серым утром, когда Трендинг меланхолично пялился на список более успешных соперников, его посетила вторая гениальная идея. Конечно же! Как он раньше не сообразил? В срочном порядке собрав членов комитета на особое совещание, Трендинг обратился к ним с речью.

— Эта премия, — рассуждал он, — создавалась с намерением почтить память Родерика Уиншоу и, в широком понимании, всей его семьи. Так, а когда мы вспоминаем об Уиншоу, что нам приходит в голову в первую очередь? Во что они верили превыше всего? Ответ: в конкуренцию. В соревнование между отдельными людьми, между компаниями, между странами. Конкуренция здесь мыслится как битва не на жизнь, а на смерть. Победитель получает все, проигравший — ничего. А что такое творческая премия, как не идея соревнования в чистом виде — и бельмо в глазу тех романтиков, что до сих пор представляют себе художественное творчество некой заповедной зоной, свободной от конкуренции? Нет такой зоны в наши дни и в нашем веке! Никто более не считает мир искусства эдакой социалистической утопией, где разнообразные творческие личности трудятся бок о бок над разнообразными проектами, не мешая друг другу, но проявляя взаимную симпатию. Времена изменились везде, и в искусстве тоже! У нас теперь свободный рынок. Выживают наиболее приспособленные, прочие вымирают. Так давайте же заставим художника соревноваться с художником, писателя с писателем, а музыканта с музыкантом. Пусть зависть, соперничество, финансовые проблемы и жажда подняться на ступеньку выше станут новыми стимулами для творчества! И, перезагружая Премию Уиншоу, мы должны создать не что-нибудь, но *überprize*. Высшую премию. Премию, что покончит со всеми прочими премиями. Понимаете, к чему я веду, дамы и господа? Догадываетесь, что у меня на уме?

Ответом ему была настороженная тишина. Логику его суждений пока никто себе не уяснил.

— Начиная с нынешнего года, — торжествующе возвестил Трендинг, — Премия Уиншоу будет присуждаться... *лучшей премии Великобритании*.

Присутствующие, разинув рты, шумно выдохнули — а-а-аах! — потрясенные дерзостью и одновременно простотой этой идеи. Ну конечно

же! Существует ли лучший способ установить главенство Премии Уиншоу над всеми до единой наградами, раздаваемыми в Британии? Отныне Букер, Тернер, Меркюри, Стерлинг и все остальные будут биться друг с другом в смертельной схватке и отпадет необходимость в обнародовании критериев отбора, поскольку фундаментальная бессмысленность сравнения будет возведена в принцип, что и обеспечит Премии Уиншоу долгожданный престиж. Организаторы других премий на первых порах, скорее всего, откажутся сотрудничать, но и пусть. К рассмотрению примут все премии, подавали они заявку или нет, а кроме того, каждая ежегодная церемония будет обставлена столь роскошно и гламурно и привлечет внимание СМИ в таком количестве, что не пройдет и нескольких лет, как все будут рваться в номинанты Уиншоу. Так оно и вышло. Медиа немедля ухватились за это новшество, и вскоре церемония вручения Премии Уиншоу, проходившая в ноябре, превратилась в одну из наиболее широко освещаемых календарных дат общественной жизни. После немного сбивчивого и в общем предсказуемого старта (в первый год наградили Премию Тернера, во второй — Поэтическую премию) Премия Уиншоу, сбалансировав тактику со стратегией, набрала мощь и размах. Ударным стал 2005 год, когда победителем провозгласили Премию Гиглзвика (скорее даже конкурс в малюсеньком городке) за лучший цветочный дизайн в почтовом отделении в английской глубинке; тут публика и осознала, что Уиншоу имеет дело не только с «большими ребятами», но и с любой задиристой самодеятельной командой, которой посчастливится попасть на глаза судьям. В 2008-м Уиншоу вторглась в Европу, а в 2011-м отважно, хотя и не без риска для своей репутации, наехала на Америку, обретя статус поистине глобальной и межконтинентальной награды. Церемония 2012-го выдалась невероятно зрелищной, когда Пулитцеровская премия шла ноздря в ноздю с Нобелевкой по физике, но в последнюю, чрезвычайно драматичную минуту вперед вырвались французы с литературной Премией Медичи за лучшее зарубежное произведение. С каждым годом Премия Уиншоу росла и крепчала, а ставки повышались. В финансовом выражении она взлетела до миллиона фунтов стерлингов, которые вручали победителю-везунчику, и 2013-й обещал стать очередной вехой в ее истории.

* * *

Местом проведения церемонии выбрали Центральную библиотеку Бирмингема, что на Столетней площади в самом сердце города. Это необычное монументальное здание, выстроенное голландским архитектурным бюро «Меканоо», беззастенчиво славил постмодернизм,

особенно выпукло проявившийся в сверкающем фасаде, украшенном тысячами золотистых завитушек. Библиотеку, которая обошлась Бирмингемскому муниципалитету в умопомрачительные 187 миллионов фунтов, провозгласили решающим аргументом против скептиков: что бы там ни говорили, Британия еще не погрязла в невежестве и мещанстве; ее восхваляли знаменитые писатели и другие видные деятели, и им дела не было (либо они не знали) до того, что в городе — как и во многих других местах — готовятся к ликвидации целого ряда маленьких и не столь престижных районных библиотек. (И, словно этого было мало, примерно через год после открытия библиотеки, когда стало окончательно ясно, что этот дорогостоящий проект изрядно растряс городскую казну, муниципалитет объявил о необходимости урезать расходы по обслуживанию библиотеки на 1,3 миллиона фунтов в год, что неминуемо означало сокращение рабочего времени и увольнение почти половины сотрудников.) По каким-то своим соображениям организаторы Премии Уиншоу сочли, что лучшей площадки для проведения церемонии не сыскать.

Хотя и не предназначенная для масштабных публичных мероприятий, библиотека выразила готовность к адаптации ради такого случая. Первый этаж целиком отвели под церемонию, а для 720 приглашенных расставили шестьдесят столов. Полиция, службы безопасности и Особый отдел присутствовали во внушительном количестве — в конце концов, в гостевом списке этого года значились Ричард Докинз, Трейси Эмин^[16], Мишель Уэльбек и блистательная модель, переквалифицировавшаяся в певицу, Даниэль Перри, так что ухо следовало держать востро.

Не дремала охрана и в отеле «Хаятт Ридженси», что находился напротив библиотеки и где большинство гостей намеревалось ночевать. Именно там, на шестнадцатом этаже отеля, в огромном двухместном номере разыгралась огорчительная сцена всего за час до начала торжественного ужина. Люсинда и Натан впервые ссорились.

— Прости, мне *очень* жаль, — говорил Натан.

— Это так не похоже на тебя, — отвечала Люсинда, — нарочно подстроить подобную ситуацию. Поставить меня в столь неловкое положение.

— Ответственность полностью беру на себя. Это моя вина. Я должен был пояснить старшему инспектору Кондоузу, что нам нужны отдельные номера. Он же решил, поскольку ты — моя гостья, забронировать номер на двоих.

— И ты утверждаешь, что в отеле не осталось свободных номеров?

— Ни единого.

— Что ж, это весьма... мучительно. Не могу подобрать иного слова.

— Люсинда, мы с этим справимся, если ты возьмешь себя в руки.

Смотри, какая широкая кровать...

Она в ужасе поглядела на него:

— Ты же не хочешь сказать, что мы ляжем на нее *вместе*?

— Тогда взгляни на диван. Мужчина моих размеров на нем прекрасно устроится и отлично выспится.

Она оценивающе присмотрелась к дивану и немного смягчилась:

— Да, пожалуй. Он довольно вместительный. И между ним и кроватью по меньшей мере два ярда.

— И я захватил с собой маску на глаза. Надену и ничегошеньки не увижу.

— Ты правда так сделаешь, Натан? Могу я тебе доверять? — Ее глаза требовательно молили, и в который раз он подумал, что если всю жизнь только и делать, что глядеть в синюю бездну этих глаз, то жизнь будет прожита не зря.

— Конечно, Люсинда. Конечно.

Облегчение и благодарность были написаны на ее лице, и Натан понадеялся, что его сейчас хотя бы приобнимут. Но это было проявлением прямо-таки разнузданного оптимизма с его стороны. Люсинда лишь одобрительно кивнула:

— Тогда все в порядке.

— А теперь, — Натан изо всех сил старался не выдать своего разочарования, — меня ждут в библиотеке, так что я должен переодеться в смокинг. Могу я воспользоваться ванной?

— Конечно.

Она посторонилась, давая ему пройти, и спустя несколько минут Натан в парадном облачении шагал на свидание со старшим инспектором Кондоузом, назначенное у входа в библиотеку.

* * *

— Ради бога, где долбаное меню? — Сэр Питер взглянул на часы: — Мы сидим здесь уже двадцать минут нахер и до сих пор понятия не имеем, чем нас будут кормить.

Хельке Уиншоу смерила его сердитым взглядом. Кузен раздражал ее. Да и какой он ей вообще кузен? Троюродный, и не по крови, а со стороны ее мужа. И по причине столь дальнего родства их усадили за один стол — какой идиотизм, злилась Хельке. Сэр Питер был постоянно чем-то

недоволен и тем самым постоянно привлекал к себе внимание, что, по мнению Хельке, было стратегической ошибкой, когда ты принадлежишь к столь особенной семье. Что до этой рохли, его дочери... м-да, в такой компании тоскливое мероприятие грозило превратиться в совсем уж непролазную тоску. С «родственничками» у Хельке не было ничего общего. Абсолютно ничего.

В оправдание Жозефины следует заметить, что мало кто в этом мире нашел бы Хельке Уиншоу приятной сотрапезницей. Сцеживаемые ею фразы, как и все, чем она владела, Хельке полагала ценным ресурсом, коим не стоит разбрасываться лишь для того, чтобы сгладить шероховатости застольной беседы. Вдобавок, будучи главой ООО «Очистка Уиншоу», она обладала обостренным (хотя и слегка раздутым) чувством собственного достоинства. Фирму она основала собственноручно в память о муже Марке, погибшем в той же резне, что и Родерик с Хилари, матерью Жозефины. Марк нажил состояние, торгуя оружием. Его усилиями многие территории оказались усыпаны неразорвавшимися снарядами (или «взрывоопасными пережитками войны»). Трогательная картина, если удержаться от сарказма: после смерти мужа скорбящая вдова основала организацию по очистке бывших зон конфликта от фатальных обломков некогда кипучей деятельности супруга. Впрочем, Хельке занялась очисткой вовсе не из человеколюбия. Предпринимательский нюх подсказывал: если потворство войнам приносит прибыль, то и уборка после них должна давать приличный доход. Хельке прекрасно понимала, что в очистке от ВПВ царит жестокая конкуренция, как в любом бизнесе, и сразу взяла быка за рога. Она агрессивно билась за долгосрочные контракты в крупных военных зонах типа Ирака и Афганистана, потому что именно там делались большие деньги. Параллельно она не спускала глаз с мелких НКО, специализировавшихся на уничтожении неразорвавшихся снарядов, поскольку этими группами часто руководили молодые идеалисты, не жалевшие времени и сил на поиски менее очевидных участков, нуждавшихся в обезвреживании. Стоило маленькой независимой компании обнаружить такое место и приступить к делу, как «Очистка Уиншоу» сметала их мощным тараном и, выбив из бизнеса, подминала добычу под себя. Через два десятилетия предпринимательской экспансии, приобретения активов и поглощения компаний «Очистка Уиншоу» утвердилась как несомненный мировой лидер в своей области с годовым оборотом в десятки миллионов. А Хельке Уиншоу, по-прежнему не выпячиваясь, скромно стояла у руля.

— Потерпи чуть-чуть, — сказала она кузену. — Что за важность? Это

всего лишь еда.

— Грубиянка хренова, — шепнул сэр Питер на ухо Жозефине. — Похоже, ты сегодня вытянула короткую спичку. Наплюй, не обращай на нее внимания. — Заметив тревогу в глазах дочери, он проследил за ее взглядом: Жозефина уставилась на соседний стол. — Что не так? — спросил он.

— Видишь того человека? Толстого, со свинными глазками?

— И что?

— Это тот комик, что оттоптался на мне в своем шоу.

— Правда? Ладно. Попозже я скажу ему пару слов. — И, не успев перестроиться, тем же мрачным, угрожающим тоном повторил свой вопрос: — Где *долбаное* меню?

Оглядевшись, он заметил официантку с беджиком «Селена» и подозвал ее, желая излить свои чувства.

* * *

Свое появление за столом номер 11 Люсинда оттягивала буквально до последней минуты. Она пришла ровно в 19.29. Но дожидаться ее стоило. С четверть часа Натан напряженно рыскал глазами по залу в поисках признаков грядущего злодеяния, но когда он увидел Люсинду, то все мысли о расследовании вылетели из головы. А попытка скрыть свои эмоции оказалась тщетной. У Натана отвисла челюсть, и он громко ахнул. Люсинда надела простенькое маленькое черное платье и выглядела не иначе как *сногшибательно*.

У нее обнаружили руки. Настоящие, человеческие, женские голые руки с локтями и запястьями, подвешенные к паре прелестных белых голых плеч. У нее образовались ноги с икрами, щиколотками и коленками, изящно обтянутыми черным нейлоном. У нее, оказывается, имелась фигура — великолепная женственная фигура, существование каковой ее привычная одежда хранила в строгой тайне. Натан давно знал, что влюблен в Люсинду, и теперь его любовь усилилась и обострилась в миллион раз, а в качестве довеска к неодолимому желанию Натан ощутил такую слабость, что, когда встал, чтобы чмокнуть Люсинду в щеку, у него подогнулись колени, и он испугался, что вот прямо сейчас рухнет на пол.

— Натан, — сказала она, и если только ему не почудилось, то ее голос не был чопорным, как обычно, но почти кокетливым, будто она прекрасно знала, какой эффект произвела, и молча этим наслаждалась.

— Люсинда, — откликнулся он. — Ты выглядишь... потрясающе. — Он длил поцелуй, насколько у него хватило смелости, шалея от гладкой

мягкости ее щеки и вдыхая запах ее дразнящих духов с ароматом жасмина и ноткой розы. — Прошу, — он выдвинул ей стул и восхищенно вздохнул, глядя, с какой грациозностью она опускается на сиденье.

Убрав с лица непослушную прядь волос, Люсинда застенчиво улыбнулась знаменитому ведущему ток-шоу на ТВ, сидевшему слева от нее, и Райану Кверки, сидевшему напротив, на другой стороне круглого стола. Ни того, ни другого она не узнала. Натан опустился на свое место справа от Люсинды и налил ей газированной воды.

— О, — сказала она, — кажется, у меня нет меню.

— Ни у кого нет меню, — успокоил ее Натан. — Думаю, наши хозяева подготовили нам маленький сюрприз. — Он посмотрел на часы: — Примерно секунд через десять все прояснится.

И верно, десятью секундами позже случилось нечто удивительное.

Из центра каждого стола исчезла середина — чьи-то невидимые руки вынули центральную секцию, — и в образовавшемся отверстии возникла мужская голова. Шестьдесят мужских голов в центре шестидесяти столов. Их тела под столами скрывали длинные скатерти. Изумленный шепот и восторженное бормотанье кругами растекались по залу.

Голову в столе номер 11 венчала шапка рыжих волос. Голова медленно вращалась по кругу, и каждый из двенадцати гостей почувствовал на себе цепкий взгляд зеленых глаз за массивными очками, придававшими лицу сходство с совой.

— Добрый вечер, — произнесла голова. — Меня зовут Дориан, и сегодня я буду вашим говорящим меню. Я останусь с вами на весь вечер, расскажу о блюдах и отвечу на все вопросы, с ними связанные. Боюсь, я не могу разговаривать с вами ни на какую иную тему. И, как ни печально, мне не позволено отведать вкуснейшей еды и напитков, что вам вскоре подадут. Однако не жалейте меня, за эту работу мне хорошо платят, и домой я понесу увесистый пакет с тем, что вы не доедите. Итак, хватит пустой болтовни, давайте-ка я лучше познакомлю вас с первым блюдом сегодняшнего деликатесного *smorgasbord*^[17]. Леди и джентльмены, настройте ваши нёба на потрясающие *amuse-bouches*^[18] от нашего шеф-повара!

И словно по команде бригада официантов и официанток скользнула к столу. На тарелках, поставленных перед раззадоренными гостями, лежали три маленькие штуквинки затейливого вида и непонятно из чего приготовленные. Дориан продолжил объяснять:

— Первым делом, леди и джентльмены, рекомендуем вам мильфей из

подкопченной свеклы и шотландского лосося с биб-латуком, маринованным в настое кумквата и щедро смазанным белужьей икрой. Мы надеемся, вы оцените пряность и оригинальность этой штучки. Далее приступайте к холодному картофельно-трюфельному супу с горячим золотистым юконским картофелем, сдобренным маслом, пармезаном, черным трюфелем и морской солью, славящейся своей терпкостью и специально извлеченной из моря, что омывает знаменитый атолл Кваджалейн^[19] на Маршалловых островах. И наконец, набрасывайтесь на шляпку из устриц, выловленных у берегов Кумамото, а поля этой шляпки украшены ленточками из зеленых яблок и салатом из фенхеля с кинзой, заправленным пондзу.

Истекая слюной, гости взялись на вилки, им не терпелось проверить, оправдают ли закуски органолептические ожидания, спровоцированные их описанием.

— Какие-либо вопросы, прежде чем вы начнете?

— Э-эмм... пондзу, — сказал ведущий ток-шоу, — что это, собственно, такое?

— Пондзу, сэр, — ответил Дориан, — это японский коричневый соус на основе цитрусовых. Кулинарной редкостью его не назовешь. Уверен, вы уже не раз его пробовали. В буквальном переводе «пондзу» означает «уксусный удар кулаком».

— Спасибо.

— У меня тоже есть вопрос, — сказал Райан Кверки. — Некоторые виды устриц действуют как афродизиак. Устрицы с Кумамото обладают тем же свойством?

— Сэр, — ответил Дориан, — и даже более ярко выраженным.

Гости приступили к еде. И Натан заметил, что Люсинда не притронулась к устрицам, отодвинув их на край тарелки.

* * *

Между горячим и десертом Жозефина вышла из-за стола «перекурить», как она сказала, извиняясь перед сотрапезниками, хотя на самом деле у нее просто не было сил терпеть эту несносную Хельке. На Столетней площади веяло холодом, изо рта Жозефины вырывался пар, пока она рылась в сумочке в поисках сигарет, а затем еще дольше искала зажигалку, но так и не нашла.

— Бля! — громко выругалась она.

— Нечем прикурить? — раздался голос, и от стены отделилась тень.

Это была Селена, официантка, выскочившая затянута разок-другой в

свободную минуту.

— О, спасибо. Вы так любезны, — сказала Жозефина, хотя особой благодарности не испытывала, досада и раздражение на всех и вся брали верх.

— Нет проблем. — Селена протянула ей дымящийся кончик своей сигареты. — Зябко, да?

— Ну чего еще ожидать от морозного севера?

Селена улыбнулась, но тему погоды продолжать не стала:

— Вам нравится, как они все устроили на церемонии?

— Наверняка они старались как могли. По крайней мере, говорящие меню — неплохая выдумка.

— И отличная возможность подработать для многих безработных актеров, это точно.

Жозефина не имела ни малейшего желания вступать в разговор с этой девицей. Вечер, изначально не предвещавший никаких неприятностей, кроме томительной скуки, потихоньку превращался в кошмар. Она смотрела на незнакомый городской пейзаж, на непрерывный транспортный поток на Брод-стрит, то замиравший, то вздрагивавший на светофорах, на подростков в дешевых шмотках, что группками прохаживались мимо библиотеки с угрожающим видом (так ей казалось), и кляла оргкомитет за то, что они притащили ее сюда. Бирмингем! Да о чем они думали? О'кей, само здание классное, но провести почти сутки в какой-то дыре, с этим убожеством вокруг только ради модной архитектуры? Утром за завтраком она непременно переговорит с организаторами со всей откровенностью.

— Днем здесь очередь стояла из желающих получить работу, — продолжила Селена. — Мне повезло.

— М-м, — промычала Жозефина, не слушая.

— Моя подружка тоже была в этой очереди. Но ее не взяли.

— Надо же.

— Ужасно жалко. Она так надеялась, ведь здесь столько людей искусства собралось, и был шанс завести полезное знакомство.

— Угу.

— Вы пишете в газеты, да?

— Кто вам сказал?

— Одна девушка на кухне. Если честно, в последнее время я газет не читаю. Они вгоняют в депрессию.

— Да, но об искусстве я не пишу и никого не протежирую, так что вы зря теряете время.

— Ладно, как скажете. — Селена замолчала, но ненадолго. — Хотя она

реально талантлива.

— Кто, простите?

— Моя подружка. Она рисует портреты. Бездомных по большей части.

— Как это необычно... достойно ее таланта.

— Слушайте, вы, кажется, меня неправильно поняли. Моя подруга не нуждается в помощи. Она знает, что ее профессия требует упорства. И если ей разок-другой дадут от ворот поворот, она это переживет.

— Прекрасно, беседа с вами — как глоток свежего воздуха. А теперь прощайте.

— Она сильная, моя Элисон. Очень сильная. Еще бы, учитывая, через что ей пришлось пройти.

— Рада слышать. Но мне пора...

— Например, у нее только одна нога. Много вы видели художников-инвалидов?

— Здорово. Похоже, она настоящий боец. — Жозефина переступила порог библиотеки, когда внезапно до нее дошел смысл того, что она только что услышала. Она резко повернула назад: — Что вы сейчас сказали?

— Сказала, что она сильный человек.

— Нет, не то.

— И реально талантлива.

— У нее одна нога, так?

Селена заметила перемену в Жозефине и медленно кивнула:

— Да, а что?

Жозефина подошла к ней поближе:

— И она — ваша... *подружка*?

— Точно.

— Подружка в смысле... как бы... то есть у вас с ней отношения?

— Мы спим вместе. Вы об этом хотели спросить?

— Значит, вы — лесбиянки.

— Ну... да, — протянула Селена, полагая, что уже достаточно ясно дала это понять.

— А она... такая же, как вы?

— Как я?

— Да.

— Скорее, нет. Мы с ней очень разные люди. Для начала, я — Бык, она — Близнец...

— Я не о том... она тоже черная, как вы?

— А-а. — Черт, хамоватая дамочка попалась, подумала Селена. Но каким-то образом ей удалось ее заинтересовать, и нельзя было упускать

такой случай. — Да, черная.

— Она работает, ваша подруга? Кроме того, что занимается живописью?

— Нет. Мы обе не работаем с тех пор, как закончили учебу.

— И неужели она... Неужели она живет на социальные выплаты?

— А как еще? Иначе нам не прожить. У нее льготы по оплате жилья, пособие по инвалидности... — Она умолкла и улыбнулась Жозефине, словно взывая к ее пониманию.

Как ни странно, ей улыбнулись в ответ.

— Ваша подружка, — объявила Жозефина, — *нечто потрясающее*.

— И вы могли бы о ней написать?

— Да, думаю, я о ней напишу.

— Вау, — обрадовалась Селена. — Вау. Она обалдеет, когда ей расскажу.

Жозефина подняла руку в предостерегающем жесте и покачала головой:

— Нет. По-моему, пока не стоит ей ничего говорить. Знаю, о таком трудно умолчать, но пусть это будет наш с вами маленький секрет. — Она положила руку на плечо Селены. — Вы же умеете хранить тайны, правда? Вот и хорошо. А теперь давайте выкурим еще по одной сигарете.

* * *

— Ты пропустила самое интересное, — сказал сэр Питер, когда его дочь вернулась за стол. — Пять минут назад вручили премию.

— Правда? — Жозефина подавила зевок. — Я даже не видела короткого списка.

— Все думали, что в этом году наградят Гуманитарную премию Хилтона. Либо Премию Мо Ибрагима «Лучшему африканскому лидеру».

— И которая же выиграла?

— Ни одна из них. Приз ушел Премии «Литературного обозрения» за худшее описание секса.

— Чудесно! — прокомментировала Жозефина. — Еще одна победа британского духа.

— Именно. Стыдливое отношение к сексу — одна из немногих вещей, в которых мы еще сохраняем мировое лидерство.

Залпом допив вино, сэр Питер подал знак, чтобы ему вновь наполнили бокал. Сколько же бокалов он замахнул, пока ее не было, прикидывала Жозефина. Она также раздумывала, не сказать ли ему, что теперь благодаря встрече с Селеной она твердо знает: возражения отца против ее

тогдашней газетной статьи были ошибочны, и вскоре она представит ему ходячее доказательство своей правоты. Но решила пока придержать информацию.

— Твой комик нес такую херню, — продолжил сэр Питер. — Ни одного смешка из публики не выжал. Похоже, никто не понял, зачем он вообще вылез на сцену.

— Нас упомянул?

— О да. Прошелся по всей семье, никого не забыл.

— Наглец! Надеюсь, ты не допустишь, чтобы это сошло ему с рук.

— Нет, не допущу. — Сэр Питер взял со стола чистый нож для мяса и задумчиво погладил острое лезвие. — У меня свои виды на мистера Кверки. И я намерен пообщаться с ним на сей счет прямо сейчас.

С ножом в руке сэр Питер попытался подняться, но он слишком много выпил, и когда Жозефина дернула отца за рукав, этого хватило, чтобы удержать его на месте.

— Не думаю, что нужно устраивать сцену на торжественной церемонии.

— Какую сцену?! У меня и в мыслях не было. — Сэр Питер тяжело задышал. — Я скажу тебе, что я собираюсь сделать с этим уродом. — Его большие глаза навывкате пылали решимостью. — Я собираюсь взять его на работу.

— *Что* ты хочешь сделать?

— Ты меня слышала. Я дам ему колонку, пусть строчит.

— О-о, сиди спокойно. Ты перебрал.

— Может, я и нажрался, но я знаю, что говорю. Если хочешь уничтожить своего врага, ты не лезешь в драку с ним. Ты его поглощаешь. «Эй, Райан, — скажем мы ему, — иди к нам. Мы и не думали на тебя обижаться, старина. Мы просто обожаем твои хохмы. Приходи, поработай с нами». Отвалим ему пару сотен кусков в год за тысячу слов в неделю, и все увидят, что он пишет для нас, и решат, что не такие уж мы бяки, в конце концов. *Мы* выглядим хорошо, *он* выглядит плохо. Держим его при себе полтора года, разок-другой повышаем ему зарплату. За это время у него и зубов-то не останется, чтобы их скалить, и вряд ли ему придет в голову грубить нам. Но многие фанаты на него обозлятся. И тогда мы вышвырнем его на улицу — *бам!* — и поглядим, как он будет выкручиваться, привыкнув ни в чем себе не отказывать, когда его доходы убавятся впятеро. — Сэр Питер улыбнулся дочери, наслаждаясь тем, как она на него смотрела, разинув рот от восторга. — И если ты поможешь старому поддатому пиздюку встать на ноги, я сейчас же приступлю к делу.

Жозефина послушно, заботливо, стараясь не уронить папашу, помогла ему подняться. Сэр Питер, спотыкаясь и пошатываясь, двинул к столу номер 11. То ли по старческой забывчивости, то ли потому, что был пьян, то ли по обеим причинам он по-прежнему сжимал в руке мясной нож и даже размахивал им — агрессивно, глядя со стороны, — приближаясь к ни о чем не подозревавшему Райану Кверки, увлеченному беседой с молодой поклонницей в платье с глубоким вырезом. Но подойти вплотную к столу, за которым сидел комик, сэру Питеру так и не удалось. Внезапно он почувствовал, как его вежливо, но крепко берут под локоть, и перед ним как из-под земли вырос широкоплечий подтянутый человек средних лет, а пятеро других гостей, почти один в один похожие на первого, преградили ему путь, взяв сэра Питера в кольцо.

— А теперь, сэр Питер, — обратился к нему старший инспектор Кондоуз, — полагаю, будет неплохо, если вы отдадите нам вот это.

— О чем это вы? Кто вы такие, вашу мать? Пошли прочь.

— Отдайте нож и пройдемте с нами, не стоит поднимать шум.

Полицейские сузили кольцо вокруг сэра Питера. И тут вмешался Натан, настоятельно постучав пальцами по плечу старшего офицера:

— Старший инспектор Кондоуз, что вы делаете?

— Не сейчас, Пилбим. Разве не видите, что мы заняты?

— Но, сэр, мы же договорились не предпринимать поспешных...

— Проехали, Пилбим, я веду этого человека на допрос. Аркрайт, помещение для прессы готово?

— Помещение для прессы? Но его нельзя там допрашивать. Как вы его приведете туда, где берут интервью у лауреатов премии? Там полно фотоаппаратов и теле камер.

Полицейские, освободив сэра Питера от ножа и заломив ему руки за спину, начали подталкивать его к выходу; арестованный упирался. Натан предпринял отчаянную попытку:

— Со всем уважением, сэр, но нам нечего предъявить сэру Питеру, абсолютно нечего.

— *Хватит*, Пилбим! — Голос Кондоуза явственно напоминал рычание. — Возвращайтесь на свое место и развлекайтесь дальше, а энергию приберегите на то, чтобы произвести впечатление на вашу весьма привлекательную спутницу.

После чего Кондоуз поспешил вдогонку за группой офицеров, уводивших сэра Питера — окончательно обалдевшего и более не сопротивлявшегося, — из обеденного зала туда, где сбились в стаю представители СМИ. Мало кто из гостей заметил арест сэра Питера, что,

впрочем, неудивительно: операцию провели быстро и четко, а помыслы большинства в зале были целиком заняты грядущим десертом.

— Натан, дорогой, все в порядке? — спросила Люсинда, когда он вновь сел за стол. — Ты выглядишь взволнованным.

И верно, он был очень взволнован: иначе от слова «дорогой» — первого вербального выражения нежных чувств со дня их знакомства — он бы сомлел и растаял. В данных же обстоятельствах он едва ли не пропустил это слово мимо ушей.

— Меня отстранили от дела. И боюсь, старший инспектор Кондоуз наломает дров. А сколько работы проделано... — Натан грустно вздохнул: — Ужасный вечер.

— Разве? — с некоторой обидой переспросила Люсинда. — Но здесь так мило, и столько известных людей вокруг, и вкусная еда, и... я думала, тебе нравится проводить со мной время.

— Конечно, *нравится!* — чистосердечно признался он.

— Может, эта путаница с гостиничными номерами...

— Нет, это не проблема. Прости мою мрачность. Видишь ли, я чувствовал — инстинктивно... да что там, я был *уверен*, что сегодня вечером найду доказательство, которое решит все дело. Но пока... ничего.

— Вечер еще не закончился, — напомнила Люсинда.

— Да, — уныло согласился Натан.

— Послушай, милый, — она накрыла его руку ладонью, — просто расслабься и наслаждайся моментом. Выпей еще вина.

Милый! Из «дорогого» в «милые» его повысили за каких-нибудь несколько секунд. И все равно он не ликовал. Оставив попытки развеселить его, Люсинда повернулась к Дориану, их говорящему меню, тот как раз готовился объявить о новом блюде.

— Леди и джентльмены, и — думаю, я уже могу вас так называть, — друзья, вот-вот придет ваш десерт. Наш шеф, из опасений вас перекормить, приготовил нечто воздушное. Вам подадут стаканчики с тонким слоем творожного сыра, сдобренного ежевикой, поверх опять слой творожного сыра — пенистого, как суфле, — сдобренного лимонами Мейера и украшенного дикой черникой с Аляски под цедрой лимона Мейера, и все это сервировано на крошках шотландского печенья, изготовленного на чистом масле.

— Мм, вкуснотища, — сказала Люсинда, когда перед ней поставили стаканчик с десертом. — *Обожаю* чизкейк. Ведь по сути это чизкейк, верно? — Вопрос был адресован Дориану.

— По существу, да, мадам, это чизкейк.

Его ответ мигом вывел Натана из задумчивости. Он в упор уставился на Дориана, сознавая с щекочущей нервы, но и одновременно гнетущей уверенностью, что смотрит в глаза *Кристи Молри*2. Он также понимал, что Райану Кверки грозит смертельная опасность. Фразы из блога завертелись у него в голове.

...Ненавижу этих сраных леволиберальных комедиантов, ублажающих средний класс, и призываю вас к тому же. По существу, я считаю крайней необходимостью стереть их с лица земли, иначе мы никогда не соберемся с силами и не одолеем наш прогнивший, коррумпированный и съедающий душу истеблишмент. Долой комедию!

Как он получил работу на церемонии и закрепил за собой стол номер 11, эти детали еще предстояло выяснить. Однако было предельно ясно, что он явился сюда исключительно с целью совершить убийство. И времени терять было нельзя.

Натан нырнул под стол — движением быстрым, но не слишком элегантным, поскольку по ходу дела стукнулся лбом о столешницу и тем самым привлек внимание окружающих. Несмотря на боль от удара, Натан вцепился в ноги Дориана. Далее гости стали свидетелями диковинного, с их точки зрения, представления: внезапно бестелесную голову, торчавшую посреди стола, резко потянули вниз, в то время как хозяин головы, крепко ухватившись за края отверстия, звал на помощь. Кое-кто из гостей — в том числе Райан Кверки — попытались вытащить его наверх, и это перетягивание человеческого тела вместо каната привело к тому, что стол перевернулся под какофонию воплей и восклицаний.

— Задержите его! — крикнул Натан, когда Дориан вырвался и бросился к выходу. На его пути мигом возникла цепочка охранников, Дориана схватили.

На шум в зале подоспел старший инспектор Кондоуз со своими подручными.

— Кто это? — спросил он.

Выбравшись из-под стола, Натан, растрепанный и задыхающийся, широким шагом приблизился к месту задержания.

— Это, — сказал он, — ваш убийца стендап-комиков. А вот оружие, посредством которого он намеревался продолжить свою кампанию.

С этими словами Натан раскрыл футляр для очков, выпавший из кармана Дориана в процессе застольной борьбы. В футляре лежал длинный шприц, наполненный прозрачной жидкостью. Натан протянул шприц Кондоузу, и тот машинально взял его, не успев стереть с лица выражение

оторопи.

— Думаю, — сказал констебль Пилбим (и он поверить не мог, что так рано в его карьере наступил момент, когда он произнесет фразу, которую репетировал годами), — вам следует отправить это в лабораторию.

* * *

Два часа спустя, когда Натан с Люсиндой в баре «Хаятт Ридженси» выпивали по последней перед тем как отправиться спать, к ним подошел старший инспектор Кондоуз.

— Мы добились полного признания, — сообщил он. — Эти либералишки быстро ломаются, стоит только слегка надавить. Бесхребетники.

— Могу я угостить вас бренди, сэр?

— Не откажусь, вечер был долгим. Но очень успешным благодаря вам.

— Благодаря нам обоим, сказал бы я, сэр.

— Управились за один день, Пилбим. Недаром меня кличут Кондором Ярда.

Желанное прозвище было упомянуто нарочно, но Пилбим уже отвернулся, заказывая напитки, и опять старания старшего инспектора пропали втуне. И как внушить людям, размышлял Кондоуз, что он заслуживает этой клички? Инспектор тяжело вздохнул и взял бокал с бренди, предложенный младшим коллегой.

— Значит, его выдала всего лишь дурацкая заикленность на одном-единственном словечке?

— Совершенно верно.

— А что насчет мотива преступления? Как вы вообще вышли на него?

— Сэр, с вашего позволения, я немного похвастаюсь и отвечу так: мои методы себя оправдали. К преступлениям вроде этого лучше подходить с интеллектуальных позиций. Ключ к решению проблемы следовало искать в истории и теории комедии. В этой области я и сосредоточил мои исследования. Начал с Аристотеля, разумеется, хотя, к сожалению, половина раздела его «Поэтики», посвященного комедии, утеряна. Однако можно воссоздать в общих чертах его образ мыслей...

Сколь бы ни был инспектор увлечен рассуждениями Пилбима, он не мог не отреагировать на появление двух полицейских в форме, направлявшихся через бар к вестибюлю с картонными коробками под мышкой.

— А... Джексон, вечер добрый, — окликнул он одного из них. — Все путем?

— Да, сэр, — отрапортовал Джексон. — Подозреваемый благополучно доставлен в участок Ньютауна и помещен в камеру. Мы обыскали его номер на седьмом этаже и все оттуда вынесли.

— Превосходно. Нашли что-нибудь интересное?

— Боюсь, что нет, сэр. Немного одежды и туалетные принадлежности. Ах да... и еще книжку.

Полицейский извлек из коробки потертый и, видимо, зачитанный до дыр том — давнишнее издание «Остроумия и его отношения к бессознательному» Фрейда. Натан не удержался от довольной улыбки:

— Вполне убедительное доказательство, согласны, сэр?

Кондоуз покачал головой. Методы Пилбима его пока не убедили.

— По-моему, так шприц, полный жидкого цианида, в суде будет выглядеть весомее. У Кверки не было бы шанса выжить, если бы ему вкололи такое в ногу. — Допив бренди, инспектор встал: — Пожалуй, я пройду с этими двумя. Спокойной ночи, Пилбим. Вы сегодня отлично поработали.

— Спасибо, сэр. Вы не представляете, как это много для меня значит.

— И заглядывайте в почту почаще. В Ярде всегда найдется местечко для человека вашего калибра.

Когда смысл реплики, оброненной инспектором, дошел до Пилбима, блаженная улыбка расплзлась по его лицу. Повышение по службе... Быстрое продвижение от одного звания к другому... Переезд в Лондон... Его восхождение к вершине началось. Значит, он двигался верным путем.

— Ты слышала? — обернулся он к Люсинде.

Слышала, мог бы и не спрашивать. Ее слегка затуманенные глаза светились радостью и покоем.

— Чудесная новость, правда? Ты не хочешь взять ключ и перебраться туда?

— Куда?

— Ты же слышал, что сказал полицейский? Того ужасного человека заперли в камере, и ночевать в отеле он не будет. Выходит, что свободный номер все-таки *есть*. Это решает нашу проблему!

В итоге, лежа в одиночестве и выдыхая пары бренди, констебль Пилбим всю ночь пялился в потолок номера на седьмом этаже, размышляя о непостижимой тайне, о загадке, неподвластной никакому дедуктивному методу, что загадала ему суровая мисс Люсинда Счастье.

Какая подстава!

Мы все в одной лодке.

*Джордж Осборн, речь к собранию
Консервативной партии 6 октября 2009
года*

1

Меня зовут Ливия, я родилась в Бухаресте.

В моей стране бытует поговорка: *Totul trebuie să aibă un început*. Что в переводе означает: «У всего должно было начало». И у моей истории начало будет таким. В Лондоне я живу пять с лишним лет, работаю — вывожу собак очень богатых людей на ежедневную прогулку. Большинство моих клиентов живет в Челси. Раньше я тоже там жила, но потом квартплата поднялась настолько, что я переехала в Уондсворт, и теперь мой день начинается с поездки в автобусе через реку. Я смотрю в окно, пока мы едем по мосту, и когда автобус подъезжает к следующей остановке, вижу, что признаки материального благополучия на улицах становятся все заметнее, и чувствую, как тяжелеет воздух от терпкого запаха денег.

Я выхожу у больницы Челси и Вестминстера, а затем иду пешком до улицы Болтонс. Дома здесь большие и красивые. Ухоженные сады прячутся за оградами, такими же благовидными и неприступными, как охрана в эксклюзивном ночном клубе. Густой плющ и платаны проросли камерами наблюдения. Я останавливаюсь перед одной из таких стен, у маленькой зеленой двери. Сбоку неброская кнопочная консоль, и если вы обладаете ете нужным тайным знанием, то набираете пятизначный код — ваш пропуск в этот земной рай. Я прихожу сюда каждый день в течение четырнадцати месяцев, но кода мне пока не сообщили.

Так что я отправляю сообщение прислуге-малайке, и вскоре она отпирает дверь. Рядом с ней крупный, востроглазый, беспокойный черный лабрадор. Это Кларисса. Она, во всяком случае, приветствует меня по-дружески. Я веду ее гулять. Когда у меня много работы, мы добираемся лишь до Бромптонского кладбища. А когда свободного времени достаточно, мы идем аж до самого Гайд-парка.

Иногда в Гайд-парке я вижу с Джейн. Я узнаю ее издали по числу

собак, что ее окружают. Не меньше четырех или пяти, а порою целый десяток. Если ее собаки нам не мешают, мы садимся в кафе рядом с озером Серпентайн и заказываем кофе.

Мы были знакомы совсем недолго, когда Джейн рассказала мне о своей жизни. Она работала трейдером в лондонском Сити, в одном из главнейших международных инвестиционных банков. Спустя какое-то время она поняла, что достигла потолка: выше по службе ее не продвинут, потому что она — женщина. Кроме того, вечный стресс и длинный рабочий день сказывались на ее здоровье. Она уволилась и с месяц просто отдыхала. Желая помочь приятелю, она начала выгуливать его собаку, пока он был на работе, потом другие работающие люди попросили ее выгуливать их собак. С клиентов она брала 20 фунтов в час за каждую собаку, и с ней расплачивались наличными. Выгуливая сразу много собак, она обнаружила, что иногда зарабатывает по 500 фунтов в день, или около 100 000 в год, и никаких налоговых выплат. Это было больше, чем она получала в Сити.

Вдобавок она любит ходить пешком и любит собак.

До полудня я возвращаю Клариссу домой на улицу Болтонс. Опять отправляю сообщение прислуге, и мы обмениваемся несколькими фразами, когда она забирает собаку. Прощаясь с Клариссой, я часто пытаюсь вообразить, как ей живется, когда она не со мной, а по другую сторону стены. Я никогда не видела ее хозяев. Знаю только, что их постоянно нет дома.

Но слово «дом» можно понимать по-разному. Каждый раз, приезжая в Румынию, я знаю, что возвращаюсь домой, но и квартирку в Уондсворте я тоже считаю моим домом, хотя живу в ней всего полтора года. Это мой дом, потому что туда я возвращаюсь каждый вечер, там чувствую себя в покое и безопасности. Я заставила мою квартирку предметами, что мне дороги, поскольку с каждым что-то связано.

Красивые большие дома в Челси — это не дом в том смысле, какой я вкладываю в это слово. Большую часть года они пустуют. Либо кажутся пустыми, хотя внутри, наверное, происходит какая-то жизнь. Призрачная жизнь. Целый штат обслуги — уборщицы, повара и шоферы — по утрам сметает пыль в комнатах с привидениями и драит автомобили в подземных гаражах, а потом в середине дня собирается на кухне и молча обедает. Собаки сидят у окон, смотрят в сад и силятся понять, с чего вдруг хозяевам понадобилось их заводить. Тем временем хозяева... куда же они подевались? Отец в Сингапуре, мать в Женеве, а дети... кто их знает, где они.

Некоторые дома еще пустынее. В них нет ни мебели, ни штор на окнах, ни картин на стенах. Они всегда погружены во тьму. Зимой, когда я возвращаюсь из парка или с кладбища, чтобы вернуть в хозяйский дом собаку, последнюю в моем расписании, тишина и темнота на улицах порой пугают меня. Будто страшная чума обрушилась на Лондон и людям пришлось покинуть город, но никто мне об этом не сказал. Однажды я шла из парка вместе с Джейн, и она объяснила мне, что люди — богатые люди — покупают дома в Челси, но не въезжают в них, а настороженно следят, как их недвижимость обрастает деньгами, словно затонувший корабль моллюсками.

— Подумать только, — говорила Джейн, — такой дом стоит около тридцати пяти миллионов фунтов. Ежегодно его стоимость возрастает на десять процентов — то есть на три с половиной миллиона. Это семьдесят тысяч фунтов в неделю. Десять тысяч в день. Просто купи его — и пусть себе стоит, и больше тебе не о чем беспокоиться в этой жизни. Люди, что владеют вон тем домом (она указала на белый оштукатуренный особняк на противоположной стороне улицы), стали на десять тысяч богаче, чем были, когда мы проходили здесь утром.

От Джейн я всегда узнаю что-нибудь новое. Иногда то, что она рассказывает, вызывает у меня уважение, хотя и невольное, к людям, которые много лучше меня понимают, как приобретать и приумножать свое состояние. Но чаще мне вспоминается один знаменитый румын, что высасывал кровь из своих жертв, и мне кажется, что деньги исподтишка высасывают жизнь из этого великого города.

2

Рэйчел постояла, отдыхая, согнув руки в локтях и слушая, как шумит ветер в ветвях сливы. Это был один из ее самых любимых звуков в целом мире.

Здесь было тихо этим ясным сентябрьским днем. Ветви шелестели под порывами ветра, хотя и были нагружены плодами. Хороший урожай в этом году. «Небывалый урожай» — так, кажется, обычно говорят? Сливы поспели, их пурпурно-розовая кожица стала бархатисто-матовой, словно ее напудрили. Всего за десять минут Рэйчел наполнила корзину на три четверти.

Сбор слив превратился в ритуал, в семейную традицию. В середине сентября Рэйчел приезжала на несколько дней в Беверли к бабушке и дедушке, и наступал день, когда она вытаскивала из гаража старую

деревянную лестницу, прислоняла ее к самой толстой ветке дерева и, поднимаясь по перекладинам, срывала созревшие плоды — дедушке и бабушке на это уже не хватало ни сил, ни ловкости. Предыдущие три года сбор урожая в Беверли служил прелюдией к началу семестра в Оксфорде, но оксфордские деньки остались позади. Рэйчел закончила учебу, получила диплом, и перед ней замаячило смутное, пока ничего не обещающее будущее, отягощенное в придачу внушительными долгами. Последние три месяца она жила с матерью в Лидсе, откликалась на объявления «требуется...» и рассылала резюме. Толку до сих пор не было ни малейшего, хотя кое-какие частные лондонские агентства по найму преподавательского состава взяли ее на заметку. И наверняка ей найдут работу, надеялась Рэйчел. Пока же делать ей было нечего, кроме как продолжать поиски.

Она съела сливу, выплюнула косточку и передвинула лестницу к другой ветке, смотревшей прямо на дом. Отсюда она доберется до самой макушки. Забравшись на лестницу, Рэйчел увидела сад как на ладони, а немного выше — окно спальни бабушки и дедушки. Ба сидела на кровати с газетой, разложенной на коленях, — «Телеграф», надо полагать, — но не читала. Голова ее была откинута назад, рот полуоткрыт, и сперва Рэйчел подумала, что она спит, но ошиблась: спустя минуту бабушка поднялась, отхлебнула из чайной кружки, стоявшей на тумбочке, и устало огляделась вокруг. Лицо у нее было бледным и обеспокоенным. Дед уже неделю болел, его мучили спазмы желудка, рвота и диарея. Оба списывали симптомы на «несварение» и поначалу не слишком волновались, но этим утром у деда появилась кровь в стуле, и когда бабушка с Рэйчел позвонили врачу, та настоятельно порекомендовала отвезти деда в больницу. Не мешкая, его положили в палату и днем должны были обследовать. «Какое-то уж очень злющее несварение», — твердила ба, и Рэйчел хотелось ей верить, очень хотелось верить, что ничего плохого с дедушкой не случится, и все же...

Чувство, что она испытывала, было недостаточно сильным, чтобы назвать его «предвидением». И даже недостаточно сильным, чтобы назвать его просто «чувством». Но в шелесте ветвей Рэйчел чудился тишайший, едва уловимый шепот, предвещающий событие исключительной важности. Все было совсем не так, как одиннадцать лет назад, в день, когда погиб Дэвид Келли. Тогда на нее повеяло холодом. Несмотря на юный возраст, она сознавала не только бесповоротность той смерти, но и ее трагизм, и безвременность. Сейчас же то, что ветер пытался до нее донести, — и не обязательно весть о смерти, в это она пока отказывалась верить — было

менее потрясшим ее, менее неожиданным, но оттого еще более печальным. В этом шепоте угадывалось тихое смирение перед неизбежностью. Такой же неизбежностью, как смена времен года и россыпь сочных плодов на сливе к исходу каждого лета.

Безмолвие нарушил смартфон, завибрировав в кармане Рэйчел. Уцепившись за перекладину лестницы, Рэйчел осторожно вынула телефон и посмотрела, кто звонит. «Альбион», не больше, но и не меньше.

— Алло? — ответила она на вызов и двумя минутами позже скатилась с лестницы и побежала в дом, наверх в спальню бабушки и дедушки, где разбудила ба, задремавшую в конце концов.

— Ба, ба, прости, что бужу тебя, но мне необходимо уехать. Я получила работу. Надо возвращаться домой и собирать вещи.

— Ой, деточка, какая замечательная новость, — сказала бабушка, хотя вид у нее был скорее растерянный, чем счастливый.

— Мне ужасно жаль оставлять тебя одну.

— Не волнуйся на этот счет.

— Может, мама сумеет к тебе вырваться.

— Со мной все будет хорошо. Я могу о себе позаботиться.

— Да, но... это ожидание результатов обследования и вообще...

— Не переживай, у него просто тяжелое несварение. Завтра он будет дома, помани мое слово. А то и сегодня вечером.

— Ладно, — все еще сомневаясь, кивнула Рэйчел. — Если ты так уверена.

— Прекрасно, что у тебя теперь есть работа. От той фирмы, что ищет преподавателей?

— От них. Правда, работа только на одну неделю.

— Ну и что? Надо же с чего-то начинать. А за началом всегда следует продолжение.

— Надеюсь. Мне только жаль, что я буду так далеко, пока ты ждешь известий о дедушке.

— Ну, Лондон — не дальний свет.

— Это не в Лондоне. Это... (и Рэйчел невольно сдвинула брови, потому что ей самой предложение казалось совершенно нереальным, хотя позвонивший ей мистер Кэмптон обрисовал ситуацию с предельной четкостью) — это в Южной Африке.

3

Когда привратник показал Рэйчел ее палатку, она поняла, что условия здесь отнюдь не походные. Впрочем, могла бы и раньше догадаться: откуда в лагере взяться привратнику? Слуга в феске и длинной белой тунике не проронил ни слова, пока не подвел ее к огромному шатру, стоявшему в тени мушмулы, с широченной двуспальной кроватью в жилом отсеке. Привратник и в целом был скуп на слова.

— Туалет, — сказал он, открывая дверь в туалет.

— Душ, — он открыл дверь в душевую.

— Стол, — указал он на соответствующий предмет мебели: красивый обеденный стол розового дерева в углу деревянного настила, откуда открывался вид на бассейн и другие палатки, пустовавшие в это время дня.

— Это... прекрасно, — сказала Рэйчел, не зная толком, как ей реагировать. — А где мистер и миссис Ганн?

— Сэр Гилберт и ее светлость на сафари. Дети тоже. Они будут назад в шесть часов к ужину. Они сказали: «Отдыхайте. Устраивайтесь поудобнее».

— Спасибо. Я так и поступлю.

— Я принесу еды, — продолжил привратник. — Хотите вино, шампанское?

— Только воды, — ответила Рэйчел. — Бутылку холодной воды.

— У вас есть вода, — привратник открыл мини-бар, — но я принесу еще.

Должна ли я дать ему на чай? — раздумывала Рэйчел. Она понятия не имела, как принято вести себя в подобных местах, но тут вспомнила, что у нее все равно нет местной валюты. До сих пор она ни за что не платила — ни за пересадочный рейс из Йоханнесбурга до аэропорта Скукуза, ни водителю «лендровера», что доставил ее в лагерь, — да ей и нечем было заплатить, кроме как картой Visa с лимитированным кредитом, которого не хватило бы и на половину этих расходов. Вдобавок она уже чувствовала себя неловко, оттого что этот учтивый, похожий на статуэтку, черный человек прислуживает ей, и она подумала, что с ее стороны было бы слишком по-барски, предложи она ему чаевые. Еще один, отметила про себя Рэйчел, из многих смущавших ее аспектов диковатой ситуации, в какой она оказалась.

Привратник избавил ее от дальнейших мучительных раздумий, молча удалившись. Рэйчел распаковала чемодан и приняла душ (день, неистово

жаркий, был в разгаре). Затем она сидела на деревянном настиле, пила воду и в который раз просматривала синюю пластиковую папку с логотипом «Альбиона» и загадочным девизом фирмы: «Доступность британских образовательных стратегий в любой точке нашей планеты».

Формулировка не отвечала ни на один из вопросов, пульсировавших в ее голове. Почему ее привезли сюда, так сказать, в пожарном порядке? На какой срок? И каковы ее обязанности? Мистер Кэмптон (Билл, как он упорно предлагал его величать) не смог рассеять ее недоумения.

— Не парьтесь, — напутствовал он Рэйчел. — У этих людей денег *много*. Думаете, они сделали большое дело, оплатив вам перелет? Нет, для них это сущий пустяк. Вам предстоит заниматься с Лукасом, сыном сэра Гилберта от первого брака. По каким-то причинам сэр Гилберт невзлюбил предыдущего учителя и не продлил с ним контракт. Он говорит, что учебники везти с собой не надо. Возможно, он хочет, чтобы сын получил... некие общие знания. У него также имеются две дочери-близняшки от нынешней супруги, второй леди Ганн. Кажется, она из бывших моделей и родом из Казахстана. Вряд ли вы будете часто их видеть. Так что расслабьтесь и радуйтесь жизни. Не всем удастся попасть на шикарное сафари, считай, даром!

«Расслабься и радуйся жизни». Таков был совет, но у Рэйчел не очень получалось ему следовать. До вечера она пролежала на кровати, думая о том, что в национальном парке Крюгера нет мобильной связи и ей не дано узнать, чем закончилось обследование ее бабушки.

* * *

В начале седьмого тишина в лагере отступила под напором ревущего джипа; когда автомобиль затормозил, из него вышли три гида-африканца и семья из пяти человек. Гиды, сияя улыбками, помогали членам семьи спрыгнуть с высокой подножки автомобиля. Первыми на землю ступили две хорошенькие девочки лет восьми-девяти и юноша — высокий, с правильными чертами, но по лицу его была разлита бледность, и казалось, будто он спит на ходу. Сэр Гилберт, джентльмен за пятьдесят, был седовлас и серьезен; Рэйчел узнала его по снимку в Википедии. Рядом с ним шествовала элегантная блондинка, лет на двадцать его моложе, — очевидно, его вторая жена Маджана. «Не стесняйтесь и не скромничайте, — припомнила Рэйчел еще одно наставление мистера Кэмптона, — они этого не оценят. Им нравятся только сильные личности». Храбро спустившись с настила, она протянула руку в приветствии:

— Здравствуйте. Я Рэйчел. Из «Альбиона». Спасибо, что привезли меня

сюда.

Гиды разошлись по своим делам, усталые, но по-прежнему веселые. И напротив, сэра Гилберта, его жену и детей развлечения на свежем воздухе не слишком взбодрили.

— Не за что, — ответил сэр Гилберт, с необыкновенной скоростью пожав Рэйчел руку. — Извините, но мне надо освежиться. — Он направился к своей палатке.

— Как прошло сафари? — спросила Рэйчел.

— Львов опять не было, — обронила Мадiana, минуя ее быстрым шагом и обращаясь скорее к мужу, чем к кому-либо еще. — И это уже в третий раз.

— Львы не появляются нажатием кнопки, — буркнул сэр Гилберт, не оборачиваясь. — Мы видели чертовых носорогов и слонов. Бог ты мой, чего вам еще нужно?

— Львов, разумеется, — скучающим тоном произнес юнец Лукас, двигаясь к другой палатке.

Мадiana с девочками — потными и сердитыми — направились к третьей палатке, ближайшей к бассейну; выходит, смекнула Рэйчел, семейство сэра Гилберта с обслугой занимает четыре палатки из шести. Позднее она узнала, что две оставшиеся стоят пустыми — сэр Гилберт выкупил лагерь целиком на неделю.

— Зайдите ко мне через пятнадцать минут, — крикнул он Рэйчел на ходу. — Выпьем, и я объясню, что мне от вас требуется.

— Отлично, — ответила Рэйчел и ретировалась к себе.

Смеркалось, когда четверть часа спустя она шагала к палатке сэра Гилберта. На небе разворачивался величественный закат, охряное солнце с размытыми очертаниями пронизывало на прощанье листву деревьев под пение цикад и разноголосый хор не терявших времени даром ночных птиц. Сидя за столом, сэр Гилберт пил джин с тоником и, наверное, любовался закатом; впрочем, в течение следующих нескольких месяцев Рэйчел предстоит выяснить, что к проявлению эмоций он был не слишком склонен.

— Неплохое местечко, — сказал сэр Гилберт.

— Потрясающее, — откликнулась Рэйчел.

— Бывали здесь раньше?

— Нет. В Африке я впервые.

— Я бы предпочел что-нибудь другое, — заметил сэр Гилберт. — Но детям, как водится, хотелось посмотреть на животных... Их желания приоритетны.

— Абсолютно.

— Итак, — приступил к делу сэр Гилберт, после того как, вызвав привратника, заказал бокал белого вина для Рэйчел, — мой сын. Когда он не в школе, то в основном живет со своей матерью, так что моя родительская ответственность до некоторой степени ограничена.

— В какой школе он учится? — спросила Рэйчел.

— В Итоне. Перешел в выпускной класс, а значит, вскоре ему предстоят собеседования для поступления в университет. Он нацелился на математический факультет в Оксфорде. Вы заканчивали Оксфорд, верно?

— Да.

— Но в частную школу не ходили?

— Нет.

— Хорошо. Мне так и сказали. Наша проблема сводится к следующему. Сумасбродные идеи, что на данный момент превалируют в системе британского образования, вынуждают оксфордские колледжи отдавать предпочтение выпускникам государственных школ, таким, как вы. Кажется, это называется «инклюзивностью». Или «антиэлитизмом». Но как ни назови, в итоге мальчикам вроде Лукаса, в жизни не переступавшим порог государственной школы, приходится прилагать дополнительные усилия, чтобы произвести правильное впечатление. Мать избаловала его. Не думаю, что я его баловал, но определенно потратил на него кучу денег за последние семнадцать лет, что естественно, когда речь идет о твоём отпрыске. Неудивительно, что он вырос заносчивым, надменным и мнящим о себе чересчур много. Словом, высокомерием от него разит за десять миль. Ранее это трудностей не вызывало, но ныне, как я уже упомянул, люди в наших прославленных центрах образования ощетиняются, когда сталкиваются с подобными манерами. Потому наша задача — порастрасти его, приблизив к реальности. Вы следите за моей мыслью?

— Стараюсь... — ответила Рэйчел с заметной растерянностью в голосе.

— Что ж, скажу напрямик, — продолжил сэр Гилберт. — Я хочу, чтобы вы сделали из моего сына нормального человека.

Рэйчел и в обычном состоянии нашла бы это требование странным. Сейчас же, не успев прийти в себя после долгого путешествия и смены климата, она просто опешила, и у нее даже мелькнула мысль, уж не попала ли она в зазеркалье, где правила обыденной жизни и логика вывернуты наизнанку.

— Нормального человека?.. — переспросила она.

— Да. Я хочу, чтобы он научился разговаривать так, будто у него и в

мыслях нет, что ему принадлежит весь мир и все, что в нем имеется.

Рэйчел вдохнула, выдохнула.

— О'кей. Я... подумаю, что можно сделать.

— У вас сильный акцент, — прищурился сэр Гилберт. — Часто «у» вместо «а». Ланкаширский?

— Йоркширский. Но вы же не хотите, чтобы он заговорил с йоркширским акцентом? — спросила Рэйчел и усмехнулась про себя: семейство Гуннов.

— Нет. Однако в целом мне все равно, что вы будете с ним делать. Разговаривать с ним, читать ему, да что угодно. Приступайте завтра в девять утра. Проведите с ним день и прикиньте план действий.

Сэр Гилберт взял планшет и начал читать журнальную статью. Так он дал ей понять, что беседа завершена.

* * *

На следующее утро Лукас не поехал на сафари. Как и его отец. Сперва Рэйчел подумала, что сэр Гилберт остался с намерением понаблюдать за ее методами обучения, однако чем занимаются Рэйчел и Лукас, его, по-видимому, совершенно не интересовало. Он не выходил из своей палатки: планшет, изящный кожаный портфель с документами и телефонные звонки занимали все его время. (В отличие от Рэйчел, лишенной мобильной связи, сэр Гилберт привез в собой нечто вроде спутникового телефона, каким пользуются военные, — довольно массивное устройство со съемной антенной — и почти все утро потратил на разговоры.)

Утро с Лукасом подняло Рэйчел настроение. В Оксфорде она сталкивалась с выпускниками Итона, и хотя людьми они были разными, по крайней мере одна черта была присуща им всем: громадная и нескрываемая уверенность в своих силах. Такую укорененную самоуверенность Рэйчел считала подарком судьбы: как, должно быть, здорово чувствуешь себя, зная, что твое благосостояние и уровень образования не только оградят от самых тяжелых неурядиц, но и прямоком направят тебя в ту жизнь, где сбудется твое предназначение, обретенное еще в колыбели, — управлять жизнью других людей. Но стоило ли удивляться, когда эта уверенность, вскормленная и взращенная неукротимыми родительскими амбициями, порою оборачивалась колющим глаз высокомерием, чего, несомненно, и побаивался сэр Гилберт в отношении карьерных успехов своего сына.

Однако утреннее общение с Лукасом навело Рэйчел на мысль, что Лукас не столько заносчив, сколько подавлен. Математический факультет

выбрал не он. Его подлинной страстью были античные цивилизации, но «мама наложила на них вето», сообщил он, «по ее мнению, это наука для Микки-Мауса». И было решено, что математика куда лучше подготовит его к работе в Сити, тем более что до сих пор его обучение и воспитание служило отменным фундаментом именно для такого рода деятельности. Вскоре Рэйчел обнаружила, в чем его проблема: ему решительно не хватало навыков общения с учетом интересов другой стороны. О чем бы она его ни спрашивала — об искусстве, театре (еще одно его увлечение), книгах или политике, — вместо осмысленного либо содержательного ответа ей выдавали хвастливую реплику о сочинении, удостоенном награды, или о высших баллах за самостоятельную работу; о произнесенной речи, что вызвала стоячую овацию, или о знаменитом писателе, с чьими детьми Лукас проводил каникулы. Будто рефлекторная деятельность его мозга была заточена исключительно на соревнование и первенство во всем. В этом нет его вины, полагала Рэйчел, и терпение ее лопнуло лишь однажды, когда Лукас заявил с трагическим видом: «Если не поступлю в Оксфорд, это будет катастрофа. Что же мне, учиться в университете Микки-Мауса вместе со всяким быдлом?» После чего Рэйчел объявила обеденный перерыв.

Вскоре после полудня в лагерь прибыл еще один гость; вероятно, в Скукузу он прилетел тем же рейсом, что и Рэйчел днем ранее. Обедал он вместе с Лукасом и сэром Гилбертом — предполагалось, что Рэйчел будет питаться в одиночестве за собственным столом на деревянном настиле-террасе, — однако после обеда новоприбывший не поленился подойти к ней и представиться.

— Здра-авствуйте, — нараспев произнес он тоном, явственно смахивающим на заигрывание. — И кто это у нас *здесь*?

— Меня зову Рэйчел. Я занимаюсь с учеником по приглашению сэра Гилберта и его семьи.

— Фрэнсис, — сказал он, пожимая ей руку. — Фредерик Фрэнсис. Для друзей Фредди.

Лет сорока пяти, прикинула Рэйчел. Подтянутый, ухоженный и, в качестве единственного атрибута среднего возраста, легкая седина на висках. Он не был неприятным, напротив; но что-то в нем, нечто неуловимое, вызывало желание держаться от этого человека подальше.

— Вы новенькая, верно? — спросил он. — То есть прежде вы не были знакомы с этой семьей?

— Нет. Я приехала только вчера.

— Надолго?

— Точно не могу сказать, — рассмеялась Рэйчел. — Сроки не определены.

— Ах да. Сэр Гилберт любит устраивать сюрпризы.

Не до конца понимая, что он имеет в виду, а также из необходимости заполнить последовавшую паузу Рэйчел спросила:

— Вас уже разместили в палатке?

— Увы, нет, — ответил он. — Я возвращаюсь в Лондон вечерним рейсом.

— Вау, — не в первый раз за последние два дня изумилась Рэйчел. — Ехать в такую даль всего на полдня?

— Что подделаешь, сэра Гилберта временно не будет в Лондоне, а мне потребовалась его подпись на кое-каких бумагах. И безотлагательно.

— А, понятно, — сказала Рэйчел, хотя понятно ей было мало что. — Значит, вы работаете на сэра Гилберта?

Он притворился, будто вопрос заставил его всерьез задуматься:

— Как ни ответишь, все будет не совсем правда. Работаю ли я на *него*? Или я работаю на себя? А может, *он* работает на меня?

Рэйчел была не в настроении разгадывать загадки.

— Что у вас за бизнес? — поинтересовалась она напрямик.

— Перед отъездом, — пообещал он, — я дам вам мою визитку.

То ли он солгал, то ли забыл, однако когда в 4.30 пополудни Фрэнсис выезжал из лагеря, он одарил ее не визиткой, но долгим оценивающим взглядом из окна «лендровера», и Рэйчел почему-то ощутила резь в желудке.

* * *

Не успел мистер Фрэнсис добраться до аэропорта Йоханнесбурга, как Рэйчел и все Ганны засобирались следом. В шесть вечера Мадiana с девочками вернулась с очередного сафари, и о сноровке гидов леди Ганн отозвалась совсем уж уничижительно.

— Гилберт, милый, — продолжила она, когда близняшки убежали в палатку, чтобы переодеться в купальники, — мы здесь даром теряем время. В парке нет львов, вообще нет. Сегодня мы опять глазели на этих дурацких слонов.

— Я уже говорил, в моих силах обеспечить тебя почти всем. Но, боюсь, не львами.

— Тогда мы можем паковать вещи и возвращаться домой.

И на следующий день они так и поступили. Ранним утром чемоданы были уже собраны; Мадiana, Рэйчел и дети полетели в Лондон, а сэр

Гилберт сел на самолет до Сингапура, хотя о конечном пункте его поездки оставалось лишь догадываться. Мадяна определенно не знала, куда он отправился, и не было заметно, что ее это беспокоит. Об этом и многом другом, что озадачивало при знакомстве с сэром Гилбертом и его семьей, размышляла Рэйчел во время одиннадцатичасового полета домой. Ей было о чем подумать — в конце концов, не так уж часто в ее жизни случалось столько загадочного, как за последние несколько дней. Но в этой сумятице воспоминаний чаще прочих перед ее мысленным взором вставала одна и та же картина — панорама лагеря, как ни странно. Лагерь, забронированный до конца недели сэром Гилбертом и теперь обезлюдевший: мертвенная гладь бассейна, пустынные бар с рестораном, уволенный персонал и сами палатки в сероватой тени мушмулы, брошенные за ненадобностью.

4

Дома Рэйчел ждала печальная новость из Беверли: обследование выявило большую злокачественную опухоль в толстой кишке деда. Им сразу занялись хирурги, и в итоге шестичасовой операции опухоль благополучно удалили, но она успела дать метастазы в печень, и тут уже нельзя было помочь ни хирургическим путем, ни радио — или химиотерапией; врачи сказали, это можно лишь как-то «смягчить». От прогнозов они воздержались, но родственники понимали: с раком печени продолжительность жизни составляет от силы год. Пока дедушку оставили в больнице, ему потребуется не менее двух недель, чтобы оправиться после операции.

На следующий день Рэйчел завезла мать в суд и двинула в Беверли одна. Увидев ее, бабушка тихо заплакала и неловко обняла внучку костлявыми старческими руками. Затем она приготовила сэндвичи с сыром, и они вместе пообедали в саду. Рэйчел смотрела на сливу — кое-где на ветках еще висели перезревшие плоды — и вспоминала тихое грустное послание, что нашептал ей ветер в шелестящей листве. Вспоминала она также и лагерь с шестью роскошными палатками, сгруппированными вокруг бассейна в национальном парке Крюгера, и ей с трудом верилось, что это место реально существует, не говоря уж о том, что она сама находилась там всего два дня назад.

С бабушкой она попрощалась нежнее, чем обычно, а на следующее утро ей позвонили из «Альбиона».

— Вы произвели фурор в семье сэра Гилберта, — к ее удивлению, сообщил мистер Кэмптон. — Леди Ганн хочет видеть вас завтра у себя.

Похоже, вы можете рассчитывать на постоянную работу, более или менее.

И опять Рэйчел села в поезд до Лондона. Сделав пересадку в подземке, она добралась до Южного Кенсингтона и, пройдя пешком минут пять, очутилась в той части города, где частные дома были высокими, широкими, с отполированными ступенями под портиками и массивными входными дверями. Окнами от пола до потолка глядели на улицы, где некогда царил вынужденный угрюмый аскетизм. Но прежние времена канули в вечность.

Дом Ганнов располагался на широкой Тернгрит-роуд. Когда Рэйчел свернула на эту улицу, она увидела нечто, более напоминавшее строительную площадку, нежели укромный жилой район: по меньшей мере в половине домов велась кардинальная реконструкция. Сады упрятали за высокие прочные непрозрачные щиты, пестревшие логотипами строительных фирм с названиями вроде «Талисман-конструкция», «Престижный цоколь» и «Авангардный дизайн». Вместо работяг-мастеров, ловко шлифующих кирпичную кладку и наводящих лоск на дверную раму, здесь были гигантские, оглушительно тархтевшие бетономешалки; огромные контейнеры с кирпичом и заполнителем, которые передвигали мощными подъемными механизмами; пятидесятифутовые краны, что напрочь блокировали проезжую часть, когда переносили с места на место крупные партии арматуры и шлакоблоков. Желтые знаки вдоль улицы информировали о временном запрете на парковку, и в результате жильцы месяцами не могли пользоваться личными стоянками. Уворачиваясь и петляя, Рэйчел пробиралась по этому анклаву бешеной активности, приветливо кивая мужчинам в касках и жилетах пронзительного цвета, что группами стояли у каждой стройки и, понизив голос, разговаривали о чем-то на восточноевропейских языках. На ее приветствия они отвечали ничего не выражающими взглядами.

Наконец она подошла к номеру 13, дому Ганнов. Вокруг него тоже стояло высокое щитовое ограждение, зеленое на сей раз и с логотипом «Грирсон-Цоколь ООО». Посередине ограждения — временная входная дверь с почтовым ящиком и кодовым замком. Рэйчел снабдили номером, по которому она должна была позвонить, чтобы ей открыли. Дождавшись ответа на звонок, Рэйчел прочла предупреждение на зеленом щите: «Согласно закону о гигиене труда и технике безопасности от 1974 г., все входящие на строительную площадку обязаны соблюдать статьи данного закона. Посетитель обязан получить разрешение на вход на площадку либо в рабочие помещения у официальных лиц, ведущих строительство. Необходимо соблюдать правила безопасности, пребывание на

стройплощадке без личных средств защиты возбраняется». Второе объявление было много короче: «Посторонним вход воспрещен». Рэйчел уже сожалела, что надела свою лучшую рабочую одежду.

Голос на другом конце линии с легким иностранным акцентом — ближневосточным? — осведомился: «Мисс Уэллс?» — и в этот момент за одной из соседних загоронок врубили пневматическую дрель. «Да!» — прокричала Рэйчел, ей ответили, но что именно, за воем дрели она не расслышала, и в телефоне раздались короткие гудки. Пока она раздумывала, не позвонить ли снова, дверь в ограждении отворилась — в проеме стояла радушно улыбающаяся прислуга. Кожа у нее была темно-коричневой, волосы черными, густыми и вьющимися, но Рэйчел затруднилась определить ее национальность.

— Мисс Уэллс? Пожалуйста, входите. Она вас ждет.

Следуя за прислугой, Рэйчел на пути к крыльцу обогнула туалетную кабинку и бытовку, поставленную строителями. Однако на стройплощадке не было ни души и, судя по всему, работы были приостановлены. Поднявшись по ступеням, Рэйчел и ее проводница вошли в прихожую — в чаемую тишину и покой.

Рэйчел провели в гостиную — или, наверное, залу, — протянувшуюся на весь первый этаж. Книжные стеллажи выстроились вдоль стен, а в дальнем конце стоял рояль с открытыми нотами мазурок Шопена на пюпитре. Кругом была идеальная чистота, не потревоженная никем и ничем.

Появилась Мадiana, сопровождаемая крупным красивым золотистым ретривером; пес с любопытством обнюхал ноги Рэйчел и лизнул ей руку. Схватив пса за ошейник, Мадiana шлепнула его, призывая к порядку:

— Так, Мортимер, хватит.

Пес, явно пристыженный, сел рядом с хозяйкой.

Мадiana поздоровалась с Рэйчел вежливо, но прохладно, и сразу принялась объяснять, зачем вызывала ее: она решила нанять дочкам, ученицам четвертого класса начальной школы, домашнего преподавателя. Она хочет, чтобы девочки больше читали, занимались математикой сверх программы и приступили к изучению иностранных языков — французского, латинского, русского и китайского.

— Вы будете жить в нашем доме, — продолжила она. — Фаустина забирает девочек из школы в половине четвертого. После школы они поедят, отдохнут, а затем с четырех до семи будут заниматься с вами. Оставшимся временем распоряжайтесь как угодно.

— А что насчет Лукаса?

Пасынок интересовал Мадриану куда меньше родных дочерей.

— У него начался учебный год, — ответила она. — Иногда по выходным он будет приезжать сюда, и вы должны заниматься с ним, как и прежде. Вы ведь знаете, сколько будете получать? То есть с агентством мы согласовывали этот вопрос.

— Да.

— Так вы согласны?

От Рэйчел ожидали немедленного решения. И оно далось ей без труда:

— Да, конечно. Большое спасибо.

— Идемте со мной. Я покажу, где вы будете жить.

Приказав Мортимеру оставаться на месте, Мадриана повела Рэйчел через прихожую по главной лестнице. (Впоследствии она будет редко ею пользоваться.) Девочки, Грейс и София, обитали на третьем этаже в двух отдельных спальнях с общей ванной, комнатой для занятий и просторной игровой комнатой, оборудованной всем на свете, начиная с теннисного стола и кончая двумя игровыми консолями и монитором во всю широкую стену.

— Какая чудесная комната для игр, — сказала Рэйчел.

— Маловата, — поморщилась Мадриана. — Мы обустроим им другую внизу, побольше, как только разберемся с этими нелепыми претензиями.

Она не пояснила, о чьих претензиях идет речь, а Рэйчел не осмелилась спросить. Впрочем, со временем все прояснится.

— Эта дверь, — Мадриана указала на белую дверь напротив лестницы, — ведет в вашу часть дома.

Рэйчел слушала вполуха. Проходя мимо ванной девочек, она заметила, что стены и потолок позолочены, а в центре стоит овальная ванна, но не простая, а *бриллиантовая* — с вкраплениями фальшивых алмазов. Во всяком случае, Рэйчел полагала (вернее, надеялась), что камни фальшивые. Иначе она не знала бы, что и думать.

— Вы меня слушаете? — спросила Мадриана.

— Да, конечно.

Ее новая работодательница открыла белую дверь. За ней обнаружилась другая лестничная площадка, тесная, с узкой лестницей, уходящей и вверх, и вниз. Когда Мадриана закрыла за ними дверь, Рэйчел увидела, что с внутренней стороны двери не видно, ее полностью скрывало зеркало в позолоченной раме, и запиралась она на кодовый замок.

— Позже я сообщу вам код, — сказала Мадриана. — Внизу, — она указала на лестницу, — кухня. Там вы будете питаться. Теперь следуйте за мной.

Они поднялись еще на два пролета и оказались под самой крышей дома. На верхней лестничной площадке было три двери.

— Фаустина с мужем спят здесь, — Мадiana ткнула пальцем в среднюю дверь, — тут ванная, будете пользоваться ею вместе с ними. А это ваша комната.

Она вошли в маленькую, но уютную спальню со скошенным потолком, камином и встроенным платяным шкафом. Рэйчел посмотрела в окно и удивилась, насколько высоким был дом. Сад являл собой продолжение стройплощадки: грязь, проложенная досками, а посередине — брезент, расстеленный, вероятно, над огромной ямой. И хотя копер задвинули в дальний угол, этот здоровенный агрегат первым бросался в глаза. Среди этой разрухи бегал Мортимер, жадно обнюхивая все, что попадалось ему на пути, и кое-где задирая лапу; присматривал за ним темноволосый мужчина, куривший сигарету. Оба казались очень маленькими.

— Это Жюль, — сказала Мадiana. — Он работает в саду, в гараже и выполняет различные поручения.

— Муж Фаустины? — спросила Рэйчел.

— Да. Вы будете принимать пищу с ними на кухне. Помещения для персонала и семейная часть дома отделены друг от друга. Сообщаются они через несколько дверей, но вы сможете пользоваться только дверью с зеркалом.

— Понятно, — сказала Рэйчел. — Я буду помнить об этом.

— Хорошо. Но пользоваться ею, — добавила Мадiana, — можно только в том случае, если вы приглашены на семейную половину.

5

Так началась новая жизнь Рэйчел.

В первое время распорядок ее дня был прост, а обязанности необременительны. По утрам она учила русский в интернете, после полудня китайский — в надежде таким образом опережать своих учениц хотя бы на день. В четыре часа спускалась к зеркальной двери, набирала четырехзначный код и, проникнув в заколдованное королевство Ганнов, поджидала девочек в комнате для занятий. На протяжении трех часов они работали и разговаривали, затем Грейс и София шли вниз ужинать, а Рэйчел возвращалась к себе. Отдохнув с часок, она опять спускалась по узкой лестнице в самый низ до цокольного этажа, где находилась кухня для персонала. Ужинала с Фаустиной и ее мужем, потом смотрела с ними телевизор или поднималась в свою комнату, где читала либо выходила в

онлайн. Иногда, принарядившись, отправлялась куда-нибудь на весь вечер.

Дом был очень большим, а его планировка мудреной. Леди Ганн говорила правду: жилые помещения для персонала и хозяйские апартаменты практически не сообщались друг с другом. Кухонь было две: маленькая, где персонал готовил себе еду, и большая в хозяйской части дома, где Фаустина стряпала для детей и — крайне редко — для сэра Гилберта, его жены и их гостей. Кухни соединяла дверь, код от которой знала только Фаустина. На свою кухню персонал попадал через длинную одежную кладовую, а заканчивалась кладовая еще одной запертой дверью. От этой двери код был известен только Жюлю, потому что открывалась она на лестницу, ведущую в подвальный гараж. В нормальных обстоятельствах Ганны пользовались четырьмя автомобилями: «рейндж-ровером», «роллс-ройсом», «ламборгини» и «бентли» 1953 года. При необходимости Жюль ставил автомобиль на платформу в углу гаража, и гидравлический лифт поднимал машину на площадку перед домом. К несчастью, во время строительных работ путь наверх автомобилям был отрезан, машины перевезли на хранение в другое место, а сэр Гилберт с Мадрианой обходились одним «мерседесом», купленным специально, чтобы как-то перебиться, и поставленным в небольшой запасной гараж за две улицы от дома, причем стоимость этого гаража приближалась к полумиллиону фунтов.

Стройка и послужила источником «претензий», о которых упомянула Мадриана, когда показывала Рэйчел дом. Мадриана давно твердила мужу, что их лондонское жилье (одна из шести их недвижимостей, разбросанных по всему миру) недостаточно просторно, чтобы удовлетворить потребности семьи в полном объеме. Она жаждала увеличения полезной площади, но абсурдные местные нормативы по планировке жилья запрещали как повышать этажность, так и расширять дом за счет сада. Иными словами, оставалось лишь одно — рыть землю.

Многие домовладельцы в районе пришли к такому же выводу, и в последние несколько лет размахистое и хитроумное преобразование подвалов сделалось весьма востребованным среди наиболее состоятельных обитателей Челси. Работы по подземному переустройству были чрезвычайно шумными и разрушительными, но соседи относились к этому более или менее терпимо — в основном по той причине, что понимали: придет день, когда и они захотят сделать то же самое. Серьезные возражения возникали, лишь когда стройка угрожала прочности и устойчивости близлежащих домов, — эта неприятность и постигла Ганнов. Официальную жалобу подали обитатели следующего по улице дома

(№ 15), заявив, что, с тех пор как у Ганнов начали бурить землю, увеличивая подвал, в стенах их собственности появились трещины. Муниципалитет велел приостановить работы до полного выяснения обстоятельств, и Мадiana, имевшая грандиозные виды на подземные этажи, была вне себя от гнева.

Жюль и Фаустина, однако, рассказали Рэйчел другую историю, куда более мрачную. По их словам, работы прикрыли не из-за возражений соседей, но по причине несчастного случая на стройплощадке. В подробности их не посвятили, но вроде бы когда рабочему, находившемуся на дне выкопанной шахты (примерно на глубине семидесяти футов), спускали стальную арматуру, она сорвалась с кабеля и придавила его.

— Боже мой, — сказала Рэйчел. — Он не сильно пострадал?

Жюль покачал головой:

— Умер. Тогда-то люди из комиссии по технике безопасности и остановили стройку.

Рэйчел передернуло. Подземелий она по-прежнему боялась, и ей стало нехорошо от мысли, что под элегантными и удобными комнатами в доме Ганнов — и всего несколькими футами ниже кухни, где она бывает ежедневно, — зияет огромная яма. И как-то не верилось, что хрупкое переплетение стальных прутьев и решеток способно удержать дом, не дать ему рухнуть в эту черную бездну. Рэйчел постаралась выбросить эту мысль из головы.

По выходным своих учениц она почти не видела. Если сэр Гилберт с Мадianой находились за границей, близняшки часто улетали к родителям. Иногда Жюль возил их в Коствольд, где у Ганнов был «коттедж», а точнее, переоборудованное фермерское подворье, дополненное крытым бассейном с сауной, что размерами вдвое превосходил обычный жилой дом. Золотистого ретривера Мортимера порой брали с собой за город, но чаще забывали взять. Их лондонский дом никогда не был оживленным, но по выходным, когда в этом монументальном сооружении оставались только Рэйчел и прислуга с мужем, а строительные работы на соседних участках замирали, тишина вокруг и внутри дома делалась страшноватой.

* * *

Однажды в обеденное время Рэйчел (она уже месяца полтора жила у Ганнов) сидела на кухне, смотрела телевизор, ела сэндвич и попутно скармливала Мортимеру кусочки холодной курицы. Пес только что вернулся с прогулки с Ливией, улыбочливой и немногословной румынкой, выгуливающей собак, — к Ганнам она являлась каждый день.

Рэйчел не слишком внимательно следила за новостями. В последнее время постоянно говорили о новом амбициозном проекте «Кроссрейл», высокоскоростной железной дороге, призванной соединить Сити с самыми отдаленными пригородами на востоке и западе Лондона. Строительство, разумеется, предполагало выемку грунта, что (совсем как расширение подвала у Ганнов) создавало множество неудобств жителям столицы. В сегодняшнем выпуске показали станцию на Ливерпульстрит, где рабочие наткнулись на жутковатое препятствие — двадцать пять человеческих скелетов. Люди, возможно, были преданы земле еще в четырнадцатом веке, и это подтверждало догадку, что работы ведутся на месте захоронения жертв Черной смерти.

Рэйчел тоже ждал сюрприз, правда, приятный. Экспертом, приглашенным обсудить находку, оказалась Лора Харви, преподавательница Рэйчел в Оксфорде. Лора выглядела невероятно элегантной и собранной: в белой блузке с открытым воротом, модном сером жакете в полоску и со стрижкой, которая ей очень шла.

— Итак, профессор Харви, — обратился к ней ведущий, — по вашему мнению, эта находка может иметь не только историческое значение, но и некую ценность в монетарном выражении?

— Да, — ответила Лора. — Конечно, я не имею в виду рыночную стоимость останков, это не предмет для купли-продажи. Я лишь считаю, что находки, подобные этой, усиливают ощущение тайны, связанное с некоторыми местами в Лондоне, а таинственность, кроме всего прочего, притягивает людей.

— Туристов то есть?

— Да.

— И вы представляете то направление в науке, что работает над определением ценности подобных феноменов?

— Верно. В нашем Институте валютирования качества мы стремимся найти количественное выражение тому, что традиционно полагается не поддающимся счету. Чувствам, иными словами. Священному трепету, ошеломлению, даже страху — на самом деле страху в особенности. Посмотрите, насколько популярна «Лондонская темница», как, впрочем, и многие другие «пещеры ужасов».

— Ваша книга на эту тему называлась «Монетизация чуда», так? Но в ней вы в основном говорили о кино.

— В Лондоне снимали и продолжают снимать кино, и рассказы кинематографистов о том, что с ними происходило на этих городских съемочных площадках, вызывают у людей интерес. То, что сегодня

обнаружили на Ливерпуль-стрит, сильно напоминает целый ряд знаменитых фильмов, где фигурирует Лондон. Например, «Куотермасс и колодец» 1950-х, в котором бригада строителей, прокладывая новую ветку подземки, выкапывает человеческий скелет. Или «Линию смерти», снятую немного позже, там на заброшенной станции метро поселяется колония каннибалов. И неважно, видели ли люди эти фильмы, их содержание в любом случае — часть нашего коллективного подсознания. Такое кино сообщает нам нечто важное о Лондоне, а именно: мы никогда точно не знаем, что лежит у нас под ногами. И нас не отпускает ощущение, что если копнуть поглубже лондонскую почву, то велика вероятность столкнуться с чем-то зловещим либо омерзительным. Людей это соображение пугает, но одновременно и возбуждает.

— И в заключение, доктор Харви, не могли бы вы оценить — в звонкой монете — сегодняшнюю находку на Ливерпуль-стрит?

— Да, конечно. Мы разработали алгоритм для предварительной, а потому и приблизительной оценки такого рода событий и явлений с учетом исторических, культурных и литературных факторов. По нашим подсчетам, обнаружение этих человеческих останков способно добавить стоимости Лондона около 1,2 миллионов фунтов.

— Потрясающе. Профессор Лора Харви, большое вам спасибо. А теперь о том, как нам справиться с проблемой возвращения в Британию профессиональных джихадистов. Давайте обратимся к Дании, где в экспериментальном порядке вводят весьма неординарные меры для решения этого вопроса...

6

— Как хорошо, что мы снова встретились, Рэйчел, — сказала Лора. — Спасибо огромное, что нашли меня.

— Давно пора было это сделать, — ответила Рэйчел. — Но я не знала, где вы теперь работаете. И вдруг увидела вас по телевизору...

— Ну, этим я не очень горжусь.

— Почему? Вы держались просто отлично от начала и до конца. Так уверенно и так четко излагали свои мысли.

— Да, но... я, кажется, становлюсь публичной фигурой. У меня к этому двойственное отношение.

Лора помешала капучино и отхлебнула чуть-чуть, словно боялась обжечься. Они сидели в «Зале Хаусмана», комнате отдыха для преподавательского состава Лондонского университета, тихим утром четверга, когда лекторов и аспирантов в «Хаусмане» собирается немного. На стенах висели яркие абстрактные полотна, а над головой в стеклянном куполе сверкало осеннее солнце. Утопая в кожаном кресле, Лора явно чувствовала себя здесь как дома. В университете она работала уже два года, а ее должность — профессор современных направлений мышления — свидетельствовала о том, что со времен Оксфорда ей удалось расширить свои академические горизонты.

— Коротко говоря, — продолжила Лора, — я заключила сделку с дьяволом. Дьявола в данном случае зовут лорд Лукрэм. Он был ректором колледжа, помните?

— Конечно. И что, он больше не ректор?

— Уволился около полугода назад, чтобы проводить побольше времени в этих его комиссиях. В одной из них, к моему изумлению, он предложил мне членство. Он, видите ли, прочел мою книгу — либо заставил помощников прочесть и пересказать ему содержание. Как бы то ни было, я все равно удивилась, поскольку не предполагала, что книга очерков о канувших в Лету британских фильмах заинтересует кого-либо, кроме редких приверженцев старого кино, каким был мой покойный муж. Подозреваю, Лукрэм купился на название.

— Институт, о котором вы говорили в интервью, имеет к этому какое-то отношение?

— Прямое. Институт валютирования качества. Звучит невинно, да? Ну какой может быть вред от валютирования?

— А на самом деле?

— Все началось в восьмидесятые, когда Генри Уиншоу председательствовал в наблюдательном совете при государственной медслужбе. Понятно, у них руки чесались приватизировать эту сферу, хотя вслух об этом никто не говорил. Однако Уиншоу норовил продвинуть свою великую идею о том, что качество человеческой жизни можно оценить количественно. Точнее говоря, назначить ей цену. И тогда в одних случаях медицинское вмешательство будет более рентабельным, а в других менее. Лорд Лукрэм — или Дэвид Лукрэм, как он сейчас себя называет, — тоже входил в совет, но занимал довольно незначительную должность консультанта по менеджменту. Генри Уиншоу он боготворил — поклонялся ему как идолу, — и сейчас в Лукрэме видят некоего духовного наследника Уиншоу. Он по-прежнему дает рекомендации правительству касательно реформ в здравоохранении. И, продолжая дело Уиншоу, он создал этот новый институт с целью дальнейших поисков монетарной стоимости всего на свете. Им нужно, чтобы люди вроде меня — искусствоведы и гуманитарии — влились в команду и поработали на них.

— Нелегко представить, — Рэйчел тщательно подбирала слова, — что вам комфортно в такой компании.

— Понимаю, о чем вы, но я смотрю на это с иной точки зрения. Мы имеем дело с людьми, которым *в принципе не очевидна* важность того или другого явления, пока на него не навесят ценник. Поэтому, прежде чем они спишут со счетов... например, человеческие эмоции как нечто ничего не стоящее, на мой взгляд, лучше вмешаться и попытаться найти эмоциям «материальное» оправдание. Сыграть, так сказать, роль адвоката на судебном заседании. Вот мы и придумали термин — «гедонистическая ценность». У этого термина широкий спектр применения. Допустим, вы любуетесь живописным побережьем, — и мы хотим доказать, что чувство, которое вы при этом испытываете, стоит несколько тысяч фунтов. Опять же, вдовья скорбь может обойтись экономике в ежегодные десять тысяч фунтов. Таким образом, они по крайней мере *осознают важность* чувств. Или хотя бы будут отдавать себе отчет в их существовании.

Поразмыслив, Рэйчел сказала:

— Знаете, что мне сейчас пришло в голову? Я начинаю понимать, что среди окружающих людей есть те, кто с виду кажется нормальным, но когда обнаруживаешь, что ими реально движет, то понимаешь, что они отличаются от остальных. И это радикальное отличие. Они как андроиды или зомби...

— О да, они бродят среди нас, эти пришельцы... — Заметив молодого человека, направлявшегося за кофе, Лора воскликнула: — Джейми!

Присаживайтесь к нам.

— Э-э...мм, конечно. Если никто не против. Я не хотел бы помешать.

— Все в порядке. Мы тебя ждем.

Пока Джейми наливали кофе, она пояснила:

— Один из моих аспирантов. Очень смысленный парень. И золотое сердце в придачу. Вам двоим просто необходимо познакомиться.

Рэйчел начала рассказывать о своей новой работе: о срочном вызове из агентства, ошеломительном перемещении из Лидса в южноафриканский сафари-парк, об избыточном изобилии ее нового дома, сизифовом труде по избавлению Лукаса от чувства превосходства, о сложностях в общении с Грейс и Софией, близняшками Ганн, выточенными изо льда. Джейми подсел к ним в середине ее рассказа; как и Лору, его заинтриговало описание домашней среды обитания супербогачей, обычно непроницаемой для посторонних глаз.

— И как они с вами обращаются? — поинтересовался он. — Как с ровней или как с обслуживающим персоналом?

Рэйчел замялась. Джейми не только задал трудный вопрос, он еще и был хорошо собой, и это обстоятельство сбивало с мысли.

— И так, и этак, наверное. — Усилием воли она сосредоточилась на беседе. — Разумеется, с людьми вроде меня они обычно не общаются, но... некоторое уважение они мне выказывают, пусть и в странной форме.

— Вероятно, для них вы — олицетворение того, что они высоко ценят. Вы закончили Оксфорд. А та женщина выросла в Казахстане и прежде была моделью. Теперь же ей приходится расчищать себе место в верхних слоях британского общества. Пусть она имеет практически все, что можно купить за деньги, но *вы* как личность обладаете многими иными вещами, неосязаемыми и для нее вожделенными, — традициями, культурой, привилегированностью, историей. Как бы вы сами себя ни ощущали, *она*, очень возможно, воспринимает вас именно так. И здесь очень кстати лорд Лукрэм с его комиссией: эта женщина видит в вас нечто, существующее вне рынка, и единственный известный ей способ реагирования — прикинуть, сколько это может стоить. Британское образование — точнее, определенная его разновидность — одно из немногих национальных достояний, что мы сумели сберечь, и, как многое прочее, мы готовы сбить его по сходной цене богатому покупателю. Я на такое насмотрелась за годы работы в университетах.

— Я чувствую, — сказала Рэйчел, — что есть два мира, мой и их, и эти миры сосуществуют и находятся очень близко, почти рядом, но перейти из одного в другой нельзя. — Она улыбнулась: — Разве что через волшебную

дверь.

— Что за волшебная дверь? — спросил Джейми.

— Ну, это я ее так называю. Проникнуть из моей части дома в их комнаты я могу только через нее. Она похожа на огромное зеркало. И ты через него проходишь.

— Как Орфей в фильме Кокто, — обронила Лора.

Ни Рэйчел, ни Джейми не поняли ремарки, и Лоре пришлось объяснять: в мифе об Орфее, переосмысленном Кокто, поэт попадает в загробный мир через зеркало, растаявшее до жидкого состояния, когда Орфей вошел в него. Поразительно и одновременно типично, что никто из них не видел фильм, снятый в 1950-м и до недавнего времени считавшийся гениальным.

— Знаю, что сказал бы Роджер, — добавила Лора. — Вы не рветесь смотреть великие старые фильмы, потому что у вас слишком большой *выбор*. В прежние времена смотрели бы как миленькие, потому что ничего другого по телевизору не показывали, а заняться больше было нечем.

— Как Гарри? — вспомнила Рэйчел о семье Лоры, когда та упомянула имя мужа.

— Нормально. Хорошо учится в своей новой школе. — Этим Лора и ограничилась. Как и раньше, она не желала говорить и даже подолгу размышлять о сыне, а потому поспешила сменить тему: — А если хотите послушать о столкновении разных миров, спросите-ка Джейми, где он был в прошлые выходные.

— Вы серьезно? — он бросил на Лору умоляющий взгляд. — Думаете, Рэйчел стоит об этом знать? Мы только что познакомились.

— Нет, вы должны рассказать. Ничего более очаровательного я в жизни не слышала.

— Позорная история.

— Вам нечего стыдиться. Вы отлично справились с ситуацией. И если повезет, Рэйчел сочинит об этом рассказ. Когда я преподавала ей в Оксфорде, она написала несколько рассказов. Очень хороших, между прочим.

Рэйчел покраснела от похвалы. И ее одолевало любопытство, и Джейми понял, что от повествования о своих подвигах ему не уйти.

— Ладно. На прошлой неделе, — с видимой неохотой начал он, — у одного моего друга была свадьба, и накануне вечером мы все отправились на мальчишник. В стрип-клуб. Это не я предложил. Раньше я никогда не бывал в таких местах — не приходилось, не хотелось, — так что я был не очень подготовлен к тому, что там происходит. Не успел я толком оглядеться, как несказанная красавица с умопомрачительной фигурой, в

обычной жизни на меня такая и не взглянула бы, садится мне на колени, вращает бедрами, относительно голыми, и смотрит прямо в глаза. И я подумал, что... от меня чего-то ждут. Какого-то отклика. Наверное, надо что-то сказать.

— И что же вы сказали? — поинтересовалась Рэйчел. — «Вы реально классная»? «Спасибо огромное — вот пятьдесят фунтов»?

— Нет, — ответил Джейми. — Хотя, наверное, именно так и надо было отреагировать. Но я задал ей вопрос.

Он умолк, пауза затянулась.

— А дальше? — поторопила его Рэйчел.

— Я спросил, состоит ли она и другие девушки... в профсоюзе.

Рэйчел уставилась на него, ей даже показалось, что она ослышалась.

— Понимаете, мне правда было интересно. Я хотел узнать об их правах как наемных работниц и охвачены ли они профсоюзным движением. И я подумал, что это неплохое начало для дружеской беседы.

Он покаянно опустил глаза на пустую кофейную чашку. Лора дожидалась реакции Рэйчел, и долго ей терпеть не пришлось: вскоре обе женщины хохотали — безудержно, не в силах остановиться. А следом засмеялся и Джейми. Готовность, с какой он разделил их веселье, а также умение посмеяться над собой покорили Рэйчел. И она твердо решила, что не уйдет из «Хаусмана» без номера его мобильного.

7

На Юстонском вокзале им предстояло разъехаться в разные стороны. Лукас повернулся к ней, и у Рэйчел мелькнула мысль, что он собирается поцеловать ее в щеку, — в конце концов, они целый день провели вместе, — но он предпочел нейтральное рукопожатие. Решил не покушаться на хрупкий баланс в связке «учитель — ученик», удовлетворенно отметила Рэйчел.

— Что ж, спасибо, — сказал Лукас. — День был очень... познавательным.

— Познавательным?

— Да... не могу подобрать другого слова.

Рэйчел с Лукасом побывали в Бирмингеме в качестве волонтеров в продуктовом банке Кингс-Нортон. Когда выяснилось, что большую часть осенних каникул Лукас проведет у Ганнов и кроме домашних заданий других дел у него нет, Рэйчел пришла в голову идея свозить его в продуктовый банк. Возможно, эта «экскурсия» откроет ему глаза, когда он

вплотную столкнется с семьями, которым не хватает денег на пропитание. Бирмингем Рэйчел выбрала без каких-либо задних мыслей, просто ей был нужен город, резко контрастировавший с социальным и этническим миксом старинного Виндзора, где высятся башенки Итона. С банком она связалась по электронной почте и легко получила приглашение.

— То есть, — спотыкаясь, продолжил Лукас, — люди читают о таких местах... знают о их существовании... но мало у кого хватает духу реально взять и поехать туда.

— Ну, продуктовые банки не под копирку устроены, отличия между ними имеются, — сказала Рэйчел, — но, думаю, общее представление ты получил.

— Э-э... я, собственно, имел в виду Бирмингем. Но, да-а, и продуктовые банки тоже. Прикольно узнать, что это вообще такое.

— Хорошо. Тебе нельзя опаздывать на встречу с друзьями.

— Да, конечно.

— Где вы встречаетесь?

— Недалеко отсюда. Под крышей «Сентрпойнта»^[20]. Пожалуй, я возьму такси.

— Думаю, твоим друзьям не пришлось целый день набивать пакеты кукурузными хлопьями, апельсиновым соком и какао. Не забудь показать им фотографии. Это наверняка произведет впечатление.

— Да уж, они повеселятся. Непременно покажу.

— Тогда до скорого.

Она смотрела ему вслед, пока его высокую крепкую фигуру не поглотила вокзальная толпа.

На Тернгрит-роуд Рэйчел поехала на метро, но вышла на несколько остановок раньше, в Найтсбридже: ей хотелось прогуляться по здешним тихим и почти безлюдным улицам и обдумать события минувшего дня. Разобраться с тем, что в них было странного и необычного. Когда они доехали на поезде до Бирмингема, Лукас словно запер рот на замок. Возможно, он прислушался к инстинкту самосохранения, поскольку в электричке до Кингс-Нортон, а тем более в продуктовом банке его выговор мгновенно привлек бы нежелательное внимание. Но Рэйчел опасалась, что дело не только в этом. Она представила, как его друзья «веселятся», пуская по кругу снимки из Бирмингема, и поняла, что в определенной степени для Лукаса их вылазка была не познавательной, нет, но развлекательной. Все, начиная с волонтерского фартука бутылочного цвета до банок с фруктами и овощами на полках в кладовой, он счел, заподозрила Рэйчел, сперва экзотичным, затем причудливым и

трогательным и, наконец, комичным. Выслушивая инструкции Дон, доброжелательной управляющей банком, он с таким трудом понимал ее местный «акцент угольщиков», что Рэйчел приходилось ему переводить. В дальнейшем, надо отдать ему должное, Лукас держался скромно и работал не отлынивая, упаковывал продукты в кладовой и ни разу даже не намекнул на свою другую, тайную жизнь и учебу в самой знаменитой частной школе страны. Теперь же, отработав весь день в обстановке, напрочь лишенной глянца, отработав усердно, не смущаясь и никого не смутив, он получил полное право отодвинуть этот эпизод в прошлое, чтобы больше никогда к нему не возвращаться. На обратном пути в Лондон он не разговаривал с Рэйчел, сосредоточившись на своем шестом айфоне, то ли чатился, то ли развлекал сам себя. Рэйчел не ждала, что его взгляд на мир радикально изменится за несколько часов, она лишь надеялась на удивленный отклик, на какой-либо признак пережитого потрясения, когда он обнаружил, что совсем рядом с его благополучным миром существуют места вроде продуктового банка. Но если подобное соображение и пришло ему в голову, делиться им он не стал.

Что касается самой Рэйчел, с ней тоже случилось странное происшествие, когда она стояла за прилавком, выдавая пакеты понурым молчаливым женщинам (в банк приходили в основном женщины) в обмен на талоны.

— Два, четыре, один! — выкрикнула она и, вручая бумажный пакет, вдруг узнала обладательницу талона. Это была Вэл Даблдэй, мать Элисон.

— Привет, Вэл! — обрадовалась она. — Вы же Вэл, да? (Женщина косилась на нее как на незнакомку.) Это я, Рэйчел. Подруга Элисон из Лидса.

Вид у Вэл был сконфуженный, и даже более чем. Неожиданная встреча с человеком из другого города и из ее далекого прошлого в таком месте и в такой роли, казалось, напугала ее. Ни счастливых улыбок, ни теплых объятий — сцена вышла удручающе неловкой. Рэйчел спросила об Элисон и услышала в ответ неубедительное бормотанье, мол, «она вся в делах, замотана»; тогда Рэйчел написала на листочке свой электронный адрес и всучила его Вэл, пояснив, что в Бирмингем она приехала только на один день.

— Говорят, вы снимались в телепередаче, — не оставляла она попыток разговорить Вэл. — Жаль, но я все пропустила. В тот год я только поступила в универ, а на первом курсе, сами знаете, времени на телик не хватает... Вы сейчас где-нибудь выступаете?

Вопрос Вэл пропустила мимо ушей, сказала лишь скороговоркой:

— Я беру это не для себя. Для моей соседки — она старенькая и не выходит из дома...

— Понятно, — ответила Рэйчел.

— Передай привет маме, ладно? — попросила Вэл, не глядя на Рэйчел, и заторопилась к выходу. Впрочем, она с самого начала старательно отводила глаза.

Рэйчел провожала ее взглядом, пытаясь понять, что же сейчас произошло. Мысль о Вэл не оставляла ее, пока из кладовой не появилась Дон с последним пакетом и маленьким достижением: ей таки удалось пробить временную брешь в стене молчания, что возвел вокруг себя Лукас.

— Твой приятель — просто *прелесть*, — объявила она. — С таким не соскучишься. Знаешь, что он сказал вот об этом? — Она вынула из пакета банку кофе без кофеина и с убийственной точностью воспроизвела саркастичную манеру Лукаса цедить слова: — *«Смахивает на напиток для Микки-Мауса, на мой взгляд».*

Если Лукас не желал меняться, несмотря на усилия Рэйчел, с близняшками Грейс и Софией трудностей возникало не меньше. Для Рэйчел они оставались загадкой. Очень умные, это несомненно. И очень целеустремленные. Иностранные языки они схватывали на лету, с таким проворством, что Рэйчел за ними едва поспевала. В их начальной школе классы были маленькими, и каждую неделю учеников тестировали по ряду предметов. Близняшки пристально следили за результатами и на занятиях с Рэйчел первым делом сообщали, какое место заняли в общем зачете — первое, второе или третье (ниже они редко опускались). Они играли в навороченные игры в интернете и смотрели американские комедийные сериалы на своих планшетах, причем не столько смеялись, сколько напряженно следили за развитием действия. Каждый вечер в конце занятий Рэйчел читала им, но найти книгу, которая захватила бы девочек, оказалось трудной задачей, и часто их комментарии ставили Рэйчел в тупик. Однажды она решила прочесть им одну из своих любимых историй, «Дверь в стене» Герберта Уэллса. Их не может не тронуть, думала Рэйчел, рассказ о мальчике пяти лет, обнаружившем на заурядной лондонской улице дверь в стене, а за нею волшебный сад, — дверь, что он больше никогда не смог найти, сад, куда он больше так и не попал, хотя долгие годы искал, стремясь туда всей душой. Обычно Рэйчел прерывала чтение вопросами, ей важно было убедиться, понимают ли они то, что слышат, и когда мальчика изгнали из сада обратно в «серый мир Лондона», а потом, много лет спустя, осознав случившееся с ним во всей полноте, он «дал волю безмерной печали», Рэйчел спросила близняшек:

— Как вы думаете, почему он плачет?

Ответ Софии она запомнила навсегда.

— Потому что слабак, — невозмутимо сказала девочка.

Были ли сэр Гилберт и Мадяна довольны тем, как Рэйчел обучала их детей? Невозможно понять. Прежде всего, никогда точно не знаешь, дома они или нет, если, конечно, к своему лондонскому жилью они относились как к «дому» в общепринятом смысле. В ее части особняка камеры наблюдения были повсюду. Не в ее спальне, слава богу, и не в ванной, насколько Рэйчел могла судить, но на кухне, на лестничных пролетах и площадках непременно. Изображение с камер бесперебойно поступало на смартфоны и планшеты сэра Гилберта и Мадяны, в какой бы части света они ни находились, и они всегда знали, на месте Рэйчел или вышла. Но

информированность не была двусторонней. Работодатели сообщали ей о своих передвижениях только то, что считали нужным сообщить, и в итоге Рэйчел часто не знала, где они на самом деле. Их домашнее присутствие не сопровождалось сколько-нибудь громкими звуками, а свет в окнах ничего не значил, поскольку из соображений безопасности свет включался автоматически то в одной комнате, то в другой, неважно, дома хозяева или нет.

Поэтому однажды вечером в конце ноября для нее стало неожиданностью увидеть сэра Гилберта, когда она, выйдя через заднюю дверь (как обычно), шагала по тропке между строительными материалами, направляясь на свидание с Джейми. Сэр Гилберт стоял на крыльце между греческими колоннами, провожая гостя. Когда он вернулся в дом, гость спустился со ступеней и поравнялся с Рэйчел — это был Фредерик Фрэнсис.

— Ну, *здра-авствуйте*, — опять нараспев произнес он в той же раздражающе игривой манере. Они не виделись со дня их знакомства в национальном парке Крюгера.

— Здравствуйте, Фредерик. — От дружеского «Фредди» Рэйчел воздержалась.

— Безобразие, а? — сказал он, оглядывая лестницы, буры, кирпичи, арматуру и цементомешалки, брошенные в беспорядке строителями.

— К этому начинаешь привыкать. — Рэйчел толкнула дверь в заграждении и вышла на улицу.

— Вот-вот, — подхватил Фредди, догоняя ее, — вы здесь, похоже, надолго закрепились.

— Что ж, было приятно снова увидеться, — сказала Рэйчел, намереваясь распрощаться.

— Пойдите, — окликнул ее Фредди. — Вы куда собрались?

— На свидание.

— Значит, в Вест-Энд?

— В Сохо.

— Жюль должен отвезти меня в одно место. Мы можем вас подбросить.

— Спасибо, не надо.

— Да ладно вам. Прокатитесь бесплатно. Не будьте такой пуританкой.

По правде сказать, Рэйчел приходилось экономить, и даже плата за проезд в метро била по карману. Она приняла приглашение и невольно вздохнула от удовольствия, усаживаясь на заднее сиденье «мерседеса». Кожаное сиденье было с подогревом, что само по себе не могло не

радовать в холодный зимний вечер.

— Только не предлагайте устраиваться поудобнее, — сказала она. — С моей стороны было бы опрометчиво привыкнуть к такой роскоши.

— Напротив, — возразил Фредди, — по-моему, эта привычка пошла бы вам на пользу. Всем следует хотя бы раз прокатиться в машине такого класса. И тогда у них появится цель в жизни.

— А, ну да.

Под мягкое урчание автомобиля Рэйчел смотрела в окно на улицу Болтонс, затем на Бромптон-роуд. Она удивилась тому, как ясно все видит, ведь снаружи окна казались затемненными.

— И кто этот счастливчик, с которым вы встречаетесь? — спросил Фредди.

— Вы часто бываете у сэра Гилберта? — Рэйчел по-прежнему не отрывала глаз от мелькающих мимо зданий. — Почему-то я вас там никогда не видела.

— Я очень скромный гость. Меня не всегда удастся заметить. — Поскольку ответа не последовало, Фредди добавил: — Выходит... моя персона вызывает у вас любопытство. Я польщен.

— И напрасно. Моя работа предоставляет мне много свободного времени. Надо же мне о чем-то размышлять.

Обескураженный этим замечанием, Фредди умолк.

— Хотя я вас погуглила. — Рэйчел старалась говорить ровным безучастным тоном.

— Неужели? И что вы нашли?

— Много всякого о британском кинорежиссере. Но о вас очень мало, признаться.

— Так и должно быть.

— Нашла название фирмы, где вы работаете. Но почти ничего о том, чем вы реально занимаетесь.

— Ну я же не государственный деятель.

— Впрочем, я кое-что подметила. Одно время вы работали в частном банке «Стюардс». Как и сэр Гилберт, если верить Википедии.

— Так-так, в нашем окружении завелся настоящий кибердетектив. Да, именно там мы и познакомились. В операционном зале «Стюардса». В конце восьмидесятых. — Фредди вздохнул: — Прекрасное было время. — Машина остановилась у светофора в ожидании, когда будет позволено повернуть налево, на Кромвель-роуд. Жюль слушал музыкальную «Магию FM», убавив звук, чтобы никому не мешать. — «Стюардсом» в те годы управлял человек по имени Томас Уиншоу. Легендарная личность. С

трейдерами он обращался так, словно мы были его обожаемыми сыночками. Родных сыновей у него не было. Конечно, Гил был самым выдающимся из нас. Я был хорош, но мне не доставало его чутья, его железных нервов. Валютные операции были его коньком. Его сделки становились все смелее и смелее — настолько, что если бы мы на минутку умилились прыть и призадумались (чего мы никогда не делали), то смекнули бы, что иногда он подвергал фонды банка серьезному риску. Но Томас доверял ему и не вмешивался. А потом, в девяносто втором, Гил сделал крупную ставку — реально, реально крупную — на то, что обменный курс фунта по отношению к европейским валютам обвалится. Так оно и случилось. Этот день назвали «черной средой», потому что для очень многих это был плохой день и даже страшный. Но не для Гилберта. Господи, как мы праздновали в тот вечер! Наверное, только на шампанское истратили тридцать кусков. Мы пили за Томаса, которого больше не было с нами. Он... скончался годом ранее при ужасных обстоятельствах. Но нас это не остановило. Наоборот, его смерть сделала нас еще более рьяными, более целенаправленными.

Однако годы шли, — продолжил Фредди, пока их автомобиль прокладывал путь по Найтсбриджу, плавно, без видимых усилий обгоняя менее мощные средства передвижения, — мы оба приустили от валютных рынков. В том мире перегораешь довольно быстро. Гилберт основал холдинг «Ганнери» и принялся скупать и распродавать компании. Потом занялся строительным бизнесом. Расширился, диверсифицировал вложения. К тому времени он располагал *большим* состоянием, с таким многое можно себе позволить. Я же все еще торчал в «Стюардсе», стагнировал помаленьку и очень хотел оттуда вырваться. И как-то вечером мы встретились в одном закрытом клубе. Надрались, поговорили о том о сем. И я понял, что хотя дела у него шли отлично, но чувствовал он себя не очень.

— Может, в нем начала пробуждаться совесть? — спросила Рэйчел.

— Не угадали, — ухмыльнулся Фредди. — Даю вторую попытку.

— Сдаюсь, — ответила Рэйчел. — Что вообще могло испортить ему самочувствие? Ума не приложу.

Если в этой фразе и просквозила ирония, Фредди ее не заметил.

— Все было очень просто. Ему не нравилось, что он платит слишком большие налоги.

Рэйчел фыркнула.

— О, тут нечему удивляться. Пусть у нас и великодушное правительство, пусть оно и понижает верхний предел налогообложения, но

когда приносишь домой десять миллионов каждый год, то налоговикам выписываешь чек на четыре миллиона фунтов. И неважно, насколько ты богат. Четыре миллиона в любом случае большие деньги. Обидно, знаете ли.

— Мне жаль его до слез, — буркнула Рэйчел.

— Он был не один такой. Многие в схожей ситуации — правда, на тот момент мало кто мог сравниться с Гилбертом в плане накоплений — испытывали те же ощущения. И я подумал: вот оно, за этим будущее. *Мое* будущее, по крайней мере.

— Уклонение от налогов? Мило.

— Оптимизация налогов, так я предпочитаю это называть.

— Не сомневаюсь. Послушайте, а где этому учатся? На каких-то специальных курсах?

— Ну, я двинул по самому простому и незамысловатому маршруту. Устроился на работу в налоговую инспекцию.

— Вы стали налоговиком?

— Временно. И это был лучший способ изучить все тонкости системы. Вы не поверите, сколько сейчас налоговых инспекторов увольняется со службы и дует напрямик в Сити, где и оседает в качестве независимых консультантов. Но я был одним из первых. Я проторил им путь.

— Ваша мама должна вами гордиться, — прокомментировала Рэйчел.

Ее сарказм наконец достал Фредди.

— Этот малый, с которым вы сегодня встречаетесь, — спросил он, — чем он занимается?

— Он аспирант, — ответила Рэйчел. — Пишет диссертацию по «Человеку-невидимке». — Ноль реакции со стороны Фредди вынудил ее добавить: — Герберт Уэллс.

— Целую диссертацию, — недоверчиво переспросил Фредди, — по одной-единственной книжке?

— Он трактует состояние невидимости как метафору, — Рэйчел сама не понимала, зачем пустилась в объяснения, — с намерением поговорить о государственной политике. Как люди становятся невидимыми, когда система теряет их из виду.

— Похоже, он реально набрел на новую рыночную нишу, и странно, что туда еще ни один бизнес не сунулся.

— Не все думают о рынке, когда решают, как им жить. — Рэйчел наклонилась к шоферу: — Пожалуйста, Жюль, высадите меня здесь.

Автомобиль сбавил скорость и бесшумно встал как вкопанный.

— Что ж, дайте знать, когда он заработает свой первый миллион, —

сказал Фредди. — Я помогу ему минимизировать налоговые выплаты.

— Да, спасибо, мы славно побеседовали.

Поблагодарив Жюля, Рэйчел ступила на Шафтсберри-авеню, запруженную туристами, и с облегчением огляделась: она находилась опять среди людей, чье поведение и помыслы были доступны ее разумению.

9

— Вы вчера хорошо провели время со своим бойфрендом? — спросила Ливия.

— Очень хорошо, спасибо, — улыбнулась Рэйчел, но в подробности вдаваться не стала: она пока не достаточно близко знала Ливию.

Это была их третья совместная прогулка и наиболее продолжительная. Ливия вывела трех собак — Мортимера и пару эрдельтерьеров, которых она забрала из квартиры в многоэтажке на Глостер-роуд. В Гайд-парке они спустили собак с поводка и, дав им набегаться почти до изнеможения, медленно побрели к галерее «Серпентайн». А затем по проезду Вест-Кэрридж направились к кафе. Декабрьское утро было ярким и солнечным, но жутко холодным. Казалось, в парке нет иных посетителей, кроме женщин, выгуливающих собак. Они уже повстречались с Джейн, королевой в этой профессии, что порой приводила десяток псов за раз. Этим утром ее собаки вели себя беспокойно и непослушно, и Рэйчел с Ливией не удалось с нею поболтать. Мортимер и эрдели притомились, им явно хотелось пить.

К Ливии Рэйчел испытывала симпатию. По образованию румынка была музыкантом, играла в струнном квартете, изредка выступавшем на лондонских площадках, но, разумеется, денег музыка не приносила, а выгул собак обеспечивал ее доходом, хотя и не великим. Играла она на виолончели, и на слух Рэйчел голос ее тоже напоминал звук виолончели протяжностью и богатством меланхолических обертонов. Говорила она медленно, тщательно подбирая слова, но из-за сильного румынского акцента ее иногда было трудно понять.

— Помните, я вам рассказывала об одной женщине? — Они расположились в кафе, в тепле и уюте; обе взяли дорогущий латте. — У нее такой же рак, как у вашего дедушки.

— Помню, — ответила Рэйчел. — Вы говорили, что она лежала в больнице и сейчас выглядит вполне бодро.

— Да, точно. Так вот, на прошлой неделе она опять попросила меня

выгулять ее собаку. У нее чудесная афганская борзая по кличке Уильям. Живет она в доме между Кингс-роуд и рекой. В этом районе Челси очень красиво. Дом у нее маленький, но, думаю, он все равно стоит немало миллионов фунтов. Зовут мою клиентку Гермией, она из аристократов. То ли герцогиня, то ли баронесса — я толком не понимаю, в чем смысл всех этих здешних титулов. Ладно, как вы уже знаете, два года назад ей сказали, что у нее рак печени и жить ей осталось менее полугода. То же самое, что говорят вашему дедушке. Ни лучевой, ни химиотерапией ее лечить не захотели. Но, когда она лежала в больнице, ее отвели к одному врачу, и он посоветовал новое лекарство, что может ей помочь. Не вылечить, нет, но с ним легче переносить болезнь. И на прошлой неделе я спросила у нее, как называется это лекарство, и она сказала, что ей прописали цетуксимаб. По ее словам, он ей очень помог. Убрал многие симптомы, и побочных действий почти не было. Конечно, рак у нее остался, с этим ничего не поделаешь, но диагноз ей поставили уже два года как, и с тех пор она живет нормально и даже хорошо. Недавно вернулась из Парижа, где навещала друзей, а Рождество собирается провести в Риме у своей дочери.

— Потрясающе, — сказала Рэйчел.

— Вы скоро увидите с дедушкой?

— Да, на Рождество. Правда, я не уверена, выпишут ли его к тому времени из больницы. Но я точно с ним увижусь.

— Тогда не спросить ли его врача, можно ли ему давать такое лекарство?

— Обязательно спрошу, — сказала Рэйчел. — Похоже, оно того стоит.

10

За две недели до Рождества у Грейс и Софии начались каникулы. Примерно в то же время из Итона приехал Лукас и доложил, что собеседование в Оксфорде прошло невероятно успешно. (Сразу после Нового года он узнает, что его приняли в оксфордский колледж Магдалины, и в качестве благодарности подарит Рэйчел дорогую, в льняном переплете, записную книжку, привезенную из Венеции.) Мадяна уведомила Рэйчел, что до начала января ее услуги, вероятно, не понадобятся и она может спокойно отправляться домой.

Дедушку перевезли в хоспис на окраине Беверли. В первое посещение Рэйчел на небольшой лужайке перед хосписом, краснокирпичным зданием постройки 1970-х, пятнами лежал снег. Она приехала вместе с матерью и

бабушкой. По дороге они завернули в супермаркет купить фруктового салата: ба беспокоилась, считая, что в меню хосписа маловато фруктов. Когда в середине дня они въехали на парковку, тесно уставленную машинами, декабрьское солнце уже начинало меркнуть. Тонкий рваный снег замерз в скользкую корку, и Рэйчел взяла бабушку под руку, чувствуя ее острый локоть даже через толстое твидовое пальто. Они медленно, осторожно преодолели скользкий асфальт. Пока они добирались от машины до входа в здание, сиявшего желтым светом и обещанием тепла, Рэйчел размышляла о безысходной печали происходящего, но также — вновь — о смирении перед неизбежностью. Она вспоминала о том, что нашептали ей ветки сливового дерева в начале сентября.

Что касается состояния дедушки, Рэйчел ожидала худшего и не ошиблась. Он лежал в кровати в палате на шесть человек и выглядел много более измотанным болезнью, чем его соседи. Дед сильно похудел, ключицы и грудная кость выпирали из-под ворота пижамы. Кожа страшно пожелтела. Он был подключен к капельнице и, когда они вошли в палату, улыбнулся еле-еле, с видимой натугой. Стоило им усесться вокруг его кровати, как взгляд его вновь потух. Он не говорил — хрипел, и, казалось, из последних сил. И безотчетно тянулся рукой к правой стороне живота, хотя касание причиняло ему боль.

Они просидели около него тридцать мучительных минут, пока не стало ясно, что дед хочет лишь одного — заснуть.

На улице уже стемнело, а изморось перешла в дождь. На выезде с парковки им пришлось заплатить три фунта.

— Я помню времена, когда парковки при больницах были бесплатными, — только и обронила ба. И больше никто не произнес ни слова.

* * *

Рэйчел и ее мать решили провести Рождество в Беверли. Ба отказалась ехать в Лидс, ей хотелось оставаться поближе к хоспису, чтобы навещать дедушку каждый день, пусть и удовольствие, что он мог извлечь из этих визитов, было весьма умеренным. Рождество они отметили тихо, втроем. Ник, брат Рэйчел, находился где-то за границей, вроде бы в Копенгагене у своей очередной подружки, надо полагать, датчанки. Днем в Рождество они навестили дедушку, принесли ему коробку шоколадных конфет и опять фруктов. Он сказал, что ничего не хочет. Конфеты они отдали медсестре, и та положила их под елку в холле, где уже лежали две похожие коробки. Лампочки на елке беспорядочно мигали, а из плеера,

принесенного сестрой, дежурившей за стойкой, неслись традиционные рождественские гимны и эстрадные песенки, что были популярными задолго до рождения Рэйчел. И оттого хоспис казался еще безрадостнее.

На этот раз в доме бабушки и дедушки Рэйчел чувствовала себя странно. Как же мал их дом, удивлялась она про себя. У Ганнов на Тернгрит-роуд она успела привыкнуть к высоким потолкам и просторным комнатам, и теперь, словно Гулливер, воротившийся из страны великанов, заново приспособилась к нормальным человеческим пропорциям. Световой день заканчивался возмутительно рано. К половине четвертого тьма окутывала сад, и они, к этому времени вернувшись из хосписа, задергивали шторы, наскоро перекусывали яичницей, или фасолью, или бутербродами с сардинами и садились у телевизора, переключая каналы в поисках передачи, что отвлекла бы их от тягостных мыслей. Ганны, думала Рэйчел, наверное, сейчас где-нибудь на Карибах. Она представила, как Грейс и София весело плещутся в бирюзовой лагуне, а Мадiana возлежит на шезлонге в тени кокосовой пальмы, потягивая коктейль.

Она регулярно обменивалась смс с Джейми, тот гостил у родителей в Сомерсете. Ливия уехала в Бухарест. Дни тянулись медленно, стрелки часов еле двигались. Канун Нового года они предпочли не заметить, не говоря уж о том, чтобы отпраздновать.

Встречи с онкологом, лечившим деда, пришлось дожидаться более двух недель. Наконец утром в первый понедельник января он принял Рэйчел в своем кабинете. С бесстрастным лицом, подчеркнуто деловитый специалист слегка за сорок, он не был невежлив с ней, но и не скрывал, что эта встреча для него — лишь неприятная обязанность. Он был отлично осведомлен о новом лекарстве, название которого Рэйчел услышала от Ливии, и первым делом сказал:

— Уверен, вам известно, что цетуксимаб — чрезвычайно дорогой препарат.

Вопрос о цене почему-то не приходил Рэйчел в голову.

— То есть государственное здравоохранение им не обеспечивает?

— В некоторых случаях — да, обеспечивает. Но нам приходится подавать заявку в Фонд онкологических лекарственных средств.

— Вы можете это сделать?

— Не уверен, что в случае с вашим дедушкой я смогу найти убедительные доводы.

— Хорошо, о каких деньгах идет речь?

Врач сверился с инструкцией:

— Цетуксимаб обладает ПНЗЭ в 121 367 фунтов на достигнутый

ПКУЖ.

— Пожалуйста, повторите это по-английски, — попросила ошарашенная Рэйчел после паузы.

— ПНЗЭ — это погодная норма затратноэффективности терапии, — расшифровал врач. — А ПКУЖ — поддержание качественного уровня жизни. Службы вроде здравоохранения строго следят за расходами. Грубо говоря, год человеческой жизни в разных случаях оценивается по-разному. Необходимо принимать во внимание качество жизни пациента. Какую бы терапию ни назначили вашему дедушке, боюсь, качественный уровень его жизни отныне будет низким.

— Но почему вы так решили? — спросила Рэйчел.

— Например, он будет прикован к постели.

— И что?

— И он — старый человек.

— Как и моя приятельница. Та, что принимает это лекарство. Не вижу разницы.

— Вы хорошо знакомы с этой дамой?

— Нет. — Рэйчел поняла, что лучше сказать правду: — На самом деле я вообще ее не знаю, но я знакома с женщиной, которая выгуливает ее собаку.

— Ага, значит, она не бедствует, так?

— Да, но что это меняет?

— Возможно, она сама оплачивает лечение, вот и все. — Он постарался изо всех сил улыбнуться ей обнадеживающе: — Послушайте, я подам заявку. На рассмотрение уйдет несколько недель. Как водится. Посмотрим, что это даст.

11

Вернувшись в Челси после Нового года, Рэйчел застала на Тернгритроуд большие перемены. Работы по переустройству подвала возобновились, и на площадке, как перед домом, так и за ним, было шумно и суетливо.

Пожалуй, чересчур шумно. Заработал копер, что прежде пылился в бывшем саду, и с утра до вечера Рэйчел слышала бесперебойное раскатистое бум-бум-бум. При каждом ударе пол содрогался под ее ногами. Вдобавок под окном ее комнаты теперь зияла яма, отверстая всему миру (обитателям соседних домов уж точно), — ни дать ни взять воспаленная рана на теле земли. Яма казалась Рэйчел невыносимо глубокой. Кроме

лестниц, прислоненных к стенкам, в яме имелся подъемник со стальной клетью, на котором рабочих и оборудование спускали в эту бездну и вынимали обратно. Туда же спустили землеройные мини-агрегаты, и вырытый этими не ведающими устали кротами грунт поднимали на огромном транспортере, а потом по конвейеру переправляли к контейнерам, поджидающим на улице.

Щиты перед домом уведомили Рэйчел о смене подрядчика: на место «Грирсон-Цоколь» пришла фирма «Нэйшн Ллойд — Углубление интерьеров». Вместо поляков на строительстве теперь трудились румыны. Молчаливый бригадир Димитру вежливо кивал Рэйчел, когда их пути пересекались, но не произносил ни слова. Как и у любого на этой стройке, с его лица не сходило выражение тревоги, однако никто так не волновался, как новый начальник строительства Тони Блейк. По большей части он сидел в офисе-временке и, не снимая каски, изучал чертежи, а когда выходил наружу, то нервно, заговорщицки шептался с Димитру либо звонил в дверь в надежде застать Мадриану, чтобы обсудить новое добавление в ее вечно меняющийся, вечно расширяющийся план.

Несмотря на досадные неудобства, порожденные осточертевшим всем вокруг строительством, Рэйчел невольно жалела мистера Блейка. На стройплощадке он всегда выглядел таким затравленным и ошалевшим, что Рэйчел боялась, как бы у него не случился нервный срыв. Однажды утром, возвращаясь с покупками, она увидела его перед домом: он вышагивал от крыльца до щитовых заграждений и обратно — беднягу трясло.

— Не принести ли вам чаю, мистер Блейк? — предложила она.

Он отнял ладони от ушей — так он пытался спастись от безжалостного громыханья копра:

— А? Что?

— У вас... слегка расстроенный вид. И я подумала, не выпить ли вам чаю.

— Чаю? Нет, спасибо. Я в порядке. В полном порядке.

Поверить в это было сложно. Лицо у мистера Блейка посерело, и он не мог унять дрожь в руках.

— Давайте я все же принесу вам чаю, — сказала Рэйчел. — Вкусного крепкого чаю, и положу побольше сахара.

Он не ответил, тем не менее Рэйчел отправилась на кухню для персонала, а когда вернулась с чаем, мистер Блейк снова сидел у себя в офисе. Дощатый стол был завален чертежами, пестревшими многочисленными разноцветными пометками, и заметно было, что в помещении давно не прибирались.

— Да? — Мистер Блейк оторвался от вороха бумаг и с недоумением уставился на Рэйчел.

— Я обещала вам чай.

— О, спасибо... Вы Рэйчел, да?

— Верно.

— Послушайте, если вы пришли пожаловаться на шум, с этим я ничего не могу поделать. Нельзя вырыть яму такого размера в полной тишине, понимаете?

— Я не жаловаться пришла. Я принесла чай, потому что подумала, что вам он будет кстати.

Она расчистила место на столе и осторожно поставила кружку. В офисе было два табурета, но ей не предложили сесть.

— Вы... работаете у нее, так? — не притрагиваясь к чаю, спросил мистер Блейк.

— Да.

— Она... — он сглотнул, — она *совсем* сумасшедшая, как по-вашему? Чего-чего, а подобного вопроса Рэйчел никак не ожидала.

— Леди Ганн, вы имеете в виду?

— Да.

— Но почему вы так говорите?

Мистер Блейк наконец заметил кружку, попробовал чай, затем сделал большой глоток.

— Я работал на пятидесяти с лишним реконструкциях подвальных помещений, — сказал он. — Пятьдесят с лишним, по всему Лондону. Но никто не заказывал... ничего подобного. Вы в курсе, — он устремил на Рэйчел пытливый взгляд, — как глубоко мы копаем?

— Понятия не имею. Хотя яма вроде бы не мелкая.

— Не мелкая? Не мелкая?! Она хочет сто пятьдесят футов в глубину. Большинство станций метро расположено выше.

— А это... в принципе возможно? Что, если вы наткнетесь на грунтовые воды? И дом, и все вокруг затопит?

— Нет, это осталось в далеком прошлом. За грунтовыми водами следят. Установлены мощные насосы. И они работают круглыми сутками. Так что теперь все возможно. В этом-то и проблема. — Он снова отхлебнул чая, глядя куда-то в пространство. — Те, кто работал здесь до нас, отказались продолжать. Не выдержали. И человек погиб. Слышите? *Человек погиб*.

— Да, — отозвалась Рэйчел. — Я слыхала.

— А ей плевать. Ее это совершенно не волнует.

— Сто пятьдесят футов — сколько это этажей?

— В зависимости от их высоты. И на этот счет у нее что ни день, то новые требования. На данном этапе этажей одиннадцать.

— *Одиннадцать?* Зачем ей столько?

— Планировка тоже постоянно меняется. Я получил от нее только что новые инструкции. Минут десять назад. Вот, не хотите взглянуть? Так вы скорее поймете, с кем мы имеем дело.

Рэйчел в конце концов села и придвинула табурет поближе к столу. Порывшись в бумагах, мистер Блейк вытащил из вороха то, что искал. На чертеже яма была представлена в виде высокой колонны, разделенной на одиннадцать горизонтальных секций, каждая пронумерована и поименована.

— Это первый этаж, — начал объяснять он. — Там они держат машины, как известно. Затем этаж номер два, здесь будет детская игровая комната с полноценным боулингом. Под ней кинотеатр. Далее спортзал. А потом *pièce de résistance*^[21] — бассейн. И он займет три этажа.

— Три этажа?! Почему три?

— Потому что она хочет трамплин для прыжков в воду. Высокий. И пальмы. Пальмы! — Он расхохотался почти истерически. — Нам придется затащить туда пальмы. — Мистера Блейка опять затрясло, но несколько глотков чая умерили дрожь, и он ткнул пальцем в следующий уровень: — Теперь мы на восьмом этаже в винном погребе. С температурным режимом, естественно. Девятый уровень — хранилище ценностей. С соблюдением всех правил безопасности. Туда надо будет добираться на специальном лифте, обычные лифты там останавливаться не будут. Десятый уровень — повезло же вашей братии, здесь вы будете жить. Помещения для персонала.

— Хотите сказать, из дома нас выселят?

— Точнее, переселят — под землю. Забудьте о дневном свете, вы сможете на него полюбоваться только в рабочие часы.

— Так, ладно... А этот, — она указала на последний уровень на чертеже, — номер одиннадцать. Что там будет?

— Номер одиннадцать? — засмеялся мистер Блейк. — О нем-то она и сообщила мне сегодня утром. Ее новая идея. И она только что мне об этом сказала.

— Но для чего он?

— Ни для чего. Она не может придумать, что с ним делать.

— Тогда зачем его выкапывать? — не поняла Рэйчел. — Почему она этого хочет?

— Хочет, — ответил мистер Блейк, — потому что его можно вырыть. И потому что она может себе это позволить. А еще потому, что... ну, например, ни у кого нет одиннадцатизэтажного подвала, а у нее будет. Или она слыхала, что у кого-то десять этажей, и решила их перещеголять. Кто ее знает? Она безумна. Эти люди, они больные на всю голову. — Он еще раз поглядел на чертеж и показал на уровень номер 11 подрагивающим пальцем: — Вот оно, прямое тому доказательство.

12

От: Вэл Даблдэй

Кому: Рэйчел Уэллс

Тема:

23 / 01 / 2015 21:55

Дорогая Рэйчел,

Я собиралась написать тебе, с тех пор как мы с тобой тогда случайно встретились. Но очень трудно сказать то, что нужно сказать.

Ладно, не буду ходить вокруг да около. Я бы хотела написать, что была рада увидеть тебя, если бы не знала, что ты заметила мое смущение и неловкость. А если уж совсем начистоту, я испытывала жгучее унижение. Как ты наверняка догадалась, я брала продукты не для старенькой соседки. Нет у меня никакой старенькой соседки. Я брала их для себя.

Да, я работала на телевидении несколько лет назад. Участвовала в кошмарном реалити-шоу, но деньги, что мне заплатили, скоро кончились. В основном они ушли на покрытие долгов, а остальное я ухнула на студийную запись демоверсии моей новой песни, заплатив втридорога, что было большой глупостью с моей стороны, потому что никто не захотел эту песню слушать и в моей жизни ничего не сдвинулось с места. Я вернулась в библиотеку, но рабочие часы всё урезали и урезали, пока меня наконец не отпустили. («Отпустили» — каково выраженьице, а? Я даже научилась говорить, как они.) После той телепередачи у меня диагностировали «вьетнамский синдром», за что полагаются кое-какие выплаты по болезни, плюс у меня есть пособие по безработице и налоговые льготы. Так и живу, нелегко приходится, особенно зимой, когда из экономии я почти не включаю отопление, но в продуктовом банке в тот раз я была впервые. Раньше я и вообразить не могла, что стану побирушкой, выпрашивающей дармовую еду. После встречи с тобой больше я туда не ходила.

Вообще-то я хотела рассказать не о себе, а об Элисон. Тогда я ответила тебе, что «она вся в делах, замотана», и опять соврала. Точнее было бы

выразиться «на нее завели дело, и она мотает срок». (Прости за дурацкий каламбур. Но порой я думаю, что когда припрет, то лучше смеяться, чем плакать.) Ее усадили на полгода в Иствудскую тюрьму в Глостершире за мошенничество с пособиями. Но реальный срок вдвое короче, и это означает, что очень скоро она выйдет на волю. Не стану нагромождать подробности, скажу лишь, что ее подставила одна сука-журналистка, напечатавшая ужасную злобную статью об Элисон (см. ссылку). Статейка вышла более года назад, нас тогда просто замордовали. Когда мы с тобой столкнулись в банке, Элисон только начала отбывать срок. Естественно, я рассказала ей о встрече с тобой, и она взяла с меня слово, что я не расскажу тебе о том, что случилось, но, по-моему, ей уже надоело таиться. Думаю, если ты захочешь ее навестить, она будет не против. Записаться на посещение можно по интернету, ссылку я добавлю, но пойму, если ты откажешься в силу занятости.

И кстати, Рэйчел, выглядишь ты отлично — Оксфорд явно пошел тебе на пользу, — но я так и не поняла, что ты делала в том месте. Хотя, если мы возобновим общение, надеюсь, ты меня просветишь. С удовольствием увиделась бы с твоей мамой. Часто вспоминаю нашу безумную поездку на Корфу — когда это было? Лет десять назад? Счастливое было время.

С любовью,
Вэл.

* * *

Жозефина Уиншоу-Ивз

Искусство обмана

Черная одноногая лесбиянка на пособии — не досужая выдумка, однако в реальности черная одноногая лесбиянка на пособии еще и *мошенница*.

Элисон Даблдэй — архетипичный образец клиента нынешней соцзащиты. Британский леволиберальный истеблишмент из кожи вон лезет, лишь бы помочь таким, как она.

Когда в подростковом возрасте у нее возникли проблемы с левой ногой, наше доблестное государственное здравоохранение снабдило ее новой удобнейшей ногой — не протез, а произведение искусства! — разве что в бирмингемской больнице она пролежала больше месяца, и опять за счет налогоплательщиков. С этой минуты она обрела право на пособие по инвалидности. И получает его до сих пор — в придачу к льготам по оплате

жилья, а точнее, четырехкомнатного домика-игрушечки в Экокс-Грин, модном районе Бирмингема, где она проживает со своей любовницей Селеной.

Ни та, ни другая не работают, и обе имеют право на пособие по безработице. При том что у Элисон уже есть работа — и чрезвычайно прибыльная: в качестве «самопровозглашенной» художницы в одной из комнат у себя дома она устроила студию. Там она и создает пресловутые «политические» портреты бездомных.

Элисон Даблдэй заставляет их часами сидеть в позах, вызывающих в памяти изображения европейских монархов кисти великих мастеров вроде Тициана и Ван Дейка. «В моих картинах я пытаюсь придать этим обездоленным людям величие и стать королей и королев прошлых веков», — говорит она.

Стоит ли упоминать, что пока другие талантливые художники — не нажимающие в своем творчестве на те же политические кнопки — прозябают в неизвестности, откровенно идеологическая живопись Элисон пользуется в Лондоне большим спросом у заядлых и безответственных болтунов.

На частном показе в прошлом месяце в модной галерее «Арт-Ректалл» в Хокстоне цены на ее произведения доходили до 20 000 фунтов. Тем не менее восторженная публика, что состояла сплошь из социалистов, утоляющих жажду шампанским, и завятых лондонских позеров, расхватала почти все картины.

И какой же процент от этих продаж указала наша воинствующая художница в финансовой декларации, с тем чтобы начисленный налог был обращен на РЕАЛЬНУЮ поддержку британских инвалидов и бездомных?

Угадали: большой жирный ноль!

Элисон — дочь незадачливой певицы и тусклой звезды реалити-шоу Вэл Даблдэй — была недоступна для комментариев, когда мы попытались связаться с ней сегодня, что неудивительно.

Фаустина и Жюль были родом с Маджуро, самого густонаселенного из Маршалловых островов, по сути, группы крошечных атоллов в Тихом океане севернее экватора. У Ганнов они работали почти два года.

Оба были симпатичными, дружелюбными, не лезли в чужие дела и никогда не жаловались. Если стиль жизни семьи сэра Гилберта и казался им необычным, они это не обсуждали. На работе оба выкладывались: Фаустина тщательно следила, чтобы близняшки были чисто одеты, презентабельно выглядели и вовремя накормлены; Жюль примерно в том же ключе заботился об автомобилях. К развлечениям, что предлагал им Лондон, они проявляли весьма умеренный интерес, никогда не забывая о главной цели: отложить как можно больше денег из своих заработков. По вечерам смотрели телевизор на кухне и по намекам, роняемым в передачах, старались уразуметь, в чем же состоит богатство британской культуры. Вместе с Рэйчел, вместе со всей страной — да и со всем миром, как порой представлялось, — они пристрастились к сериалу «Аббатство Даунтон», высокобюджетному мелодраматическому проекту ITV о превратностях судьбы аристократического семейства Кроули в эпоху между двумя мировыми войнами. Фаустина с Жюлем не пропускали ни одной серии, раз в неделю сдаваясь на милость высококачественному зрелищу, а заодно и не облеченному в слова, но сквозящему в каждом кадре духоподъемному пафосу этого фильма. Пафосу, что покоился, если вдуматься, на безусловной оправданности существования класса хозяев и класса слуг. Подразумевалось, в частности, что класс хозяев всегда поступает благопристойно и великодушно, и хотя иерархия, отделяющая один класс от другого, незыблема, однако чувство товарищества, уважения и взаимной привязанности между господами и слугами — явление не такое уж редкое, если не повсеместное. Каждый воскресный вечер Фаустина и Жюль ложились спать с греющей душу мыслью о естественности и даже неизбежности подобного мироустройства, будь то Лондон 2015 года либо английское поместье в межвоенное лихолетье. Озадачивало ли прислугу отсутствие чувства товарищества и взаимной приязни в их отношениях с сэром Гилбертом и Маддианой, Рэйчел не могла сказать.

По ночам, когда выключали телевизоры, дом погружался в абсолютную тишину. Рэйчел довольно скоро поняла, что в этой части Лондона и тишина, и шум достигают экстремальных величин. В течение дня от грохота строительных работ ломило уши, тогда как ночью на округу

опускалось глубокое и жутковатое безмолвие. Большинство домов были приобретены в качестве инвестиций, обитаемые можно было пересчитать по пальцам, и с наступлением темноты пустыньность улиц слегка пугала. Постепенно постигая жизнь богатых людей, Рэйчел более всего поражалась их способности исчезать. Этим наблюдением она поделилась с Джейми, когда они обсуждали его диссертацию о «людях-невидимках» в новом веке бережливости.

— Нельзя писать только о бедных, — сказала она. — Богатые тоже умеют превращаться в невидимок.

Рэйчел и Джейми встречались по два-три раза в неделю, в разные дни, но в воскресенье непременно. По воскресеньям они начинали с позднего завтрака или раннего обеда, а потом шли на выставку, в музей или в кино — обычно в «Керзон» либо в БИК, кинотеатры с более разнообразным репертуаром. Рэйчел чувствовала, как ей хорошо с Джейми, но он был с головой погружен в работу, она же пока была не готова к полновесным отношениям: опыт последних месяцев наводил на мысль, что ей необходимо еще многое прояснить — и не только в том, что касается окружающего мира, но и в самой себе. Словом, ни она, ни Джейми не торопили события.

Однажды поздним воскресным утром в январе, когда Рэйчел уже выходила из дома, чтобы встретиться с Джейми в пабе в «Маленькой Венеции», зазвонил ее мобильный и на экране высветилось имя Мадяны.

— Рэйчел? — сухим властным тоном осведомилась Мадяна. — Вы нужны девочкам. Приезжайте немедленно.

— Э-э-м, конечно... — расстроилась Рэйчел. — Но в чем дело?

— Вы не сказали мне, что завтра у них экзамен по математике.

— Насколько я знаю, это лишь небольшой тест, а не экзамен.

— Но они *совсем* ничего не понимают в уравнениях. Вам придется приехать и объяснить.

— Хорошо. — Это означало поездку в «коттедж» Ганнов. — Где вы сейчас? Куда мне подъехать?

Оказалось, что Мадяна, сэр Гилберт и близняшки на эти выходные не отправились за город. Они предпочли Лозанну.

Меньше чем через три часа Рэйчел была уже с ними. Жюль отвез ее на вертолетную площадку в Баттерси, а по дороге она отписала Джейми, что, увы, не сможет встретиться с ним сегодня. Вертолет доставил ее на частный аэродром на окраине Оксфорда, где ее ждал «лирджет», на котором она и прилетела в Швейцарию.

Рэйчел впервые летела на частном самолете сэра Гилберта (впрочем,

другими частными самолетами ей тоже не приходилось пользоваться). Полет, как и следовало ожидать, был чрезвычайно приятным. Она угостилась свежеприготовленным салатом «Цезарь» с курицей, запивая его холодным «Перони». Затем удобно устроилась в широком податливом кресле с бархатистой обивкой и, коротая время, полистала «Вог» и «Татлер»; журналы были новехонькие, до нее к ним никто не прикасался. Ей вспомнились слова Фредерика Фрэнсиса, когда они вместе ехали в Сохо в «мерседесе»: «Все м следует хотя бы раз прокатиться в машине такого класса. И тогда у них появится цель в жизни». Теперь Рэйчел видела в этой фразе определенный резон. Скоро — и возможно, даже раньше, чем предполагала, — она расстанется с Ганнами и подобная роскошь ей будет недоступна. Спуск на землю обещал быть трудным.

Восемьдесят минут в полете промелькнули слишком быстро. Они приземлились опять на частном аэродроме, и присланный Ганнами шофер отвез Рэйчел в отель «Бо Риваж Палас» — Мадiana с семейством как раз обедали. Их компания занимала два столика: детский с Грейс и Софией и их ровесниками, двумя мальчиками и девочкой, и стол для взрослых, где сидели четверо — сэр Гилберт, Мадiana, незнакомый Рэйчел мужчина и, легок на помине, вездесущий Фредерик Фрэнсис. Он заговорщицки помахал ей (его жест она проигнорировала), пока официант вел ее к Ганнам. Из ресторана открывался вид на пустую гостиничную террасу и Женевское озеро. Обстановка, декор и негромкие беседы обедающих в зале создавали атмосферу клинической холодной элегантности.

— Рэйчел, как мило, что вы к нам присоединились. — Приподнявшись, Мадiana пожала ее руку. — Вы сидите с детьми. Открывайте меню и выбирайте что хотите. Учебники наготове. Надеюсь, вы сумеете разобраться в этих идиотских уравнениях.

Отставленная таким образом от главного стола, Рэйчел села рядом со своими подопечными и пробежала глазами меню. Ресторан гордился двумя мишленовскими звездами, но вместо лангустина на гриле или шаланской утки со свекольным конфи все дети попросили чизбургеры и чипсы. Недолго думая, Рэйчел заказала равиоли в сырном фондю и занялась математикой. Близняшкам задали всего лишь повторить простые уравнения первой степени, и уже через десять минут они их щелкали как орешки. Проверки ради Рэйчел написала им еще пяток уравнений, не вызвавших у девочек ни малейших трудностей, и Рэйчел решила, что от нее более ничего не требуется. Она молча ела, глядя на озеро и прислушиваясь к вялой болтовне детей. Мальчики и их сестра были швейцарцами и говорили на смеси идеального французского с идеальным

английским, но, похоже, им было особо нечего сказать Грейс и Софии; впрочем, тех больше интересовали их айфоны.

— Девочки закончили с математикой? — спросила Мадiana в конце обеда.

— Да, без проблем. Они готовы к тесту и могут быть свободны.

— Хорошо. Паскаль пригласил нас к себе на чай. — В первый момент Рэйчел подумала, что в это «нас» включена и она тоже, но работодательница развеяла ее заблуждение: — У вас три часа на отдых и развлечения. Шофер заберет вас отсюда, и затем вы с девочками и мистером Фрэнсисом вместе отправитесь домой.

— Отлично, — сказала Рэйчел. — Вы случайно не знаете, где здесь поблизости обменник? У меня не было времени...

— О, конечно. Вот, возьмите. — Мадiana протянула ей две пятидесятифранковые купюры. — Потом сочтемся.

Рэйчел поблагодарила, позволила официанту помочь ей надеть пальто и вышла из отеля знакомиться с улицами Лозанны.

* * *

Она гуляла около часа сперва по берегу озера, потом по широким, почти пустынным бульварам в центре города — современного и комфортабельного, но, как ей казалось, напрочь лишённого характера. Пусть Лозанна и находилась много ближе к Лондону, чем Национальный парк Крюгера, и погода здесь была безукоризненно британской (холодной и пасмурной), Рэйчел ощущала не меньшую растерянность от очередного и внезапного перемещения в другую страну. Не позвонить ли Джейми, подумала она, ей хотелось услышать его голос, но она не знала, во сколько им обоим встанет звонок, и решила не рисковать.

Вскоре бесцельные шатания привели ее на авеню Бержер, где она сбавила шаг перед входом в музей. Довольно скромный особняк, во всяком случае, по сравнению с мощным Пале-де-Больё, находившимся напротив, заманивал посетителей «Коллекцией арт-брют». Рэйчел о таком искусстве никогда не слыхала, но ее внимание привлекли плакаты со странными животными и причудливыми пейзажами, исполненными в яркой гипнотической цветовой гамме. Она решила зайти и, оплатив вход, взяла буклет со вступительным словом музейного куратора: «В 1945 г. Жан Дюбюффе предложил термин “арт-брют” в применении к творчеству самоучек, работающих вне всяких институциональных рамок, не скованных ни правилами, ни желанием быть признанными в качестве художников. По большей части это одинокие люди, те, что живут “сами по

себе”, практически вне социума, если не заперты в психиатрических больницах».

Но даже это пояснение не сумело подготовить Рэйчел к сюрпризам — к бесконечному разнообразию и волнующим открытиям, что припас для нее музей. Следующие полтора часа она бродила в этом мире снов, в хаосе сюрреалистичных видений и отдающего кошмарами воображения. Изломанные человеческие фигуры, безыскусность примитивных форм и линий. Галлюцинаторные существа, полулюди, полуживотные громоздились на листах бумаги, а каждый дюйм свободного пространства между ними был заполнен от руки обрывками текста, смысл которого был внятен лишь самому художнику. Фантастически дробные, диковато красочные пуантилистские полотна бросали вызов зрителю: пусть задумается, *что* перед ним — абстракция или фигуративная живопись, но решенная в некой оккультной зашифрованной манере. Причудливые политические лозунги соседствовали с деформированными голыми телами либо с уродливыми человеческими лицами, сконструированными из найденных в мусоре обломков кораллов или морских раковин. Вот наводящая жуть скульптура — голова животного с настоящими, щербатыми, почерневшими зубами и за остренным, как смертельное орудие, рогом, торчащим из лисьей морды. Вклад одного из художников состоял из потока писем с жалобами в инстанции и обвинениями в бездеятельности, написанных на больших листах бумаги без всякой разметки мелким твердым почерком; слова сливались и натывались друг на друга, создавая (подсказывал буклет) «впечатление графической логореи».

Кто-то, наверное, назовет такое искусство «чистым дурдомом». Рэйчел же увидела в музейном собрании те же здравость и логику, как и во всем том, что окружало ее в последние четыре месяца. Она почувствовала себя здесь как дома — сразу же и безоговорочно.

Кроме постоянной экспозиции, в зале в глубине музея устраивали и временные выставки. В тот день показывали «Бестиарий» — выставку Жозепа Баке, художника из Барселоны.

В молодости Баке была свойственна охота к перемене мест: Марсель, Дюссельдорф, Авенуа — где, между прочим, он вырезал из камня надгробия, — но в 1928 году он вернулся в Барселону и прожил там сорок лет до самой смерти, работая дорожным постовым. Известно, что все эти годы он рисовал, к нему наведывались коллекционеры, но, *modeste jusqu'à l'excès*^[22], он отказывался продавать свои работы. До его кончины в 1967 году никто и не подозревал, сколь велико его художественное наследие: родственники обнаружили 1500 картин различных размеров и форм, и

почти на всех были мифические или полумифические животные, изображенные яркими красками грубо, но очень детально, с некоей даже маниакальной дотошностью. Здесь были драконы и ящеры; мутантные гибриды лошади и фламинго; морские змеи, черепахи и разноцветные рыбы с неизбывной печалью в глазах; диковинные насекомые — жуки с крыльями бабочки, сороконожки с выпяченными алыми ртами и зубами гидры. Пауки здесь тоже имелись. Чувствуя, что больше впечатлений ей в себя уже не вместить, Рэйчел собралась уходить, когда наткнулась на пауков Жозепа Баке. Она вмиг их узнала и остолбенела. Более десяти лет она всюду возила с собой игральную карту, подаренную Фиби, «Бешеной Птичьей Женщиной», у подножия Черной башни в Беверли. Эту карту, помятую, запачканную, нашла Элисон в лесу однажды вечером; вторая такая же принадлежала Фиби, а играл этими картами Лю, китайский бродяга, которого Фиби приютила ненадолго давно минувшим летом 2003 года. На карте был изображен паук, он же «мерзкая тварь», на взгляд Рэйчел. Паук стоял во весь рост на двух лапах, свирепо задрал остальные и будто вызывая кого-то на бой. И вот опять. Точно такой же паук. Но откуда и почему? Как этот отталкивающий, почти тошнотворный рисунок — датированный, согласно каталогу, весьма приблизительно *entre 1932 et 1967*^[23], — попал в колоду карт для игры в «Пел манизм», некогда принадлежавшую родителям Фиби? Рэйчел не могла этого понять. И однако доказательство было налицо. Она таращила глаза на картину, вставленную в раму, пронумерованную, поименованную, вывешенную на стене швейцарского музея, куда Рэйчел привело крайне необычное стечение обстоятельств, и сознавала, что смотрит на один из образов, сыгравших огромную роль в ее взрослении, во всей ее прошлой жизни. И вот он, на почетном месте среди других произведений, которые Рэйчел воспринимала как исполненный страдания и одновременно жутко прекрасный вопль, рожденный нищетой и обособленностью несчастных людей.

— У них ничего не было, и это самое поразительное, — говорила она Фредерику, уткнувшись в увесистый иллюстрированный музейный каталог, когда они летели обратно в Лондон. Репродукции были лишь отдаленным эхом оригиналов, но Рэйчел тем не менее завороченно листала страницы, знакомясь с биографиями художников.

Она прочла о Фернандо Наннетти, электрике из Рима, что всю жизнь страдал галлюцинациями и манией преследования, но сумел создать пространное рукописное произведение, вырезанное на стенах психиатрической лечебницы; о Жозефе Джаварини, «узнике Базеля»,

застрелившем свою любовницу, а затем в тюрьме лепившем изящные статуэтки из хлебного мякиша, единственного доступного материала; о Маргарите Сир, дочери фермера с юго-востока Франции и жертве шизофрении: в возрасте шестидесяти пяти лет она вообразила себя восемнадцатилетней невестой и остаток жизни кроила и покрывала вышивкой роскошное подвенечное платье для своей свадьбы, так и не состоявшейся; о Клемане Фрэссе, который в свои двадцать четыре года попытался сжечь семейную ферму, причем запалом ему служила полыхающая пачка банкнот, что скопили родители за долгие годы, после чего его поместили в сумасшедший дом, где он провел год в камере размером шесть на девять футов и всю ее изукрасил невероятно мастеровитой затейливой резьбой. Переворачивая страницы, Рэйчел читала одну историю за другой с одной общей жестокой доминантой: заключение в четырех стенах без права на освобождение, болезнь без надежды на исцеление.

— У них ничего не было, — повторила Рэйчел, — однако они создавали необыкновенные произведения. Они творили. Они *отдавали*. Одаривали прекрасными работами то самое общество, что отняло у них все.

Фредди угукал в ответ. Слушал он ее вполуха, не отрываясь от деловых страниц «Санди таймс». Внезапно его пресловутая деловитость, равнодушие, гонор возмутили Рэйчел.

— Какой контраст, — сказала она, — по сравнению с некоторыми моими знакомыми. С теми, у кого есть все, но кто никогда и ничего не отдает просто так.

— Избавьте меня от морализаторства, — устало произнес Фредди, отложив наконец газету. — К вашему сведению, сэр Гилберт — если вы его имеете в виду — уже создал больше рабочих мест, чем многие за всю жизнь. Он нанимает людей, платит им за работу, тратит деньги в отелях, ресторанах и автосалонах. Всем от него только польза и выгода. Всем.

— Неужели? — откликнулась Рэйчел. — Почему же тогда он платит столь мизерные налоги? Благодаря вам, кстати.

— Вы не понимаете, о чем говорите.

— Но начинаю понимать. Вот вы, например, мотаетесь за ним по всему миру с документами на подпись — трастовый фонд здесь, офшорная бухгалтерия там. Перемещаете деньги туда, куда налоговики не смогут дотянуться. У Мадяны, вероятно, статус нерезидента? Спорим, что большинство компаний Гилберта записаны на ее имя? Спорим, он декларирует уровень доходов не выше, чем у медсестры?

— Все, что мы делаем, — ответил Фредди, — находится в рамках закона.

— Но закон может измениться.

— С чего вдруг?

— С того, что людям это надоело.

— По-вашему, грядет революция, а? Так называемый народ готовится сооружать баррикады и смахивает пыль с гильотин? Я так не думаю. Выдайте им вдоволь полуфабрикатов и телепередач про то, как в джунглях унижают знаменитостей, и они даже не привстанут с диванов. Нет, этот закон в обозримом будущем не изменят. Между прочим, на днях я был на приеме в номере 11^[24], где имел продолжительную беседу с канцлером, и у него совершенно... иные приоритеты, доложу я вам.

— И конечно, вы с ним хорошо знакомы, да?

— Семейные связи. Наши отцы вместе учились в начальной школе.

Рэйчел возвела глаза к потолку:

— О господи, похоже, эта страна ничуть не изменилась за последнюю сотню лет.

— А все потому, что система функционирует идеально.

— Никто не мешает богатым быть богатыми, — сказала Рэйчел, — просто им надо бы научиться умерять свои запросы.

Фредди рассмеялся.

— Нет, ну зачем им подвальное помещение в одиннадцать этажей? Зачем вывозить меня в Швейцарию, когда мы могли бы спокойно сделать домашнее задание дома вечером?

— Что, кроме много чего прочего, мне нравится в вас, Рэйчел, — ответил Фредди, — так это ваша скромность. Вряд ли вы понимаете, каким ценным активом являетесь для этой семьи. Мадяна вызвонила вас в Лозанну, чтобы продемонстрировать Паскалю — одному из самых состоятельных людей в Швейцарии и большому снобу в придачу, — что у ее дочерей имеется личный преподаватель, которого можно вызывать в любой момент нажатием кнопки. Слышали бы вы ее за обедом — она только о вас и говорила. «Да-а, она изучала латынь в Оксфордском университете. Естественно, закончила с отличным дипломом».

— В Оксфорде нет факультета латыни, — возразила Рэйчел. — Я училась на факультете английского языка. И диплом у меня не первой степени, а второй.

— Я же говорю, вы молодец, — похвалил Фредди. — Меня и вторая степень будь здоров как впечатляет. Давайте выпьем за это, я закажу вам шампанского.

Но Рэйчел не желала сворачивать разговор:

— У беднейшей половины мира столько же денег, сколько у *восемидесяти пяти* самых богатых людей. Вы знаете об этом?

— Разумеется, да. — В голосе Фредди слышалось раздражение. — Это было во всех газетах. Бессмысленная статистика.

— Бессмысленная? Разве она не заставляет задуматься?

— Я и задумываюсь — о том, что беднейшей половине мира пора бы наконец взяться за ум.

— Правда? — Рэйчел искала на его лице признаки иронии, ей не хотелось верить, что он говорит всерьез. Но пришлось поверить. — Мне никогда вас не понять, как и людей вашего круга. Что... доставляет вам радость, например? Для чего вы живете?

— Я скажу вам, что меня заводит, — ответил Фредди, хотя спрашивали его не совсем об этом. — Наивные политические речи, исходящие из юных нежных уст. Я нахожу это *невероятно* возбуждающим. Сильнее меня способны возбудить только те же речи, но с йоркширским акцентом. — Он огляделся и показал глазами на туалет в конце салона: — Вперед, это наш шанс вступить в клуб высотников. На частном самолете! Когда еще вам представится такая возможность?

Рэйчел напомнила ему, что на борту дети, а чтобы Фредди не возобновил приставания, до конца полета она просидела рядом с девочками.

* * *

«Мерседес» ждал их на вертолетной площадке в Баттерси, но в машине вместе с мужем находилась и Фаустина, что было непривычно. Она устроилась на заднем сиденье между близняшками, Рэйчел села впереди. Фредди взял такси до дома. Фаустина крепко обнимала девочек. Ни она, ни Жюль почти на открывали рта. И это вселяло тревогу.

— Что-то не так? — спросила Рэйчел, когда они добрались до особняка Ганнов.

Фаустина, не отвечая и едва не подталкивая детей в спину, повела их в дом через парадные двери, Рэйчел и Жюль, как всегда, направились к заднему входу.

— Я покажу вам.

Вместо того чтобы спуститься в маленькую кухню для персонала, Жюль направился вверх по ступенькам, и они вышли в сад. Там было полно строительного мусора, а посередине стояли подсвеченные щиты, огораживая громадную яму.

Жюль подвел Рэйчел к восточной стене и указал на нечто, лежащее на земле. Под куском брезента угадывалось тело животного.

— Мортимер, — просто сказал Жюль.

— О нет... — Рэйчел опустилась на колени и потянулась рукой к мокрому брезенту. — Только не Мортимер. — Голос ее дрогнул, на глаза навернулись слезы.

— Не трогайте, — предупредил Жюль. — И не смотрите. Это ужасно.

— Но почему? Что произошло?

— На него напали. Мы услышали страшный шум в саду. Но когда прибежали сюда, он был уже мертв.

— Кто мог напасть на него? Лиса? Он одолел бы лису, разве нет?

— Кто-то крупнее, чем лиса. Должно быть. *Не смотрите!*

Рэйчел невольно тянуло приподнять брезент.

— Это страшно. Морда... ее нет. Половины тела тоже нет. Съедена. — Жюль положил руку на плечо Рэйчел и помог ей подняться: — Идемте. Вернемся в дом, нам надо выпить. Девочкам расскажем утром.

Позднее Рэйчел скажет врачам, что с того дня — с воскресенья, когда она столь неожиданно очутилась в Лозанне и когда погиб Мортимер, — все и начало разваливаться и ужас поселился в доме.

Во вторник она отправилась в тюрьму в Иствуде навестить Элисон, на свидание она записалась заранее.

До сих пор Рэйчел не приходилось навещать заключенных, и она представления не имела, чем это для нее обернется. Тюрьма находилась в сельской местности, от станции Рэйчел долго ехала на автобусе, и у всех пассажиров были застывшие, похожие на маски лица, а в глазах читалось, что ничего хорошего они от этой поездки не ждут. Тюремные ворота мало чем отличались от ворот пригородного жилого участка. Рэйчел захватила с собой все документы, удостоверяющие ее личность, какие у нее имелись, и правильно сделала, потому что ей пришлось показать их все, прежде чем ее впустили в помещение для посетителей. Там их продержали минут двадцать пять, затем раздался звонок, после чего всех провели в зал.

Рэйчел не видела Элисон лет пять, а с той недели, что они провели вместе в Беверли летом 2003 года, казалось, минула целая жизнь. Элисон выглядела похудевшей, и стриглась она теперь короче, чем раньше. И было непонятно, рада ли она встрече со старой подругой. Зал для свиданий был полон, столы стояли ближе друг к другу, чем хотелось бы Рэйчел. Поначалу обе чувствовали себя неуютно, разговор не клеился: Рэйчел расспрашивала о том, как живет в тюрьме, Элисон монотонно отвечала.

— Здесь *так скучно*, — повторяла она. — Слава богу, в камерах есть телевизоры, иначе мы бы рехнулись. И заметь, им дешевле потратиться на телики и держать тебя взаперти, чем отслеживать твои передвижения на свободе.

— А какие-нибудь учебные занятия с вами проводят?

— Ага, но фиговенькие. Правда, пытаются занять тебя делом. Я даю уроки рисования. Но самое паршивое — это выходные. Нас запирают в камерах в пять пятнадцать. Блин, это дико угнетает.

Рэйчел сжала руку Элисон:

— Хорошо, что я снова с тобой увиделась. Ты приедешь ко мне, когда выйдешь отсюда?

— Ну да, если хочешь, — неуверенно ответила Элисон.

— Конечно, хочу. Я скучала по тебе. Нам нельзя было расставаться так надолго.

Элисон замялась на секунду, а потом сказала:

— По-моему, не я в этом виновата.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась Рэйчел.

— Сама знаешь. — Элисон с вызовом смотрела на Рэйчел.

— Послушай, я написала тебе. Я звонила. Посылала сообщения. Ты ни разу не ответила. Почему?

— Почему? — коротко хохотнула Элисон, словно удивляясь нахальству подруги. — Потому что... Зачем мне дружить с человеком, который осуждает меня и не одобряет мои поступки?

— С моей стороны никогда такого не было.

— Разве? А я припоминаю, как ты обозвала меня извращенкой.

— Что? Да *никогда!*

— Ну, не впрямую, но это подразумевалось.

— И в каких же выражениях я это подразумевала?

Голос Элисон понизила, но продолжила с прежней запальчивостью:

— Заявив, что инцест «в моем вкусе».

Рэйчел ошарашенно уставилась на нее:

— Когда я такое сказала?

— Сразу после того, как я призналась тебе в письме в моей гомосексуальности.

— Ума не приложу, о чем ты говоришь, — покачала головой Рэйчел. — Честное слово.

Не поверив, Элисон воинственно подалась вперед:

— Мы тогда общались через *Snapchat*, помнишь? И я спросила, получила ли ты мое письмо.

— Да, помню. Я была в Харвуд-хаусе с братом.

— И ты ответила, что у тебя с ним инцест. — Скрестив руки на груди, Элисон дожидалась ответа.

Рэйчел напрягла память. Она сидит с братом под вечерним летним солнцем на террасе... они с Элисон только что освоили *Snapchat*, которым с тех пор она почти не пользовалась. Рэйчел представила, как она водит указательным пальцем по экрану... Дословно припомнить сообщение не удалось, но вероятное объяснение забрезжило в ее мозгу. Улыбка медленно расплылась по ее лицу, а потом она закрыла лицо руками и стала раскачиваться на стуле. Затем встряхнулась и посмотрела на Элисон:

— Знаешь, очень возможно — и это единственная возможность, — я написала «в чудесном месте» или «в чудеснейшем»... и две «м» слились, или палец дрогнул, и две «м» превратились в «ин», я же торопилась, а *Snapchat* передал, как сумел. — Элисон озадаченно пялилась на нее, и

Рэйчел повторила: — В «месте», Эл. В «месте», а не в «инцесте». Инцест? Да мне такое и в голову бы не пришло.

Она смотрела на свою подругу, уголки рта подергивались, глаза смеялись. Элисон все так же исподлобья глядела на нее, недоверчиво, непонимающе. И молчала.

Но через минуту и Элисон схватилась за голову и зашлась в беззвучном смехе, содрогаясь всем телом, словно внутри у нее случилось землетрясение, а когда наконец тряска улеглась, Элисон выпрямилась и улыбнулась Рэйчел широченной улыбкой, исполненной тепла и приязни — и облегчения. Огромного облегчения. Она встала и, перегнувшись через стол, крепко, с чувством обняла подругу:

— Ох, Рэйч, ты и не представляешь, как здорово снова тебя увидеть.

— И тебя тоже.

— Ведь мы больше никогда так не будем делать?

— Делать что?

— Пользоваться социальными сетями для разговора друг с другом.

— Да, — подхватила Рэйчел. — Отличная мысль.

Элисон опустилась на стул, еще немного похихикала, а затем с каким-то диким отчаянием обвела взглядом унылое казенное помещение, будто увидела его впервые.

— Натерпелась я здесь, — сказала она. — Спасибо, что пришла. Мне было *так одиноко*. Знаю, осталось всего несколько недель, но здесь паршиво. Реально паршиво. Когда выйду, разыщу эту суку и порву ее на части...

— Жозефину то есть? — стараясь говорить потише, спросила Рэйчел. — Как все произошло, Элисон? Каким образом ты здесь очутилась?

— У меня была подруга, — начала Элисон, — Селена ее звали. Мы были вместе около трех лет. Хорошая девушка, милая, но слегка... короче, иногда она не врубается в ситуацию. Однажды она подрабатывала официанткой на шикарном сборище в Бирмингеме, где среди гостей была и Жозефина, и они вместе курили и разговорились. Обо мне. Услыхав, что я художник, Жозефина вызвалась устроить частный показ моих работ в Лондоне. Селена не сказала мне, кто занимается этой выставкой, с ее слов я знала только, что нашлась некая доброхотка, которая прямо-таки в бешеном восторге от моих картин. Надо было, наверное, включить мозги, расспросить ее хорошенько. Но я загорелась, мне светил реальный прорыв, понимаешь? Я не могла поверить своему счастью.

Я тогда рисовала портреты бездомных, находила их на улице и

изображала так, будто они — принцы или императоры. Как бы пародировала ту разновидность искусства, что восхваляет власти, но при этом «политической» такую живопись никто не называет, хотя она стопудово такая. Я еще в школе этим занялась. Идея, в общем, простая, но она срабатывала. Так вот, арендовали галерею на вечер, приглашали всяких знаменитостей и крупных шишек. Если честно, классно получилось, мне понравилось, хотя деньгами я особо не разжилась. Картины оценили сотен в пять в среднем, а продала я только две. Гости в основном налегали на шампанское, а потом спокойно сваливали.

Ладно, я понимаю, что поступила неправильно. Надо было сообщить социальной службе о моем заработке. Но я подумала, что, наверное, никто и не заметит: заплатили мне наличными, и вообще... Я получила на руки всего девять сотен, ну о чем тут говорить. Сущая ерунда, думала я, многие куда больше утаивают. Половину отдала маме, ей позарез нужна была новая плита на кухню, старая всю зиму еле фурычила. Но Жозефине и этого хватило, она тиснула статейку в своей газете...

— Знаю, я ее читала. Твоя мама прислала ссылку.

— А потом судья решил сделать из этого показательный процесс и вlepил мне максимальный срок. И вот я здесь, — закончила Элисон.

Обе молчали. Не в силах Рэйчел было помочь подруге, все, что она могла, это нежно, участливо накрыть ее ладонь своей. Элисон сидела неподвижно, а когда заговорила, слова ее текли медленно, прерывисто:

— Кстати, о здешней жизни. У тебя появляется время поразмыслить. Особенно в чертовы выходные. Ну не смотреть же «Катастрофу» и «Викторину для знаменитостей» серия за серией, а больше делать нечего. Вот я размышляла о Жозефине и о том, почему она так со мной обошлась.

Рэйчел пожала плечами:

— Затем, чтобы газета продавалась побойчее.

— Да, конечно. И между прочим, ее повысили, спасибо мне. Мама говорила, у нее теперь своя колонка. Еженедельная. Значит, кому-то статейка понравилась. Но почему я? Понятно, во мне она нашла все то, что ее злит. Черная? Да. Лесбиянка? Да. Инвалид? Да. На пособиях? Да. Я получала пособие по инвалидности, льготы по оплате жилья... Но что я *реально* такого сделала, чтобы она настолько остервенела?

— Может, она... моральный урод. Фиговое детство или еще что.

Элисон помолчала, обдумывая услышанное, а потом сказала:

— Я получила кучу писем после выхода статьи.

— Писем в поддержку?

— Несколько, но в большинстве... пакостных. Люди соглашались с

Жозефиной. Винили меня. При том что мошенничество их, похоже, не сильно волновало, они набрасывались на меня в основном не за то, что я *совершила*, но потому что... потому что я *такая, какая есть*. Кто я есть. — Элисон улыбнулась, вынула платочек из пачки и энергично высморкалась. — Но с этим я ничего не могу поделать, верно?

* * *

Если Рэйчел думала, что ничего более печального с ней сегодня уже не случится, то по дороге домой поняла, что ошибалась.

Поезд остановился в Дидкоте, и Рэйчел смотрела в окно на трубы электростанции, вспоминая открыточный коттедж под соломенной крышей, что Лора с Роджером приобрели в деревне Малый Калвертон, мечтая об идиллическом детстве для сына. И когда она перебирала в памяти эти воспоминания, зазвонил телефон, резко вернув ее к действительности. Звонила Фаустина. Прислуга была страшно расстроена, плакала и едва могла говорить.

— Несчастье, — выдавила она. — Дома.

Рэйчел не сразу поняла, что «дом» в данном случае означает Маршалловы острова. Еще больше времени ей понадобилось, чтобы уразуметь, в чем дело.

— *Бомба?* В вашем *саду*? Ох, Фаустина, это ужасно... в голове не укладывается.

Внучка Фаустины, одна из полудюжины ее внуков, играла в саду за домом и наткнулась на ручную гранату, пролежавшую в земле семьдесят лет. Острова во Вторую мировую служили американцам, воевавшим с Японией, военной базой, и там до сих пор находили множество неразорвавшихся снарядов. Внучка Фаустины — семилетняя дочка ее младшей дочери — подобрала гранату, подбросила ее в воздух, как теннисный мячик, та взорвалась, и девочка погибла на месте.

Первым побуждением Рэйчел было сказать Фаустине, чтобы они с Жюлем немедленно отправлялись домой. Затем, подумав, она спросила:

— Что говорит леди Ганн?

— Она не отвечает на звонки. Наверное, она в самолете. Летит в Нью-Йорк. На две недели. Сказала, что организует там благотворительный бал.

— Уверена, она отпустила бы вас.

Фаустина объяснила, что путь на родину долгий и трудный, по меньшей мере с двумя пересадками — в Сеуле, Куала-Лумпуре или Маниле. Если даже они вылетят из Лондона сегодня же вечером, домой доберутся только через сутки с половиной. Билеты стоят невероятно

дорого, в итоге от их сбережений мало что останется. Но Рэйчел понимала, что выбора у них нет.

— И потом, дети, — сказала Фаустина. — Кто будет приглядывать за Грейс и Софией?

— О девочках не беспокойтесь. Я возьму их на себя. Почему нет? Кормить их, следить, чтобы всегда были чисто одеты, и укладывать спать — надеюсь, я с этим справлюсь. Все будет в порядке. А вы, Фаустина, начинайте собирать вещи.

И когда в пять вечера Рэйчел вернулась в особняк Ганнов, экономка и ее муж сидели на кухне, уже тепло одетые, готовые к отъезду, и дожидались лишь ее возвращения. Она обняла обоих, сочувственно поцеловала Фаустину в щеку и проводила их, лавируя между грудями строительного мусора, до защитного ограждения. Взявшись за руки, они потащились к ближайшей станции подземки, тяжелый чемодан оттягивал Жюлю плечо. Рэйчел вернулась в дом, что стал еще тише, еще огромнее и пустынное.

Она позвонила Мадiane рассказать о том, что случилось. В Нью-Йорке была середина дня, и Мадiana, судя по всему, обедала в шумном ресторане. У Рэйчел брезжила надежда (вздорная, как она вскоре осознала), что Мадiana все бросит и примчится домой, чтобы до возвращения Фаустины самой позаботиться о своих детях. Но Мадiana сказала, что доверяет Рэйчел и знает, что может на нее положиться, назвала ее ангелом и прочими столь же нейтрально-ласкательными именами, разрешила пользоваться обеими половинами дома и распоряжаться по-хозяйски.

* * *

Рэйчел набрала код у волшебной двери на лестничной площадке второго этажа и через зеркало вошла в таинственное заколдованное королевство, жилое пространство Ганнов, — пространство, где легко могли бы разместиться человек двадцать, но сейчас оно принадлежало лишь двум брошенным девятилетним девочкам.

По ту сторону зеркала было не совсем тихо. Шум доносился из игровой комнаты, где был включен телевизор.

Рэйчел застала девочек за просмотром повтора «Друзей» по спутниковому комедийному каналу. Одна из персонажей объясняла другому персонажу, мужчине, где расположены женские эрогенные зоны и как лучше всего довести женщину до оргазма. Грейс и София сидели с серьезными, бесстрастными лицами; но девочки вообще редко смеялись.

— Извините, что опоздала на занятия, — сказала Рэйчел, — я навещала

мою подругу за городом. И, как вы наверняка уже знаете, Фаустина и Жюль получили скорбное известие, поэтому им пришлось срочно уехать домой. Вернутся они недели через две.

И опять нельзя было с уверенностью сказать, произвела ли на них впечатление эта информация. Казалось, близняшек ничем не прошибешь. Даже когда им сообщили, что их домашний пес был смертельно ранен, горющими они не выглядели. И чем больше времени проводила Рэйчел с этими странными бесчувственными девочками, тем чаще мысленно сравнивала их с кукушатами Мидвича из книги Джона Уиндема.

— Впрочем, мы пока забудем об учебе. Лучше я спущусь на кухню и посмотрю, чем бы нам поужинать.

Грейс кивнула, София выставила большой палец в знак одобрения. Рэйчел спустилась в хозяйскую кухню, отметив про себя, что даже эти два коротких жеста можно счесть маленькой победой.

* * *

Близняшки вели себя послушно, не капризничали, не ссорились ни с Рэйчел, ни друг с другом, однако вечерние процедуры — накормить, проследить, чтобы девочки помылись, и под конец почитать им перед сном — Рэйчел нашла на удивление утомительными. Ночевать она решила в своей спальне, но двери, соединяющие две половины дома, оставила открытыми, сказав девочкам, чтобы они прибежали к ней или позвонили по внутреннему телефону, если их вдруг что-то испугает либо возникнет какая-то иная проблема. Уснули сестры почти в десять. А Рэйчел долго не могла улечься. Бродила вверх-вниз по узкой лестнице в задней части дома, проверяя, надежно ли заперты двери и окна. Внезапный отъезд Фаустины ее взволновал. Как и страшная участь Мортимера. С гибели пса минуло два дня. Как Жюль поступил с собачьим трупом? Рэйчел вошла в свою спальню, открыла окно и выглянула в сад. Не оставил же он собаку там, где нашел? От этой мысли ей сделалось не по себе.

Нет, сверток с собакой определенно исчез. Поднялся легкий ветер, и внизу зашевелился край брезента над ямой. Задираемая ветром, толстая ткань издавала довольно громкие хлопающие звуки. Рэйчел подумала, что эти хлопки не дадут ей заснуть всю ночь. Видимо, в углах ямы ослабли крепления, удерживающие брезент.

Затем в саду раздался иной звук. Громкое металлическое кляцанье, будто ведро уронили. Кто там? Рэйчел пока не отвергла свою гипотезу о бесстрашной крупной городской лисе, что пробралась на их территорию и напала на Мортимера. Высунувшись из окна и вывернув шею, Рэйчел

вглядывалась в дальнюю, заросшую плющом стену. В темноте трудно было что-либо разобрать, но чем напряженнее она всматривалась, тем более убеждалась: там *что-то* есть, некая дикая тварь, затаившаяся в густой тени.

А потом она увидела ее. Зверюга выскочила из дальнего угла сада, рванула к яме и исчезла под брезентом. Тварь была черная, с большим раздувшимся телом и передвигалась как насекомое — в этом Рэйчел не сомневалась. Как и в том, что сумела разглядеть волоски на задней паре из ее восьми лап, когда та нырнула в яму и, мысленно увидела Рэйчел, поползла вниз по стенам, погружаясь все глубже и глубже во тьму, из которой явилась.

15

— Когда мы тут сидим с вами и разговариваем, — сказала Рэйчел, — все кажется таким нормальным.

— Но так и *есть*. Все нормально.

— Знаю. Просто воображение разыгралось. У меня был тяжелый день, и я страшно устала... А может быть, даже я задремала, и мне это привиделось во сне.

— Вполне разумное объяснение. Тем более совсем недавно в музее, в Швейцарии, вы увидели картину, очень похожую на старую игральную карту, что подарила вам приятельница. И образ этого существа не отпускал вас.

Рэйчел и Ливия, как между ними повелось, снова пили кофе в кафе «Лидо» в Гайд-парке. Прежде предлогом для встреч служил Мортимер, но после его гибели обеим не захотелось отказываться от зарождавшейся дружбы. И Рэйчел даже больше, чем раньше, ценила здравомыслие Ливии, ее добрый нрав, ощущение покоя, неизменно исходящее от нее, ненавязчивую участливость и ее мелодичный, похожий на звучание виолончели, голос.

— Значит, вы не думаете, что я схожу с ума? — улыбнулась Рэйчел, но и улыбке не удалось скрыть ее тревоги.

— Ни в коем случае. У вас сейчас трудный период. Вам нужно относиться ко всему полегче.

— Какой-то разлад кругом, — сказала Рэйчел. — Сплошь одни неприятности. Бабушка звонила сегодня утром. Она получила письмо от дедушкиного онколога.

— Да? И что он пишет?

— Ничего хорошего. Он обратился в Фонд противоопухолевых лекарственных средств насчет лекарства, о котором вы говорили, и его заявку отклонили. Слишком дорогой препарат. Любопытно, что для вашей клиентки — герцогини, или баронессы, или кто там она — это не составило проблемы.

— Ах, простите, — всплеснула руками Ливия, — о том, сколько стоят эти таблетки, я и не подумала. Да, она женщина состоятельная и, вероятно, сама оплатила лечение. Видите ли, я не всегда понимаю, как у вас тут все устроено. Но стараюсь понять. Надеюсь, вот эта книга мне поможет.

Она вынула из сумки книгу в потускневшем зеленом твердом переплете без суперобложки, между страницами торчала закладка. Называлась книга «Наследие Уиншоу», автор — Майкл Оуэн.

— Я нашла ее в благотворительной коммисионке, — пояснила Ливия. — Уиншоу — фамилия в Британии известная. И здесь о них рассказывается во всех подробностях. Вы читали эту книгу?

Рэйчел покачала головой и ответила:

— Хотя стоило бы прочесть. В последнее время то и дело слышишь об этих Уиншоу. Одна из них крепко подставила мою подругу. Я об этом только на днях узнала.

— Правда? Член семьи Уиншоу? А звать как?

— Жозефина.

Ливия прищурилась. Глаза у нее были необычного янтарного цвета.

— О да, знаю я Жозефину.

— Откуда?

— Она живет в этом районе. Кстати, неподалеку от особняка, где вы сейчас обретаетесь. Иногда я выгуливаю ее собаку. Но уже несколько дней ее никто не видел.

— Наверняка прохлаждается где-нибудь на Маврикии, ее ремесло хорошо оплачивается.

— Не похоже. Жозефину разыскивает полиция. — Ливия сунула книгу Рэйчел в руки. — Вот, возьмите, а я потом дочитаю. Берите, берите. Вам необходимо узнать об этих людях.

Лишь настойчивость Ливии заставила Рэйчел наскоро, машинально полистать книгу, а затем положить ее в рюкзак:

— Ладно, попробую. Спасибо. И я вам благодарна за то, что вы попытались помочь моему дедушке. Страшно подумать, какие муки он терпит. — Она крепко сжала руку Ливии: — Вы хороший друг. Людей, как вы, в моей жизни сейчас немного.

— А что ваш бойфренд?

— Ну, с ним все в порядке. Заканчивает очередную главу своей диссертации и ни о чем другом и думать не может.

— Что ж, у вас есть я, — сказала Ливия. — А близняшки... если хотите, я могу взять их на себя на какое-то время.

Рэйчел посмотрела на нее в упор и устыдилась: вместо естественного человеческого тепла — а именно это она увидела бы в глазах Ливии при нормальных обстоятельствах — Рэйчел почувствовалось нечто иное, нечто двусмысленное, непонятное и настораживающее. И это симптоматично, мелькнуло у нее в голове, она стала хуже относиться к людям. Из-за работы, решила Рэйчел, это служба у Ганнов превращает ее в циничную, недоверчивую стерву. Она отвернулась и допила кофе, чувствуя себя отвратительно.

* * *

Как обычно, в половине четвертого Рэйчел забрала Грейс и Софию из школы, а когда они ступили на стройплощадку во дворе дома, то увидели, что все румынские рабочие собрались у офиса начальника стройки по какому-то экстренному поводу. В центре группы стоял Димитру, бригадир, и, судя по всему, предъявлял Тони Блейку ультиматум. Лица строителей были угрюмыми и встревоженными.

— Идемте, — Рэйчел торопливо повела девочек к крыльцу, — это нас совершенно не касается.

Однако, запустив сестер в дом и велев им подниматься к себе и переодеваться в домашнюю одежду, Рэйчел тут же вернулась на крыльцо, чтобы узнать, в чем дело. Но собрание уже закончилось. Димитру, что-то гневно выкрикивая и на ходу сдергивая с себя яркий жилет и каску, шагал к щитовому заграждению, вскоре за ним с треском захлопнулась дверь, что вела на улицу. Рабочие кричали ему вслед и, как поняла Рэйчел, просили вернуться, но уговоры не действовали: Димитру определенно не желал более здесь оставаться. Тони Блейк провожал его взглядом, стиснув губы и размахивая пустой прозрачной стеклянной бутылкой.

— Он что, уволился? — спросила Рэйчел рабочих, что оказались поблизости.

— Ага. Ушел, — ответил один из них.

— А из-за чего вышел спор?

— Он напился.

— Ну это Тони так говорит, — огрызнулся его товарищ.

— Ты видел бутылку. Утром в ней было водки по горлышко.

— Его можно понять. Представь себя на его месте. Как бы ты

командовал бригадой на такой работе? Это сумасшествие. Это опасно. Мы тут не строители, а шахтеры. Поневоле запьешь.

— Ладно, но если от водки тебе начинает мерещиться всякое...

— Мерещиться? — переспросила Рэйчел. — Что именно?

— Димитру заявил Блейку, что больше не спустится в яму. Говорит, увидел там что-то нехорошее, на самом дне. — Его товарищ предостерегающе качнул головой, мол, помалкивай, но рабочий продолжил: — Вроде бы там, на самом дне, под всеми этажами, то есть под 11-м, имеется туннель. Они вчера его обнаружили. А раньше его никто и не замечал. Димитру залез в туннель, прополз немного и увидел...

— Ничего он не видел. Он алкаш. Всегда таким был.

— Что он увидел? — не отставала Рэйчел.

— Он толком не понял. У него был фонарик с собой, он им водил туда-сюда, и вдруг прямо перед ним пара глаз. Пялятся на него. Пялятся из темноты.

Рэйчел почувствовала, что сердце перестало биться. С усилием она сказала:

— Может... это была кошка? Или собака провалилась в яму и как-то там прижилась...

— Димитру сказал, что глаза больше, чем у собаки или кошки. Сильно больше.

Рабочий умолк. Верил ли он в то, что рассказывал, или нет, но желанием продолжать работу на этом участке явно не горел. Его товарищ был настроен более деловито:

— Ничего он не видел. Он напился. Ничего там нет. Обычная большая яма, вот и все.

Рэйчел чувствовала себя как в тюрьме. По ночам она ненавидела этот дом, но уехать не могла — на нее возложили ответственность за детей.

Более всего ей хотелось собрать вещи, сесть в поезд и навестить бабушку в хосписе. По словам матери и бабушки, он слабел с каждым днем, и Рэйчел страшила мысль, что ей не удастся увидеть деда, прежде чем рак окончательно его погубит. Но она не могла сдвинуться с места. Она должна была оставаться в особняке, присматривать за детьми, охранять их. Однажды ночью, пролежав без сна до двух часов, Рэйчел встала и уселась за маленький письменный стол у окна, выходящего в сад. Первым делом она всмотрелась в темноту за окном — это уже превратилось в привычку, она и днем постоянно выглядывала в сад: не происходит ли чего-нибудь подозрительного вокруг ямы, но все было тихо. Рабочие надежно укрепили брезент, накрывающий яму.

Включив настольную лампу, Рэйчел извлекла из верхнего ящика стола две вещи. Первую — дорогую венецианскую записную книжку в льняном переплете, подношение Лукаса в качестве благодарности за успешное собеседование в Оксфорде. Вторая была картой из игры «Пелманизм», подарком от Фиби, с изображением злобного паука, что столь загадочным образом напоминало акварель Жозепа Баке. Рэйчел уставилась на паука с тем же неприязненным трепетом, с каким смотрела на него последние десять лет. Затем открыла записную книжку и принялась писать.

Парадокс вот в чем: ради сохранения моего психического здоровья я должна признать, что, вероятно, схожу с ума.

Есть ли у меня альтернатива? О да: поверить, что увиденное однажды ночью реально. А если я разрешу себе в это поверить, то наверняка тронусь умом от ужаса. Словом, я в западне. Зажата между тем или иным выбором, между двумя дорогами, и по какой из этих дорог ни пойдешь, уткнешься в безумие.

Проблема в тишине. В безмолвии и пустынности. Это и довело меня до ручки в прямом (я же взялась за перо) и переносном смысле. Я и представить не могла, что в столь огромном городе есть дом, погруженный в такое безмолвие. Правда, уже не первый месяц я вынуждена мириться с шумом, что производят рабочие на участке, долбя землю и копая, копая, копая. Впрочем, работы подходят к концу, и по вечерам, по завершении рабочего дня, на дом опускается тишина. Тогда-то и разыгрывается мое

воображение (это *действительно* лишь мое воображение, нельзя отступать от этой мысли), и в темноте и тишине я начинаю слышать всякое: звуки, но совсем другие. Скрип, шорохи. Шевеления в брюхе земли. Что же касается виденного мною той ночью, это длилось считанные секунды — в глубине сада мелькнула черная тень, а потом очень ясно и четко я увидела некое *существо*, не то человека, не то зверя... Но такое же не могло случиться на самом деле. Это было видение, скорее всего навеянное каким-то воспоминанием, вернувшимся, чтобы терзать меня. Вот почему я решила порыться в своей памяти, посмотреть, не извлеку ли я из нее что-нибудь полезное, и тогда, может быть, пойму, что за послание она хочет мне передать.

Имеется еще одна причина, и довольно банальная, по которой я «пачкаю» эти страницы: мне скучно, и эта скука — конечно, скука, и ничто иное! — доводит меня до безумия, провоцируя идиотские галлюцинации. Нужно чем-то занять себя, реальным делом (естественно, я полагала, что буду занята с утра до вечера, работая в этой семье, но мои обязанности здесь довольно странные, не совсем те, на какие я рассчитывала). И я придумала: буду писать. Последний раз я всерьез занималась сочинительством на первом курсе в Оксфорде, хотя Лора незадолго до отъезда говорила, что я должна продолжать писать, и что ей нравятся мои сочинения, и что она считает меня талантливой. В устах Лоры это много значило. Необыкновенно много, если не всё.

Лора добавила также, что для писателя очень важна дисциплина. Начинать нужно с начала и описывать все по порядку. Думаю, она исходила из того же принципа, когда рассказывала мне о своем муже и Хрустальном саде. Я же пока только и делаю, что перескакиваю с одного на другое.

Ладно, пора заканчивать с бессвязной болтовней и приниматься за рассказ о втором визите к дедушке и бабушке летом 2003 года. На сей раз я приехала в Беверли не с братом, но с Элисон, моей любимой подругой Элисон, которую я вновь обрела после многих лет отчуждения, наступившего по абсолютно загадочным для меня причинам, и теперь наша бесценная дружба возрождается. Это наша история, исключительно наша, о том, как мы сблизились и подружились, пока неведомые — если не сказать кретинские — силы не вмешались и не развели нас. А кроме того, речь здесь пойдет о...

Нет, стоп, нельзя выкладывать все и сразу. Давайте-ка вернемся к самому началу.

* * *

Всю ночь Рэйчел трудилась над первой частью своих мемуаров. Утром она чувствовала себя усталой, но, как ни странно, настроение у нее было отличным, а энергии хоть отбавляй. Накормив девочек завтраком и проводив их в школу, она легла поспать ненадолго, а потом снова принялась за работу. Она писала весь день без перерывов. Снаружи было тихо, никаких признаков присутствия мистера Блейка либо румынских строителей. Видимо, работы приостановили до тех пор, пока не найдут нового бригадира. В половине четвертого она опять забрала девочек из школы и вечером не занималась с ними дополнительно ни по программе, ни сверх и не требовала, чтобы они сделали домашние задания. Приобретя уже некоторый опыт в обращении с детьми, Рэйчел уложила их спать быстрее и без лишней суеты. В девять вечера она снова сидела за письменным столом. Она оглядывалась на свою жизнь, припоминая детскую дружбу с Элисон, описывая Вествудскую пустошь под летним солнцем, пытаясь оживить на страницах записной книжки любовь между бабушкой и дедушкой, что связывала их, пока они были в добром здравии, — так Рэйчел спасалась от ужаса, и не будь у нее на чем сосредоточиться, кроме тишины в доме и призрачных страхов, поселившихся в разгромленном саду, ужас наверняка доконал бы ее.

Она писала минут сорок пять, а потом, без четверти десять, раздался звонок в дверь. Она побежала вниз к ближайшему видеомонитору на лестничной площадке второго этажа и включила его. На экране возникло зернистое черно-белое изображение Фредерика Фрэнсиса. Он стоял с наружной стороны щитового заграждения, дожидаясь, когда его впустят. Рэйчел автоматически отперла замок на дверце в заграждении, после чего спустилась в прихожую и открыла входную дверь.

— Привет, — поздоровался Фредди. — Надеюсь, вы не рассердитесь за то, что я явился к вам вот так, без предупреждения.

— Ничуть, — ответила Рэйчел. — Но хозяев нет дома. Мадяна в Нью-Йорке, а Гилберт... не знаю, где он, если честно.

— Я в курсе, — сказал Фредди. — Собственно, я пришел к вам.

— А-а. Ну, в таком случае... входите.

Она провела его в гостиную, куда сама редко заходила. Фредди тут же рухнул на диван.

— Не предложите ли мне выпить?

От него уже пахло алкоголем, и Рэйчел ответила:

— Вряд ли я могу предлагать то, что мне не принадлежит.

— Да ладно вам. Тем, что вы сейчас делаете для этой семьи, вы заслуживаете ежевечернего купания в шампанском.

— В *бриллиантовой* ванне, — усмехнулась Рэйчел. — Уговорили. Где они держат выпивку?

Фредерик поднялся и на деле доказал, что он завсегда в этом доме, напрямик направившись к полке, заставленной нечитаными первыми изданиями томов восемнадцатого века, вплитык к которой располагался и шкафчик с напитками. Торопливо перебрав бутылки, он вытащил одну с торжествующим видом:

— «Лагавюлен» двадцатилетней выдержки. — Откупорив бутылку, он наполнил два больших бокала. — Почти ваш ровесник, между прочим.

— Обычно я не пью ви...

— Это не виски, — не дал ей договорить Фредди. — Это нектар. — Всучив Рэйчел бокал, он чокнулся с ней: — Ну же, за ваше здоровье.

Рэйчел пригубила шотландский, цвета дубленой кожи, с торфяным привкусом напиток и должна была признать его неоспоримое превосходство над многими прочими. Однако она твердо решил пить поменьше.

— Итак, чему же я обязана этим удовольствием? — спросила она.

— Ну... я тут выпивал поблизости и подумал, почему бы не заскочить к вам, проведать, как вы тут совсем одна, а кроме того... кроме того, я много размышлял о нашей беседе в самолете.

На диван он не вернулся, а расхаживал кругами по комнате, испытующе поглядывая на Рэйчел.

— Вот как? — вежливо откликнулась она.

— Дело в том, Рэйчел, что вы явно невысокого мнения о моей персоне... и это меня немного беспокоит.

— Мне жаль, что у вас сложилось такое впечатление. Просто тот день в Лозанне был довольно нервным...

— Думаю, проблема не только в нервах. Вы меня ненавидите. Вам не нравится то, чем я зарабатываю на жизнь.

— Не надо преувеличивать. — Рэйчел сделала еще один глоток виски, понимая, что ее опасения сбываются: ей предстоял нелепый и трудный разговор. — Я вас не ненавижу. Хотя действительно думаю, что ваша работа... слегка неэтична...

— Слегка! Бросьте, Рэйчел. Да мой бизнес *смердит*. Вонь до небес.

Это откровение застигло Рэйчел врасплох. Помедлив, она ответила:

— Ладно, положим, в ваших взглядах произошла некоторая перемена. Но про вонючий бизнес сказали вы. Не я.

— Наверное, когда вещи называют своими именами, это помогает кое-что понять. И да, я переменялся. И я также соврал вам тогда в самолете, Рэйчел. Сказал, что все, что мы с Гилбертом делаем, находится в рамках закона. Так вот, не все. По меньшей мере один из фондов, записанных на Мадриану, достаточно стремный, чтобы мы все оказались за решеткой. И возможно, там нам самое место.

— Я недавно ездила на свидание в тюрьму. Навещала подругу. Она отбывает трехмесячный срок за мошенничество с пособиями.

— Держу пари, она не прикарманила и малой толики того, что я нарыл для Гилберта за все эти годы.

Хорошо бы он сел, думала Рэйчел. От его виражей по комнате у нее начинала кружиться голова.

— Вы все правильно говорите, Фредди, но это лишь слова. А что вы собираетесь делать?

— Я вот думаю, — ответил он, — не пойти ли в Департамент налогов и сборов и не выложить ли им все начистоту. А то и обратиться к прессе.

Рэйчел опять очень осторожно глотнула виски и, не отрывая бокала от губ, пристально поглядела на Фредди. В его внезапное преобразование не верилось, а в его речах она улавливала фальшь.

— Я бы на вашем месте не делала резких движений, — сказала она. — Заглянула я в тюрьму, и, думаю, вряд ли вам там понравится. И тем более не стоит круто менять свою жизнь лишь для того, чтобы привести ее в соответствие с моими убеждениями. Этика этикой, но лично против вас я ничего не имею. Абсолютно.

— Правда?

— Правда.

— Может, вы и удивитесь, но ваше мнение для меня много значит.

— Но с какой стати?

Одним прыжком он оказался рядом с ней, притиснул к книжным полкам, виски из ее бокала пролился на пол. Фредди впился в ее губы, навалившись на Рэйчел всем телом.

— Потому что ты... такая... охуительно... эффектная, — проговорил он, тяжело дыша и обдавая ее запахом алкоголя. — Потому что... я не умру счастливым... пока не залезу в твои трусы...

— Отстаньте от меня! — крикнула Рэйчел и оттолкнула его с такой силой, что он покачнулся и подался назад. Упасть ему не дал стоявший сзади рояль. Фредди выпрямился, и несколько секунд они в упор смотрели друг на друга. Не дожидаясь, пока он опять что-нибудь выкинет, Рэйчел указала на дверь: — Убирайтесь. Убирайтесь немедленно.

Он вроде бы смирился. Утер рот и направился к двери, но, проходя мимо нее, сделал еще один бросок: схватил Рэйчел за запястье и швырнул на пол. И тут же упал на нее, придавив к ковру.

— ОТСТАНЬТЕ! — завопила Рэйчел, и в этот момент раздался детский голос: «Рэйчел?»

Оба повернули головы — в дверном проеме стояли Грейс и София, рядышком, в одинаковых пижамах, взъерошенные со сна.

Избегая вопросительных взглядов девочек, Фредди кое-как поднялся на ноги, подошел к зеркалу над камином, поправил галстук и пригладил волосы. Рэйчел лежала на полу. Падая, она больно ударилась и пока не знала, сумеет ли встать.

— С вами все хорошо? — спросила София.

Девочки приблизились к ней с явным намерением помочь.

Не говоря ни слова и даже не взглянув на них, Фредди покинул гостиную. Дверь сперва резко отворилась, а затем с грохотом захлопнулась.

Медленно, морщась от боли, Рэйчел села и прислушалась к своим ощущениям. Грейс и София опустились на колени по обе стороны от нее, взяли за руки. Это проявление сочувствия — столь неожиданное: кто бы мог подумать? — придало ей сил. Она встала, расправила плечи.

— Вот так, — сказала она. — А теперь я опять уложу вас в постель. И думаю, нам всем не помешает послушать еще одну историю на ночь, верно?

— А вы не хотите проводить мистера Фрэнсиса?

— Нет. Уверена, он знает, где выход.

Держась за руки, все трое неторопливо поднялись по лестнице на третий этаж.

* * *

Фредди, конечно, знал, где выход. Но уходить он не спешил. Минут десять он стоял перед домом Ганнов рядом с импровизированной конторой строителей и пытался успокоиться, медленно, тяжело дыша; изо рта у него вырывался пар. Ночь была ясной, безоблачной и звездной. Луна в три четверти разукрасила прихотливыми тенями плиты, которыми был вымощен двор, засохшую грязь, пятна цемента и временные дощатые мостки. Беспорядок на стройке и кавардак в голове Фредди дополняли друг друга. Ему совсем не хотелось выходить на улицу, ловить такси, ехать домой — эта перспектива вгоняла его в тоску.

Когда он понял, что за ним наблюдают, его первая реакция была на

удивление безмятежной. Он не заметил, откуда появилась эта тварь и как ей удалось подкрасться к нему столь бесшумно, и это пробудило в нем любопытство, спокойное, бесстрастное. Но постепенно до него дошло, что он находится в смертельной опасности, и мало того, гибель ему уготована дикая, изощренная. Глаза, два высоко расположенных, широко распахнутых, выпуклых янтарных глаза взирали на него с явственной злобой. Лапы у твари были длинными, с мощными суставами; нижними она упиралась в землю, а верхние торчали выше головы Фредди. Огромное раздутое брюхо покрывали короткие волоски, зеленоватые в лунном свете; брюхо нависало над землей безобразным мешком, переполненным мерзкими, вонючими продуктами жизнедеятельности.

Чудовищные лапы дрогнули, чуть подогнулись: тварь изготавилась к броску.

И только тогда Фредди попытился к стене. Но споткнулся и упал навзничь, а гигантский паук приближался к нему, проворно перебирая лапами, вот его брюхо уже волочится по лодыжкам, коленям, бедрам Фредди, затем по торсу и наконец опускается на его лицо, давит всем своим гнусным колоссальным весом, и от вони, исходящей от этого толстого колючего мешка, у Фредди тошнота подступает к горлу и он лишается чувств, чтобы никогда более их не обрести.

17

— Какая подстава! — горланила Грейс.

— Кака-а-ая подста-ава! — вторила ей София медленнее и басовитее.

Корчась от смеха, обе повалились на пол и принялись кататься по игровой комнате. Финальные титры под музыку возникли на экране слишком скоро, и девочки заканючили:

— Ой, Рэйчел, можно мы посмотрим еще раз? Пожалуйста, Рэйчел!

— Только последнюю сцену, ладно?.. Ну *пожалуйста!*

Надо же, размышляла Рэйчел, убирая диск с фильмом. Она показывала им столько разных фильмов, и кто бы мог предугадать, что именно эта ужасная, вялая, ходульная британская комедия из ранних 1960-х вызовет у них столь неподдельный восторг и напрочь уничтожит ледяную невозмутимость, что они так долго сохраняли в ее присутствии. Она купила это видео два года назад, потому что Лора упомянула «Какую подставу!» среди прочих фильмов, на которых базируется ее исследование, попутно предупредив, что просмотр, возможно, вынудит ее ползть на стенку. Однако конец фильма — или, по крайней мере, финальный трюк —

был чудо как хорош своим поистине безбашенным нахальством и глупостью. По истечении полутора часов, заполненных несмешными шутками в адрес поддельных Лох-несских чудовищ, настоящее чудовище (само по себе удручающий образец низкобюджетных спецэффектов) вздымает поролоновую голову из воды и произносит два слова, спасших его от забвения, те самые два слова, что так развеселили Грейс и Софию. Нетерпеливо дожидаясь, когда им снова покажут последнюю сцену, они повторяли эти слова снова и снова, подражая раскатистому монотонному рыку чудовища.

— Последний раз, — сказала Рэйчел. — Последний, иначе мы опоздаем на поезд.

Было воскресное утро, и Рэйчел вторую неделю подряд отменяла свидание с Джейми. На сей раз не потому, что ее срочно вызвали в чужую страну ради десятиминутной помощи с домашним заданием. В это воскресенье она сама распорядилась своим временем (и договорилась встретиться с Джейми на следующий день, когда девочки будут в школе), твердо решив вытащить девочек из дома на целый день и повести их не в музей, не на выставку и не в изысканный ресторан, но туда, где они могли бы просто порезвиться, бездумно и от души. «Мир приключений» в Чессингтоне казался безошибочным выбором. Добираться туда нужно было на поезде, но и это обстоятельство отлично соответствовало ее плану. Она хотела, чтобы они увидели: не все в этой стране путешествуют в лимузинах с шофером. Существуют и иные виды транспорта.

Вылазка удалась на славу. Грейс больше всего понравился «Скорпионий экспресс», София склонялась в пользу «Гремучей змеи». Они радовались, когда в аттракционе «Мечь Рамзеса» на них обрушился поток воды, а с «Ярости дракона» сошли довольные, потрясенные головокружительной скоростью и трамплинами этой «железной дороги». Рэйчел либо стояла с девочками в очередях, либо наблюдала, как они катаются, а когда они проносились мимо на горке или на каруселях, пыталась их сфотографировать. Полгода назад она и вообразить не могла, что предпочтет провести целое воскресенье вот таким образом. Но в конце ее ждала награда, и ценная в придачу: когда они возвращались на Тернгрит-роуд, такими оживленными и разговорчивыми Рэйчел близняшек никогда не видела, и обе наперебой уверяли ее, что это был лучший день в их жизни. Им все страшно понравилось, даже ужасная «вредная» еда в парке и забитый до отказа и к тому же сильно опоздавший поезд, на котором они ехали домой. Сидя напротив Грейс и Софии в переполненном вагоне и наблюдая, с каким жадным любопытством они разглядывают

пассажиров, захваченные новизной происходящего, своим первым контактом с такой массой обычных людей, Рэйчел подумала, что, наверное, ей самой больше всего понравился именно этот отрезок их путешествия.

* * *

На следующий день она отправилась к Джейми в Крауч-Энд, где он снимал дом на паях еще с шестью студентами. За неполных 200 фунтов в неделю ему досталась крошечная, но отдельная комната на третьем этаже. Все комнаты в доме — включая те, что прежде были гостиной и столовой, — превратили в жилые и сдавали, поэтому Джейми если и выходил из своего убежища, то лишь за тем, чтобы спуститься на кухню, налить себе растворимого кофе или разогреть еду в микроволновке. В его комнате едва помещались односпальная кровать и детский туалетный столик, служивший ему письменным столом.

— В моем распоряжении часа два, не больше, — объявила Рэйчел, пояснив, что ей нужно забрать девочек из школы.

И она не обрадовалась, когда Джейми предложил посмотреть кино и не поддался на уговоры забыть на время о фильме, потому что речь шла о «Призраках», снятых Ником Брумфилдом, а в основу фильма легла трагедия, разыгравшаяся в 2004 году в заливе Моркембе и завершившаяся гибелью сборщиков моллюсков, и этот фильм был крайне необходим Джейми для работы над последней главой диссертации.

— Почему ты всегда думаешь о работе? — спросила Рэйчел. Прошлая неделя выдалась трудной и беспокойной, и на уме у нее было совсем иное, когда она ехала сюда.

— Это кино идет всего девяносто шесть минут, — сообщил Джейми, сверившись с обратной стороной коробки. — А потом мы можем заняться чем-нибудь еще.

Рэйчел нехотя согласилась, однако фильм о бедах молодой китайки, нелегальной иммигрантки, которой пришлось наняться на тяжелую и опасную работу к производителям продуктов, чтобы расплатиться со злыми людьми, контрабандой переправившими ее в Британию, увлек ее. Сюжет не мог не напомнить Рэйчел о Лю, китайском рабочем, подобранном Фиби в 2003 году. И какое странное совпадение: совсем недавно она попыталась изложить на бумаге схожую ситуацию. Когда фильм закончился, Джейми уселся за стол и начал что-то записывать.

— Тебе обязательно делать это сейчас? У меня в запасе примерно... полчаса. Максимум минут сорок.

— Погоди чуть-чуть, — попросил Джейми. — *Столько* мыслей возникло в связи с этим фильмом. Я бы мог ему целую главу посвятить.

Он торопливо черкал в блокноте, сосредоточенно морща лоб и не замечая того, что делает Рэйчел у него за спиной. А когда обернулся, то обнаружил, что она разделась и лежит в его кровати, накрывшись одеялом.

Джейми отложил карандаш:

— Вау. Я не знал... то есть...

— Ну так что, — перебила Рэйчел, — мы сделаем это или нет?

Он стянул с себя рубашку и улегся рядом. Рэйчел обняла его и поцеловала в губы долгим влажным поцелуем.

— На меня напали на прошлой неделе, — пробормотала Рэйчел, когда ладони Джейми заскользили по ее телу.

Он немедленно прекратил ласки и отпрянул:

— Что?

— Один парень зашел в гости... и попытался меня взять.

— Парень? Какой парень? Кто он?

— Мой знакомый. Друг Гилберта.

— Ты сообщила в полицию? Ты ведь пострадала.

— Могла пострадать. Но, к счастью, обошлось.

Джейми отодвинулся еще дальше, сел и разгневанно уставился на нее:

— Скажи мне его имя.

— Не скажу. Зачем?

— Скажи, как зовут эту сволочь.

— И что ты собираешься сделать?

— Пойду и набью ему морду.

Рэйчел крепилась, но не сдержалась и хихикнула:

— Брось. Ты?

— Да, я.

Она приподнялась, положила руки на плечи Джейми и притянула его к себе.

— Очень трогательно, любимый, но это последнее, чего бы мне хотелось. — Она снова поцеловала его.

— Чего же ты тогда хочешь? — спросил он.

— Немного нежности и любви было бы в самый раз.

Они занимались любовью дважды: первый раз медленно, ласково и к глубочайшему удовлетворению обоих, второй раз куда более страстно и жадно. И когда Рэйчел почувствовала, что вот-вот достигнет второго оргазма, зазвонил мобильный Джейми. К ее изумлению, он замер, намереваясь ответить.

— Какого черта ты делаешь?

— Прости, но это может быть важно.

— На хер телефон, — в пылу она укусила его в шею, — вот что важно.

Однако Джейми, свесившись с кровати, прочел имя, высветившееся на экране.

— Надо ответить. Это Лора.

Он взял телефон и начал разговаривать. В ярости Рэйчел распласталась на простынях, тяжело дыша от огорчения и досады. Она была на грани оргазма и не понимала, как он мог оставить ее в такой момент.

Рэйчел провела руками по волосам, затем по вспотевшей шее. Она была так взбудоражена, что поначалу не прислушивалась к тому, что говорит в трубку Джейми. Постепенно она сообразила, что Джейми и Лора договариваются о встрече на завтрашний вечер; проскользнуло слово «поезд». Далее Джейми спросил о каком-то человеке, что тоже должен был ехать с ними, но куда-то пропал: «Когда вы его в последний раз видели?..» До Рэйчел донесся голос Лоры с другого конца линии, и она поняла, что разговор затягивается. Ее терпение лопнуло. Она встала, прикрывая одеялом наготу, и молниеносно оделась. К тому времени, когда Джейми закончил разговор, она уже стояла у двери.

— Ты куда? — искренне удивился он.

— Возвращаюсь на работу. А *ты* куда собрался?

— Я? Никуда.

— Завтра, я имею в виду.

— А, это... Лора попросила поехать с ней в Шотландию. Разве я не сказал?

— Нет, в первый раз слышу.

— Поездку организует комиссия, в которой она состоит. Они решили прокатиться в Инвернесс.

— *Инвернесс?*

— Шотландский департамент туризма пригласил их, чтобы они назначили цену Лох-несскому чудовищу.

— Совершенный абсурд. И ты едешь, потому что...

— Лора считает, что мне это будет полезно. Ты ведь не против?

Рэйчел не ответила. Джейми озадаченно потер лоб:

— Странно, однако. Лорд Лукрэм, глава комиссии... его нигде не могут найти. Как сквозь землю провалился.

В любое другое время Рэйчел заинтересовалась бы исчезновением лорда Лукрэма. Но сейчас она испытывала столь тяжкий дискомфорт, физический и эмоциональный, что пропустила эту новость мимо ушей.

— Тогда пока, — сказала она. — И спасибо за фильм. Это было здорово.

Перед тем как уйти, она снова поцеловала Джейми в губы — короткий вежливый поцелуй, предвестник смертной агонии отношений, едва начавшихся.

Тишина вернулась. Стоило выключить телевизор, стоило девочкам улечься в постель, а их милой болтовне сойти на нет, как безмолвие проникало в дом, карабкалось по лестницам, просачивалось в каждую комнату зябкой сыростью.

Рэйчел старалась не замечать тишины. Притворялась, что все нормально. Садилась за компьютер, включала музыку. Погуглила сборщиков моллюсков в заливе Моркембе и, прочитав давнишние новости, добавила страничку к своим мемуарам. Однако ее одолевали мрачные предчувствия. Каждый мускул тела был напряжен, словно в предвидении опасности.

В интернете она иногда просматривала прессу и сейчас прочла кое-какие свежие статьи. *ПОМОГИТЕ НАЙТИ НАШУ ЖОЗЕФИНУ* — таков был заголовок одной из них.

Ей показалось, что из глубины сада донесся шум, негромкий, невнятный. Рэйчел выключила музыку и открыла окно. Извечный беспорядочный лондонский гул — более она ничего не услышала. Она выглянула в ночь. Посмотрела вниз, на яму. Ничего. Абсолютная неподвижность.

Недавнюю гибель семилетней девочки на Маршалловых островах можно было предотвратить, заявляет эксперт.

Крис Бакстер, операционный директор небольшой неправительственной организации «Безопасное пространство», специализирующейся на удалении неразорвавшихся снарядов, оставшихся после Второй мировой войны, не единожды пытался привлечь внимание общественности к этой маленькой группе островов. По его словам, местность, где играла девочка, к настоящему времени должна была быть очищена от взрывоопасного наследия войны.

«Наша программа по очистке данной территории была завершена на семьдесят процентов, — рассказал он, — когда контракт был передан одному из наших конкурентов, компании “Очистка Уиншоу”. На сегодняшний день, по моим сведениям, “Уиншоу” еще не приступала к работам на этом участке». Генеральный директор «Очистки Уиншоу», Хельке Уиншоу, была недоступна для комментариев.

В саду раздались хлопки. Видимо, опять угол брезента оторвался от креплений. Но как такое могло случиться?

Шорохи, поскрипывания. Будто под чьими-то подошвами разъезжается гравий... Все это в ее голове. Исключительно в ее воображении.

Усиливаются опасения за жизнь лорда Лукрэма, президента Института валютирования качества. Его местонахождение остается неизвестным уже десять дней.

Брезент хлопал все громче. Рэйчел решила выйти и посмотреть, в чем дело. Торопливо, на цыпочках она спустилась на один лестничный пролет, сама не понимая, почему ей кажется столь важным передвигаться как можно тише. Зеркальная дверь была распахнута, как у них с близняшками повелось в последнее время. Рэйчел тихонько прошла по коридору и заглянула в полуоткрытую дверь комнаты Софии. Девочки из детского каприза, наверное, спали в обнимку в одной кровати. Рэйчел слышала их легкое дыхание.

Снова вниз, теперь на два пролета, и вот она в кухне для персонала. Рэйчел включила свет. Затем очень осторожно отодвинула задвижку и открыла дверь. Холодный воздух мигом ворвался в кухню, окружил Рэйчел, сгреб в охапку. Она стояла на пороге, не осмеливаясь двинуться с места, потом наклонила голову набок, напряженно прислушиваясь, будто охотничья собака, вынюхивающая добычу.

Так она простояла секунд двадцать — и вдруг резкий неожиданный звук, в ночной тиши он прозвучал оглушительно, и Рэйчел едва не подпрыгнула на месте. Звонили в дверь.

Схватившись за сердце, Рэйчел ринулась наверх к экрану домофона.

Второпях она не заперла как следует дверь из кухни в сад, а пока стояла на пороге, прислушиваясь, не глянула вниз, под ноги. Иначе она увидела бы в нескольких дюймах над землей тонкий серебристый шнур, липкий и блестящий, — протянутый через дверной проем как растяжка, затем накрученный на водосточную трубу, шнур тянулся до самой ямы.

* * *

Рэйчел не узнала никого из двух мужчин, звонивших с улицы, но все же спустилась к ним, и оба предъявили полицейские удостоверения. Первому на вид было слегка за пятьдесят, второй выглядел лет на двадцать моложе.

— Пилбим, детектив-констебль отдела расследований, — представился молодой. — А это мой коллега, старший инспектор отдела расследований Кондоуз.

— Известный также как Кондор Ярда, — добавил его спутник с мечтательной улыбкой. — Так меня называют.

Рэйчел улыбнулась в ответ, хотя его реплика показалась ей странной и неуместной.

— Входите, — пригласила она и провела их через стройку в дом, а потом в гостиную.

Оба не сняли пальто, но, усевшись на диван, постарались расположиться поудобнее.

— Как вас называют? — удивился Пилбим. — Кондором Ярда?

— А вот называют, — резко ответил инспектор.

Не предложить ли им выпить, раздумывала Рэйчел, но отказалась от этой идеи. Пусть подобное предложение и было бы расценено как проявление дружелюбия, но, скорее всего, им не разрешено выпивать при исполнении служебных обязанностей.

— Кто? — констебль Пилбим явно не желал оставлять эту тему.

— Мм?

— Кто вас так называет?

— Все.

— Ни от кого не слыхал.

— Простите, — Рэйчел начинала терять терпение, — не пора ли объяснить цель вашего визита?

— Ах да. — Старший инспектор чуть подался вперед и заговорил официальным тоном: — Мы беседуем с мисс Рэйчел Уэллс, я полагаю?

— Совершенно верно.

— Вы работаете в качестве домашнего преподавателя у дочерей сэра Гилберта и леди Ганн?

— Да.

— Хорошо. Мы пришли, чтобы расспросить вас о пропавшем человеке, это обычная практика в расследовании. Вправе ли мы думать, что вы знакомы с неким Фредериком Фрэнсисом, старшим партнером фирмы «Налоговый менеджмент “Золотое дно”»?

— Я знаю мистера Фрэнсиса, да. Разве он пропал?

— Мистер Фрэнсис уже несколько дней не появляется дома, и никто его не видел в этот период. Его друзья выражают беспокойство. Вы удивлены?

— Тому, что он пропал, или тому, что его друзья беспокоятся о нем?

Детектив-констебль Пилбим улыбнулся. В отличие от старшего инспектора Кондоуза.

— Давайте без шуток, мисс Уэллс, дело обещает быть весьма серьезным.

— Но какое оно имеет отношение ко мне?

— В прошлый четверг, — начал Пилбим, сверяясь с записной книжкой, — мистер Фрэнсис выпивал в баре «Корень Генри» неподалеку отсюда. Он разговорился с одной из дам за стойкой и сообщил ей, что намерен навестить сюда, в этот дом. Ради того, чтобы встретиться с вами. Она заметила ему, что он слишком пьян для ухаживаний. — Констебль поднял глаза на Рэйчел: — Так он навещал вас в тот вечер?

— Да, — ответила Рэйчел, — мистер Фрэнсис заходил.

— В какое время?

— Примерно без четверти десять.

— Не могли бы вы рассказать, как проходила ваша встреча?

— В общем, обычный визит гостя, ничего особенного. — Рэйчел вдруг занервничала и отвечала уклончиво. — Мы... выпили вместе. Поболтали о том о сем.

— Какова была цель его визита, по-вашему?

— Он узнал, что я здесь одна присматриваю за детьми, и... наверное, пришел подбодрить меня. Мне неизвестно, куда он отправился потом.

— Когда он ушел?

— Без пяти десять... во всяком случае, до десяти.

— Понятно. Визит был очень коротким. И даже необычайно коротким, можно сказать.

— Да, можно.

— И вы видели, как мистер Фрэнсис вышел на улицу?

— Нет. Я слышала, как он вышел из дома. А потом я повела девочек наверх.

— Девочек? Они присутствовали при его посещении?

— Да.

— Но если я правильно понял, вы не знаете наверняка, покинул ли мистер Фрэнсис территорию, прилегающую к дому?

— Думаю, я бы заметила, если бы он прятался здесь на прошлой неделе.

— Ваша короткая беседа с ним, — вмешался инспектор Кондоуз, — была дружеской, мирной?

Рэйчел кивнула:

— Да, вполне.

— Вы не ругались? Не ссорились? И... никакой размолвки между любовниками?

— Он *не был* моим любовником. — В подтверждение своих слов Рэйчел повысила голос, но вдруг голос изменил ей, дрогнул и пропал.

Она опустила в кресло, обхватила голову руками. Констебль Пилбим

немедленно вскочил с дивана, присел на корточки рядом с ней, участливо положил ладонь на ее колено:

— Мисс Уэллс, вы в порядке? Вы, кажется, расстроились.

— Ох, я... Не совсем... Не знаю, со мной все нормально... Просто... Этот дом, — продолжила она, с трудом сдерживая слезы. — Я его ненавижу. По ночам здесь темно и пустынно, и мне начинает мерещиться всякое. И мне тревожно за девочек. Очень тревожно. Как бы с ними ничего не случилось.

— Но почему с ними должно что-то случиться?

— Не знаю. Здесь... таится какая-то опасность. Я чувствую, нет, я уверена.

— Именно об этом вы подумали, когда сюда явился мистер Фрэнсис? — спросил старший инспектор Кондоуз с другого конца комнаты. — О том, что он может представлять опасность для девочек?

Детектив-констебль Пилбим бросил на него укоризненный взгляд: ему не понравилась некоторая агрессивность в голосе инспектора. Сам он обращался к Рэйчел мягким, умиротворяющим тоном.

— Мисс Уэллс, — сказал Пилбим, — я хочу рассказать вам кое-что об этом деле и объяснить, почему мы считаем его таким важным.

Рэйчел утерла слезы и кивнула.

— Проблема в том, что мистер Фрэнсис — не единственный пропавший человек за последнее время в этом районе.

— Вот как?

— Старший инспектор Кондоуз и я подозреваем, что его исчезновение связано с пятью другими, случившимися в течение нескольких недель. Первой пропала мисс Жозефина Уиншоу-Ивз, журналистка. Затем мистер Джайлз Трендинг, генеральный директор «Стёркус Телевижн». Третьим пропавшим стал Филип Стэнмор, директор компании «Санбим Фудс». Затем Хельке Уиншоу, глава компании «Очистка Уиншоу». А также лорд Лукрэм, президент Института валютирования качества. Мистер Фрэнсис — шестой исчезнувший. Единственное, что объединяет эти случаи, — все они либо жили, либо их последний раз видели в радиусе нескольких сот ярдов от этой улицы.

— Не только, — добавил инспектор Кондоуз, — есть еще кое-какие общие моменты.

— На самом деле нет. — Пилбим встал и принялся расхаживать по комнате. — Но в этом пункте наши гипотезы, моего коллеги и моя, расходятся.

— Мой *младший* коллега, — перехватил инициативу Кондоуз, —

замечательный молодой человек. Он убежден, что на любое преступление необходимо взглянуть под политическим углом зрения, иначе преступника не поймать. Признаться, его теории уже не раз приносили впечатляющий результат. Так что в данном случае мы намерены исходить из тех же предпосылок.

— Однако, — сказал Пилбим, — наученные опытом, мы должны избегать поспешных и наиболее очевидных выводов, даже если они представляются...

— Натан, то, что объединяет этих шестерых, ясно как день. И лишь потому, что это связующее звено обнаружил я...

— Какое звено? — вмешалась Рэйчел, не дожидаясь, когда их спор превратится в перепалку.

— Все предельно просто, — ответил Кондоуз. — В прошлом месяце все шестеро присутствовали на приеме в номере 11 по Даунинг-стрит. — Он с вызовом поглядел на детектива-констебля Пилбима. — Что? Разве не так?

— Так. Действительно так. Я не отрицаю. Но все же думаю, нам следует смотреть *шире*...

— Куда уж шире? — саркастично отозвался Кондоуз. — И на что? Что *еще* у нас есть?

— Кое-что имеется, — ответил Пилбим. — Семья Уиншоу, например.

— Только не надо опять заводить эту пластинку! — замахал руками Кондоуз. — Сколько раз вам повторять? Лишь двое из них были членами семьи Уиншоу, причем одна из этих двоих просто взяла фамилию мужа.

— Верно, — подтвердил Пилбим. — Но не стоит забывать и о других контактах внутри этой шестерки. Мистер Трендинг возглавляет оргкомитет Премии Уиншоу, основанной в честь Родерика Уиншоу. Мистер Фрэнсис начинал трейдером в банке «Стюардс» в качестве протеже Томаса Уиншоу. Лорд Лукрэм некогда работал...

— ...с Генри Уиншоу в комиссии, что рыла подкоп под государственное здравоохранение.

— Точно. — Погруженный в собственные размышления, Пилбим едва отдавал себе отчет, откуда пришла подсказка. — А компания Филипа Стэнмора «Санбим Фудс»...

— ...крупнейшее подразделение «Группы Брануин», которой в семидесятых и восьмидесятых управляла Дороти Уиншоу.

— Именно! — Пилбим повернулся к своему коллеге: — Неужели вы не видите? Мы должны копнуть глубже. Вы уже прочли книгу? Ту, что я вам дал?

— Какую книгу? — проворчал старший инспектор Кондоуз.

Пилбим закатил глаза.

— «Наследие Уиншоу» Майкла Оуэна! Все, что нужно знать об этой семье... — Он умолк, его внимание привлек предмет, лежащий на крышке рояля.

Он подошел поближе — это была книга. Пилбим взял том в руки.

— Но... это поразительно, — пробормотал он. — Та самая книга, о которой я говорю. Но как... Зачем...

Рэйчел отняла у констебля книгу, руки у нее дрожали:

— Я ее читаю. Приятельница порекомендовала.

— Понятно. — Отступив на шаг, Пилбим посмотрел на Рэйчел иначе, более пристально. — Вот, значит, откуда вам известны связи между пропавшими и семьей Уиншоу, которые я только что перечислил?

— Да, — ответила Рэйчел. — В общем и целом.

— Интересно... — протянул Пилбим. — Очень интересно.

Он сверлил ее взглядом, и длилось это столь долго, что Рэйчел отвернулась и громким, хотя и не твердым голосом объявила:

— Я не имею никакого отношения к исчезновению мистера Фрэнсиса. И к другим пропавшим тоже. Я *в принципе* не имею отношения ко всему этому. Меня вообще не должно было быть в этом доме. Мне здесь не место.

Губы ее дрогнули, и она замолчала. На сей раз сжалился над ней старший инспектор Кондоуз, а не его младший коллега. Поднявшись с дивана, инспектор добродушно произнес:

— Разумеется, нет, мисс. Нам это известно. Не обращайтесь внимания ни на него, ни на его теории. — Он похлопал коллегу по плечу: — Идемте, Пилбим. Нам пора. И послушайте меня в кои-то веки: я знаю, в каком направлении надо двигаться. Взгляните на список гостей на том приеме, ваш подозреваемый среди них. Номер 11 — ключ к разгадке, говорю я вам. Все просто, проще не бывает!

* * *

Полицейские ушли. Дом опять затих.

Рэйчел вернулась в гостиную, открыла шкафчик с напитками и достала бутылку «Лагавюлена» двадцатилетней выдержки. Может, и не стоило расходовать столь редкий и ценный виски лишь на то, чтобы успокоить нервы, но Рэйчел было уже все равно. Она налила бокал на три четверти и села на вращающийся табурет у рояля; пила она неторопливо и методично. Время от времени ее взгляд падал на книгу, лежавшую на рояле. Как она попала туда? — задавалась вопросом Рэйчел. Она не помнила, чтобы

приносила книгу вниз, однако сознавала, что в последнее время стала забывчивой и крайне рассеянной.

Она почти прикончила виски, когда услышала странный звук. Дробный, шелестящий, похожий на топот ног по мраморной плитке. Рэйчел встала и медленно пересекла гостиную. Остановилась в шаге от распахнутой двери, прислушалась. Затем очень осторожно подкралась к дверному проему и выглянула в прихожую.

Пусто.

Просторная прихожая была пуста, но что-то изменилось. Рэйчел понадобилось немного времени, чтобы сообразить, в чем дело. Лестничные балясины были чем-то обвиты. У Рэйчел от сердца отлегло, она решила, что девочки вздумали подшутить над ней: стибрили катушку ниток или бельевую веревку внизу и намотали на балясины. Но, подойдя к лестнице поближе, Рэйчел поняла, что это не веревка. Это тонкая нить явственно серебристого цвета. Она потрогала ее, и нить прилипла к ее руке.

Отряхнув руку, Рэйчел двинулась по коридору вдоль нити, и та привела ее к лестнице, ведущей на хозяйскую кухню. Дальше ей ходу не было, а препятствие, преградившее путь, вызвало у нее оторопь. Она стояла перед гигантской паутиной, сплетенной из той же клейкой тончайшей нити.

Рэйчел в ужасе уставилась на паутину, но вскоре — где взяла силы и мужество, она не знала, — уже лихорадочно, без остановки рвала серебристую сеть. Паутина липла к плечам, ногам, особенно к лицу, и все же, задыхаясь от усилий и отвращения, Рэйчел наконец прорвалась сквозь нее и бросилась вниз по лестнице в кухню, где было темно. Холодея от страха при мысли, что она может увидеть, Рэйчел щелкнула выключателем.

Ничего и никого.

Она побежала обратно в прихожую, оттуда наверх в комнату Софии. Девочки по-прежнему спали, ни в чем не повинные, ангелоподобные. Через зеркальную дверь на половину для прислуги, затем бегом по узкой лестнице на кухню для персонала. Здесь нити и паутина висели повсюду. Из-за них на кухне было жарко и душно. Рэйчел продиралась сквозь эту завесу — одна особо крепкая нить попала ей в рот, и Рэй прокусила ее, едва не задохнувшись от горького, едкого вкуса, — пока не добралась до ящика с ножами, рывком открыла его и выхватила самый большой, самый острый, самый убийственный разделочный нож с лезвием длиной не меньше десяти дюймов.

Она обернулась на дверь, ведущую во двор. Дверь была отворена. Кем?! Неужели это она сама? Это было крайне легкомысленно с ее

стороны.

Дверной проем был затянут невероятно крепкой и плотной кисеей, но Рэйчел, орудуя разделочным ножом, пробилась сквозь нее и ринулась напрямик к тому углу ямы, где хлопал под ветром брезент. Вдалеке завывала сирена, вой становился громче, приближаясь, а потом растаял в отдалении. И это напоминание о том, что совсем рядом течет нормальная жизнь, лишь еще ярче высветило кошмарную нереальность ситуации, в которую угодила Рэйчел.

Нить, спускавшаяся в яму, была толщиной с веревку. Рэйчел пилила ее ножом, пилила, и та наконец лопнула, издав звук порванной струны. Рэйчел торжествовала. Приподняв брезент, она глянула вниз.

Ничего не видно. Лишь зияющая пропасть, бездонная чернота.

Рэйчел напрягла зрение. Некие очертания проступили сквозь тьму. Подпорки? Строительные леса? Или огромная лестница, вделанная в стену? Не разобрать.

Рэйчел продолжала вглядываться в темноту. Рукоятка ножа, что она сжимала в руке, стала мокрой от пота. А затем она наконец кое-что увидела. Глубоко под землей, на расстоянии более сотни футов, внезапно вспыхнули два огонька. Пара глаз. Тот, кому принадлежали эти глаза, увидел Рэйчел и пялился на нее.

Рэйчел выдержала взгляд этой твари, не отшатнулась. Затаив дыхание, еще крепче стиснула рукоятку ножа. Ей казалось, ее гипнотизируют. Она не могла пошевелиться.

А затем на дне ямы появились еще два янтарных огонька. Потом еще два, и опять два новых, затем четыре, а за ними и целая дюжина. Вскоре Рэйчел осознала, что на нее глядят по меньшей мере пятьдесят пар глаз.

Она по-прежнему не могла выйти из оцепенения. Не могла заставить себя оторваться от края ямы, пока не зашевелились сами «гипнотизеры». Повинуясь некой коллективной воле, твари вздрогнули и плавно, бесшумно, с немыслимой ловкостью поползли вверх по голым стенам ямы. Ползли они быстро, неутомимо. Спустя считанные секунды они уже были ярдах в пятидесяти от Рэйчел. Огоньки приближались к ней, и ни на миг эти твари не спускали с Рэйчел глаз.

И только тогда она закричала. И с криком бросилась бежать обратно в дом, где захлопнула кухонную дверь, заперла на засов, взлетела по лестнице, промчалась по одежной кладовой, затем метнулась вверх по ступеням на первый этаж, на второй, на третий, и зеркальная дверь вывела ее на другую половину дома.

Прежде чем пройти через эту дверь в последний раз, она выглянула в

окно на лестничной площадке. Пауки уже были в саду: опрокидывали строительные аппараты, взбирались по садовой ограде, ломали растения на шпалерах. А некоторые пытались проникнуть в дом.

Рэйчел ворвалась в комнату Софии, разбудила девочек.

— Вставайте! Одевайтесь! — кричала она. — Мы уходим *сию же минуту!*

Девочки вылезли из постели, сонные, недоуменно протирая глаза.

— Зачем? А где наша одежда?

— Не до нее сейчас! Наденьте халаты.

Девочки кое-как натянули халаты. Грейс запуталась в рукавах и сообразила, что пытается надеть халат наизнанку. София ковырялась целую вечность, завязывая пояс.

— Идите за мной, — приказала Рэйчел.

Она крепко схватила за руку Софию, та взяла за руку Грейс, и так, гуськом, они вышли на парадную лестницу. И наткнулись на две толстые сверкающие паутины. Рэйчел наскоро порубила их ножом.

— Почему вы размахиваете ножом? — спросила Грейс.

— Зачем вам *вообще* нож? — спросила София.

Добрались до прихожей, и Рэйчел распахнула входную дверь. Три паука сгрудились у подножия крыльца, загораживая проход к щитовому заграждению. Они были огромными, раздутые тела поблескивали в лунном свете, отливая пронзительной ядовитой зеленью.

— Держитесь за моей спиной, — сказала Рэйчел. — Нам нужно их обогнуть.

Девочки дожидались на крыльце, пока Рэйчел спускалась по ступеням с ножом в вытянутой руке. Маленькие, враждебные, выпуклые глазки пауков были прикованы к лезвию. Рэйчел замахнулась на них ножом, и пауки зашипели, приподнялись на задние лапы и медленно попятились.

— Вперед! — крикнула Рэйчел девочкам. — К выходу! Бегом!

Грейс и София сбежали с крыльца, рванули по строительному мусору, мимо временного офиса и остановились, тяжело дыша, у заграждения. Рэйчел догнала их, она пятилась спиной, отпугивая ножом чудищ. Отперла электронный замок и толкнула плечом дверь. Они выбежали на улицу.

— Куда мы идем? — заныла София. — Я больше никуда не хочу. Я хочу обратно в постель.

Они были на улице, но не в безопасности. Твари были и здесь. Кишели свирепыми полчищами, расползались по тротуару и проезжей части, сея разрушения на своем пути. Вскарabкивались на автомобили, переворачивали их, корежили мощные ряды джипов, «порше» и «ягуаров».

Взбегали по стенам высоких горделивых особняков, вгрызаясь в кирпичную кладку, разбивая стекла. Собственность была их первой целью; за ней последуют люди. Было полнолуние, и, куда ни посмотри, Рэйчел повсюду видела зеленые тела этих гнусных насекомых-мутантов, что ползли по белой штукатурке стен, а потом победоносно выпрямлялись во весь рост между дымовыми трубами на крышах. Ночной воздух взорвался визгливыми резкими звуками — симфонией сигнализаций в домах по всей улице.

— Быстрее! — крикнула Рэйчел близняшкам. — У нас еще есть время!

Схватив Софию за руку, она бросилась бежать, увлекая девочек за собой. Чудесным образом мерзкие разгулявшиеся твари отступали, не мешая им продвигаться вперед. И остановил их в итоге в самом конце улицы вовсе не паук, но человек, мужчина. Старший инспектор Кондоуз выскочил из-за угла и приемом игрока в регби повалил Рэйчел на землю, а детектив-констебль Пилбим высвободил нож из ее сомкнутых пальцев.

— Все хорошо, — повторял кто-то из них. — Успокойтесь. Теперь все в порядке. Все спасены.

Они удерживали ее, распростертую на асфальте, пока дыхание у нее не выровнялось, не успокоилось, пока не смолк трезвон сигнализаций, а пауки не ретировались в свои подземные жилища. И пока Рэйчел вдруг не осознала, что, не считая всхлипываний Грейс и Софии, мир затих и опустел.

19

Элисон ни о чем конкретном не думала. Она сидела в кресле в эркере, глядя, как солнечный свет выписывает затейливые тени на старом красно-желтом узорчатом ковре. Странно, этот ковер она очень хорошо помнила, хотя видела его лишь однажды более двенадцати лет назад. Сам дом мало изменился. Да и Беверли остался прежним — не считая дома номер 11 по Лишнему переулку, где срезали и убрали лиственный птичий вольер. Там теперь жила состоятельная семья, новые жильцы привели в порядок сад, заменили входную дверь и покрасили рамы на окнах. Куда подевалась Фиби? Никто не знал.

Бабушка Рэйчел была, как всегда, спокойной, дружелюбной — а уж как она обрадовалась приезду Элисон и Рэйчел, пусть и всего на день! — но нельзя было не почувствовать, что отсутствие ее мужа пронизывает каждый уголок дома, словно покрывая все вокруг тонким слоем пыли; при жизни его присутствие было менее заметно. Сама бабушка будто

скукожилась, усохла почти до бестелесности. Она бродила по дому, из кухни в гостиную, из ванной в спальню, ступая бесшумно, как привидение. И, сидя на солнце, задремывая, Элисон не услышала, как ба вошла в комнату и тихонько опустилась на диван.

— Рэйчел говорит, что твоей маме улыбнулась удача.

Элисон вздрогнула от звука ее голоса, обернулась:

— Да, так и есть.

— Посвятишь меня в подробности?

— Ну... — В последнее время Элисон рассказывала эту историю многим людям множество раз, но ей до сих пор было трудно поверить в случившееся. — Мама ехала домой с работы днем, как обычно, и вдруг звонок на мобильный, звонила одна девушка, они вместе участвовали в реалити-шоу. Даниэль Перри. Она то ли певица, то ли актриса... Я не очень в курсе, чем она занимается.

— Знаю, о ком ты, — кивнула ба, — такая красотка.

— И она сказала, что хочет записать мамину песню. Ту, что мама пела в джунглях, где снимали передачу. «Ко дну и вплавь». И записала-таки. И песня очень хорошо продается. Она и в чартах, и везде.

— Я так рада, — сказала бабушка. — И, полагаю, мама на этом подзаработает?

— Да, ей уже кое-что перепало. Правда, не слишком много.

— Везенье никогда и никому не помешает. Знаешь, Джим играл в лотерею. Каждую неделю. И ни разу ничего не выиграл. — Ба смотрела на Элисон, но будто сквозь нее. — Я так и вижу, как он сидит на этом кресле, зачеркивает номера. Это было его любимое кресло. И здесь он больше всего любил сидеть.

Элисон приподнялась:

— Хотите, я уступлю его вам, миссис...

— Не глупи. Ты там уютно устроилась. Наслаждайся солнышком. Время дня самое подходящее.

Бабушка сидела на краешке дивана, сжимая в обеих руках кружку с надписью «Лучшей в мире ба» — давнишний рождественский подарок Рэйчел.

— По утрам здесь тоже хорошо. Он всегда сидел здесь, да, когда я спускалась из спальни. Подждал мальчику-разносчика газет.

Элисон улыбнулась, не зная, что сказать.

— С этого и начинался день. Я спускалась вниз. Ставила чайник. Заваривала чай. — Рассеянная полуулыбка появилась на лице ба. Казалось, эти воспоминания согревали ее. — Газету приносили. Он открывал ее

сразу же. Я готовила завтрак, варила ему овсянку. Звала его, и мы вместе завтракали на кухне. После завтрака он садился за компьютер. Он обожал свой компьютер. Это была его самая дорогая и любимая вещь. Писал письма или оплачивал счета, если надо было. А я оставалась внизу. Разгадывала кроссворды. До полудня мы снова пили чай. Вместе. Здесь. Он в этом кресле, где ты сейчас. А потом я отправлялась по магазинам. Обедали на кухне. Обычно только одним супом. Я томатным, он грибным. Он включал радио. Ему всегда хотелось послушать новости в час дня. Затем, если погода позволяла, мы выходили в сад. Он гордился нашим садом. Садовника у нас отродясь не было, никто нам не помогал. Мы все делали сами до самого конца. Подправляли лужайку, стригли изгородь. Потом он уходил в дом передохнуть. Усаживался в это кресло. Здесь солнечно, и ему это нравилось. Спустя час или около того я включала телевизор. Смотрела телевикторины и все такое. Он не любил эти передачи, поэтому уходил наверх к своему компьютеру. Мы были в разных комнатах, но я всегда знала, что он здесь, всегда знала, что он в доме. Ужин в шесть. Мы с этим никогда не запаздывали. Мы оба любили простую еду. Жареные грибы он мог есть каждый день и с чем угодно. Иногда мы ужинали только грибами на тостах. И всегда спорили, какую передачу будем смотреть. Он предпочитал новости, текущие события — политику, словом. А мне нравились пьесы и комедийные программы, что-нибудь смешное, но сейчас эти передачи уже не такие хорошие, как раньше, правда? Вечером, перед тем как пойти спать, он выпивал виски. Совсем немного. Вреда от этого никакого, наоборот. Виски помогал ему заснуть. Ложился он рано. Всегда до одиннадцати. Включал радио, но негромко. По-моему, ему просто нравилось слушать голоса. А я была внизу. Приканчивала кроссворд или еще чем занималась. Сверху до меня не доносилось никаких звуков, но мне и не надо было. Хватало того, что я знала: он там.

Ба умолкла, сторбилась над кружкой; она не плакала, но казалась такой немощной и усталой. Лучи послеполуденного солнца выискивали морщины на ее лице, углубляли складки кожи на шее.

Элисон поднялась, подошла к ней. Обняла за худые костлявые плечи, наклонилась, увидела белую кожу, просвечивающую сквозь поредевшие, зимнего цвета волосы. И поцеловала ба в макушку долгим нежным поцелуем.

— Рэйчел зовет тебя, — сказала бабушка. — Кажется, ей нужна твоя помощь.

* * *

Рэйчел сидела у верхушки сливового дерева, подставив лицо солнцу, теплым нежным лучам. Ей нравилось сидеть среди листвы этого дерева — нравилось с детства — и любоваться открывающимся видом: соседскими садами, размеренной аккуратной пригородной жизнью, что протекала у нее под ногами, и вздымающимися вдалеке серовато-кремовыми шпилями старинного собора.

Она глянула вниз, когда к дереву подошла Элисон:

— Самое время. Где ты пропадала?

— Болтала с твоей бабушкой. Ты там в порядке?

— Абсолютно. Здесь очень уютно.

— Тебе нельзя перенапрягаться.

— Со мной все нормально. И уже давно. Но все только и делают, что беспокоятся обо мне. Пора бы уже прекратить.

И действительно, Рэйчел выглядела много здоровее, чем даже месяц назад. После выписки из больницы она жила дома с матерью, отдохнула, набралась сил и снова чувствовала себя хорошо. К воспоминаниям о своем недавнем прошлом она более не возвращалась.

— Тогда за работу, — сказала Элисон. — Сливы сами не слезут с дерева. Кидай их сверху, а я буду ловить в корзину.

— Классная идея.

Рэйчел потянулась к самой дальней ветке. Урожай снова выдался отменным. Сливы были пурпурными, сочными, в меру созревшими, с тонкой матовой кожицей.

Когда Рэйчел сорвала первую сливу, из-под нее выскочил паук. Рэйчел вытянула руку, и паук побежал, перебирая лапками, по ее белой коже до подмышки, откуда благополучно перебрался в безопасное место. Рэйчел смотрела, как он исчезает между трещинами в коре. Затем она бросила Элисон сливу:

— Лови!

И началось: одна кидала, другая норовила поймать, пока через минут Элисон не остановила игру вопросом:

— Ты скучаешь по Джейми, Рэйч?

— Слегка. — Рэйчел бросила очередную сливу. — А ты по Селене?

— Слегка.

— Уф, если хочешь знать мое мнение, — сказала Рэйчел, — нам обоим лучше, когда мы одни.

— Точно, ты права, — согласилась Элисон. — Хотя... — Некая мысль

внезапно мелькнула у нее в голове: — Может, нам стать парой?

— Ты и я? — расхохоталась Рэйчел. — Мечтай. «Эту леди не обратить».^[25]

— Ну и пожалуйста, — ответила Элисон. — Ты все равно не в моем вкусе.

Рэйчел опять засмеялась и сорвала еще одну сливу. Отерла ее о футболку, надкусила. Сочный сладкий плод таял во рту. Это был вкус детства, вкус дома, вкус осеннего солнца.

20

Меня зовут Ливия, я родилась в Бухаресте. В Лондоне живу пять с лишним лет, работаю — выгуливаю собак очень богатых людей.

Но это не все.

Странные вещи происходят в этой части Лондона. Шесть человек пропали, их так и не нашли. Полиция продолжает поиски, ищет, за что бы зацепиться. Они и ко мне приходили с расспросами. Но реальную зацепку так и не заметили.

У всех шестерых были собаки.

Я — Ливия, родом из Бухареста. В Лондоне я живу пять лет, и мне знакомы не только улицы этого города, но и его потайные места — над землей и под ней. И самое глубоко упрятанное из них, самое потайное находится под высоким домом на Тернгрит-роуд, под одиннадцатью подземными этажами, под винным погребом, и хранилищем ценностей, и бассейном, где растут пальмы.

Там, под всем этим, есть туннель. А в конце туннеля комната. И там они висят во тьме. Каждый обернут в кокон из серебристых нитей. Караулит их мстительное чудище с янтарными глазами.

Моя месья принимает различные формы. Мое тело принимает различные формы.

В моей стране, хочу добавить, бытует поговорка: *După faptă și răsplată*. Что означает «Мера за меру, зуб за зуб».

Если вам понятна поговорка, вы поймете и мою натуру. Я не милосердна. Я не справедлива. Меня нельзя укротить. Я нападаю на кого хочу и на что хочу.

Я не гневаюсь. Я и есть гнев.

Возможно, вы испытываете жалость к моим жертвам. Это ваш выбор. Вам решать, кому сопереживать — им или мне.

В конце концов, убеждена я, мы все свободны в своем выборе.

Благодарности

На историю под названием «Хрустальный сад» меня вдохновило одноименное произведение Гарольда Бадда, записанное в 1978 г. и включенное в его альбом «Павильон снов».

Майкл О'Лири, Эндрю Ходжкисс, Ральф Пайт, Филипп Оклер, Джорджия Пауэлл и Вера Михальски оказали мне ценную помощь в сборе материала. Моя сердечная им благодарность, но более всего Луизе Ле Мэй, разрешившей позаимствовать ее прекрасную песню «Ко дну и вплавь» и сделать эту вещь стержневым элементом истории Вэл.

Примечания

1

Дэвид Ноббс (1935–2015 гг.) — английский писатель, комедиограф, в чьих романах природа человека и личностных взаимоотношений исследуется с гуманистических позиций.

2

Перевод Максима Немцова.

3

Имеется в виду культовая музыкальная программа Би-би-си, просуществовавшая более сорока лет — с 1964 по 2006 год. — *Здесь и далее примеч. редактора.*

4

Детская настольная игра, основанная на мнемонической системе развития памяти. В детскую игру этот метод перекочевал из «пелманизма», психологического учения о памяти, разработанного в конце 19 века У. Дж. Энневером.

5

Я сделал это (*кит.*).

6

Существует легенда о том, как Кнуд Великий (995–1035), король Дании, Англии и Норвегии, повелевал волнами. Устав от лести и подхалимства придворных, Кнуд, в ответ на замечание, что король способен усмирить и море, наглядно продемонстрировал, что подвластно ему отнюдь не все.

7

Название отрезка Темзы, что течет через Оксфорд.

8

Поэма Джона Мильтона, написанная в 1637 г.

9

Искаженная цитата из «Потерянного рая» Джона Мильтона.

10

Так же называется роман Джонатана Коу, русский перевод которого выходил в «Фантом Пресс».

11

«Хрустальный сад» (*нем.*).

12

Один из героев романа Дж. Коу «Дом сна» (издан в «Фантом Пресс»).

13

Возлюбленная (*ит.*).

14

Паста в помидорном соусе; дословно «перья от путаны» (*и т.*).

15

Имя героя романа британского авангардного писателя Б. С. Джонсона «Двойная бухгалтерия Кристи Молри» (1973) и одноименного фильма, снятого британским режиссером Полом Тиквеллом (2000).

16

Трейси Эмин (р. 1963) — одна из наиболее известных современных британских художниц.

17

Шведского стола (*швед.*).

18

Закуски (*фр.*).

19

Атолл Кваджалейн в основном знаменит военно-морской базой США.

20

Высотное здание в центре Лондона, до 2015 г. использовалось под офисы.

21

Гвоздь программы (*фр.*).

22

Скромный до чрезмерности (*фр.*).

23

Между 1932-м и 1967-м гг. (*фр.*).

24

Дом № 11 на Даунинг-стрит — официальная резиденция канцлера казначейства Великобритании.

25

Фраза, прославившая Маргарет Тэтчер, когда в 1980 г., вопреки требованиям оппозиции, Тэтчер наотрез отказалась свернуть либеральные реформы и сменить экономический курс на противоположный.